

ГЕРХАРД ТЕРСТЕГЕН

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ.
ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

*Перевод с немецкого
игумена Петра (Мещеринова)*

ББК 86.37
УДК 27-29
Т35

Терстеген Герхард. **Жизнеописание. Избранные письма.** Перевод с немецкого игумена Петра (Мещеринова). — М.: Практика, 2022. — 512 с.

Т35

Герхард Терстеген (1697–1769) — немецкий мистик, поэт, пиетист, в своей жизни и творчестве наиболее полно и зрело выявивший исконную западно-церковную аскетическую традицию. До недавнего времени имя Терстегена было совсем неизвестно в России, и только в 2018 году впервые на русском языке вышел его главный труд «Путь истины». «Избранные письма» продолжают знакомить заинтересованного читателя с сочинениями Терстегена. Здесь он предстаёт перед нами как опытный пастырь, которому открыты глубины человеческой души и всевозможные тонкости её взаимоотношений с Богом. Несколько архаичный, подчас тяжёлый стиль, а главное — достаточно резкие и бескомпромиссные суждения понравятся не всем. Но кто по-настоящему желает понять, что есть внутренняя духовная жизнь во Христе, тот откроет для себя в этой книге весьма многое, что его утешит, ободрит и вразумит.

ISBN 978-5-89816-189-7

© Перевод, предисловие, примечания: игумен Пётр (Мещеринов В. А.), 2022

© Оформление: Издательский дом «Практика», 2022

В оформлении обложки использованы фрагменты офорта Рембрандта «Три дерева» (1643, Рейксмузеум, Амстердам).

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Эта книга рассматривает весьма узкий круг тем, и предназначена она для очень узкого круга людей. Автор постоянно возвращается к одному и тому же: любящий нас Бог неизречно близок к нам, близок внутренне, сердечно. Каждому христианину через искупительный подвиг Господа Иисуса Христа Духом Святым отверст путь к внутреннему богообщению. Но прохождение этого пути требует полного самоотвержения и непрестанной молитвы и представляет собой крест.

Эти истины выражены настолько прямо и бескомпромиссно, что у современного человека могут вызвать оторопь. Современный человек не в состоянии воспринимать такие вещи. Я даже не говорю о том, что библейскому возвещению о напряжённой и всеохватывающей жизни с Богом сегодня многое препятствует. Осложняет положение и то, что в самом христианстве многие духовные понятия воспринимаются искажённо. Скажем, в нынешнем православии одни люди под словами «крест», «молитва», «самоотвержение» понимают внешнеаскетические вещи («изнуряй плоть свою голодом и бдением»; добродетели суть «пост, бдение, спание на голой земле» и т. д.¹), а другие, искренно испробовав все эти «до-

¹ Преподобный Максим Исповедник. См: Добротолюбие. М., 1900. Т. 3. С. 168, 188.

бродетели» на себе, слов о кресте и слышать уже не могут. Сегодняшние протестанты в массе своей плохо знают свою же традицию и, ознакомившись с предлагаемыми текстами, скорее всего, не примут автора за «своего». А люди просто интересующиеся, прочитав несколько страниц, воскликнут: «Архаика и изуверство!» — и отбросят книгу.

Но кто по-настоящему ищет Бога, кто прошёл круги расцерковления (в православии или в католицизме) или пресытился поверхностностью (в неопротестантизме), но не перестал жаждать жизни с Господом Иисусом Христом — тот не сможет не «влюбиться» в эту книгу. Читать её можно с любого места, а можно по темам — как кому придётся. Читать понемногу (это тексты такой концентрации, что много и не получится), с молитвой — и тогда ищущему христианину откроется великое богатство того, что его утешит, ободрит и вразумит.

II

Принадлежат впервые опубликованные на русском языке в этой книге письма перу Герхарда Терстёгена (1697–1769) — немецкого мистика², поэта, пиетиста, последнего великого представителя и «подытоживателя» исконной западноцерковной аскетической традиции. Подробная биография Терстегена изложена мной в предисловии к главному его труду «Путь истины»³. В настоящем издании я решил отказаться от её дублирования. Вместо

² Под словом «мистика», «мистический» здесь и далее понимается христианский опыт личного богообщения, внутренней жизни человека в Боге.

³ См. *Терстеген, Герхард*. Путь истины. М., 2018. С. 7–41. Электронные версии: <https://igpetr.org/zhizneopisanie-gerharda-tersteegen/>; <https://bog-slov.ru/article/5867284>. Книга целиком: <https://igpetr.org/book/gerhard-terstegen-put-istiny/>.

этого читателю предлагается нечто гораздо более интересное — аутентичное «Жизнеописание блаженнопочившего Герхарда Терстегена», предпосланное второму тому его немецких писем, вышедшему в свет в 1775 году⁴. Историческая достоверность и надёжность этого источника, составленного через несколько лет после смерти Терстегена, безусловно принимается всеми исследователями его жизни и творчества. В терстегеноведении этот документ именуется «Старым жизнеописанием» («Alte Lebensbeschreibung»). Помимо собственно биографии нашего героя здесь представлено множество интересных исторических сведений, превосходно передающих духовную атмосферу той эпохи. Составителем «Старого жизнеописания» считается один из близких друзей Терстегена Якоб Энгельберт Тешемахер (1711–1782), органист и органный мастер из Эльберфельда⁵. Основой «Жизнеописания» послужили ещё свежие воспоминания ближайших друзей Терстегена, а также письма последнего, особенно его переписка с некоей знатной голландской дамой Марией д'Орвиль⁶.

«Старое жизнеописание» переведено мною целиком (современные неакадемические немецкие издания приводят его в сокращении⁷) и снабжено множеством поясняющих примечаний; соответственно, сноски оригинала вно-

⁴ Geistliche und erbauliche Briefe über das inwendige Leben und wahre Wesen des Christenthums von weyland Gerhard Tersteegen. Samt dessen Lebens-Beschreibung. Zweiter Band, III Teil. Solingen, 1775. S. 3–105.

⁵ Эльберфельд — сегодня часть г. Вупперталь в немецком Северном Рейне — Вестфалии.

⁶ См. примеч. 24 к «Жизнеописанию». Подробнее о редакторах и истории составления «Alte Lebensbeschreibung» см.: *Ludewig, Hansgünter*. Mein Leben sei ein Wandern. Die geistliche Biographie Gerhard Tersteegens. Giessen, 2019. S. 19–24.

⁷ См., напр.: *Tersteegen, Gerhard*. Wir sind hier fremde Gäste. Wuppertal, 1980. S. 3–36. Я воспользовался этим изданием для раскрытия некоторых аноним-

сились непосредственно в текст, чтобы не было путаницы. Публикация «Жизнеописания», я надеюсь, заинтересует и научное сообщество: впервые в русский богословский и культурный оборот вводится один из значительных источников по истории Западной Церкви XVIII века.

Отметим здесь некоторые особенности духовно-церковной среды, в которой пребывал Терстеген. Родился он 25 ноября 1697 года в Мёрсе, с шестнадцати лет и до кончины жил в Мюльхайме-на-Руре⁸. Этот маленький городок между Эссенем и Дуйсбургом был одним из центров пиетизма⁹ — возникшего в XVII веке внутри протестантизма широкого движения, ставящего своей целью обращение людей от сухого догматизма и формальной церковности к живой духовной жизни во Христе. Пиетизм — весьма многоплановое явление: от отшельничества и умно-сердечной молитвы до разнообразного общественного служения. Отношения пиетизма и официальной Церкви также были многогранными: от полной интеграции в церковную жизнь в лютеранстве (когда домашние собрания для чтения и изучения Библии, душепопечительская, воспитательная, благотворительная деятельность и т. д. вполне гармонично сочетались с принятием всего церковного чина) до сепаратистских¹⁰ и сектантских крайностей в реформатском пиетизме. Родоначальником немецкого реформатского пиетизма считается учившийся в Голландии пастор Теодор Ундерэйк (1635–1693), который с 1660 по 1668 год служил в Мюльхайме и оказал на духовную жизнь города сильное влияние. Под этим влиянием

зированных в оригинальном тексте «Жизнеописания» имён и мест.

⁸ Города на северо-востоке нынешнего Северного Рейна — Вестфалии.

⁹ От *лат.* *pietas* — благочестие.

¹⁰ О церковном сепаратизме см. примеч. 1 к письму 110.

и происходило духовное становление Терстегена. По крещению и конфирмации он принадлежал к Реформатской Церкви, но мюльхаймские традиции сформировали его в духе пиелистского сообщества «мирных землй»¹¹, делавшего особый акцент на индивидуалистическом мистическом соединении с Богом.

Духовность «мирных землй» во многом основывалась на квиетизме. Квиетизм¹² — это молитвенно-аскетическая практика, оформившаяся в XVII веке в Католической Церкви, но вобравшая в себя как традицию умного делания¹³ Древней Церкви, так и многие черты средневековой западной церковной мистики. Главный принцип квиетизма — отказ от «самостной» деятельности в духовной сфере, приуготовление души к принятию и раскрытию в себе действия Божия и обретение через это покоя в Боге. От человека здесь требуется противление греху, терпение внутренних и внешних искушений, сердечная молитва и всяческое «погашение» активности, происходящей от нашей падшести. Эта духовная методология хорошо ложится на основной постулат протестантизма — спасение только верой, поскольку квиетистская практика состоит в том, что человек познаёт свою немощь и повреждение и всецело вверяет себя Богу, прилагая усилия не к стяжанию благодати «своими трудами» (католическая «аскетика синергии»), а к тому, чтобы, храня себя от греха и пребывая в молитве, настроиться исключительно «примательно»¹⁴, верою ожидая действия Божия («аскетика веры»). В силу

¹¹ Нем. «Stillen im Lande» (название заимствовано из Пс. 34:20). О «мирных землй» см. примеч. 4 к письму 110.

¹² От лат. *quietus* — спокойный, мирный.

¹³ «Умное делание» — молитвенное устремление всех духовно-душевных сил человека («ума и сердца», по святоотеческой терминологии) к Богу.

¹⁴ Пассивно. О термине «примательность» подробнее ниже.

этого квиетизм органично прижился на протестантской почве реформатского пиетизма.

Конечно, при такой аскетике, требующей большой осторожности, были необходимы трезвые и опытные наставники (духовное окормление в квиетизме почти идентично духовничеству и старчеству в православии). Этого не могло предложить протестантское пастырство (а в Римо-Католической Церкви квиетизм к тому времени был осуждён), и наставничество ложилось на плечи духовно одарённых мирян; сама жизнь ставила их на свечник. Таким наставником был странствующий проповедник Эрнст Кристоф Хохман фон Хохенау (1670–1721); под его влиянием началась в Мюльхайме душепопечительская деятельность кандидата богословия Вильгельма Хоффмана (1676–1746). В 1694 году Хоффман закончил теологический факультет Дуйсбургского университета, однако до церковного служения допущен не был из-за своих симпатий к квиетизму. С 1713 года Хоффман начинает вести в Мюльхайме регулярные внебогослужебные собрания сепаратистского толка. Впрочем, сепаратизм Хоффмана был весьма умеренный. Его собрания не противопоставлялись официальному богослужению, и уж тем более он не стремился организовывать какое-то своё особое сообщество или секту.

Вильгельм Хоффман стал «духовным отцом», а впоследствии старшим другом Терстегена; ему Терстеген в наибольшей мере обязан своим формированием. От Хоффмана он перенял и душепопечительское наставничество. Отсюда возникла обширная переписка Терстегена — своеобразные «духовнические» советы в ответ на присылаемые ему письменные исповеди. Эти советы и составляют содержание предлагаемых читателю писем, к обозрению которых мы переходим.

III

Терстеген умер 3 апреля 1769 года. Сразу после его смерти друзья начали разыскивать и собирать его письма, и уже в 1773 году вышла первая часть «Духовных и назидательных писем почившего Герхарда Терстегена о внутренней жизни и истинной сути христианства, собранных и обнародованных на всеобщую пользу»¹⁵. Вся публикация составила четыре части, объединённые в два тома; общее число писем в ней — 605. Второй том (третью часть) открывало «Жизнеописание», о котором у нас шла речь. В 1799 году вышло второе издание, отредактированное и дополненное рядом найденных к тому времени писем.

Одновременно голландские друзья Терстегена собрали его письма на нидерландском языке и в 1772 году опубликовали их под следующим названием: «Многополезные и назидательные письма, касающиеся разных предметов внутренней жизни и преуспеяния в христианстве»¹⁶. Книга содержала 107 писем. В 1836 году она была переведена на немецкий язык и издана в Эссене¹⁷.

Таким образом, собрание писем Терстегена составило пять томов, из которых первые четыре (немецкие письма) неоднократно переиздавались на протяжении XIX века. После Второй мировой войны публикации всего пятитомника

¹⁵ Geistliche und erbauliche Briefe über das inwendige Leben und wahre Wesen des Christenthums von weyland Gerhard Tersteegen. Zum gemeinen Nutz gesammelt und ins Licht gegeben. Solingen, 1773–1775.

¹⁶ *Tersteegen, Gerhard*. Godvrugtige en stigtelijke Brieven, over verscheidene Materien, die het inwendige leven, of de gedurige oeffening des Christendoms betreffen. Amsterdam, 1772.

¹⁷ Gottesfürchtige und erbauende Briefe über verschiedene Gegenstände, die das innere Leben oder die fortwährende Ausübung des Christenthums betreffen, von Gerhard Tersteegen. Essen: G. D. Bädeker, 1836.

(репринтом) продолжились; последнее издание (использовавшееся мною) датировано 2017 годом.

Как немецкие, так и голландские издатели, вполне в духе своего времени, преследовали исключительно духовно-назидательные цели. Поэтому при публикации письма были отредактированы: все имена и географические названия заменены инициалами (как правило, абстрактным «N.»), из текста убрано большинство мест, не относящихся к духовной жизни, нередко опущена датировка и т. д.

В послевоенное время было задумано, а в 2008 году осуществлено научное издание писем Терстегена. Двухтомник, содержащий 750 писем, вышел в известной академической серии «Тексты по истории пиетизма»¹⁸. Тщательные исследования архивов позволили впервые обнаружить ряд новых писем, а также проверить и восполнить содержание уже известных. К сожалению, редакторы двухтомника руководствовались излишне строгими источниковедческими критериями: письма, не содержавшие датировки и указания адресата, не были включены в сборник, хотя издатели несколько не сомневались в их подлинности и отмечали их высокую богословскую и духовно-назидательную ценность. Таких «недопущенных» писем оказалось ни много ни мало 169. Поэтому немецкий четырёхтомник далеко не полностью вошёл в академическое издание.

Что касается голландских писем, то их научная публикация вышла в серии «Тексты по истории пиетизма» в 1982 году¹⁹. Письма (общим количеством 203) приведены

¹⁸ *Tersteegen, Gerhard*. Briefe. Texte zur Geschichte des Pietismus. Abteilung V, Band 7 1/2. Göttingen, 2008.

¹⁹ *Tersteegen, Gerhard*. Briefe in Niederländischer Sprache. Texte zur Geschichte des Pietismus. Abteilung V, Band 8. Göttingen, 1982.

на языке оригинала; современного перевода на немецкий язык нет.

Предлагаемый читателю перевод сделан со старого пятитомника. Для тех или иных уточнений я использовал научный аппарат обоих академических изданий. Из 712 писем пятитомника отобраны 126. После каждого письма указывается том (арабской цифрой), часть (римской цифрой) и порядковый номер письма в немецком издании; голландский сборник обозначается «*Holl.*». Подзаголовки к каждому письму даны редакторами пятитомника.

Письма распределены мною по двенадцати разделам, каждый из которых я кратко прокомментирую. Нужно учитывать, что Терстеген в большей части своих писем затрагивает несколько тем; поэтому их отнесение к тем или иным разделам, за исключением малого количества «монотематических» текстов, достаточно условное.

Первый раздел: «Общий обзор внутренней христианской жизни». Терстеген мыслит всегда исключительно практически, душепопечительно. Даже когда он рассуждает о сложных богословских темах, таких как соотношение закона и благодати, свобода воли и проч. (делая это между тем блестяще), он всегда имеет в виду единственную цель: богообщение во Христе. Для Терстегена исходным и наиболее важным пунктом внутренней христианской жизни было живое, «здесь и сейчас», соприсутствие Бога нашему сердцу. При этом Терстеген неизменно остаётся в русле традиционной церковной догматики: человек — существо падшее, Бог во Христе устраивает наше спасение, которое усваивается нами верой, следствием чего и является богообщение. Но только это усвоение, это приближение к Богу Терстеген понимает в квиетистском ключе, а именно: во всяком духовном действии Бога должно быть больше, чем падшего человека.

В дальнейших разделах эти основные положения развиваются и «духовнически», с учётом частных ситуаций каждого человека, прилагаются к разным сторонам жизни.

Второй раздел: «О примательном восприятии благодати Божией». Здесь необходимо сказать несколько слов о термине «примательный».

Примательность — понятие искусственное, приспособленное мною специально для перевода терминов «leiden» (страдать, претерпевать), «leidentlich» («страдательный») и т. п. Основной смысл здесь — «страдательность» как «пассивность». В русском языке оба этих слова имеют некоторую отрицательную коннотацию, хотя здесь речь идёт о чистом «грамматическом» (страдательный, или пассивный, залог) смысле. Кроме того, «leiden» Терстегена имеет и свой подтекст: не просто пассивность как «ничегонеделание», но пассивность в соприсутствии Бога, уступание Ему места во всём (что и есть основа квиетизма). Для передачи этого достаточно сложного смыслового комплекса я взял славянское слово «примательный», то есть «принимающий», «получающий» (ср. Ин. 3:23; Ин. 7:39 и др.), причём в контексте, диктуемом указанными местами Писания: принимающий благодать *от Бога*, не как результат *своего* труда, *своих* действий.

Итак: *примательность* — это пассивное восприятие действия Божия. «Пассивность» здесь противопоставляется самости и «само-деланию». Такое противопоставление вытекает из особенностей протестантского понимания домостроительства нашего спасения. Протестантизм постулирует абсолютную повреждённость нашей природы в падении, следствием чего является то, что любое наше «само-действие», в том числе и в сфере аскетики и устремления к Богу, будет только питать и укреплять падшесть

и самость. Терстеген особенно подчёркивает, что между благодатью и падшим естеством наличествует гораздо бо́льшая пропасть, чем обычно думают, и, стало быть, многие, а точнее, все дела благочестия, если они производятся «односторонне», от себя, без Бога, нисколько не спасают нас, а только тайно усиливают падшесть. Противовес этому — вера (главный «действитель» в духовно-христианской жизни) и двустороннее, то есть в свете Бога и под руководством Бога, евангельское (а именно уподобляющее нас Христу, а не просто сводящееся к «умучиванию» тела) самоотвержение. Аскетика «само-действия» оставляет человека в конце концов без Бога, поскольку на поверку вся его духовная деятельность оказывается общерелигиозно-пелагианским падше-самостоятельным восхождением к Богу, Который тут воспринимается как некий безразличный неоплатонический механизм²⁰. Аскетика приимательности, наоборот, открывает двери живому, библейскому Богу: христианин, в истинном соответствии с евангельскими заповедями, совлекается своего ветхого человека и даёт в себе место Господу и Его руководству. Это основной пункт пастырских советов Терстегена, на который он постоянно обращает внимание.

Третий раздел: «О молитве и внутреннем делании». Здесь православный читатель увидит гораздо более широкое понимание молитвы, чем то, к которому он привык. Наша молитвенная практика чаще всего сводится к одностороннему, аскетически-самодеятельному произне-

²⁰ Термины «неоплатонизм» и «пелагианство» понимаются в нашем рассуждении условно, не строго научно. В неоплатонизме главное — безличный Бог-Единое и «гарантированное» восхождение к нему путём совлечения тела и прочих «низших сфер» человека; пелагианство — наша возможность всё это осуществить самим, собственными силами.

сению устных или мысленных словес в адрес молчаливого и далёкого Бога. Терстеген (обобщая традиции западной церковной мистики) настаивает, что молитвенное обращение ума и сердца к Богу совершается не только и не столько словами, устными или произносимыми в уме, но главным образом внутренним, сердечным «движением веры», поставляющим нас в соприсутствие Бога; таким образом, отношения человека и Бога делаются *двусторонними*. Тем самым область молитвы расширяется, так что становится возможным исполнить заповедь «*непрестанно молитесь*» (1 Фес. 5:17). Двусторонность здесь яснее всего проявляется в том, что «в ответ» на нашу молитву нам приходит обетованное руководство Божие (1 Ин. 2:20; 27), к которому нужно быть очень внимательным, поскольку оно тонкое, скромное, совсем не экзальтированное, но буднично-тихое. За это руководство нужно держаться, как за путеводную нить, которая и ведёт нас по Божией стезе, сообразно с устройением и мерой каждого (а не по общему уставу для всех). Это также важнейший пункт душепопечительской педагогики Терстегена.

Четвёртый раздел: «О мире Божиим». Письма этого раздела посвящены главным образом указанию на то, что внутренний, сердечный мир Божий — главный критерий правильности прохождения Божьего пути, о котором мы только что сказали, и «регулятор» всякого нашего делания как во внутренней жизни, так и во внешних занятиях.

Пятый раздел — «О детскости Христовой» — знакомит нас с одним из самых ярких акцентов в пастырско-аскетической системе Терстегена. «Детскость» — искусственное терстегеновское понятие. Детей у него не было, поэтому он рассуждает о детстве несколько теоретически. Терстеген — большой поэт, и под «детскостью»

он даёт художественное описание всё той же приемательности. Исходит он из слов Христа — *истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное* (Мф. 18:3) — и всё время настаивает на том, что вера, молитва, богообщение и весь строй жизни христианина должны быть младенчески-простыми, непосредственными, не обременёнными размышлениями о будущем и т. д. Впрочем, нельзя сказать, что Терстеген идеализирует «детскость». Он вполне различает «*kindlich*» и «*kindich*» — детскость Христову и «детскость» (неразумие, недомыслие) падшего человека, то *младенческое*, которое призывал оставить Апостол Павел (1 Кор. 13:11), и предостерегает от последней.

Шестой раздел — «О борьбе с грехом. О духовной брани» — может явиться подлинным благовествованием для православного человека, измученного в своей субкультуре навязанным ему «видением грехов своих, как песка морского». Нынешняя православная дидактика предлагает православным в качестве едва ли не главного аскетического действия усматривать свои грехи: всё больше, всё точнее и т. д. Увидев грехи и страсти, нужно с ними изо всех сил бороться внешнецерковными средствами и внутренним напряжением воли. Все берутся за это — и ни у кого это не получается; здесь и коренится одна из важнейших причин многочисленных расцерковлений. Во всём этом нет Бога, а есть всё та же самость и падшость, расширяющаяся и углубляющаяся. Терстеген предлагает совсем другую методику: отличать видение своей падшести от копания в грехах (о чём, кстати говоря, писал свт. Игнатий Брянчанинов, с которым у Терстегена в этих вопросах много общего) и смотреть не на грехи, а на Бога. Только в этом случае возможно настоящее покаяние, критерием истинности кото-

рого как раз и является возникающая «детская» двусторонность в отношениях человека и Бога.

Седьмой раздел: «О кресте и страданиях». Как я уже сказал вначале, сегодня одна из основополагающих истин нашей веры — о несении креста, о крестном пути вслед за Христом, о следовании стопам Его («подражании» в западной традиции) — людьми не принимается. Хочется удобного и со всех сторон комфортного христианства. Терстеген напоминает, что без креста и страданий не может быть подлинного богообщения. Вместе с тем квиетистская аскетика предостерегает от «само-измышлённых» крестов, от того, чтобы человек «само-действовал» особенно в этой сфере, ибо в таком случае крест становится невыносимым; если же он Божий, то Бог и помогает его нести. Терстеген настаивает, что как вообще в христианской жизни, так в особенности при несении креста и претерпении скорбей всё зависит от воли Божией.

Здесь же рассматривается важный вопрос о состоянии внутренней сухости и тьмы, то есть «потери интереса» к духовной жизни на определённой стадии христианского пути. В нынешнем православном обиходе именно это чаще всего и понимается под «расцерковлением»; этого православные боятся, не знают, что здесь делать, и, не находя ответа в личной церковной дидактике, нередко отходят от Церкви. Но как раз такое «расцерковление» является закономерным этапом возрастания в жизни с Богом; понимание этого процесса может стать большим утешением для многих.

Восьмой раздел — «О неотмирности, беспопечительности и трудах христианина» — высвечивает ещё одну специфическую квиетистско-пиетистскую добродетель, названию которой было так же трудно подобрать соответствие в русском языке, как и в случае с приемательностью.

Добродетель эта именуется «*Gleichgültigkeit*», что в современном немецком языке означает «равнодушие». Я перевожу это слово, в зависимости от контекста, сочетаниями «равно-отстранённость», «неотмирность» и т. п. На примере писем этого раздела мы видим удивительную искусность и тонкость душепопечительства Терстегена. Он мастерски различает душевное и духовное в человеке, выявляет их соотношение и трактует «равно-душие» вовсе не как безучастность (примеры обратного мы видим у самого Терстегена в «Жизнеописании»), но как «незатрагиваемость духа» суетой мира сего; причём опять же подчёркивается, что это всё не само по себе, но только в Боге, под Его руководством, в меру того устроения, которую каждому даёт Господь. Через призму «*Gleichgültigkeit*» рассматривается и внешняя деятельность христианина; здесь мы найдём немало прекрасных практических советов.

В *девятом разделе* — «**О жизни Божией в нас**» — собраны разные письма, иллюстрирующие уже упомянутый основной принцип мистики и вытекающей из неё аскетики Западной Церкви, который можно назвать «приоритет Божественного перед человеческим». Впрочем, всё, что говорится на эту тему в терстегеновских текстах, не означает, что не нужно подвизаться и трудиться над собой и что можно сложить руки и бездельничать, в праздности ожидая «действия Божия». Сам Терстеген был великим тружеником и подвижником и других, по мере каждого, призывал к тому же. Но только это подвизание должно быть правильно «выстроено», обязательно основываться на вере, быть двусторонним, вместе с Богом, — а не только лишь усилиями одинокого падшего человека, самостоятельно добивающегося своего спасения. Различению подлинной и ложной духовной деятельности, подлинного и ложного «оставления

деятельности» и т. п. посвящены несколько важных писем этого раздела.

Для верного понимания сказанного нужно вернуться к (условно говоря) пелагианству — воззрению, согласно которому человек сам может «изработать» своё спасение. Тема пелагианства со времён блж. Августина была хорошо (порой даже с уклоном в крайности) проработана на Западе, в результате чего Церковь пришла к достаточно глубокому уяснению соотношения падшей природы человека и благодати Божией. В Восточной Церкви этого уяснения выработано почти не было, в результате чего православная аскетика представляет собой порой весьма дезориентирующую *смесь* — смешение природы и благодати, общерелигиозного и специфически христианского, евангельского и эллинского, необходимого внутреннего и опционального обрядово-ритуального и т. д. Осуществление всего этого на практике приводит к тому, что, как правило, аскетически действующий человек (как мы уже говорили выше) остаётся один: он ищет Бога и всячески подвизается «достичь» Его, но делает это *сам*, вне контекста двусторонности в отношениях с Богом. Повседневному руководству Божию, обетованному всякому христианину (1 Ин. 2:20, 27), он не научен, его не знает, ему не следует, его испуганно отталкивает. Западная духовная практика (не лишённая, разумеется, своих крайностей и погрешностей) за счёт проработанности и большей ясности в этом вопросе позволяет в значительной степени если не избежать, то хотя бы увидеть означенную смесь, в результате чего для христианина становится возможным более чистое и более объёмное восприятие действия Божия и жизни Христовой в нас (что, собственно, и есть цель церковной жизни). Терстеген же эту смесь весьма искусно разбирает, о чём и свидетельствуют помещённые здесь письма.

Очень важен, как мне представляется, следующий, **десятый раздел** — **«О Церкви и церковной жизни»**. Читатель, дошедший до него, а следовательно, ознакомившийся с большей частью книги, конечно, уже спрашивал себя: «Но где во всём этом церковь?» — тем более что сегодняшние православные воспитаны по большей части на трудах свт. Феофана Затворника, который встраивал внешнюю церковность в самую суть духовной жизни как её неперемное условие.

Здесь нужно отметить, что наряду с вышеназванной «смесью» ещё одной важной характеристикой нынешней православной дидактики является такая вещь, как плохо понятое «единообразие», в частности постулируемая обязательность для всех всего объёма внешней церковности. У Терстегена мы видим более жизненный подход: у каждого свой путь (в определённых евангельских рамках, конечно), и Господь всякого ведёт к Себе индивидуально. Это вообще краеугольный принцип внутренней христианской жизни; если он не соблюдается, то и происходит расцерковление, поскольку общие рецепты на определённом этапе перестают «срабатывать». Практическая экклезиология Терстегена ценна для современного человека тем, что в ней вопрос внешней церковности выносится за скобки: каждый определяет её меру для себя сам. Кроме того, это позволяет без «межцерковных смущений» пользоваться советами Терстегена христианам всех деноминаций.

Письма данного раздела снабжены обширными примечаниями, где поясняются особенности церковной жизни той эпохи, экклезиологические взгляды самого Терстегена и некоторые характеристики Реформатской Церкви, к которой он принадлежал. Всё это, я полагаю, будет весьма интересно читателю.

Одиннадцатый раздел — «О браке, семье, духовной дружбе» — содержит несколько писем, с одной стороны обещанных «Жизнеописанием», с другой стороны — показательных как пример последовательной богоцентричности Терстегена. С современностью письма этого раздела перекликаются, пожалуй, менее всего; но для ищущей Бога души, в свою меру, всё сказанное в них может быть весьма полезно как принцип.

Заканчивает книгу **двенадцатый раздел — «О смерти»**. Собственно, текстов о смерти и умирании у Терстегена сравнительно немного, особенно если учитывать, что, исполняя своё служение душепопечителя, он постоянно имел дело со смертью, напутствуя «мирных землі» в жизнь вечную, примеры чего мы видим в «Жизнеописании». Но в этих немногих письмах — драгоценные и глубокие мысли об уповании на Бога и препоручении Ему своей участи в смертный час и подлинное и живое утешение, которого, увы, так часто лишены умирающие, даже и верующие, люди.

Обще же говоря, письма Терстегена, поражающие глубиной, свободой, трезвостью, любовью к Богу и ближнему, индивидуальным подходом к каждому человеку, тонкостью разбора духовной жизни — неоценимое сокровище для тех, кто вырастает из новоначалия и хочет получить ответы на свои вопрошания, остающиеся неразрешёнными в рамках нынешней церковной дидактики.

IV

Переводить пиетистов вообще, а Терстегена в особенности — очень увлекательное, но вместе с тем и весьма непро-

стое дело, поскольку а) пиетистский язык (так называемый «язык Ханаана») в целом весьма своеобразен; б) немецкие термины, относимые пиетистами к духовно-душевной жизни человека, сегодня означают часто не вполне то (а порой и вовсе не то), что они означали в XVIII веке; в) на русском языке могут отсутствовать их эквиваленты.

«Язык Ханаана» (от «Ханаан» — Земля обетованная) — весьма своеобразное явление²¹. Характерным и, собственно, определяющим признаком «языка Ханаана» была пронизанность его Священным Писанием — не прямыми цитатами, а обильными отсылками, аллюзиями и т. д. Вторая особенность «языка Ханаана» заключалась в том, что пиетистские писатели, дабы отразить тонкости духовной жизни и богообщения, изобретали особые термины: «обращённость вовнутрь», «внутреннейшее», «самость», «ничто́сть» (от слова «ничто» — в отношении падшего человека), «само-действие» и многие другие. Оппоненты пиетистов упрекали их, что те специально затемняют смысл того, о чём они говорят. Бывало, конечно, и такое; как и везде, и в этой сфере были свои перекосы. Но Терстеген как раз ничего не затемнял, а старался лишь точнее выразить свой внутренний опыт (совпадающий во многом — из ближайших к нам духовных писателей — с опытом свт. Феофана Затворника). Язык Терстегена ясный и точный, но, разумеется, принадлежит своему времени, эпохе барокко — это огромные предложения (которые я по возможности старался разбивать на более простые), витиеватость слога и т. п.

О том, как расходятся современные и старинные немецкие термины, я достаточно подробно рассказывал в своём

²¹ См. развёрнутую статью «Die Sprache Canaan» в книге: *Schrader, Hans-Jürgen. Literatur und Sprache des Pietismus. Göttingen, 2019. S. 233–260.*

докладе, прочитанном в Эрлангене в 2017 году. Отсылаю читателя к этому тексту²².

Что же касается русских терминов, то здесь мне пришлось сталкиваться со значительными трудностями. Выше я уже упоминал о своей работе над терминами «приимательность» и «равно-отстранённость». Порой мне приходилось переводить одно слово целой фразой, а иногда, чтобы адекватно донести до читателя точный смысл, и просто пересказывать содержание: буквальный перевод был бы невозможным. Это объясняется тем, что в русском языке нет соответствующих понятий, а порой отсутствует и представление о духовно-аскетическом и церковно-историческом контексте того, о чём идёт речь. Приведу пример — письмо 98-е. Здесь всё построено вокруг объяснения, что такое истинная и ложная *Gelassenheit*. В современном немецком *Gelassenheit* значит «спокойствие», «хладнокровие», «невозмутимость»; на «языке Ханаана» этим словом обозначали «оставление», «отпускание» себя и всего своего, причём в неперенной связи с приимательным преданием себя Богу. Очевидно, что одной лексемой этот термин перевести не удастся. Более того, за разбираемым словом располагаются ещё и целые пласты понимания, которые русскому читателю, скорее всего, неизвестны. Чтобы должным образом отобразить всё это, мне пришлось буквально изобретать для данного письма (вполне в духе «языка Ханаана») новый перевод термина *Gelassenheit* — «бездеятельность», а в примечании подробно пояснять подтекст. Надеюсь, что таким,

²² См.: *Jahrbuch für germanistische Sprachgeschichte*, Band 9. Sprache, Reformation, Konfessionalisierung. Berlin; Boston: de Gruyter, 2018. S. 201–212. На русском языке: «Некоторые вопросы истории и особенностей перевода немецких пиеетистских текстов на русский язык». <https://igpetr.org/nekotorye-voprosy-istorii/>; <https://bogoslov.ru/article/5549623>.

хоть и сложным, образом мысль автора удалось передать достаточно точно.

Теперь рассмотрим несколько основных понятий аскетики Терстегена, которые могут звучать сегодня на русском языке непонятно. Выше я уже сказал о значительном сходстве духовного опыта Терстегена и свт. Феофана Затворника; это позволило взять многие термины у последнего.

Словом «падшесть» переведены различные выражения: *das Verderben* (повреждение, гибель), *die verderbte Natur* (повреждённое естество), но чаще всего — просто *Natur* (природа); в западноцерковной аскетике, одним из основных принципов которой было антипелагианское резкое различие между природой и благодатью, подразумевалось само собой, что речь идёт о природе падшей.

Под «самостью» (*Eigenheit*; в современном немецком языке значение этого слова сильно изменилось) Терстеген везде понимает не самосознание личности, не естественное попечение о себе (Еф. 5:29) и т. п., а следствие грехопадения — автономное существование относительно Бога, «само-заботу», самоуверенность и т. д.

«Внутрь-собрание», «внутрь-пребывание» — обращённость и сосредоточение всех сил души внутрь себя, с отрешением от всего внешнего. Но это не медитативная практика в современном понимании, а именно обращение к Богу и совместно с Богом. Этими терминами переводится ряд немецких «ханаанских» слов, но прежде всего «*Einkehr*», буквально «вхождение» (по контексту — вовнутрь, в сердце, обращение к Богу).

«Привлечение», «напечатление» (*Ziehen, Eindruck*, в сегодняшнем немецком совсем потерявшие «ханаанский» смысл) — понятия, часто использовавшиеся Терстегеном,

особенно первое. Оно взято из Ин. 6:44 («Никто не может придти ко Мне, если не привлечёт [zieheth] его Отец, пославший Меня») и означает внутреннее влечение человека ко Христу, но не самостоятельное, а то, которое влагает ему в сердце Бог. «Напечатление» тесно связано с «научением от Бога», 1 Ин. 2:27 («Впрочем, помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте»). Бог напечатлевает в нашем внутреннем человеке не только Свои «общие» истины, но и повседневное руководство всеми сторонами нашей жизни; аскетическое искусство христианина состоит в том, чтобы всё более и более распознавать эти «напечатления», не путать их с обольщением и непременно следовать им.

Этому следованию руководству Божию противостоит «само-делание», «само-действие» (eigene Werke, или просто Wirksamkeit — деятельность; как и в случае с «природой», здесь подразумевается «своя», «пелагианская» деятельность) — термин, уже встречавшийся нам выше. «Само-делание» — произвольное накладывание на себя тех или иных аскетических действий: поста, молитвенных правил, поклонов и прочих телесных утеснений, всевозможных «условий» и «обетов» во взаимоотношениях с Богом и т. п.

Прочие необычные термины (такие, как «воля внутреннего человека» и др.), надеюсь, уяснятся из контекста, а ещё больше — из молитвенного опыта читателя.

Отсылки к Священному Писанию, там, где они очевидны, я, по мере сил, раскрывал; поскольку всё это неточные цитаты, я отказался от обычных правил ссылок на Писа-

ние²³. Сам Терстеген буквально цитировал Писание очень редко; в этих случаях он, как правило, полностью выписывал название той или иной библейской книги.

Все примечания в тексте мои, за исключением одного авторского в 5-м письме.

О достоинствах писем Герхарда Терстегена можно было бы сказать ещё очень многое. Но в этом нет нужды — письма говорят сами за себя; словами святителя Игнатия (Брянчанинова), «всякий почувствует в них благодатное помазание». Мне остаётся лишь пожелать каждому, кто держит в руках эту книгу, душеполезного чтения.

²³ Неточную цитату принято пометать словом «см.» («смотри»), а аллюзию — «ср.» («сравни»). Что касается нашего издания, то, если близость к тексту позволяла, я выделял неточные цитаты и отсылки курсивом; в остальных случаях просто давал ссылку на подразумеваемое место Библии.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю доктора богословия Анну Михайловну Брискину-Мюллер, научного сотрудника Саксонской Академии наук (Лейпциг), за многолетнее плодотворное сотрудничество и всестороннее доброжелательное участие в моей работе.

Благодарю доктора филологических наук, приват-доцента Берлинского Гумбольдт-университета, профессора германской филологии Зелёногурского университета (Польша) Михаила Львовича Котина и замечательного педагога и переводчика Елену Авнеровну Зись за помощь при переводе трудных мест текста.

Благодарю кандидата исторических наук Сергея Александровича Исаева, доцента кафедры церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии, старшего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН, и доктора исторических наук Павла Владимировича Лукина, главного научного сотрудника Института российской истории РАН, за историко-богословские консультации и уточнения.

Благодарю Евгения Александровича Жукова за содействие изданию этой книги.

Благодарю Михаила Александровича Коломийца за помощь при подготовке текста.

Благодарю всех, кто желал выхода этой книги в свет и способствовал моей работе.

Игумен Петр (Мещеринов)

Жизнеописание
блаженнопочившего
Герхарда Терстегена
(1773)

Предуведомление

Выпуская в свет «Жизнеописание Герхарда Терстéгена», мы исполняем обещание, данное нами в Предисловии к первому тому его немецких писем¹.

Если бы мы в точности следовали желаниям покойного, то возлюбленный читатель не увидел бы сих страниц. Терстеген почитал себя слишком малым, чтобы думать о составлении жизнеописания. Незадолго до смерти некоторые друзья просили его о том, но он с улыбкой отклонял все предложения и утешал их, указывая на вечность, следующими словами: «Там, любезные братья, вы увидите мою жизнь; там мы будем вместе и расскажем друг другу, к славе Божией, как мы жили». Невзирая на это, мы сочли невозможным оставить не знавших нашего Терстегена многочисленных почитателей как в ближайшей местности, так и преимущественно нездешних без хотя бы некоторых известий о его происхождении и обстоятельствах и образе его жизни.

Старый друг Терстегена, уже упоминавшийся в выше-названном Предисловии², предоставил нам для сих изве-

¹ См.: Geistliche und erbauliche Briefe über das inwendige Leben und wahre Wesen des Christenthums von weyland Gerhard Tersteegen. Erster Band, I Teil. Solingen, 1773. Vorbericht, § 5.

² Там же.

стей необходимые сведения. Чтó он сам, при своих сорокадвухлетних отношениях с почившим, видел и слышал, он добросовестно описал. Кроме того, он привлёк к пополнению своих знаний, наряду со многими знакомыми, имевшими с Терстегеном тесное и доверительное общение в продолжение длительного времени, самого близкого его друга, который заботился о нём на протяжении сорока четырёх лет.

Отсюда и произошло содержание настоящего «Жизнеописания», в достоверности коего возлюбленный читатель может быть совершенно уверен. Если же бы он захотел большего порядка и последовательности в изложении, то да приведёт себе на мысль, что, насколько это возможно, мы желали обнародовать все поступившие нам свидетельства.

Рождение и происхождение Терстегена

Герхард Терстеген родился 25 ноября 1697 года в городе Мёрсе, столице одноимённого княжества. Его отца, гражданина и купца вышеназванного города, звали Генрих Терстеген. Наш Терстеген не помнил его из-за ранней кончины³, но из его бумаг впоследствии узнал, что тот вёл обширную переписку с благочестивыми христианами самых разных мест и прилежал внутренней духовной жизни. Мать — Мария Корнелия Триболер. Из восьми детей (шестерых сыновей и двух дочерей) наш Герхард был младшим⁴; один из его

³ Генрих Терстеген скончался в 1703 году.

⁴ По уточнённым данным, Герхард был седьмым (предпоследним) ребёнком в семье. См.: *van Andel, Cornelis Pieter. Gerhard Terstegen. Leben und Werk — sein Platz in der Kirchengeschichte. Düsseldorf, 1973* (в дальнейшем — *van Andel*). S. 13.

братьев был пастором, остальные купцы. Среди них один, именем Иоганнес, также тяготел к духовной жизни и особенно любил своего младшего брата.

Выдающиеся способности мальчика

Терстеген отличался выдающимися способностями. Видя их, мать отдала его в латинскую гимназию, которую он успешно и окончил. Занимался он с большим усердием, выказывая особенное расположение к изучению языков — греческого, еврейского и латинского; в последнем он сделал столь большие успехи, что его стихотворная речь на латыни, произнесённая на одном из городских торжеств, поразила всех присутствующих. Знатнейшие члены магистрата, впечатлённые этим, советовали матери, чтобы образование столь одарённого её сына было продолжено в университете.

Обучение купеческому делу

Но мать, сославшись на домашние обстоятельства, отказалась от сего и определила для Герхарда купеческую стезю. На пятнадцатом году своей жизни он был отдан в обучение на четыре года своему кузену, Матиасу Бринку, купцу соседнего города Мюльхайма-на-Руре.

Посещение благодати

Здесь в шестнадцатилетнем возрасте его коснулась благодать Божия. О точных обстоятельствах этого мы не можем сказать ничего определённого. Насколько нам известно, Терстеген познакомился в Мюльхайме с неким

новообращённым ко Христу купцом, от коего получил много добрых наставлений. Также он рассказывал, что был в то время глубоко тронут, прочитав благодарственное молитвословие одного благочестивого, уже умершего, проповедника. При таковых — несомненно, не ограничивающихся этими случаями — промыслительных действиях премудрой благодати Божией в его сердце открылось столь ощутительное *привлечение от Отца* (Ин. 6:44), что он самым серьёзным образом искал внутренней перемены своей жизни, с каковою целью проводил ночи напролёт за чтением, молитвой и благочестивыми подвигами. Следующее обстоятельство, как кажется, было решающим для его обращения. Однажды он был послан по делам в Дуйсбург. В то время как он шёл через дуйсбургский лес, у него начались столь сильные колики, что он думал, что пришла его смерть. Он отошёл немного вглубь леса и от всего сердца стал молиться Богу об облегчении боли и о том, чтобы Господь дал ему ещё время, дабы подготовиться к переходу в вечность. Боль немедленно прекратилась, и Герхард почувствовал в душе неодолимое побуждение к тому, чтобы немедленно и без каких бы то ни было оговорок всецело предать и вверить себя столь благому и милостивому Богу.

Перемена купчества на менее суетное занятие

В это время ему с полной ясностью открылось совершенное ничтожество всего земного и преходящего и великое значение вечного и небесного. Кроме того, он воочию убедился, что торговые дела и постоянное обращение с разными людьми крайне рассеивают и разоряют его и мешают возрастанию в благодати. Посему, хоть и выдержав полно-

стью четыре года купеческого обучения, он решил переменить своё занятие на менее суетное. Знакомство с неким благочестивым ткачом навело его на мысль научиться этой профессии, но слабое телосложение, частые колики и головные боли воспрепятствовали сему. Он избрал для себя ремесло ленточника, коим и занимался в одиночестве; только работница время от времени приносила ему шёлк. Местом жительства Терстегена до конца его дней отныне оставался Мюльхайм-на-Руре.

Крайне воздержная жизнь

Взявшись за выделывание шёлковых лент, Терстеген стал жить в величайшем отвержении всего чувственного. Его одежда была худа; его еда, которую он сам готовил себе, крайне скудна и состояла большей частью из муки, воды и молока. В первые годы своей уединённой жизни он ел один раз в день и не пил ни чая, ни кофе.

Щедрая благотворительность; собственная бедность и нищета

Как бы ни были малы его доходы, он щедро благотворил бедным. В вечернее время, когда его никто не мог видеть, он обходил дома страждущих и отдавал им почти всё, что заработал. Такое последование нищете Христовой столь возмущало его родных, что они едва могли слышать его имя. Они даже не позвали его, когда делили после смерти матери⁵ наследство. Из одного Герхарду отписали некоторый дом, не сомневаясь, что любое движимое имущество он тотчас же

⁵ Мария Корнелия скончалась в 1721 году.

раздаст бедным. Но он уступил этот дом брату Иоганнесу за наличные деньги, каковые по большей части действительно и раздал. Поскольку от всего этого родственники всё более ожесточались и отворачивались от него, а к тому же, будучи чрезвычайно болезненным, он вынужден был по несколько недель подряд лежать в постели не работая, то в конце концов он сам впал в крайнюю нужду. Следующее извлечение из письма от 24 октября 1766 года, в котором Терстеген рассуждает со своей духовной сестрой о бедности, несколько открывает нам его тогдашние обстоятельства. «Говорить о бедности хорошо, — пишет он среди прочего, — ещё могут те, кто окружён обеспеченными и верными друзьями. Мне же в молодости пришлось пережить бедность в полной мере, когда я не знал, будет ли у меня завтра кусок хлеба; и добрых друзей, могущих мне помочь, совсем не обреталось. С пяти утра до девяти вечера я работал, но это тогда, когда не лежал в постели, а то и на полу, от восьми до десяти недель кряду больной, и родственники, у коих я жил и коим платил за проживание, не удосуживались даже послать ко мне служанку со стаканом воды. Впрочем, я всегда думал: “Пусть будет что будет”».

В другом письме одному своему другу Терстеген пишет: «Однажды я лежал больной в постели, в жестокой лихорадке, и думал, что сгорю от жажды и жара. Я попросил служанку моего брата, у которого я тогда квартировал, купить мне на два пфеннига самого слабого пива. Служанка же была рассеянна, и, поскольку её позвала госпожа, она забыла про меня. И с самого утра и почти до вечера я лежал в мучительнейшей жажде, и совсем нечем было утолить её. Наконец я услышал, как служанка поднимается по лестнице; тут уж я стал молиться Богу, чтобы Он сохранил меня в кротости».

Божий покров над ним

Во всех таковых испытаниях его детское упование на Небесного Отца оставалось твёрдым и непоколебимым. Уверенность в том, что Господь печётся о нём, всё более укоренялась в его сердце. Терстеген вспоминал, как однажды его платье пришло в негодность и он не знал, откуда взять денег, дабы сшить новое. Тогда внутри него с силой напечатлелось: «Не заботься!» — и это необычайно укрепило его в вере и надежде на Господа. И благость Божия не посрамила его, так что, как показала его последующая жизнь, он ни в чём не имел нужды.

Вообще же наш Терстеген вкушал в то время истинное довольство и мир. «Я не могу выразить, — писал он об этом одной своей духовной сестре, — как я был доволен, когда жил один. Мне нередко приходила в голову мысль, что ни один король на свете не мог бы жить столь счастливой жизнью, какую жил я. Я не помнил, когда я ел, что это было и какого вкуса; также порой по восемь дней подряд я не видел ни одного человека, кроме служанки, приносившей мне еду».

Внутренние скорби и избавление от них

Постепенно Господь вводил его во внутренние скорби. Он должен был пройти чрез многие пробы, искушения и внутреннюю тьму; Бог отнял от него чувствуемую благодать, дабы испытать его верность и терпение и подготовить к будущему служению. Пять лет длилась сия тьма. Наконец, во время некоей поездки в соседний город, ему вновь воссиял свет; всепримиряющая благодать Господа Иисуса открылась в нём в такой полноте и с такою убедительно-

стью, что его сердце было целиком охвачено ею. Друзья вспоминают и следующий примечательный случай, о коем Терстеген несколько раз рассказывал: «Однажды, размышляя о разделениях в христианстве, о многочисленных церквах и сектах, я пришёл в такое тяжкое искушение, что начал сомневаться, есть ли вообще Бог. Но Господь скоро избавил меня от сего искушения, не только просветив мой разум, но и напечатлев в сердце некое извещение, которое я не могу выразить словами». Через всё сие он приобрёл столь основательный опыт и был столь утверждён в глубоком познании спасительных дел Божиих, что впоследствии мог с великой силой и благодатной убедительностью говорить и писать о том на пользу ближних. Около того времени им было собственною кровью написано некое благодарное препоручение себя Господу Иисусу, каковое мы здесь и приводим:

«Моему Иисусу.

Тебе, моему единственному Спасителю и Жениху Иисусу Христу, я предаю себя в полное и вечное владение. С этого вечера, в который Ты, жених крови⁶ и прибежище моё, Своею смертною скорбью и бореньем до кровавого пота в Гефсиманском саду выкупил меня, как невесту, Себе в собственность, разрушил врата ада и отверз мне любвеобильное сердце Твоего Отца, — я всем своим существом отрекаюсь от всякого права и власти над собою, кои мне незаконно давал бы сатана⁷. С этого вечера да будет моё сердце и вся моя любовь навсегда отданы Тебе и принесены Тебе в жертву благодарения. Отныне и во

⁶ Исх. 4:25–26. Здесь важна эта отсылка, поскольку в данном отрывке говорится об избавлении Моисея (а в его лице — всех духовно призванных людей) от того, что *встретил его Господь и хотел умертвить его*.

⁷ Быт. 3:5.

веки *не моя, но Твоя воля да будет!*⁸ Повелевай, правь и руководи мною! Я предаю Тебе всю власть над собой и обещаю, Твоею помощью и содействием, скорее излить сию мою кровь до последней капли, нежели с произволением и сознательно быть неверным или непокорным Тебе как внутри себя, так и совне. Ты же, о сладчайший Друг наших душ, непрестанно и всецело сохраняй меня в целомудренной девственной любви к Тебе. Да не отступит от меня Твой Дух; да укрепит меня Твоё смертное борение. Ей, аминь! Твой Дух да запечатлеет то, что в простоте написал Твой недостойный раб в вечер Великого Четверга 1724 года. Герхард Терстеген»⁹.

*Терстеген принимает ученика
и ослабляет строгость жизни*

По прошествии года после сего препоручения Терстеген принял в ученики некоего Генриха Зоммера, по многочисленным и настойчивым просьбам последнего. Не без внутреннего противления, поскольку ему совсем не хотелось терять столь любезное ему одиночество, он стал обучать Зоммера выделыванию лент. В обществе единомысленного собрата Терстеген, по совету духовно опытного Вильгельма

⁸ Подчёркнуто Терстегеном.

⁹ Для современных людей писать письма собственной кровью — это нечто совершенно необычное и, пожалуй, даже не вполне нормальное. Тем более может показаться это удивительным в отношении Герхарда Терстегена, человека чрезвычайной духовной трезвости и уравновешенности, всегда бывшего противником экзальтации и всяких «необычностей» в поведении. Но в его эпоху это явление было достаточно распространено, так что Терстеген здесь следовал традиции. Это было предельно серьёзное выражение того, что заключён своеобразный обет, принято решение всецело посвятить себя одному только Богу.

Хоффмана¹⁰, несколько ослабил строгость своего прежнего образа жизни, так что они с Зоммером стали немного пить кофе. Сия трапеза проходила под чтение отрывка из Нового Завета, предварялась пением духовного гимна и заканчивалась молитвой, читаемой Терстегеном, после чего братия вновь в тишине возвращались к своей работе.

Распорядок их дня

В общем времяпровождение их было таково. С шести часов утра они принимались за работу и трудились до одиннадцати часов. После сего каждый удалялся в свою комнату на час для уединённой молитвы¹¹. После часа дня они вновь приступали к работе, продолжавшейся до шести часов вечера. Затем они ужинали и снова проводили в уединении и молитве один час. Время после сего Терстеген использовал для перевода духовно-назидательных книг, например «Руководства к истинному благочестию»¹², «Сокровенной жизни со Христом в Боге»¹³ и многих других. Тогда же он написал «Благочестивую лотерею для братьев и сестёр» и первые

¹⁰ Вильгельм Хоффман (1676–1746) — духовный наставник и старший друг Герхарда Терстегена. См. о нём в предисловии. Очевидно, что совет Хоффмана касался не только ослабления строгости жизни Терстегена, но и того, чтобы он больше не жил один, ради охранения его от крайностей аскетизма.

¹¹ Далее, в 12 ч., очевидно, следовала вышеописанная трапеза с питием кофе.

¹² Сочинение Лабади. *Жан де Лабади́* (1610–1674) — иезуит, перешедший в протестантизм. Крайний сепаратист, создатель сообщества «лабадистов», ожидавших скорого наступления тысячелетнего царства Христова. В своих пламенных проповедях призывал готовиться к этому очищением души и сосредоточением на внутреннем богочитании.

¹³ Компиляция из сочинений Берньера-Лувиный. *Жан де Берньёр-Лувиный* (1602–1659) — французский мистик-квиеист. Проводил уединённую, а затем и затворническую жизнь. Не будучи священником и монахом, пользовался большим народным почитанием, проповедуя о внутренней жизни во Христе, о сердечной молитве, терпении искушений и пр.

гимны своего «Цветника духовного»¹⁴. Уже в 1724 году, когда Терстеген обучал детей своего брата и сестры Закону Божию, он составил им в руководство «Беспристрастное изложение основополагающих истин христианства» в вопросах и ответах (это сочинение осталось неизданным, но читавшие рукопись свидетельствуют о немалой душеполезности оног¹⁵).

Терстеген со многим благословением начинает держать назидательные речи в домашних собраниях

Вскоре после этого наш Терстеген начал произносить назидательные речи в домашних небогослужебных собраниях. Побудил его к сему упомянутый выше благочестивый кандидат Вильгельм Хоффман, который уже не справлялся с ведением домашних собраний в Мюльхайме (кои учредил в своё время блаженной памяти пастор Теодор Ундерэйк¹⁶), ибо участие в духовном пробуждении¹⁷, с 1725-го, особенно же в 1727 году затронувшем множество народа в здешней местности, а наиболее в Бёргишской земле¹⁸, отнимало у него всё время и силы. Поскольку Хофф-

¹⁴ Сборники поэтических произведений самого Терстегена.

¹⁵ Опубликовано в 1801 году, затем неоднократно переиздавалось.

¹⁶ Теодор Ундерэйк (Theodor Under Euck, 1635–1693) — родоначальник немецкого реформатского пиетизма. С 1660 по 1668 год служил в Мюльхайме и оказал на духовную жизнь города сильное влияние.

¹⁷ Великое духовное пробуждение — массовое явление, преимущественно в протестантской среде, имевшее место в конце XVII — первой половине XVIII века во многих местах Европы и Северной Америки. Многие люди искренно каялись и обращались ко Христу. Это движение в значительной мере затронуло и нижнерейнские земли Германии.

¹⁸ Географически-историческая область, часть нынешней земли Северный Рейн — Вестфалия. Основные города: Вупшерталь и Золинген. Мюльхайм граничил с Бёргишской землёй с севера.

ман знал основательность воззрений и зрелость духовного опыта Терстегена, то убедил его говорить слова назидания в Мюльхайме и по соседству. Бог обильно благословил сие начинание, что было видно по плодам: многие, живущие по стихиям мира сего, хоть раз услышав Терстегена, были настолько тронуты силой его наставлений, что искренне и глубоко обращались ко Христу. Многие новообращённые, ощутив в его речах подлинное помазание Божие, с сердечным расположением прибегали к Терстегену за духовным советом и, получив от сего значительную пользу, ещё больше укреплялись в своём доверии к нему.

*Необходимость оставить профессию ленточника.
Новый источник доходов*

Всё увеличивающееся количество людей, нуждающихся в душепопечении, с коими Терстеген теперь был вынужден обращаться не только устно, но и письменно, равно как и телесные его немощи, особенно умножившиеся из-за ночных бдений над чтением и переводами, принудили его к сему времени (1727) совсем оставить свою профессию ленточника. Но на что ему теперь жить? Все доселе поступающие ему великодушные предложения о тех или иных пожертвованиях он, сердечно благодаря за оные, решительно отклонял. Так, один купец, движимый искренней любовью, предлагал ему целожизненное содержание; неизвестная незамужняя дама, которую Терстеген никогда не видел, хотела предоставить в его распоряжение 40 000 флоринов¹⁹ с условием, чтобы он расходовал эту сумму на свои собственные потребности; некий голландский госпо-

¹⁹ 1 флорин (он же гульден) — серебряная монета достоинством ≈ € 60.

дин принёс ему ассигнацию достоинством в 10 000 флоринов и со слезами просил, чтобы Терстеген согласился принять её. От всех сих и многих других поступавших ему предложений такого рода он неизменно отказывался. Но теперь, когда ремесло больше не служило ему источником дохода, он стал принимать пожертвования, впрочем, от очень немногих друзей, которые его сердечно любили и к которым он питал особое доверие. Кроме того, определённые суммы он получал от некоторых братьев и сестёр по завещанию. Всё это позволило ему не только удовлетворять свои нужды, но и продолжать разнообразно благотворить нуждающимся. Также и оставшиеся после его смерти деньги были, согласно воле почившего, разделены между малообеспеченными благочестивыми друзьями, причём и его родственники²⁰ тоже получили, вкуче с движимым имуществом, небольшие суммы.

Изготовление лекарств

Хотя Терстеген и оставил ремесло, он не переставал работать руками вплоть до своей блаженной кончины. Имея достаточные познания в медицине, он взялся за изготовление лекарств и бесплатно пользовал ими своих друзей, а наипаче бедных. Его медикаменты со временем стали настолько востребованы, что он пригласил одного духовного брата, живущего и поныне, для помощи себе в аптекарском деле.

²⁰ Терстеген, будучи чрезвычайно болезненным человеком, дожил до 72 лет и пережил всех своих братьев, людей вполне здоровых, но умиравших в возрасте 35–40 лет. Под родственниками здесь имеются в виду его единственная оставшаяся в живых сестра и многочисленные племянники.

*Упразднение домашних собраний.
Ежегодные путешествия в Голландию*

В 1740 году закрылись небогослужebные собрания, со дней приснопамятного Теодора Ундерэйка совершавшиеся в Мюльхайме по четвергам²¹. Между тем известность нашего Терстегена росла, поскольку его книги всё больше и больше расходились, и многие искали знакомства с ним. Тогда же начались ежегодные поездки Терстегена в Голландию, повод к чему был следующий: некий голландский господин, знатный и богатый, но проводящий весьма скромную и уединённую жизнь в небольшом доме в Амстердаме, возымел чрез чтение сочинений Терстегена и переписку с ним такую любовь к нему, что стал весьма настойчиво приглашать его к себе. Но Терстеген не хотел никуда ехать. Тогда голландец собрался сам посетить Мюльхайм. Узнав об этом, Терстеген встревожился, подумав, что голландский гость может надолго остаться у него в Мюльхайме, и решил предупредить его. Он принял приглашение и отправился в Голландию с намерением, побыв там, через краткое время вернуться обратно. С тех пор он ежегодно совершал такие поездки, дабы в продолжение нескольких недель отдохнуть в тишине и покое в доме своего гостеприимного почитателя. Но отдых длился недолго: весть о приезде Терстегена быстро распространялась, и из разных мест к нему стекались духовно жаждущие люди, чтобы

²¹ 28 июня 1740 года правительство Рейнской области в Дюссельдорфе наложило запрет на все домашние небогослужebные собрания. Готовилось это решение несколько лет, и вызвано оно было всё возрастающим недовольством обывателей, а прежде всего официальных церковных лиц, движением Великого духовного пробуждения, о котором упоминалось выше (см. примеч. 17). Собрания возобновились в Мюльхайме в 1750 году при обстоятельствах, о которых подробно рассказывается ниже.

побеседовать с ним и посоветоваться о своей внутренней жизни. Так он приобрёл в Голландии многих близких друзей, с коими до конца жизни вёл переписку и поддерживал сердечные отношения.

Терстеген переезжает с друзьями в новый дом

До 1746 года Терстеген жил с Генрихом Зоммером в чужих домах, снимая несколько комнат в верхних этажах и оплачивая стол. В названном году он переехал в свой отдельный дом²², где, по привычке, они с Зоммером поселились на втором этаже. Внизу разместилась его духовная сестра и её брат с супругой; они заботились о хозяйстве и кухне, где также приготавливалась бесплатная пища для бедных и немощных горожан.

Смерть Вильгельма Хоффмана, наставника и друга Терстегена

В том же году его возлюбленный собрат, не раз уже упоминавшийся кандидат богословия Хоффман, тяжело занемог. Болезнь лёгких уложила его на несколько недель на одр, с коего после жестоких страданий он перешёл во всерадостную вечность. В эти дни наш Терстеген выказал многие свидетельства своей любви: до самого конца, почти всё время находясь возле больного, он помогал ухаживать за ним и ободрял его утешительными беседами и вдохновенными молитвами. Вскоре после кончины Хоффмана и домашнего молитвенного поминовения, совершённого (при большом

²² Двухэтажный дом в самом центре Мюльхайма, напротив Петри-Кирхе, был предоставлен Терстегену и его домашней общине друзьями в пожизненное владение. Сегодня в этом доме размещается музей Терстегена.

стечении народа), согласно воле покойного, Терстегеном, последний выкупил у родственников Хоффмана его дом и учредил в нём бесплатную гостиницу для приезжавших к нему из отдалённых мест друзей, почему дом сей и до нынешнего дня называется «Странноприимницею».

Приглашение Терстегена в Бармен

Помимо соседних городов Метмана, Хомберга, Хайлигенхауза и проч., где у него было немало добрых знакомств, Терстегена приглашали и в другие места Бергишской земли. Так, в 1747 году, откликаясь на настойчивые призывы, он впервые посетил Бармен. По Божиему благословиению многие жители этого города были чрез него пробуждены к жизни во Христе. В последующие годы Терстеген трижды навещал сих новообращённых христиан; многие из них часто приезжали к нему в Мюльхайм и не могли надивиться особым духовным дарованиям нашего дорогого друга. Его любовь, его терпение и готовность понести немощи слабых и падших, его удивительное умение расположить к себе всякого человека, его помощь во всяких искушениях и испытаниях, его действенная молитва — всё это глубоко запечатлевалось в сердцах людей.

Об упомянутой поездке в Бармен Терстеген так писал своей духовной сестре, к которой питал особое доверие:

«Я решил уступить неустанным просьбам одного старичка-купца и его супруги, живущих в восьми часах езды от меня, и посетить их. Они писали мне, что утвердились в Господе благодаря моим книгам. Не будучи в состоянии сами куда-либо выезжать, они уже полтора года убеждают меня, чтобы я приехал к ним. Два их сына также очень благочестивы и иногда навещают меня.

Мне хотелось совершить это путешествие инкогнито, но это сделалось невозможным, ибо не только в том месте, где я был, множество людей, коих я никогда доселе не видел, засвидетельствовали предо мною своё духовное пробуждение и достаточно глубокое обращение к Богу, так что я, видя искреннее излияние чувств новообращённых душ, весьма растрогался и не знал, как удалиться оттуда, — но и по всей Бергишской земле я должен был в продолжение одиннадцати дней переезжать от места к месту и с утра до вечера был окружён людьми. В одном селении я хотел отдохнуть хотя бы час, но меня заметили на пути и просили пожаловать в амбар, где меня ожидали около двадцати человек, в большинстве своём мне незнакомых, желающих услышать от меня назидательное слово. Вы можете себе представить, дорогая сестра, каково было и моей душе, и телу — я должен был совсем забыть о них. Но я был бы крайне неблагодарен, если б не признал, что Господь весьма укреплял меня Своею благодатью и, насколько я мог видеть, благословлял меня.

В последние дни я почувствовал жар и так простудился, что у меня совсем пропал голос. Господь показал мне этим, что пора возвращаться домой. Но в восемь утра, когда я уже хотел сесть на лошадь, появилось около двадцати пяти человек, некоторые из коих дожидались меня несколько часов (дело происходило в деревне); я мог их только очень кратко приветствовать. — Из всего этого вы можете видеть, сколь необычен и совершенно несвойственен моему внутреннему устройению такой образ действий. Моя всегдашняя склонность к уединению и безмолвию, похоже, дана мне с тою целью, чтобы всё прочее обременяло и мучило меня, — но, может быть, не только мучило, но и предохраняло, дабы я не слишком увлекался и не полагал своей жизни во всей этой внешней деятельности.

Но всюду — великий *глад слышания слова Божия* (Ам. 8:11) среди людей, и нет никого, кто подаст им подобающую пищу. Обычные снеди их больше не насыщают. Кто может, тот да молится, чтобы Господь *выслал делателей на жатву Свою* (Мф. 9:38). 3 октября 1747 года».

*Духовное пробуждение
как плод деятельности некоего студента.
Многие обращённые им прибегают к Терстегену*

В то время как всякое публичное духовное назидание вне церквей в продолжение вот уже ряда лет было запрещено, некий студент из Дуйсбурга²³, переживший внутреннее обращение к Богу, стал открыто призывать к покаянию и держать многолюдные речи в Шпельдорфе, Штируме и Мюльхайме. Многие души, осознав под влиянием сих речей свою падшесть, прибегали к нашему Терстегену, дабы обнажить пред ним свои греховные язвы и получить утешение и наставление к исправлению жизни. Его советы в таких случаях были столь благословенны и действенны, что принявшие их ревностно вступали в борьбу с грехом и приходили к истинной вере в Господа Иисуса, в каковой они, по милости Божией, неколебимо пребывают и поныне. Повествования Терстегена об этом времени своей близкой духовной сестре, о коей мы уже

²³ Якоб Шевалье (1728–1786), происхождением из Амстердама. Поступив в 1749 году на теологический факультет Дуйсбургского университета, он почти сразу начал с горячностью проповедовать в окрестных городах, привлекая на свою сторону массу народа. Терстеген доброжелательно, но и не без опаски относился к его деятельности, считая, что он духовно весьма незрел и в немалой степени движим стремлением к власти над душами. Впоследствии Шевалье вернулся в Голландию, где с 1753 года и до кончины служил пастором и проповедником в разных церквах. См.: *van Andel*. S. 52–54.

упоминали выше, заслуживают того, чтобы мы поместили оные здесь.

«Вот уже несколько дней, — пишет он среди прочего, — я вновь недомогаю по причине простуды и того, что три или четыре недели я не имею покоя от беспрестанных визитов множества людей, коих, как кажется, коснулось духовное пробуждение. На второй день Рождества, почувствовав себя достаточно хорошо, я нашёл в себе силы и желание пойти в собрание и произнести небольшую речь — чего я не делал вот уже больше года. Никогда я не видел столько народа в собрании. После сей речи количество посещающих меня ещё более увеличилось. Мне пришлось смириться с этим — ведь угождение Богу и служение ближним гораздо важнее здоровья, да и самой жизни. Впрочем, признаюсь, что я не получил здесь извещения от Господа. Я поступаю так, как велят обстоятельства, и прошу у Бога о прощении, если кому-то это не идёт на пользу. Единственное, в чём я уверен, что по своему устройению мне лучше совсем бы скрыться куда-либо, если б только была такая возможность. Господь да управит нас во всё!»²⁴

В другом письме он говорит:

«Слава Богу! духовное пробуждение ширится у нас. В течение нескольких недель подряд с утра до вечера меня

²⁴ Это письмо датировано 14 января 1746 года, стало быть, оно не относится к «этому времени», о котором идёт речь в данном разделе. Очевидно, составители «Жизнеописания» хотели обнародовать все имевшиеся в их распоряжении письма Терстегена к «близкой духовной сестре» (ею была благочестивая незамужняя знатная дама из Голландии Мария д'Орвиль (1704–1755); о ней и о её переписке с Терстегеном говорится ниже в тексте) и «подогнали» к повествованию о 1750 году более раннее письмо как подходящее по содержанию. Из этого письма видно, что запрет 1740 года мало повлиял на возобновляющиеся время от времени волны Великого духовного пробуждения и что домашние собрания «явочным порядком» так или иначе проводились.

ожидают посетители, дабы увидеться со мною. Многие вынуждены приходить по пять или шесть раз, прежде чем нам удастся поговорить хотя бы четверть часа. Нередко бывает, что мне приходится беседовать одновременно с десятью, двадцатью, а то и тридцатью душами, нуждающимися в духовном утешении. Речи Шевалье, хоть и несколько поверхностные, приносят пользу немалому числу людей, поскольку пробуждают их к покаянию. По его, и многих жаждущих душ, настоянию я решился в прошлом месяце провести вместе с ним домашнее собрание. Я давно не говорил публично. Сошлось от трёхсот до четырёхсот человек, и так как дом был полон до самых дверей, то люди брали лестницы и, поставив оные к окнам второго этажа, взбирались и оставались на них, внимая происходящему. Воодушевление было велико, и я надеюсь, что всё сие не останется без плода.

Наши пасторы между тем забили тревогу, как трое реформатов, так и лютеранин. Двое первых обратились к власти предрержащим, жаловались и просили, чтобы внецерковные собрания были запрещены. Я ничего об этом не знал, но, предполагая нечто подобное, счёл нужным написать нашему амтману²⁵ письмо, в коем изложил, как прошло собрание, и просил его в будущем не препятствовать сему. И представьте себе! указ о запрещении собраний был уже составлен и лежал у секретаря, приготовленный к подписанию и обнародованию на следующий день. Амтман, весьма ко мне расположенный и не осведомлённый, что я сам вёл собрание, повелел секретарю немедленно принести ему указ обратно и переслал оный мне, присовокупив собственноручно написанное им чрезвычайно дружелюб-

²⁵ Амтман — назначаемое должностное лицо, отвечающее за общественный порядок в городе.

ное письмецо. Я известил пасторов, что никакого запрета не будет, представил их совести неблаговидность совершённого ими поступка и предложил им собраться, выслушать Шевалье и испытать смысл его речей, уверяя, что их церкви вновь наполнятся людьми, когда те увидят, что их пастыри не препятствуют доброму делу; в то время как сейчас городские церкви, наоборот, стоят пустые. В ответ на это они обратились к нашему судье, который очень плохо относится к собраниям. Тогда я написал ему достаточно резкое послание, в коем представил ему, как дурно он поступит, если запретит благочестивые собрания, а при этом будет продолжать закрывать глаза на шарлатанов-знахарей, скоморохов-канатоходцев, буйные народные игрища и пьянки. Каково ему, судье, будет на смертном ложе? как всё это предстанет пред ним? Одним словом, судья и прочие начальствующие мужи уступили и признали, что я прав. 1 января 1751 г.».

Полтора месяца спустя Терстеген пишет:

«Духовное движение здесь и в окрестных местах всё увеличивается. Жаждающих Бога становится всё больше, и по временам я с утра до вечера только и занят тем, чтобы говорить о пути истины то приватно, то с бóльшим или меньшим кругом посетителей. За это время я только один раз держал речь в собрании вне дома, где было около четырёхсот человек; но и не выходя никуда, я постоянно обращаюсь с людьми. В прошлый четверг, едва я в восемь утра, и совсем не отдохнув, пробудился, чтобы успеть написать письмо к отходящей почте, мне сообщили, что перед крыльцом собралось целое войско крестьян, желающих получить от меня назидание. Через полчаса я уже находился в окружении пятидесяти человек, коим и говорил на Исаию 55:10–11. Посреди речи среди слушателей произошло некоторое воз-

буждение, и если бы я не заметил оное и не предпринял меры, дабы утишить его, то всё собрание пришло бы в немалое волнение, ибо два человека начали сильно дрожать и уже сползать на пол. Я всегда стараюсь пресекать такие вещи, насколько это возможно²⁶. Как раз в это время один из наших пасторов пришёл ко мне в дом. Внизу его оповестили, что меня неожиданно посетил множество друзей, с коими я сейчас и беседую, и, если он хочет, пусть пройдёт наверх и послушает, что я говорю; ведь он, как кажется, предубеждён против домашних собраний. На это пастор с возмущением ответил: “Кто вам сказал, что я против *ваших* собраний?” — и ушёл. После обеда он опять пришёл ко мне; я рассказал ему об утренних событиях и о чём я говорил. Он стал уверять меня, что против меня он ничего не имеет и что *мои* собрания вполне допустимы, но только не этого Шевалье, и т. д.

Я всегда возбуждал людям, чтобы они приходили ко мне во время воскресного богослужения. Теперь, как кажется, они сговорились между собою осаждать мой дом в другие дни. После очередного такого визита я, отдалившись от большинства, говорил с несколькими душами, особо нуждающимися в утешении, среди коих была одна вдова, объятая очевидным духовным страхом. Она поверглась на землю к моим ногам; я велел ей немедленно встать. Поднявшись, она тут же стала исповедоваться в своих грехах, весьма, надо признать, тяжких. Видя её отчаянное состояние, я предложил ей открыть мне сердце наедине, с уверением, что всё сказанное ею сохранится в тайне. “Что? — воскликнула она. — В тайне? Пусть об этом узнает весь мир! Я не стра-

²⁶ Здесь мы видим некие протохаризматические явления, столь развившиеся впоследствии. Терстеген был решительным противником такого рода вещей.

шусь позора пред людьми! Пусть меня сожгут, как ведьму, лишь бы мне найти милость у Бога!”

Вы видите теперь, дорогая сестра, что́ делается у нас здесь со многими душами. Малые дети, десяти, двенадцати, четырнадцати лет, обращаются к Богу. Вот вам пример: совсем недавно пришли ко мне человек пятнадцать; среди них была некая новообращённая и стремящаяся к жизни во Христе женщина, а с нею сын одиннадцати лет. Братски прощаясь с посетителями, я протянул руку также и мальчику и спросил его, будет ли и он обучаться благочестию, и говорил прочие слова, соответствующие его возрасту, но он, кажется, совсем не желал меня слушать. Придя же домой, он сказал матери: “Диавол не хотел, чтобы я слушал, что говорит Терстеген. Но я всё хорошо услышал и противился диаволу”, и тому подобное. С тех пор мальчик стал весьма тих, часто уходил на сеновал или в другие места, где он мог уединиться, молился Богу и оплакивал свои грехи, так что даже его отец, человек закоренелый в земном и недруг благочестия, был тронут этим и, похоже, задумался о своей жизни. — При всём этом я вынужден целый день сильно напрягать голову и всё тело, дабы не терять способности к общению. Но не могу не исповедать, что Господь необыкновенно благ и милостив ко мне, и помогает мне многообразно, так что я среди беспокойства и суеты, против всякого ожидания, внутренне достаточно мирен и прост. Но о чём-то духовно большем речи не идёт. Я живу порой так, как будто я уже умер. 23 февраля 1751 г.».

Ещё несколькими месяцами позже Терстеген пишет так:

«Со времени моего прошлого письма я не имел почти ни минуты покоя. Иногда я пробовал просто скрываться, но из этого ничего не выходило. В минувшее воскресенье, едва я встал, пришли больше шестидесяти человек,

настойчиво просившие от меня душеполезного слова; говорил им на Матфея 21:5. Едва я закончил речь, как один за другим стали приходить люди, жаждущие назидания, и так до вечера. Вчера в среду, ни свет ни заря, после того, как я почти всю ночь не спал из-за лихорадки, в нашем хлебном амбаре и в помещениях возле него собралось не меньше двухсот пятидесяти человек, пред коими я, с Божией помощью, держал речь на Послание к Галатам 1:3–5. Сегодня рано утром я вновь вынужден был говорить, ещё за четверть часа вовсе не предполагая того; и сейчас я совсем измучен. Говорил я на последние слова Господа Иисуса: *Совершилось!* (Ин. 19:30) — и утешал себя самого надеждою, что и мой непрерывный труд и изнеможение скоро прекратятся. Я думаю, что мне нужно устроить так, чтобы меньше держать таких речей. А если заводить (как многие хотят) регулярные домашние собрания, то для всех желающих присутствовать не найдётся достаточно места. Между речами и собраниями ко мне неизменно или приходят люди, или я должен писать своим дальним адресатам, etc. 9 апреля 1751 г.».

А вот его очередной рассказ:

«Со времени моего последнего к вам послания всё идёт так диковинно и своеобразно, что я не ранее чем сегодня смог взяться за ответ на ваше любезное письмо от 9 июля. Как прошла моя поездка в Б., продлившаяся из-за постоянного стечения людей на неделю дольше, чем я предполагал, вам уже отчасти поведал наш друг Зоммер. Несколько раз, против моего расположения, я вынужден был говорить публично. Вернувшись домой, я думал над тем, как можно уменьшить становящуюся уже непосильной для меня тяготу, и решил, если Бог даст, учредить регулярное проведение домашних собраний один раз в

две недели; сейчас мне приходится держать речи всякий раз, как стекается народ. Чтобы узнать, когда я намерен проводить собрания, стали приходить люди, да в таком огромном количестве, что я был весьма обескуражен. На следующий день после отъезда Зоммера собралось столько народа, что уже им не находилось места (а мы можем разместить около шестисот человек), и люди всё прибывали и прибывали, проделывая путь по пять, шесть и более часов. Начальство наше разгневалось до крайности; но кончилось всё миром. Я отправился в магистрат и сказал: «Если ваша совесть позволит вам запретить мне говорить, то я в тот же момент подчинюсь; но сам от себя я этого не сделаю, поскольку уверен, что на то есть Божия воля». Прибегать к запрету власти не захотели, но укорили меня, что стечение народа уж слишком велико. Я ответил, что я никого не зову, но никого и не прогоняю. В результате начальство разрешило мне проводить собрания — но только мне, ни Шевалье, ни кому-либо другому. Мне пришлось смириться с этим решением. В магистрат же я обратился не ради себя и не потому, что меня туда призвали, но добровольно, дабы оградить от неприятностей приходящих ко мне людей. 20 августа 1751 г.».

В следующем послании Терстеген сообщает своей собеседнице: «Сейчас я расскажу вам нечто особенное. На другой день после отправки вам моего последнего письма я получил неожиданное известие, что на берегу Рейна меня ждёт экипаж, присланный за мной нашими крефельдскими друзьями. Поскольку я был тогда очень слаб и лежал в постели, то просил Зоммера отвезти им записку, в коей я отклонял приглашение. Тогда они прибыли с каретой прямо сюда и убедили меня всё же поехать с ними на следующий день в Крефельд. Узнав о моём прибытии, тамошние

меннониты²⁷, без всякого моего ведома, собрали свою консисторию и делегировали ко мне двух пасторов с просьбой, чтобы я назначил удобный мне ближайший день для произнесения проповеди в меннонитской церкви (потому что я не собирался оставаться в Крефельде до воскресенья). Это предложение, как вы сами можете себе представить, показалось мне весьма несообразным; но, размыслив, я решил принять его во имя Божие и как Его волю. Утром 25 августа²⁸ упомянутые пасторы зашли за мной и сопровождали меня в церковь, которая была сверх всякой меры заполнена верующими всех здешних христианских обществ, в большинстве же реформатами и меннонитами. Бог дал мне сказать назидательное слово на 2-е послание Петра, 3:11. Поскольку этим моим дерзновенным поступком я старался угодить Богу, а не слушателям, то всё прошло хорошо. Люди были очень тронуты, некоторые столь глубоко, что можно надеяться на серьёзное их обращение к Богу, etc.».

*Терстеген возобновляет
домашние небогослужebные собрания*

Итак, по причине такового умножения алчущих и жаждущих Бога душ Терстеген вновь стал произносить назидательные речи в домашних небогослужebных собраниях. Какой необыкновенной убедительностью, духовной силой и благодатным воздействием отличались сии речи, мо-

²⁷ Меннониты (по имени своего основателя, Менно Симонса, 1496–1561) — протестантское сообщество анабаптистского толка. Одна из важнейших особенностей меннонитов — принципиальный пацифизм.

²⁸ 1751 года. Это был единственный случай в жизни Терстегена, когда он проповедовал с церковной кафедры. См.: *van Andel*. S. 78–79.

гут засвидетельствовать их слушатели, живущие поныне. В 1751 году Терстеген собственноручно записал одну из них на 2-е послание к Коринфянам, 5:14, и под названием «Сила любви Христовой»²⁹ напечатал оную. Всеобщее желание видеть обнародованными и другие его речи было столь велико, что во время собраний в те места, откуда было лучше всего слышно, рассаживали восемь писцов, которые и записывали дословно всё, что говорил Терстеген. Таким образом, с 1753 по 1756 год было собрано тридцать речей, вышедших в свет несколько лет назад под общим заглавием «Духовные крохи с трапезы Господней». Нижеприведённые письма нашего почившего друга могут дать достаточное представление об обстоятельствах произнесения сих речей, равно как и о необычном стечении народа к нему.

«К настоящему времени, — пишет он, — моя голова и глаза пришли почти в полную негодность; ещё и руки стали дрожать. Немногие часы отдыха, кои я мог выкроить между непрерывными визитами бесчисленных посетителей, только усилили сие недомогание, поскольку я должен был отвечать на целые стопки писем. Не знаю, что люди находят во мне, немощном и грешном. Недавно пришёл один совершенно незнакомый мне человек, но подлинный Нафанаил³⁰; он прошёл пешком 64 часа, дабы побеседовать со мной, а я смог ему уделить только два часа. Как можно было не принять его? 25 февраля неожиданно появились приехавшие откуда-то издалека не менее дюжины человек. Тут же об этом узнали мои здешние друзья, и через самое краткое время дом был полон, так что мне пришлось держать речь. Говорил я на прощальную песнь Симеона (Лк. 2:29–32), и некоторые

²⁹ См. на русском языке: *Терстеген, Герхард*. Путь истины. М., 2018. С. 437–476.

³⁰ Отсылка к Ин. 1:47: *Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нём: вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства.*

из слушателей, сам не знаю почему, сказали мне потом, что я произнёс надгробное слово самому себе. Но я рассуждал только о том, что нам нужно, отстранившись от всякого услаждения творением, ожидать, как Симеон, единственно лишь утешения Израилева; и если бы я обладал Симеоновой праведностью, богобоязненностью, его духовными дарами и откровениями, то всё сие я не задумываясь отдал бы за то, чтобы принять на руки Младенца Иисуса, единственное и подлинное утешение Израиля. Господь Сам очищает наши руки для сего; и размышление над тем, как Он это делает, не может не преисполнить нас благоговейным удивлением и любовью. Всё становится для нас ничтожным и скоропреходящим; мы перестаём находить смысл во всём, что здесь; всё утекает от нас, даже такие духовные и благие вещи, которым мы прежде радовались больше жизни и за которые твёрдо держались — и которые стали нам самым большим препятствием именно потому, что мы так держались за них. Иисус, только Иисус — наше всё; но лишь тогда Он становится для нас *всем*, когда мы объедем Его *одного*. О! дал бы Господь, чтобы души, год за годом ищущие Его и приходящие в уныние от бесплодности своих поисков, смиренно вверились внутри и вовне руководству Его Духа, Который со временем приведёт их в подлинный храм Божий, где они смогут поистине объять Господа Иисуса своими духовными руками! 20 марта 1753 г.».

«С тяжёлым чувством я ожидал рождественских праздников, ибо я крайне устал от визитов, а вместе с тем не видел никакой возможности избежать оных. Но за несколько дней до Рождества мне стало легче. На праздник пришло очень много народу, большей частью из тех мест, откуда я не мог никого ожидать, поскольку почти нигде там не был. Господь дал мне силы и мир, так что я проводил собрания

два дня подряд (а ночь между ними провёл в лихорадке) и говорил на Исаию 9:6 *“Ибо младенец родился нам”* etc. Дом был переполнен людьми; оба дня приходил вместе с ними и наш бургомистр. До Рождества он посылал ко мне узнать, буду ли я держать речь. Я ответил, что намереваюсь; тогда он просил занять для него место. Когда первое собрание закончилось, он сказал мне: “Я слушал, не пропустив ни единого слова!” — и осведомился, буду ли я завтра продолжать (я разделил свою речь на части: 1) словесное молоко человечества Иисуса, 2) твёрдая пища Его божества, 3) власть Его царственного величия и 4) сладость Его святого имени. Первые три пункта я изложил, а четвёртый отнёс на завтрашнее собрание). На следующий день бургомистр опять засвидетельствовал, что ему всё очень понравилось, и, как мне рассказывали, говорил другим: “Кто ругает его собрания, тот пусть последует моему примеру и сходит послушать” etc.

Я не могу сказать, что каким-то образом предчувствую своё отшествие с сей земли или, тем более, имею соответствующее извещение от Бога. Когда я говорю о своих немощах, я говорю и рассуждаю о том, что испытываю в настоящий момент или что предвидит мой рассудок как следствие того или иного моего болезненного расстройтва. Впрочем, рассудок часто ошибается, так что я не понимаю, как я всё это чудом выдерживаю. Одному Богу слава! Великое множество друзей, здешних и нездешних, причиняет мне порой чрезмерную тяготу, особенно чувствительную при обращении с людьми больными и пребывающими в искушениях; так что по временам я почти уже решался на то, чтобы совсем удалиться куда-нибудь. Но поскольку *мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков*, и, стало быть, должны, *трудясь и терпя* (1 Кор. 4:9–13), всячески служить людям, то, конечно, мне не следует постоянно думать о себе

и так уж беречь себя. В связи со всеми этими размышлениями в конце последнего собрания (первого в этом году) при поздравлении с новым годом во мне родилось следующее слово: “Если я, как маленькая и едва светящая звёздочка, должен ещё оставаться на небосклоне нашей, собранной здесь, церкви, то, конечно, я никуда не уйду. Я знаю, кто я и сколь всецело завишу от Господа; и ни скорби от людей, ни попечения о плоти не заградят мне уста. Я надеюсь, что все вы по совести, пред лицом Божиим, можете засвидетельствовать, что я всегда руководил вас ко Христу и никогда — к себе, etc. Дайте же мне пред Богом вновь ваши руки; помогайте мне своими молитвами, а особенно своей нелицемерной жизнью в Господе. Я должен ещё сказать, братья и сёстры, что некоторые из вас в прошедшем году нередко весьма отягощали моё сердце и лишали меня сил. Это нехорошо. Господь да примирит всех нас!” и т. п. Последние слова тяжело огорчили тех, кого это касалось; они приходили ко мне, со слезами испрашивая прощения, etc.»³¹.

Расстройство здоровья Терстегена вынуждает его прекратить произнесение назидательных речей

Все сии годы стечение народа на его собрания было столь велико, что наш ритор был вынужден почти кричать, дабы наполнить своим голосом пространство пяти или шести комнат. К 1756 году это привело к такому расстройству его здоровья, что он был вынужден вовсе прекратить произнесение назидательных речей в больших собраниях; также он отказался и от дальних поездок. Только в соседние горо-

³¹ Письмо не датировано, но оно не могло быть написано позже 1755 года, поскольку именно в этом году умерла Мария д’Орвиль, единственный адресат, с которым Терстеген был столь откровенен.

да, Дуйсбург, Шпельдорф и Эссен, он иногда ездил верхом, дабы предоставить своему ослабевшему телу необходимое движение и повидаться с тамошними друзьями. В хорошие весенние и летние дни он также совершал пешие прогулки в небольшом обществе, особенно когда его посещали друзья, приехавшие издалека. В таких случаях они доходили до близлежащего леса, располагающегося в получасе ходьбы от дома, и пили там чай и вели душеполезные беседы, предваряемые пением духовного гимна и завершаемые читаемой Терстегеном молитвой.

Подробные сведения о духовном облике Терстегена

Здесь можно было бы закончить повествование о жизненном пути покойного³² и перейти к рассказу о его последних часах. Но поскольку было бы неправильно лишить возлюбленного читателя сведений о духовных дарованиях Терстегена, обильно почивавшей на нём благодати и его благородном душевном устроении, то мы рассудили сколь возможно обстоятельно изложить оные.

Его духовное просвещение

Как велико было духовное просвещение его разума и какое глубокое проникновение в Священное Писание даровал ему Господь, с очевидностью доказывают все его книги, осо-

³² В «Жизнеописании» не упоминается следующий важный эпизод биографии Терстегена: в 1754 году в Мюльхайм прибыл высокопоставленный чиновник оберконсistorии Прусского королевства Юлиус Хекер с поручением прусского правительства проверить образ мыслей Терстегена, широко известного уже не только во всей Германии, но и за её пределами. Правоверие его было подтверждено, а проповедническая и учительская деятельность получила высокую оценку. См.: *van Andel*. S. 64–65.

бенно назидательные речи, обнаруженные под заглавием «Духовные крохи с трапезы Господней», в коих Терстеген, минуя немощи человеческого мудрования, сразу вводит своего читателя в самую суть вещей.

Опытное познание Бога и Его путей

Столь же ясно видится из его писаний высокое, происходящее от истинного опыта познание Господа и Его путей; достаточно вникнуть в некоторые его духовные гимны, исполненные смиренных и чистых благоговейных мыслей о Боге, Его бытии, свойствах и совершенствах — «Ах, Боже, тот Тебя не знает, кто в сердце не нашёл Тебя»³³ или «Бог есть! Бог есть! о радость! аллилуйя!»³⁴, — чтобы убедиться в этом. Сам автор не раз говорил: «Благодарю Бога, что Он продлил мою жизнь, дабы я мог познать Его!» Сии слова он произнёс впервые в 1738 году, когда его посетила тяжкая болезнь, почти не оставлявшая надежды на выздоровление. Тогда он с большим чувством высказал их одному своему другу, приехавшему уже проститься с ним навсегда, и присовокупил к сему: «Я совершенно спокоен в Господе о своих сочинениях, которые я оставляю после себя. Я не чувствую никакой тревоги или укоров совести за то, что в них содержалось бы нечто сомнительное или неверное. Всё, что я писал, я испытал на себе и с несомненностью удостоверился в истине оного; поэтому могу с миром отойти в вечность». Позже он говорил так: «Когда я отойду с земли, я представлю пред дверьми блаженной вечности как самый нищий и недостойный человек, жаждущий — и уповающий — войти

³³ *Tersteegen, Gerhard*. Geistliches Blumengärtlein. Stuttgart, 1927. S. 311–320.

³⁴ Там же. S. 383–391.

в них исключительно по Божию милосердию. Между тем я благодарю Господа, давшего мне столь долгие годы жизни, дабы я неким внутренним образом познал Его; никакое ложное смирение не заставит меня отрицаться сего, и я буду благословлять и славить Его за это во веки. Ах! какое благо, оставив в сторону все высокие чувства, всё просвещение и благодатные дары, знать и разуметь одного только Бога, такого, каков Он есть! Да! сия есть жизнь вечная, знать *такого* Бога! (Ин. 17:3). Ненасытимое стремление людей к знанию, пусть даже и духовному, есть убедительнейшее доказательство, что они не знают Бога. Бог всесторонне и во всей полноте довольствуется нас, и только Он один может всецело и навек заполнить и запечатлеть бездонный сосуд нашей жажды знания подлинным и всеблаженным утолением».

Дальнейшие свидетельства такового познания

Возлюбленный читатель, несомненно, не посетует на нас за то, что мы предложим ему обширные выдержки из писем нашего Терстегена, откуда усматривается глубина его опытного богопознания. Сии послания были адресованы уже не раз упоминавшейся нами сердечно близкой ему по духу благородной даме, жившей в детской простоте и совершенной преданности Богу в Амстердаме. После её блаженной кончины в 1755 году все письма Терстегена ей³⁵ были возвращены автору, из наследия коего они ныне и извлекаются для использования в настоящем «Жизнеописании».

³⁵ Ни одного письма Марии д'Орвиль Терстегену не сохранилось; Терстеген тщательно уничтожал все получаемые им письма. См.: *Ludewig, Hansgünter. Mein Leben sei ein Wandern. Die geistliche Biographie Gerhard Tersteegens. Gies- sen, 2019. S. 415.*

«Сими строками спешу уведомить вас, что Господу было угодно повергнуть меня на одр болезни. В первые дни моего недуга я лежал, как некое неразумное животное, не имея ни чувства, ни даже малейшей мысли о Боге и о своей душе. Сейчас мне гораздо лучше, и разум мой вернулся к утешительному и умиряющему созерцанию, что Бог есть и что Его благодати, премудрости, державе, любви, святости и прочим бесконечным совершенствам в высшей степени подобает ответная любовь и благоговейное поклонение. И таким образом моя болезнь весьма укрепила меня в той истине, что Бог, и всё Божие, и все Его дела, и все Его пути есть подлинная и единственная пища и блаженство для сотворённого Им духа. В Нём всё наше благо. 1 февраля 1746 г.»

«Мы знаем, что Бог один бесконечно благ; что Он с удивительным милосердием печётся о Своём творении, и особенно о Своих чадах во Христе; что Он с непостижимым снисхождением к их слабостям приуготовляет их к сладчайшей вечности и что Он с великой нежностью любит их. Несмотря на всё сие, мы снова и снова отворачиваемся от Него и предпочитаем довольствоваться самими собой. Как давно я хожу в школу нашего божественного Наставника и уже учу других — а всё, как нерадивое дитя, не усваиваю Его уроки, так что сам дивлюсь таковой своей немощи! Впрочем, ныне, как кажется, мне удаётся в простоте препоручать себя и всё своё Богу и в мире и спокойствии души *оставлять* всё и *следовать за Ним* (Мф. 4:20; 9:9). Я нищ, *но всем обладаю*; я ничего, поистине ничего не могу, *но всегда радуюсь* (2 Кор. 6:10). Искушения и испытания, страдания и труды, кои мне казались выше непроходимых гор, умалются и исчезают в соприсутствии Господа; я совсем забываю про них, и они больше не страшат меня, хотя в одиночестве естества были для меня ужасны. Но я, похоже, слишком красиво говорю;

может быть, пред Богом всё это выглядит иначе. Я вверяю себя Ему, и пусть всё будет как будет. Вернее сказать: не имеет значения, как оно будет, лишь бы была воля Божия. Я не хочу и не могу полагаться ни на что, кроме Него одного. 9 февраля 1748 г.».

«Вы спрашиваете, каково моё внутреннее состояние в настоящей болезни. Что мне ответить? Я не знаю; и никогда, может быть, моё незнание не было столь полным. Умом и чувствами я уразумеваю (и, как мне представляется, с великой ясностью уразумеваю) совершеннейшее *ничто* себя самого и всякого творения; но это не ужасает меня — в глубине духа я спокоен, и мирен, и бесстрашен, сам не понимаю почему. Порой по слабости головы я не могу думать ни о Боге, ни о своей душе. Но и тогда я уверен, что Бог есть и что Он велик, благ и свят. Одно простое воспоминание сего, когда Бог даёт мне оное, безмерно утешает меня и сразу изгоняет любую тяготу. О, как мы должны радоваться, что имеем *такого* Бога! Он есть всякое благо, совершенство, бесконечная слава и свет; Он всеблажен и один только может соделать в нас всё добрым и святым! 8 марта 1748 г.».

«Сколь непостижимы, сколь необычайны пути Господни! Всегда всё бывает иначе, чем мы думаем. Едва мы хотим перевести дыхание, как *гонят нас со всякой горы, и со всякого холма, и из ущелий скал* (Иер. 16:16) — и гонят от одной потери к другой, пока мы не станем настолько нищи, что нам уже нечего будет терять, и настолько посрамлены, что нам придётся отложить всю свою само-заботливость. Но, несмотря ни на что, — вперёд, только вперёд, о имени Господнем! Он да живёт в нас и правит нами! Да свершается Его воля — дабы мы, поистине умерев себе и всему своему, вошли в Его радость, Его мир и Его покой! Что же нам для этого нужно делать? Ничего другого, как только взирать на всё простым

оком, подобно младенцу в колыбели, и внутренне, от всего сердца и с благоговением принять, что *Господь* бесконечно *благ и праведен* и что *все пути Его — милость и истина* (Пс. 24:8, 10); и не спрашивать, а точно ли так. Это и есть *нищета духа* (Мф. 5:3); о, если бы все души приобщились сей нищете! Сколь редки по-настоящему Божии души; но не блаженны ли они? *Господь — часть наследия их* (Пс. 15:5), их благо и их всё! Я сердечно желаю, чтобы и с нами было так. Молитесь за меня, дорогая сестра, и передайте от меня всем вашим, чтобы и они присоединились к сей молитве; очень нуждаюсь в этом. 22 октября 1751 г.»

«Я трепещу и повергаюсь в прах, когда уразумеваю, что Бог учредил такой путь ко спасению, на коем у нас отнимается всё, но даётся Он Сам — и этим мы как бы “естественным порядком” понуждаемся прилепляться к Богу, единиться с Ним, жить только Им и тем, что от Него, и всегда пребывать в нищете, дабы поистине иметь всё. Это путь для детей (Мф. 18:3), не обременённых ничем, и умные взрослые глядят на него свысока. Пока человек хочет владеть всем и держать все нити в своих руках, он будет находиться в тесноте; и пока он ищет Царства *здесь или там* (Лк. 17:21), он будет проходить мимо него. Но кто последует протянутой ему нити любви, тот скоро обрящет оное. Спаситель наш Иисус Сам да возвестит *лето Господне благоприятное* (Лк. 4:19) для малых детей Своих!»³⁶

«Мы видимся с вами, возлюбленная сестра, и с другими чадами Божиими у вас редко, но сердце наше говорит нам — и радуется в нас — о том, что мы всегда вместе, принадлежим одному и тому же обществу Господню и идём одним и тем же Господним путём. Моё сердце, во всяком случае, яв-

³⁶ Письмо не датировано. Скорее всего, это новогоднее поздравление.

ственно чувствует эту взаимную любовь, и я думаю, что продолжением своего существования, каково оно есть, я обязан, после Бога, сей любви и вашим молитвам. Бог — наше величайшее утешение и отрада; и я знаю, что все, опытно хоть сколько-нибудь познавшие Его, не могут не любить Его и не восхвалять Его любовь пред всем миром, даже если им и приходится многие годы испытывать духовное оскудение и тьму. Мне тоже есть что поведать об этом. И я нередко вздыхаю на своём пути; порой бремя, которое я несу, становится очень тяжким; телу и душе тогда бывает совсем невмоготу; но сонне это почти незаметно, так что другие люди считают, что я нахожусь в прекрасном расположении духа. И при всём том я не могу сказать о моём Господе никаких иных слов, кроме добрых; и в величайшем оскудении веры Он может подкрепить мой дух и действительно подкрепляет его (3 Цар. 19:8), дабы я окончательно не изнемог. Кто подлинно предал себя Богу и во всём положился на Него, тот никогда не постыдится; и Бог являет Свою славу, когда мы в малом и великом дерзаем о Нём. В нас самих нет ничего, кроме падшести и немощи (о! сколь немного тех, кто по-настоящему, в смиренном самоумалении, верует сему!); в Иисусе же преизбыточествует всё, что нам необходимо. Это великая истина; но последнее познаётся только по мере того, как нам открывается первое. 8 марта 1754 г.»

«Доселе Господь всегда помогал мне, и ныне помогает, и осеняет упованием, что будет неизменно помогать и впредь. О, благость и верность Божия! Как нам не любить Его? Как не дерзать во всём о имени Его? Как не ввериться безоговорочно, с закрытыми глазами, Его благодатному руководству? Бог видит, что наилучший способ покорить и приобрести для Себя наши сердца — это любовь, потому Он так изобильно и изливает её на нас. Каждый может составить

свой бесконечный список Божиих к нему благодеяний, помощи и любви. *Бог доказывает* (или, если точнее перевести с греческого, — *Бог являет*) *Свою любовь к нам* (Рим. 5:8) самыми разнообразными способами; и это есть величайшее и последнее звание Бога к человеку. Если Его любовь и столь многие благодеяния, проистекающие из оной, не подвигнут нас к ответной сердечной любви к Нему и последованию за Ним, то никакого иного средства *не остаётся более* (Евр. 10:26). — Я преисполнен благодарности к Богу за ту Его милость, поддержку и утешение, какие Он даровал мне в моём последнем путешествии к вам, равно как и за наше душеполезное общение. Не могу не написать вам об этом, как и из вашего любезного письма вижу, что вы и все ваши испытываете те же чувства. Господь да даст вознести Ему в наших сердцах и во всей нашей жизни славу, честь и благодарственное поклонение! В этот раз я оставил часть своей души у вас в гораздо большей мере, чем прежде, и уверен, что телесное моё отсутствие никоим образом не разлучает и не разлучит нас. 5 июля 1754 г.»

«Не могу вам передать, дорогая сестра, какой ничтожной и малоценной чем дальше, тем больше становится для меня сия земная жизнь со всем, что относится к ней! Иногда я, как ребёнок, расстраиваюсь из-за того, что люди — и притом благочестивые люди! — всё не перестают играть в куклы и теряют драгоценное время! Как огорчает меня то, что Бога, внутренне нам так близкого, насыщающего нас такой полнотой вседовольства, не ищут, не познаёт, не любят и не прославляют так, как это подобает! Порой меня охватывает такое сострадание к людям, что я не могу об этом не говорить. Порой же мне хочется всё бросить и не думать ни о чём, дабы не растрчивать попусту своего времени и жить только для Бога и вечности. Но да будет воля Божия моею

жизнью! Погрузившись в неё, я смогу забыть себя и все свои печали. Впрочем, вокруг меня немало душ, о коих я с радостью и благодарностью Богу готов сказать: *Как благ Бог к Израилю, к чистым сердцем!* (Пс. 72:1). Дивен Бог Сам в Себе, и дивен Бог *во святых* Своих чадах, *которые на земле!* (Пс. 15:3). 1 ноября 1754 г.».

Чистое исповедание евангельских истин

Сколь велик был духовный опыт и духовное разумение нашего почившего друга, столь же безупречным было его евангельское исповедание. Чтобы убедиться в этом, достаточно непредвзято просмотреть все его сочинения, особенно «Путь истины». Уже сразу после своего обращения к Богу он мыслил об основополагающих истинах христианства чисто и по Писанию. Вот некоторые примеры. Один доньше живущий его добрый знакомый рассказывал, что когда он впервые посетил Терстегена в 1727 году, то в конце их беседы тот с особой силой подчеркнул, что духовная жизнь зиждется на следующих началах: 1) примирение с Богом, совершённое Иисусом Христом; 2) слово Божие; 3) Дух Христов; 4) образ Христов. И всякий, знавший Терстегена, может засвидетельствовать, что он всегда наставлял и призывал всех только и исключительно ко Христу как единственному основанию нашего спасения и вечного блаженства.

Ещё один пример. Когда некий другой знакомый укорял Терстегена, что он-де недостаточно «евангеличен»³⁷, тот ответил: «Я рад и счастлив, что удостоен свидетельствовать

³⁷ Здесь имеются в виду постоянные обвинения Терстегена в том, что он не признаёт «спасение только верой», потому что призывает к всецелому последованию Христу, аскетическому отвержению мира, борьбе с грехом, постоянной молитве и т. п. (то есть якобы к «спасению делами»).

обо всех сих ясных, сущностных и драгоценнейших истинах внутренней христианской жизни, столь попираемой и отвергаемой не только неверующими, но и многими благочестивыми людьми! И если бы, когда повлекут меня со смертного одра предстать пред очи Господни, мне было возможно испросить позволения на последнее земное желание, то я бы на весь мир прокричал: Бог один есть источник жизни, и невозможно обрести и вкусить сего Бога иначе, чем шествуя по узкому пути внутренней молитвы, умирания ветхому человеку и сокровенной жизни со Христом в Боге — пути, открытому нам и освящённому для нас смертью Христовой!»

Найдите также в «Цветнике духовном» прекрасные, исполненные веры и любви гимны «О сколь ко мне Ты благ, мой Пастырь»³⁸ или «О Агнец Божий, Ты мой Бог»³⁹ и многие другие. Они покажут вам, что воззрения и веру блаженнопочившего автора нельзя назвать никакими иными, как чисто евангельскими.

Постоянство в сем исповедании

В чистом исповедании истин спасения Терстеген был постоянен и неколебим. Опытное разумение сих истин, данное ему по прошествии пятилетнего испытания внутренней тьмой, оставалось неизменным; он только всё более утверждался и укоренялся в них. Если читать его письма первых и последних лет, то это постоянство обнаружится с очевидностью; разве что в поздних письмах, как кажется, ещё прибавляется благодатной мудрости и сострадания к ближним.

³⁸ *Tersteegen, Gerhard*. Geistliches Blumengärtlein. Stuttgart, 1927. S. 278–279.

³⁹ Там же. S. 355–357.

Нашего почившего друга стремились привлечь на свою сторону почти все церковные сообщества и партии; но он не хотел ни с кем иметь дела, кроме тех, кто искренне желал жить по Писанию и руководству благодати Божией. Он всегда возвышал свой голос (чего бы ему это ни стоило), когда видел, что свет истины и подлинное познание христианства затемняются. Одному реформатскому пастору, не внявшему его доброму совету об осторожности в обращении с гернгутерской общиной⁴⁰, Терстеген писал: «Разве я должен был кривить сердцем (как это ныне, увы, принято) и говорить тебе не то, что думаю? Я читаю и перечитываю своё последнее к тебе письмо и испытываю его пред Богом и никак, никоим образом и ни за какие блага не могу сказать, что нахожу в нём что-либо неправильное, пусть даже и весь мир (а не только ты намёками в своём письме) будет говорить мне, что я держусь за своё мнение — хотя это не “мнение”, а непреложная истина! — по пристрастию или по недостатку смирения. Нет, Господи! непусти мне умножать свои и без того немалые грехи ещё и такой постыдной неверностью, чтобы я хоть на волос уклонился от открытой мне Тобой святой истины и из-за лицемерия или излишней уступчивости не отстаивал её, потому что, видите ли, тот или

⁴⁰ Гернгутеры (от *Herrnhut* — под защитой Господней) — пиетистское движение, основанное в 1722 году выдающимся религиозным деятелем, проповедником и поэтом графом Николаем Людвигом фон Цинцендорфом (1700–1760). Терстеген критиковал гернгутеров за то, что они останавливались на начальных этапах обращения к Богу, считая их уже достигнутой полнотой христианской жизни. Подробному разбору такого «поверхностного христианства» посвящён V трактат «Пути истины» (М., 2018. С. 197–251). В известном смысле гернгутеров можно считать родоначальниками современного неопротестантизма с его очень упрощённым подходом к духовной жизни («стоит только уверовать, и дело спасения уже совершено»). О полемике Терстегена с гернгутерами см. ниже в тексте.

иной хороший человек или то или иное всеми почитаемое сообщество не согласно с ней!»

Дар испытания духов

Так твёрдо держаться своего исповедания он мог потому, что ему был дан особый дар *испытания духов*, от Бога ли они (1 Ин. 4:1); полагаем, что некоторые свидетельства сего будут небезынтересны возлюбленному читателю. Ещё в самом начале своего пути Терстеген подвергся нападению злых духов, каковое он приписывал обращению с несколькими излишне экзальтированными людьми. Именно, когда он, оканчивая свою работу, приступал к безмолвию и молитве, то во всём его теле поднималось странное возбуждение, переходящее в дрожание всех членов. Поскольку он уже внутренне разумел, что Божий Дух покоен, мирен и тих, то сразу распознал, что имеет дело с чуждым, немирным и устрашающим духом, и всякий раз пресекал его действия, невозмутимо возвращаясь к работе. После нескольких атак это возбуждение и дрожание прошло, и искушению был положен конец.

Вот ещё один случай. Некая весьма немощная дама начала слышать по ночам особенные голоса, призывающие её подняться с постели и встать на молитву. Так как её болезненное тело не могло вынести стояния в холодной комнате (была зима), то она решила спросить у Терстегена, как ей быть. Тот порекомендовал ей, чтобы, если вновь раздадутся сии мнимые голоса, она не отказывалась обратиться к молитве, но не вставая и не покидая тёплой постели. Когда дама исполнила этот совет, голоса прекратились, а вместе с ними пресекались и прочие необычные явления, случавшиеся с нею.

Упомянем здесь и следующую историю. Однажды Терстегена посетил его знакомый, доверительно общавшийся с

некоторой особой, детски преданной Богу, но имевшей многочисленные видения и знамения, также рассказывающей о всяких значительных событиях, кои должны произойти после её смерти. Всё это сей знакомый поведал нашему другу и получил от него следующий ответ: «Не обращай внимания на эти экстраординарные явления; в них много путаницы и опасностей. Я с любовью отношусь к названной особе и ценю её христианское устройство, порождаемое в ней благодатью Божией. Но нам с тобой ещё предстоит быть свидетелями того, что из всех сих “духовных” вещей, которые, казалось бы, можно себе только пожелать, ничего не выйдет». Дальнейшее подтвердило эти слова. После смерти сей особы Терстеген и его знакомый встретились вновь, и последний стал каяться, что не последовал мудрому совету. На это Терстеген сказал: «Это пойдёт тебе на пользу и послужит предостережением на будущее, дабы ты не увлекался такими чрезвычайными вещами и не обращал на них внимания». — Наш покойный друг не принижал и не отвергал особых благодатных даров, видений и откровений; но его наставления всегда были направлены на то, что все таковые необходимо самым основательным и тщательным образом проверять, поскольку люди, к сим явлениям предрасположенные, могут быть с необыкновенной лёгкостью обмануты злыми духами.

*Действие сего дара
в отношении общины гернгутеров*

Дар различения духов, коим обладал наш покойный друг, особенно проявился в отношении вышеупомянутой гернгутерской общины. Сия община прилагала все мыслимые усилия, дабы привлечь Терстегена на свою сторону, в надежде, что за ним последует и множество его духовных

чад. Но Бог не оставил его без Своего просвещения и подал ему необходимую благодать для истинного разумения дела. Сам граф Цинцендорф, как только мог, пытался расположить Терстегена к себе и к своему сообществу. Сначала он писал ему наилюбезнейшие письма, затем посылал к нему братьев-общинников. Наконец к Терстегену явился один из наиболее почитаемых руководителей гернгутеров, высокоодарённый муж И. Д. М., который, желая покорить сердце нашего друга, пал к его ногам и стал просить у него благословения. Но такие преувеличенные выражения приязни вовсе не ослепляли его и не меняли его суждений; наоборот, он с тем большей убедительностью предостерегал людей от присущих гернгутерам покривлений истины, так что многие души, уже вступившие в сообщество, не медлили покинуть оное.

Одному своему знакомому, реформатскому пастору, тесно связанному с гернгутерами, Терстеген (кoему сей пастор причинил немало скорбей) писал, среди прочего, следующее: «Я полагаю, что гернгутерское братство не радуется нашего Господа, и присоединяюсь ко многим досточтимым критикам, письменно обличающим заблуждения и поверхностность сего сообщества, каковые и я ни принять, ни оправдать не могу. Я приостановил переписку с гернгутерами не потому, как ты пишешь, что я не хочу подвергаться вместе с ними гонениям⁴¹, и уж тем более не потому, что я (как ты совершенно неправильно думаешь) не расположен поддерживать общение со всеми добрыми душами среди них, но, во-первых, из-за несогласия с их лжеучением, отрицающим тесный путь, коим шёл Господь и все Его святые,

⁴¹ Гернгутеры в Германии с 1736 года были гонимы. Наиболее свободно они чувствовали себя в Голландии.

и т. д.; а во-вторых, из-за того, что они повсюду распустили слух, что я теперь во всём единомыслен с ними, и, следовательно, моя переписка с кем-либо из членов братства будет использоваться, чтобы завлечь к ним сторонних людей из числа тех, кто меня любит. Так уже случалось, и не раз. Впрочем, я надеюсь, что со временем они увидят свои ошибки и исправятся, целительным и смиренным средством для чего да послужит им столь отвергаемая ими истина о внутреннем и внешнем несении креста. И хотя мне сообщили из Гааги, что гернгутерское сообщество ныне взялось за улучшение своих порядков, но поскольку главные их заблуждения теперь не только выводятся на свет Божий их критиками, но и они сами в своих учительных книгах прямо и открыто постулируют оные, к уничижению драгоценнейшей крови и ран Господа нашего Иисуса Христа, то все сии исправления бесполезны. Ни ответы даже лучших из них на обращённые в их адрес обличения (ответы, надо сказать, весьма неосновательные и легковесные), ни внешние улучшения им не помогут. Если они хотят по-настоящему воздать славу Богу и обрести мир совести и доверие людей, то они должны смиренно и открыто признать своё лжеучение, оставить его и покаяться за причинённый ими соблазн. 6 марта 1750 г.».

*Беспристрастное отношение
ко всем церковным сообществам*

В сложных соприкосновениях Терстегена с гернгутерским братством ясно обнаружилось, насколько беспристрастно он относился к обратившимся к Богу и облагодатствованным душам, принадлежащим к разным церковным сообществам. В 1741 году он высказался по

поводу гернгутеров (весьма ему тогда досаждавших) следующим образом:

«Моё исповедание и моя вера заключается в том, что я, *примирившись Кровию Христовой с Богом* (Кол. 1:20; Рим. 5:10; 2 Кор. 5:19), всецело предаю себя *Духу Христову* (Ин. 14:26; 1 Ин. 2:27), чтобы Он выводил меня из меня самого и всего падшего творения (Лк. 14:26) и приводил к Богу, дабы я, чрез каждодневное *умирание ветхому человеку* (Ин. 12:24; Рим. 8:13; Еф. 4:22; Кол. 3:5–9), *претерпевание страданий* (Лк. 21:19; 1 Пет. 4:13; Рим. 8:17; 2 Кор. 1:5; Флп. 1:29; Евр. 10:36) и *молитву* (Лк. 18:1; 1 Фес. 5:17), *жил Ему одному во Иисусе Христе* (Гал. 2:20) и прилеплялся к Нему *сердечной верой* и любовью (Евр. 10:22), уповая стать *одним духом с Ним* (1 Кор. 6:17) и по Его чистой милости и *благодати* во Христе достичь *вечного спасения* и блаженства (Еф. 2:5). Со всяким человеком, кто верует и живёт так же (будь он в моём церковном сообществе, коему я принадлежу от рождения, или в любом другом), я нахожусь в одной Церкви и сердечно люблю его, как чадо Божие. Что касается второстепенных предметов религии, то здесь каждый избирает для себя то, что — как он находит — способствует и помогает ему в достижении главной цели. Наличие сих побочных вещей не мешает мне принимать и любить его, лишь бы он верно шёл по своему пути без лицемерия и сектантства. Если говорить о гернгутерах, то тех из них, кто настроен так, как сказано выше, я тоже искренне люблю, и пребываю с ними в единстве, как с подлинными детьми Божиими. Но постулаты, заставляющие членов сей общины отделяться от других чад Господа, идущих путём Его, я никак не могу ни разделить, ни одобрить. Я горько сожалею, что в христианстве так много разделений, но несравненно более огорчаюсь, если сии разделения кто-то ещё и умножает».

Таковую беспристрастность наш почивший друг выказывал и вообще в отношении всех христиан. Один из трёх благочестивых реформатских пасторов, с коими он братски и тепло общался и состоял в переписке, однажды спросил его, к какой церкви принадлежат те, кто к нему приходит. Терстеген ответил: «Я не спрашиваю, откуда они приходят, но куда они хотят придти». — Более подробно о его воззрениях на сей счёт читайте в письме 76 части II немецкого сборника писем⁴².

Неизменное пребывание в соприсутствии Божиим

Столь изумлявшие всех познания Терстегена о Боге и Его истинах не были одним лишь умозрением, но основывались на живых отношениях с Господом. Божие соприсутствие было глубоко напечатлено в его сердце и наполняло всё его существование великим благоговением и любовью к Богу. Он неколебимо веровал — и был удостоверен в этом, — что Бог неким особым образом присутствует в его сердце. Он твёрдо знал, что Господь видит и пронизает его насквозь, до самых оснований, и всецело открывался сему Солнцу благодати, дабы его лучи освещали, согревали и оживляли его. Соответственно тому и все его внутренние и внешние действия исходили не из самонапряжения или законнического принуждения, но проистекали из свободного и мирного побуждения соприсутствующей ему любви Божией. Главным его духовным делом было постоянное взирание на столь внутренне близкого ему Господа и Спасителя, каковое взирание всё более просвещало его и напитывало живительными соками *истинной лозы* (Ин. 15:1, 4–5).

⁴² См. наст. изд., письмо 110.

Также и другим он постоянно говорил о благодати сопри-
сутствия Божия в сердце и увещевал, что не от собственных
усилий и дел, но из сего сладчайшего, животворящего и
всесильного соприсутствия рождается в нас новый человек.
Это же он старался убедительнейшим образом изложить и
во всех своих сочинениях.

Одновременно Терстеген не забывал напоминать, что
мы должны веровать не только в особое благодатное при-
сутствие Божие в нас, но и во всеобщее Его присутствие в
мире. *Бог наполняет небо и землю* (Иер. 23:24), *Им мы жи-
вём и движемся и существуем* (Деян. 17:28); и всё, что про-
исходит с нами, совершается по Его мановению. «Бывают
времена, — говорил он, — когда Господь на некоторое время
скрывает от нас Своё сладчайшее сопричастие или мы не
видим оно за обрушивающимися на нас напастями, скор-
бями, нуждами и печальями. Тогда то, что мы *не чувствуем*,
необходимо принимать *верою* — а именно: что Бог присут-
ствует и в сих событиях и Его рука всё управит ко благу, от-
ведёт от нас непосильные несчастья и поможет нам во всём,
что бы с нами ни случилось».

Послушание Богу и Его руководству

Также Терстеген жил в постоянном послушании Богу и
Его руководству, что хорошо видно из его писем.

«Божие обетование — *вот, Я загорожу путь её терна-
ми и обнесу её оградой, и она не найдёт стезей своих* (Ос.
2:6) — да исполняется на нас! Лучше тысяча крестов с Бо-
гом, чем действие самости, проявляемое даже и самым не-
значительным образом. Это изречение Писания много раз
так или иначе сбывалось надо мной. В новоначалии, когда я
уклонялся от путей Божиих, я часто не находил себе места

и мучился от беспокойства и страха, пока не смирился и не осознал, что зашёл не туда. Потом во мне появилось некое внутреннее помазание, которое удерживало меня от таких уклонений, давая мне свободу и мир. Затем меня возвращало на пути Господни чувство бессмысленности и пустоты всего, что не связано с Богом. В последующие времена было что-то другое. Ныне я не могу сказать об этом ничего определённого; я живу, как могу, я совсем не уверен, правильно ли я поступаю в том или ином случае и что, собственно, меня вразумляет и хранит. Но то, что я вразумляем и храним, для меня несомненно. Когда я смиряюсь со своей немощью, бессилием, с тем, каков я есть в настоящий момент, и т. п., тогда я успокаиваюсь, подобно человеку, пришедшему домой. Тогда мне хорошо и мирно, хотя я и не всегда распознаю при этом внутреннее действие Божие. Когда же я сдвигаюсь с этой точки своего *ничто* или начинаю желать и искать чего-то сверх того, что я есть сейчас, тогда во всём, что бы я ни делал, я запутываюсь и прихожу в смущение, и всё становится для меня тяжестью и тьмою, сам не знаю почему, пока я не вернусь к прежнему состоянию. Это смущение, тяжесть и тьма есть то самое *жало в плоть* (2 Кор. 12:7), которое приводит меня в чувство, когда я хотя бы в малой степени уклоняюсь в самость. Посему я охотно буду пребывать в своём *ничто*, дабы *не делать без Бога ничего* (Ин. 15:5) и чтобы *Его сила и слава совершались* в моей *немощи* (2 Кор. 12:9). Честь, поклонение и благодарение да воздадутся нашему Богу, мудрому и верному Наставнику, Который чем дальше, тем основательнее даёт нам разуместь истину нашего *ничто* и Своего *всё!* 15 января 1745 г.».

«Иисус Сам да направляет нас *Своим Духом на всякую истину* (Ин. 16:13), ибо мы подобны несмышлёным детям, постоянно сбивающимся с дороги, если их оставить одних;

наш естественный свет не может осветить нам путь. Я вижу себя день ото дня становящимся всё более неразумным и ничего не знающим; посему весьма дивлюсь, что я ещё на что-то способен или что-то у меня получается. Но опыт учит нас, что если мы во всякий настоящий момент будем послушны нашему внутреннему Наставнику (1 Ин. 2:27), то Он поведёт нас по неложной стезе, даже если мы и не понимаем того; и что мы только всё испортим и навредим себе, если не безоговорочно доверимся Ему, но захотим управлять себя по своим представлениям. 14 января 1746 г.».

«Я бы хотел быть верным в том, чему научает меня Господь, и незамедлительно исполнять то, чего Он ждёт от меня. В равной степени я хотел бы также быть готовым по малейшему мановению Божию сразу останавливаться в своём действовании и, препоручая Ему все свои так называемые благие пожелания, помыслы и устремления, решительно отлагать всё и как бы терять себя в Господе. О! не приносит ли такое добровольное оставление всего своего величайший мир? В отвержении своей воли и в послушании только Богу мы обретаем всё. Я часто думаю и говорю: всё, чего я бы пожелал⁴³ сверх того места и того момента времени, в коих я обретаюсь сейчас, — да будет отвержено! Неразумное естество и нетерпеливая душевность, обольщаясь, нередко пытаются добиться всего сами; но мы с вами знаем, дорогая сестра, что только Дух Господень может дать подлинное расположение ко всем добродетелям и укоренение в них. Чистое действие живительной силы Сего Духа, столь внутренне близкого к нам, одно только способно умертвить самость, смягчить и умирить бурные порывы естества и соделать нас способны-

⁴³ Во всём этом рассуждении имеются в виду желания духовного возрастания, стяжания добродетелей и т. п.

ми с терпением проходить предлежащее нам поприще (Евр. 12:1), равно как и *поспешно вставать и идти, как скоро мы услышим* глас Учителя (Ин. 11:29). Иисус тогда становится нашей волей, нашей жизнью и всеми нашими желаниями и стремлениями. Сколь блаженны души, идущие сим путём сердца и в безмолвном внутри-собрании, молитве и терпении дающие в себе место Богу, единственному источнику и подателю жизни! — *Ещё немного, очень немного* (Евр. 10:37), возлюбленная о Господе сестра, и мы с неизреченной радостью встретим друг друга в нашем вечном отечестве и бесконечно будем благодарить и прославлять Небесного Отца, призвавшего нас и утешавшего нас общением ещё и здесь, на сей земле! Аминь, Иисусе! 3 августа 1753 г.».

«Когда мы оканчиваем то или иное земное дело, мы вкушаем некое отдохновение и покой; что же будет там, в жизни небесной, когда свершится наше делание Господу? Не станем же ослабевать в служении столь благому и верному Владыке (Рим. 12:11); само это служение уже есть блаженство для человека! То правда, что все наши действия малы, худы и несовершенны; однако не следует считаться с сим несовершенством, равно как и рассматривать своё служение как долг, но как счастье и честь. Если же мы хотим *сначала* стать совершенными, а *потом* приниматься за делание Господу, то, боюсь, придётся очень долго ждать. Нет! вперёд, только вперёд, какими бы мы ни были слабыми, немощными, неспособными и т. п.! Только всегда молиться, всё терпеть, отвергаться себя, стараться быть верным Богу etc. Конечно, многое примешивается к сему, чего не должно быть; но не нужно постоянно об этом думать. Дитя Христово (Мф. 18:3) стремится всё время хорошо учиться и исправлять свои ошибки и радуется, когда отец или другие соученики указывают ему на оные.

Господь направляет кротких (тех, кто охотно внимает наставлению) *к правде* (Пс. 24:9); *Он сохраняет для них спасение* (Притч. 2:7). Искреннее и мужественное намерение и решимость служить Господу исполняет сердце радостью и свободой; как же нам не продолжать сие служение и не *твёрдо сохранять* его *до конца*? (Евр. 3:14). У ревностных душ нередко бывает такое опасное искушение от врага, что они, в маловерии (чуть было не сказал — в высокоумии) взирая на свои недостатки, вовсе отказываются от всякого доброго делания. Но это неверно; нужно смиренно исповедать свою немощь и продолжать идти вперёд. Кто любит молитву и не оставляет её, тот со временем от нечистого и несовершенного само-действия постепенно будет переходить к Божию действию, с Ним и в Нём. — Я очень бы хотел, чтобы все души с самого начала их духовного пути смотрели на благочестие, или служение Богу, правильно, то есть как на счастье и блаженство, к коему мы призваны и коего удостоены; и чтобы они чем дальше, тем существеннее чрез молитву и самоотвержение отстранялись от самих себя и падшего творения и соразмерно сему приближались к Богу (пусть даже не видя и не чувствуя этого) и освящались, ибо Бог есть подлинное освящение, спасение и конечная цель нашего существования. Чем внутреннее и полнее мы живём для Бога, тем более освящаемся уже здесь, на земле. Это сущая истина; но кто не чрез молитву думает соединиться с Богом, тот не поймёт сего должным образом. 11 марта 1755 г.».

Всецелое предание себя Богу

Послушание Богу неизменно значило для Терстегена и всецелое предание себя Ему.

«Мало что могу сказать вам о себе; хожу как во тьме — но предаю всё сие Господу. Я постоянно должен много писать, ещё больше говорить и делать много такого, что, как мне представляется, совсем не соответствует моему устройению. Я ничего не ищу, но и ни от чего не убегаю. Я хочу во всём следовать только Господу; но не могу сказать, получается ли это у меня, хотя я очень желаю, чтобы получалось. Препятствует ли моей внутренней жизни общение и переписка со столь многими добрыми душами? Я не позволяю себе об этом думать, мне надлежит отвергаться себя. Или это, наоборот, моя добродетель, моя заслуга? Но нет, я немощен и нищ. — Всё сие весьма помогает мне целиком вручить себя Богу, ибо я убеждаюсь, что в самом себе мне никакой опоры не найти. Ничего другого, кроме немощи и нищеты, я в себе не вижу; но при этом я покоен и мирен и ношу в глубине сердца некое очень тонкое и как бы “всеобщее” напечатление бесконечной благости и любви Божией; а сверх сего ничего не чувствую. 27 февраля 1742 г.»

«Иисусе! закрой Собою наши глаза, дабы мы и в жизни, и в смерти больше не смотрели на себя и на своё, но, поистине уразумев наше *ничто*, слепо, безоговорочно и всецело предались Тебе, дабы беспопечительной и чистой верой жить и умирать только с Тобою и в Тебе. Аминь! 29 августа 1741 г.»

«Чем больше *душа и дух живым и действенным словом Божиим, судящим* и очищающим нас, *разделяются* друг от друга (Евр. 4:12), тем больше осеняет нас мир Христов, сохраняющийся неразрушимым и среди многообразной деятельности (если только она от Господа). Что касается меня, то хотя я во всём недостаточествую, но исполняю своё послушание Богу, насколько могу, и стараюсь исполнять его хорошо. Я хочу жить и последовать не себе, но Господу. Я

удостоверился, что Он всегда неизречно благ ко мне. Часто я вижу, как будто смотрю со стороны, что мой внутренний человек покоится в мире; часто не вижу ничего и живу как есть. 25 января 1748 г.».

«Насколько мы ощущаем единение с Богом чувствами, настолько же нам даётся в чувстве и духовное напечатление и утешение от Него. Но это всё, что я могу вам сейчас ответить, дорогая сестра; я крайне слаб и неразумен и не хотел бы писать об этих вещах. Впрочем, время от времени я испытываю подобные посещения Божии; они необыкновенно драгоценны для меня, хотя и длятся обычно несколько мгновений. Однако мы не можем ничего сделать, чтобы стяжать или удержать их, не должны даже и желать этого, но предавать всё сие и самих себя в руки Господни. Это всё Его достояние, и Он даёт или забирает оное по Своему благоволению. Мне иногда кажется, что если бы у меня были такие Его дары, то мне не шло бы это на пользу. Мне достаточно, и бесконечно достаточно, что Он один благ. Может быть, я слишком много на себя беру (мне не хотелось бы этого), но я не стремлюсь и не буду стремиться к духовным чувствам и дарам. Господь даёт мне, что я могу в мире и покое всецело препоручить Ему себя — таким, каков я есть; и всё, что со мной происходит — так, как оно идёт; и Ему единому любовь и слава во веки! Аминь. 4 ноября 1742 г.».

«Я желаю вам благодати по-детски оставить и забыть себя, дабы обратиться к Господу и в Господа и всю вашу жизнь пребывать под Его покровом. Да, возлюбленная сестра! в Нём одном всё наше спасение. Он Сам — наше спасение, наша слава и свет. Разумеете ли вы сие? Он Сам хочет от Своего творения, чтобы оно предало себя, как оно есть, в Его руки и заботилось о себе столь же мало, как о выкинутой и навсегда забытой вещи. Не достаточно ли *Он печётся*

о нас? (1 Пет. 5:7). Не лучше ли Он спасёт и освятит нас, чем мы сами себя? Неужели у Него мы будем в чём-то нуждаться? О, если бы все заботящиеся и борющиеся за себя души знали сие! Господи! дай им это знание! даруй и нам пребывать в нём до конца! Аминь. 8 мая 1753 г.»

«Смотрите, любезная моему сердцу сестра, не благ ли ко мне Господь? Не обходится ли Он со мной милостиво и по-отечески? Наверное, мне было бы удобнее и спокойнее, если бы мне перестали докучать по внешнему человеку. Но нет! я так не скажу, а лучше расположусь, как невинное и послушное дитя: не стану размышлять над тем, что мне полезно, а что вредно, что я могу, а что нет, но в простоте предам всего себя Отцу, буду жить Его благодатью и не сомневаться, что с Ним и в Нём я смогу совершить всё то, что Его промысл в настоящий момент даёт мне совершать. При нынешних моих обстоятельствах и немощи я не имею ощутительных духовных напечатлений во внутреннем человеке, да порой даже и не вспоминаю о себе; но, благодарение Богу! я мирен и безмятежен о Господе. 20 мая 1755 г.»

«Со мной происходят удивительные вещи, которые я не могу ни понять, ни изложить; и, может быть, было бы лучше, если б я совсем ничего о них не знал и не говорил. Иногда я поражаюсь своей крайней немощи и нищете, какую и представить себе трудно. В другой раз я дивлюсь действенной во мне силе и тому, что я столь мирен и покоен, etc. Бóльшую же часть времени я ничего не вижу и не разумею, так что, когда я хочу остановиться и размыслить, меня всё приводит в смущение; когда же прекращаю рассмотрение, я снова говорю и действую, как тот, кто совершенно уверен в себе и знает, что делает. Я совсем не понимаю, что это за путь, и не помню, чтобы я читал о чём-то подобном. Никакие мои огрехи, даже вполне серьёзные, не уязвляют меня так, как малейшее

размышление о своём состоянии, или малейшая же забота о себе самом, или какая-нибудь самая незначительная попытка помочь себе; из всего этого не выходит ничего, кроме внутреннего наказания и беспокойства. Но как только я забываю себя и, предавшись Божией благодати, возвращаюсь к жизни в простоте, в тот же момент я становлюсь спокоен и доволен и обретаюсь “на своём месте”; и даже порой чувствую в сердце нечто благородное и великое, некую силу в немощи, ведение в неведении и единство в многообразии. Я знаю, что некоторые святые души выражали свой опыт в подобных словах; но нет! разница велика. Я не свят, а очень, очень беден и нищ; Господь видит сие. Я бы пришёл в ужас, если бы моё состояние стали сравнивать с состоянием святых; и когда я пишу вам обо всём этом, дорогая сестра, я действительно ужасаюсь, что вы можете составить себе слишком высокое представление обо мне. — Но поистине не странно ли, что такие различные и даже противоречащие друг другу вещи могут быть в одном человеке? Как с ними быть? Как их согласовать? Я могу здесь лишь снова и снова повторить: Бог есть всесовершенное *всё*; человек — бедное, падшее *ничто*; и нет ничего лучше и покойнее для него, чем, насколько это возможно, забывать себя и жить, в простоте веря себя Божией благодати. Господь да утвердит нас в таковом предании себя Ему, дабы мы никогда не полагались на самих себя, но от всего сердца вместе со св. Анной воспевали: *Нет столь святого, как Господь; ибо нет другого, кроме Тебя; и нет твердыни, как Бог наш* (1 Цар. 2:2). Аминь! 11 июля 1747 г.».

Покорность воле Божией

Терстеген во всём полагался на мудрую и благую волю Божию.

«Вот моё дело (для которого ничего не нужно делать): чтобы я успокаивался в своём *ничто* и в своей нищете, таким, какой я есть в настоящий момент, желая лишь одного — жить в любви и любовью Божией. Рассказать о себе ничего определённого не могу: у меня то так, то иначе. То я представляюсь себе героем, то таким немощным и бессильным, что, право, пожалел бы себя, если б слишком обращал на это внимание. Но благодарю Господа, что Он не оставляет меня долго в таком состоянии и даёт мне внутреннее согласие с Его волей и с тем, что она есть единственное моё благо. 11 октября 1746 г.».

«По своему устройению я склонен к одиночеству, тишине, отсутствию впечатлений и внутреннему единению с Богом. Так жить и значит для меня по-настоящему жить. Моё (как мне думается) место, моя пища, моё призвание — отстраниться и освободиться от всего, пребывать уединённо в духе с Богом и как можно меньше соприкасаться с людьми, чтобы дать место только Господу, Который один есть всякая истина, сила, жизнь, спасение и блаженство. Как дороги мне такие мгновения! Но только всё идёт так, как будто мне нарочно мешают вкушать мою пищу в мире и покое. Впрочем, когда я даю что-то другим (точнее говоря — мне кажется, что даю), я сам порой получаю нечто. Я знаю, что моей пищей должна быть воля Божия; но как её понять? Я хочу сказать, что далеко не всегда вижу, в чём она состоит; и нередко меня обуревают мысли, а правильно ли поступает человек такого устройства, как моё, что он всё своё время расточает на других. Но я уже сам устал от своих жалоб; надеюсь, что они подвигнут вас, дорогая сестра, усилить молитвы за меня, дабы мне предаться исключительно воле Божией, ибо я ничего иного не желаю, как угодить Господу. И ещё раз скажу: я ничего иного не же-

лаю, как только быть Божиим, угождать Богу и жить Богу здесь и в вечности. И пусть это сопровождается всякими неудобствами, тяжестью и скорбями; это правильнее, чем если бы я жил для себя, в покое и довольстве. В целом же лучше мне совсем не рассуждать, действительно ли моё устройство таково, как я описал выше, или за этим скрывается что-то совсем иное, но препоручить всё Господу. *Только от Него спасение моё*, и только *в Боге* и в благой Его воле *успокаивается душа моя*; *в Нём спасение моё и слава моя* (Пс. 61:2, 8). Аминь! Будем же следовать благодати, как невинные дети, и работать Господу в том, *что предоставляет нам настоящий день, не слишком заботясь о себе и своих обстоятельствах!* (Мф. 6:34). 5 октября 1748 г.».

«Моё единственное желание — жить, всё претерпевая, по воле Божией. Раньше я убеждал себя, что могу терпеть и страдать, так сказать, как герой; сейчас я хочу относиться ко всему, как дитя, которое плачет и сетует в тот момент, когда оно сталкивается с чем-то скорбным, а когда скорбь проходит, забывает всё и даже не имеет представления о том, что такое терпение. Когда моя голова больна и слаба, я не могу думать о своём душевном устройении и т. п., а живу как приходится. Порой я ощущаю, что я в добрых руках; бóльшую же часть времени не чувствую ничего, но и тогда не желаю себе никакой другой участи. Я ничего не ищу на земле и не имею иного стремления, кроме того, о котором пишет Апостол Павел, — хотя, конечно, я далёк от совершенства Павла, — а именно: *ревностно стараться, водворяясь ли, выходя ли, быть угодным Богу* (2 Кор. 5:9). (Замечу, что в этом изречении говорится о некоем святом “честолюбии” христианина: *“ревностно стараться быть Ему угодным”* по-гречески буквально читается *“стремиться к почести быть Ему угодным”*.) Наша самость желает также и неба (только хочет

купить его не слишком дорого); но божественная любовь не ищет никакого неба (Пс. 72:25). Исполнять волю Божию — вот её небо, её слава и честь. Благоугождать Богу — это, собственно, и есть свойство и природа сей любви; и её “святое честолюбие” мягко, но неудержимо побуждает её всё более и более угождать Господу и ни во времени, ни в вечности не знать большего счастья и чести, чем исполнять Его благую волю, *водворяясь ли или выходя* (2 Кор. 5:9). О Господи! даруй нам эту Свою любовь, дабы мы чисто служили Тебе и не лишились Твоего божественного мира, погрязая в себе самих! Аминь. 14 августа 1750 г.».

Упование на Бога

Наш почивший друг сочетал всё вышесказанное с непоколебимым упованием на Бога. Следующие письма подтвердят сие.

«По внутреннему человеку, — пишет он, — я полностью положился на благодать Божию. Пусть мною правит Господь; я не хочу ничего ни желать, ни делать без Него — и оттого я по-детски мирен и доволен. Всякое рассматривание самого себя (если не Господь побуждает меня к тому) лишь сбивает меня с толку. Это удивительно, что при всей нашей падшести и нашем *ничто* мы, тем не менее, можем уповать на Бога! О, всеобъемлющая благость Божия! Любя нас, Он не взирает на наши немощи, и Он хочет, чтобы мы, любя Его, забывали самих себя. Он, только Он приносит нам покой и блаженство! В одно время Он даёт нам видеть и чувствовать самих себя. В другое время Он открывает нам глаза, дабы мы уразумели, что Он делает с нами и в нас. В следующие времена Он сокрывает от нас Свои пути и Свои дела, чтобы очистить нас и привести к простоте, дабы

мы смотрели только на Него и целиком полагали себя в Его руки. 3 декабря 1745 г.».

«Все истины веры чем дальше, тем существеннее да укореняются в нас, по нашей мере и по исполненному любви замыслу Божию о нас во Христе! Каким бы я ни был нищим и неразумным, но исповедаю, что чем дольше живу, тем больше вижу, а по временам, я бы сказал, и вкушаю сии прекрасные, желанные и спасительные истины, а именно — что Господь постепенно управляет наши пути так, чтобы отрешить нас от всякого творения и дать нам Самого Себя и чтобы разрушить в нас какое бы то ни было упование и надежду на себя, дабы только Он был нашим упованием, надеждой, опорой и вечным спасением. О! какое это благо! какая отрада сердцу! Если бы во мне и могла найтись какая-то опора (что, конечно, невозможно), то, несомненно, нужно было бы желать, чтобы она скорее рухнула, дабы я уповал исключительно на Бога. Принять спасение как дар благодати только и есть, как мне представляется, подлинное спасение. Но, о Господи! кто понимает сие, хотя бы и думал, что понимает? Что касается нас, знающих, что Бог ведёт человека далеко не всегда согласно его мыслям и желаниям, — не обязывает ли нас это знание тем более предать и вверить себя Богу безоговорочно, слепо и всецело, дабы мы не смотрели на себя, но препоручили всё Его руководству? Впрочем, только Он может это дать; Он Сам и совершит всё, к чему мы Им призваны (1 Фес. 5:24). Благословенно Его имя во веки! Аминь. 17 ноября 1750 г.».

«Младенец Иисус в эти дни с любовью призывает нас к себе, являя *Свою божественную полноту* и как бы спрашивая: неужели не достаточно вам сей *полноты во Мне?* (Кол. 2:9–10). О, если бы мы могли сомкнуть наши неустержимые очи и *потерять себя* (Мф. 16:25) и всё земное!

Тогда бы мы, в чистой невинности веры, очень скоро обрели нечто несравненно большее и, не находя в себе ничего, кроме недостаточности и падшести, всей душой устремились бы к Господу, Который *исполнит желания сердца нашего*, лишь бы мы *предали Ему путь свой и уповали на Него* (Пс. 36:4–5). — Не думайте, возлюбленная сестра, читая сие письмо, что я чист и невинен и в изобилии получаю от Господа всё, что только пожелаю. О нет! вам хорошо известно, что это не так. Но хоть я ничего и не имею, я, слава Богу, всем доволен. Я не могу сказать, что здесь, на земле, вкушаю много благодатных даров; но моего *насущенного хлеба на сей день* (Мф. 6:11) мне достаточно. Я знаю, что Бог благ; я знаю, что Он есть Бог сердца и что в Нём наше всё; и часто я так по-детски радуюсь сему, как будто это — моё собственное богатство. Однако я знаю, что Владыка сего — Господь, и так оно и должно быть; хотя часто, когда я говорю другим об этом богатстве, люди видят во мне обладателя оно́го. Но я беден и мал и охотно умалялся бы ещё более, пока совсем не перестал бы помнить себя; впрочем, это также не состоит в моей собственности и власти. — Вы поймёте меня, дорогая сестра. Прошу вас, с другими чадами Божиими у вас, молиться за меня; очень в этом нуждаюсь. Я объединяюсь в духе с вами в преддверии наступающего нового года и могу от чистого сердца сказать словами Апостола: *вы написаны в сердцах наших* (2 Кор. 3:2), дабы нам вместе жить и умереть. Аминь! Господи Иисусе! укрепи нас! 31 декабря 1753 г.».

«Я немощен, но Господь силен, и *сила Его может совершаться в нашей немощи* (2 Кор. 12:9). Мне кажется, лучше и правильнее всего для нас именно это: быть немощными, быть нищими, быть *ничем*, чтобы всё в нас *преклонилось пред именем Того* (Флп. 2:10), Кто один может сказать о Себе: *Я есмь* (Исх. 3:14; Ин. 8:58). О! лишь бы мы взирали только

на Него и в Нём обретали своё благобытие и единственно подлинный покой, ныне и во веки! Аминь. 1 августа 1753 г.».

Нищета духа (Мф. 5:3)

Сколь великое богатство Терстеген обретал в Боге, столь многую нищету духа он находил в самом себе. Предшествующие письма достаточно показали сие; приведём ещё несколько свидетельств.

«Я не знаю, что сказать о себе. Господь не оставляет мне ничего, на что я бы мог опереться. Ни в чём мне нет ни радости, ни жизни. Я пребываю в каком-то туманном состоянии: ни твёрдой почвы, ни постоянства, ни прочности в делах. Мне ничего не видно дальше того места, на коем стоят мои ноги. И так всё это тянется и тянется. Я поистине *несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг* (Откр. 3:17); но у меня как будто отнята возможность как следует уразуметь сие. Я хочу служить Господу, исполнять Его волю; но насколько я по-настоящему хочу сего, я тоже не могу сказать, etc. Кратко говоря, дорогая сестра: вы видите, какой странный и диковинный путь я прохожу и как мне необходимо, чтобы вы и все ваши молились за меня! На меня смотрят как на совсем другого человека, чем я есть на самом деле; но Господь знает истину. Он да управит всё к Своей славе! 15 августа 1749 г.».

«Не могу не исповедать, что Господь всегда был и остаётся милостив ко мне. Он не перестаёт подавать мне благодать, дабы я мог оставить себя, как ни к чему не годную вещь, не смотреть на себя и потерять себя и, поистине и смиренно согласившись со своим *ничто*, обрести своё благобытие в том, что Бог есть *наш* Бог, *такой* Бог. О, сколь сие велико, сколь важно, сколь достопоклоняемо! это то, что одно может в совершенной степени напитать и умиротворить нас! Воз-

любленная моя сестра! не удивительная ли это благодать Божия, что Он даёт нам, жалким и падшим созданиям, узреть Себя *верой, не видением* (2 Кор. 5:7), каковое невидение превозмогает всё видимое и приносит нам неизреченное благо? С какой бы стороны ни посмотреть: единственную твёрдую опору и покой человек находит только тогда, когда он *строит* на вечном *основании* — *Иисусе Христе* (1 Кор. 3:11) и уповает на Него. Лишь бы он искренне признавал свою духовную нищету и подлинно воздавал честь Богу, тогда ему отверзется Христово сердце, даже если он и наибеднейший человек на земле. Богу слава во веки веков, аминь! 3 декабря 1751 г.».

«Ах, дорогая сестра! я совсем не то, что думают обо мне другие. Если я и имею что-то духовное (порой это может быть), то только на время; а до и после того я скуден и мал, причём мал вовсе не как дитя. Детскость во Христе (Мф. 18:3) не хочет ничего желать или иметь, ни знать что-либо о том; я же вовсе не всегда принимаю всё в спокойствии, но порой желаю заглянуть в будущее. Но и это Господь да обратит мне на пользу, во смирение. — Я всей душой желал бы никогда не совершать никаких грехов или проявлять неверность Господу. Но, озираясь назад, я (уже покаявшись и примирившись с Богом во Христе) вижу, что сии грехи и неверность (о коих я слёзно жалею) Божией благодатью послужили к славе Его. Они дали мне убедительнейший повод для самоумаления и сердечного исповедания, что *никто не благ, как только один Бог* (Мф. 19:17). Они одушевили меня к истинному стремлению оставить и *потерять самого себя* (Мф. 16:25) и *найтись* только во *Иисусе* (Флп. 3:9). Теперь мне не нужно умозрительно убеждать себя *совлечься ветхого человека* (Еф. 4:22) и в *нищете духа* (Мф. 5:3) приближаться к Богу; мои грехи подталкивают меня к сему лучше,

чем все наставления о верности и добродетелях. О! богатство и силу заслуг и крови Иисуса Христа редко разумеют так, как должно разуметь! 1 ноября 1754 г.»

«Нам трудно даже и представить, как легко и незаметно человек может прилепиться к самому себе, когда он пребывает в состоянии света, силы и вкушения благодатных даров. Для меня, как и для вас, это хуже, чем самое великое зло, ибо мы знаем, что наше спасение — только когда в нас и через нас прославляется Бог (1 Пет. 4:11; 1 Кор. 6:19–20). Первое из имён, усваиваемых Господу Иисусу Пророком Исаией, — *Чудный* (Ис. 9:6); таково же и Его руководство. Посему, чтобы привести нас ко спасению, Он, после того как утвердит нас в вере, часто отнимает от нас свет, силу и столь желаемые нами Свои преславные блага, дабы мы всё сие искали только в Нём и радовались о своём *ничто* и о Его *всё*. Итак, да исходит душа из себя самой и в забвении себя да обретает покой и мир! 10 января 1755 г.»

«Медленность и недостаточность нашей переписки восполняется единением и общением с вами в Господе. О! сколь довольствуется и утешает моё сердце такое общение! Я чувствую, дорогая сестра, что вы как бы соприсутствуете мне, и говорю с вами в духе порой несравненно лучше, чем могли бы выразить язык и перо. Не сомневаюсь, что по временам Господь передаёт вам нечто от сего, так что, несмотря на всё моё недостойнство, мы вместе приближаемся к Богу, поклоняемся Ему, прославляем Его, любим Его и повергаем себя в бездну Его милости. — Это моё недостойнство представляется мне не меньшим, чем глубочайшая морская пучина; и если бы я воспринимал его не в Божием свете, то оно было бы неодолимым препятствием в моём общении с Господом и Его детьми. Божия же благодать обращает мне его на пользу, для самоумаления и исхождения

из самого себя, что поистине необходимо для приближения к Богу. Чем мы беднее, меньше и свободнее от себя, тем покойнее, свободнее и чище мы единимся с Богом и Его чадами и тем способнее становимся к принятию Божией благодати. Не раз напечатлевалось в моём сердце: «Приди ко мне, как малое дитя, и Я приму тебя на Свои руки». Падшая самость всеми силами отвращается от самоумаления и исхождения из себя и представляет их нам невыносимыми; но нет ничего более далёкого от истины. Если мы отвергаем их, нам становится плохо; и порой очень и надолго плохо. Но когда мы проникаемся тем, что Христос *уничжил и смирил Себя Самого* (Флп. 2:7–8), и следуем Ему, то мы убеждаемся, сколь они радостны и любезны. При этом сами мы не можем уничтожить и смирить себя; нам нужно предоставить Богу умалить нас. Христос *уничжает и смиряет* нас Своим Духом, Своим руководством и соделывает нас любезными Богу *в Себе и чрез Себя*. И это служит великим утешением и для самых слабых и немощных, ибо только *нищие духом* обретают *Царство* (Мф. 5:3), благодать и все добродетели от Бога. Даже и тем, кто уже принял нечто, а то и многое, от Бога, надлежит быть в высшей степени верными самоумалению и исхождению из себя, которые в них соделывает Иисус; только чрез сие они подлинно возвеличиваются (2 Цар. 22:36), их богообщение укрепляется и очищается, и они учатся из опыта *припадать пред Иисусом и поклоняться Ему* (Флп. 2:10; Откр. 4:10), ибо Он есть *начальник и совершитель* нашей веры и спасения (Евр. 1: 2). — Нам необходимо искренне раскаиваться во всех наших нынешних и прошлых грехах и в неверности Богу, сердечно чаять освобождения от оных и ревностно стремиться к *святости, без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12:14). Но концом всякой печали о

грехах (2 Кор. 7:10) и всякого распознавания в себе добра и зла должно быть то, чтобы мы со всем, что в нас есть, пришли к своему *ничто* — и тогда из наших сердец (о, как я радуюсь сему!) возможет истинно вознестись честь и поклонение нашему Богу, чрез Иисуса Христа. Ей, Господи! *ибо Твоё есть Царство и сила и слава во веки. Аминь!* (Мф. 6:13). 12 сентября 1755 г.»⁴⁴.

Смирение

Нищета духа способствовала истинному смирению Терстегена. Несомненно, его сочинения, речи и душепопечительское назидание были великим благословением для людей, но он придавал этому весьма малое значение. В первые годы своего служения он совершенно искренне говорил, что ему никогда и в голову не приходило, что он совершает дело Божие в отношении ближних; только об одной особе, жившей в тридцати милях от Мюльхайма, которую он ни разу не видел, он однажды сказал: «Если Господь и определил меня кому-то помочь, то это была сия особа». Когда его прославляли за явное всем благочестие и расточали в его адрес похвалы, он говорил: «На самом-то деле мне нужно сидеть в самой худой хижине и оплакивать свои грехи».

Такое нелицемерное смирение Терстеген без малейшего притворства, со свойственной ему сердечной откровенностью, выказывал всегда и во всех случаях. Когда он находился в кругу родственных ему благочестивых душ, то при прощании нередко говаривал: «Братья! Общаясь с вами, я

⁴⁴ Это последнее письмо Терстегена своей самой доверенной и близкой собеседнице. Мария д'Орвилль скончалась в ноябре 1755 года.

чувствую себя недостойным сего; и вы, прошу вас, смотрите на это так же и не превозносите меня». Однажды в Голландии у друзей он познакомился с неким почитаемым всеми христианином, который стал рассказывать ему о пережитых им преследованиях за благочестие, тяжких испытаниях, своём духовном опыте и тому подобном. На это наш Терстеген ответил ему скромно и весьма сдержанно: «Когда кто многое уразумел и вкусил и прошёл через великие испытания, то итог должен быть не иной, как только чтобы из всего этого родилось малое, простое и бесхитростное дитя Христова». Также следующий кроткий ответ одному знакомому, укорявшему Терстегена в самолюбии, самоугождении и стремлении приобретать себе приверженцев, достаточно убедит беспристрастного читателя, насколько он, при всех своих благодатных дарах, считал себя малым и незначительным. Вот сей ответ:

«Со всей простотой пред Богом я признаю, что отнюдь не свободен от самолюбия и самоугодия; было бы несчастьем для меня, если б я хоть в малой степени так полагал. Знаю, что мне многого недостаёт; но я (как ты пишешь) совсем не считаю себя человеком, укоренённым в нищете духа, хотя суть этого состояния мне известна по благодати. Благодарю тебя за пожелание *прийти* мне в меру *мужа совершенного* (Еф. 4:13); я и сам всей душой стремлюсь к сему. Но не в меру «отца» и «учителя», в чём ты меня, похоже, подозреваешь; я, слава Богу, никогда не дерзал и помышлять о чём-либо подобном. Если всё сказанное покажется тебе излишним смиренничанием, то что же! придётся мне смириться с этим и довольствоваться тем, что пред Богом моё сердце спокойно, ибо Он видит, что я говорю правду. Господи! Ты знаешь, что я и впрямь разумею себя как бедное, немощное и во всём недостаточствующее

дита; и я рад, когда и другие видят то же и не превозносят меня как нечто великое. И хотя я таков, каков я есть пред Тобою, но Ты дал мне любить Тебя (хотя и много меньше, чем я должен, и несравненно меньше, чем Ты сего достоин), уповать на Тебя, познавать Тебя и Твои истины Твоим светом и только в Тебе полагать всё своё спасение и блаженство. Истинно ли это, так ли это во мне? Ты ведаешь sie, о *испытующий сердца и внутренности!* (Откр. 2:23)».

Вот ещё свидетельство его смирения. В одном письме его спросили, как он относится к тому, чтобы пожилых и умудрённых опытом благочестивых христиан называть «отцами» или «матерями». Терстеген написал в ответ: «Когда ко мне, совершенно незаслуженно, обращаются как к “отцу”, мне всегда это весьма неприятно и смутительно пред Богом». Ещё он говорил так: «Я от сердца почитаю себя недостойным, и меня смущает, когда кто-то из чад Божиих именует меня “братом”, не говоря уже об “отце”».

Ревность о славе Божией

Всякую честь он воздавал одному лишь Господу; восхвалять Бога, превозносить Божие величие, славу и вседостаточность было его радостью, его пищей. Он всегда, где только мог, устно или письменно, свидетельствовал о Боге и Его совершенствах и желал бы прославлять Его ещё больше, но этого не позволяло его слабое здоровье и другие препятствующие сему обстоятельства⁴⁵. Весьма примечательно, что Терстеген сам говорит в предисловии к своему гимну «Бог есть! Бог есть! о радость! аллилуйя!»⁴⁶:

⁴⁵ Имеются в виду время от времени вводимые запреты на публичные речи и т. п.

⁴⁶ См. примеч. 34.

«В течение своей жизни я, по благодати, уразумел о Боге много очень важного и получил от Него, среди скорбей и крестов, великие и богатые милости. Подчёркиваю: *по благодати*. Посему вот уже более двадцати лет мне лежало на душе, что я должен, прежде чем отойду с сей земли, принести моему Господу сторичную хвалу за все Его явленные на мне благодеяния, а именно — я хотел написать сто хвалебных песнопений. Но только непрестанная занятость и множество болезней, равно как и шестидесятишестилетний возраст отнимают у меня надежду на то, что моё намерение может быть осуществлено по сию сторону вечности. С прославлением моего *великого Бога и Спасителя* (Тит. 2:13) на устах и в сердце я хочу закончить свою земную жизнь и чаю от Его благодати, что в бесконечно блаженной вечности Он даст мне довершить мой обет — принести Ему, со всеми *яко солнце воссиявшими святыми* (Мф. 13:43), уже не сторичную, но бесконечную жертву хваления. Аминь! Аллилуия!»

Однажды Терстеген сказал некоторой духовной сестре: «Величайшую милость, вразумления и напечатления благодати я получал от Бога большей частью во время болезней и в иных внешних и внутренних скорбных обстоятельствах». В другой раз, когда сия сестра рассказала ему, что в часы молитвенного уединения ей приходится так тяжело, как будто она сражается на поле боя, он задал ей следующий вопрос: «Когда Ангелы восхваляют Бога, совершают ли они что-либо великое?» Сестра ответила: «Думаю, что нет; такова их природа, и если бы мы были на их месте, то и из нас хвала Богу изливалась бы с лёгкостью». «Я тоже так считаю, — сказал Терстеген и прибавил: — Поэтому когда Иов сидел на гноище и славил Бога — это было велико (Иов 1:21; 2:10); и сия хвала была угоднее Богу, чем все песнопения Ангелов».

Терпение

Наряду со смирением невозможно не упомянуть исключительное терпение Терстегена, кротость и мирное расположение к тем, кто был против него, а также сердечное сострадание к согрешающим и умение *носить* их *бремена* (Гал. 6:2).

Поводы к терпению у Терстегена никогда не прекращались. Из всего вышесказанного и из многих его писем видно, что с юности он отличался чрезвычайной болезненностью, от коей особенно страдал последние тридцать лет жизни; к сему присовокуплялись многочисленные нелёгкие труды, как то: обращение с больными и умирающими, преизбыток посетителей, огромная переписка, равно как и всевозможные внешние огорчительные обстоятельства. Всё это порой до крайности отягощало нашего покойного друга, так что можно сказать, что его жизнь была вся исполнена почти непрерывных и весьма горьких скорбей. Вот несколько примеров сего.

«Восемь дней назад, — читаем мы в одном его письме, — у меня началось ревматическое воспаление в голове, сосредоточивающееся слева, около уха. День и ночь я испытывал непрекращающиеся боли такой силы, что, казалось, голова моя вот-вот расколется. К сему прибавилась лихорадка, препятствующая мне лежать. Через пару дней явилось расстройство желудка; воспаление из головы опустилось в горло и грудь, так что я начал сильно кашлять, что для головы и для всего тела было очень мучительно. Конец сей жалобы: скорее бы *домой!* (2 Кор. 5:1)».

В другом письме Терстеген пишет: «Перед Пятидесятницей, в пятницу с утра, я должен был подготовить к отправке срочную корреспонденцию, как внезапно в голо-

ве и во всех членах почувствовал расслабление и дрожь. К вечеру началась лихорадка, и всё тело стало болеть; ночью эта болезненность усилилась и перешла на ноги, так что от огненной боли в мускулах ног я не знал, куда деться. Сопровождалось сие отвращением к пище и питию etc. Тем не менее мне пришлось принять, не покидая постели, четырёх посетителей из К. и троих из Е. Благословен Бог, Который доселе помогает мне всё это выдерживать! Однако не подумайте, что я страдаю, как герой; нет, но как слабый человек. Заканчиваю письмо, потому что весь в испарине и не могу больше писать».

Одному доброму другу, как-то навестившему его, Терстеген поведал: «Бывает, что у меня высыпают нарывы по всему телу; спина превращается в сплошную рану, так что рубашка прилипает к ней, и это очень обременительно и очень больно». Друг, услышав сей рассказ, даже проследил от сочувствия и жалости. Но Терстеген сказал: «Ветхий человек согрешил и должен страдать». В последние годы его желудок стал совсем плохо переносить пищу, так что он говорил своим доброжелателям: «Я печалюсь, когда узнаю, что вы присылаете мне те или иные кушанья, в то время как мне даже самая слабая каша тяжела и усваивается с трудом».

Помимо скорбей, связанных со здоровьем, в свои поздние годы Терстеген много претерпевал как от мира сего, злословящего его и смеющегося над ним, так и от некоторых друзей и знакомых, несовершенства коих Бог использовал для усовершенствования Своего верного служителя. Одни укоряли его, что он слишком суетлив, другие — что слишком бездеятелен; третьи завидовали ему из-за духовных дарований и из-за почитания и любви к нему стольких людей, etc. Всё это он переносил с поистине образцовым

терпением. Даже когда он был мучим жестокими болями, то это было почти незаметно со стороны. Однажды, когда на него вдруг нашёл сильнейший приступ зубной боли, у него вырвалось: «Терпение! терпение!» — но сразу вслед за тем он запел духовный гимн «Не унывай! вперёд, вперёд! расступится перед тобой Чермное море»⁴⁷ и т. д.

Снисхождение и сострадание к падшим

О его душепопечительском долготерпении, сострадании к согрешающим и падшим и готовности носить их тяготы один из его друзей повествует следующее:

«В течение ряда лет я с большой пользой для себя общался с Терстегеном, вкушая многое благословение от духовных бесед с ним и назидательного примера его жизни. Но со временем я стал невнимателен к благодати Божией, и моя греховная повреждённость и коварство врага привели меня к тяжкому падению. Поскольку я стыдился своего дорогого наставника и боялся, что сильно опечалю его, я не осмеливался показываться ему на глаза. Но он, видя, что я перестал посещать его, просил позвать меня. Не без трепета я отправился к нему, ожидая, что получу сейчас строгое обличение, каковое я, впрочем, совершенно заслужил. Но Терстеген принял меня с подлинно отеческой любовью; он встретил меня в дверях и обнял с великой нежностью, так что моё сердце было поистине сокрушено и тронуто до самой глубины. От такого отношения во мне вновь пробудилась любовь к Богу и упование на Него, равно как и доверие к столь милостивому моему пестуну. Он дал мне необхо-

⁴⁷ Песнопение «Nur frisch hinein» Михаэля Конгеля (1646–1710) из сборника «Давидовы псалмы детей Сиона» (Das kleine Davidische Psalterspiel der Kinder Zions. Germantown, Penn., 1760. S. 336–337).

димые наставления, как мне впредь держаться благодати и следовать Господу, и после сего не оставлял своего сугубого попечения обо мне вплоть до своей блаженной кончины. — В другой раз он сказал мне и ещё трём друзьям, когда мы были у него: “Братья! Будьте осторожны и избегайте всякого повода ко греху. Естественный человек может лучше охранить себя действием рассудка, нежели чада Божии, полагающиеся на благодать, ибо враг ополчается на последних больше, чем на первых”».

Когда Терстеген слышал, что кто-либо из его знакомых отпадал от жизни в Боге или обнаруживал неверность путям Господним, он скорбел до того, что порой целые ночи проводил без сна, вздыхая и молясь за заблуждающееся чадо Божие. Однажды он так высказался по этому поводу: «О, какое сострадание и жалость вызывают у меня призванные души, ослабевающие в верности Богу! Мне становится столь тяжело, что часто я падаю ниц пред лицом Господним в сокрушении о них. О, если б они только знали, как они огорчают меня, что так легко *отходят на страну далёче!* (2 Кор. 5:1)».

Кротость в отношении недоброжелателей

Столь же примечательными были его кротость и мирное расположение к тем, кто не соглашался с ним и противился ему. Вражду, прекословие, огорчения от своих недругов Терстеген вынужден был терпеть постоянно. Но когда сии являлись к нему лично, дабы спорить с ним и критиковать его, он умел принимать их с такой любовью, что в его присутствии они теряли весь свой пыл. Он ни на волос не уступал, когда речь шла об отстаивании правды Божией и воздавании Ему чести; но Господь давал ему при

этом такую необыкновенную мудрость и кротость, что его противники чаще всего вынуждены были признать истину, пожалеть о своей «ревности не по разуму» и покориться любви и миротворчеству нашего приснопамятного друга. Никто и никогда не слышал от него, чтобы он возражал своим недоброжелателям с горячностью и спорливостью, будь то письменно или устно. Приведём некоторые свидетельства, подтверждающие сказанное.

Одному знакомому, обрушившемуся на него со многими горькими упрёками, Терстеген ответил среди прочего: «Прошу тебя, не поступай больше так! Ты нападаешь на своего брата во Христе и предрекаешь ему, что он некогда постыдится пред лицом Господним, причём из-за таких вещей, которые ему — Бог свидетель! — и в голову никогда не приходили! Твои слова безрассудны и бессердечны; я хочу забыть их. Во имя Иисуса и в смиренной надежде на Его милосердие я, со своей стороны, предсказываю нечто несравненно лучшее. А именно: хотя здесь, на земле, мы мало с тобой общаемся и друг друга не понимаем, но один другого любим, и оба стремимся *к цели*, к исполнению нашего *призвания во Христе Иисусе* (Флп. 3:14); посему по отшествии в вечность мы непостыдно, пред лицом Христовым, в чистой и невинной любви обнимем друг друга, без малейших взаимных обвинений или укоров. — Господи! мой возлюбленный брат хочет, чтобы я постыдился пред Тобою. Ты один ведаешь, сколько действительных поводов к стыду и посрамлению пред светлым Твоим ликом я нахожу во mnogой моей нищете и падшем и бедном естестве. Но не взял ли Ты на себя мои грехи? Не достаиваешь ли ты меня, грешника, великого блага взирать на Тебя? а все, *кто обращает взор к Тебе, просвещаются, и лица их не постыдятся!* (Пс. 33:6). О Спаситель мой! слава моя, радость моя

и Друг души моей! (Песн. 7:11), сотвори, чтобы брат мой к успокоению своего сердца увидел, что пред лицом Твоим нет ничего такого, в чём обвинило меня его перо. Услади его душу миром и благодатью и благослови его ныне и во веки. Аминь!»

Однажды, когда Терстеген был в Голландии, его пригласил к себе некий известный своим благочестием муж, проводивший, как он думал о себе, особо созерцательное житие. За трапезой он принялся критиковать своего собеседника, что тот слишком деятелен, не понимая, из каких побуждений проистекает сия деятельность. Терстеген выслушал всё молча и кротко; по окончании же трапезы он произнёс молитву, в коей препоручил принимавшего его хозяина Богу с такой любовью и сердечностью, что сей великий и ревностный муж, до крайней степени растрогавшись добротой и смирением своего гостя, пал ему на шею и просил прощения.

В другой раз, в Амстердаме, Терстеген посетил собрание, половина участников которого состояла из его приверженцев, а другая половина была настроена иначе. Среди последних был один благочестивый старец, всеми весьма почитаемый, высокой жизни и светлого разума. Ему было неизвестно простое, детское и сердечное устройство нашего друга; оно показалось ему напускным, и он стал задавать ему разные вопросы, доискиваясь какого-нибудь подвоха. Терстеген отвечал ему кратко, ясно и умно, так что к концу беседы неприметно привлёк спрашивающего на свою сторону. Наконец, он закончил собрание такой проникновенной молитвой и благословенными пожеланиями, что все присутствующие стали братски целовать и благодарить его, и расстались все в сердечном единении любви.

*Терстеген никогда не стремился
к душепопечению, но любил уединение*

Здесь будет уместно сказать о его обращении с ищущими духовного назидания душами. Совсем неверно судят о нём те, кто полагает, что Терстеген стремился к такому обращению или по своему побуждению брался за душепопечение, сам предлагая кому-либо оное. Как далеко такие суждения отстоят от истины, показывают его собственные многочисленные высказывания. Один добрый знакомый просил его лично встретиться с некоторой дамой, пригласив её к себе; на это наш почивший друг отвечал следующее:

«Сестра N. N. — благородное и внутренне стремящееся к Богу сердце, одна из любезнейших мне душ в Г.; но пригласить её я не могу. Прошло то время, когда я пел: “О, сколь я утешаюсь, Господи, смотря на души, льнущие к Тебе”⁴⁸. Тогда я жил в неизвестности, время от времени посещал собрания и любил братьев и сестёр как бы издали, не связывая себя ничем; и от меня никто ничего не ждал. Сейчас всё по-другому. Но я никогда, ни в какое время не находил ни радости, ни жизни в том, чтобы обращаться с душами и заниматься ими, как бы сердечно я их ни любил. Живое познание Бога, столь внутренне близкого ко мне и в такой полноте довольствующего меня, порождало во мне постоянное и глубокое стремление к отделению от всего и к жизни с одним только Богом. Я служил ближнему, хорошо ли, плохо ли, лишь потому, что к этому подвёл меня Божий промысл и я был обязан следовать ему. Ах! как ча-

⁴⁸ Третья строфа из гимна «Молитвенные воздыхания о братьях и сёстрах». См.: *Tersteegen, Gerhard. Geistliches Blumengärtlein. Stuttgart, 1927. S. 285.*

сто люди мешают нам, а мы мешаем им! Кратко говоря: моя максима: “охотно с детьми, но несравненно желаннее — с Отцом”. 19 сентября 1766 г.».

Этому же адресату Терстеген писал 3 апреля 1767 года: «На этой неделе у меня было четыре визита из разных мест Бергишской земли, а сейчас уже несколько дней гостит один посетитель из С., очень благочестиво настроенный. Латинская пословица *qui bene latuit, bene vixit* (кто сокровен, тот подлинно живёт) или, как в “Цветнике духовном”, “Не учить, ни чести не искать”⁴⁹ — все сии истины с каждым днём становятся всё более существенными для меня. О, сколько времени и сил отнимают у нас и самые прекрасные творения Божии! Как легко душа может повредить себе, стараясь доставить пользу другим! Искушения и скорби, сопровождающие таковые старания, бывают здесь горьким, но хорошим лекарством. Господь да обратит всё ко благу и да даст нам истинное тяготение к внутрь-пребыванию и постоянное усердие в делании сердечной молитвы, дабы мы могли предоставить в себе место Божиим действиям и впечатлениям, исключительно из которых мы и в добрые, и в худые дни почерпываем силу и жизнь, etc.».

Немногим раньше он восклицал в письме тому же: «Ах, Господи! какое преимущество имеют души, могущие заниматься только Тобой и собой! И какой грязной становится и самая драгоценная жемчужина, когда она пройдёт чрез многие руки! Но да будет благоугождение Тебе нашей пищей и сопричастие Твоей любви нашей силой! 6 марта 1767 г.».

Что Терстеген говорил в письмах словами, то по возможности он осуществлял и делом. Чтобы удалиться от

⁴⁹ *Tersteegen, Gerhard*. Geistliches Blumengärtlein. Stuttgart, 1927. S. 62.

скопления людей и избежать общения с ними, в летнее время он нередко, взяв с собой лишь один бутерброд, уходил на целый день в лес, дабы побыть наедине с Богом. Такие прогулки он называл «самым лучшим своим временем».

Однажды, идя с некоторым другом в собрание, где от него ожидали произнесения назидательной речи, Терстеген сказал своему спутнику: «Я предпочёл бы скрыться от всех, дабы меня не хотели ни видеть, ни слышать». Ещё он говорил: «Я от всей души желаю, чтобы имя Герхарда Терстегена было забыто всеми людьми, а вместо того глубоко запечатлелось бы в их сердцах имя Иисуса».

Вот ещё примечательное место из письма (другие отрывки из него уже приводились выше) дружившему с гернгутерами реформатскому пастору, который обвинял Терстегена в сектантстве:

«Надеюсь, — писал он, — что за все сии годы, с тех пор как Господь призвал меня, я не дал ни малейшего повода к подозрениям в том, что я ищущу присоединиться к какому-либо сообществу или секте. Наоборот, доселе со всех сторон я только и слышу жалобы, что всех чуждаюсь. Мой Боже! свет, пред Коим невозможно лицемерить! Ты знаешь меня; я не доверяю своему падшему сердцу ни в чём; пред Тобою я не могу и не хочу ни в чём оправдываться; но что такое говорит обо мне мой брат во Христе? Сокрыто ли от Тебя, сколь чувствительной жертвой всегда было для меня то, что я, отказываясь от любимого одиночества и покоя, посвящал все свои силы и время служению ближним? Не совершал ли я оное, пусть и со многими недостатками, исключительно ради Тебя, в простоте, страшась не исполнить Твою волю, если б я занялся чем-либо другим? Искал ли я чего-то иного, как только

чтобы привести сии души к Тебе — а отнюдь не к себе? Да не будет сего! Лучше отврати всякое сердце от меня и содейлай, чтобы я, всеми презираемый и забытый, жил только Тебе и с Тобой. Ибо я знаю (не сущая ли это правда, Боже мой?), я знаю, что Ты один — полнота всей моей жизни. 6 марта 1750 г.»⁵⁰.

*Стечение к нему жаждающих
спасения душ со всех сторон*

Но как бы Терстеген ни стремился избегать общения с людьми, он не мог воспрепятствовать тому, что его ставшие широко известными добродетели и духовные дары привлекали многочисленных гостей со всего света. К нему приезжали из Швейцарии, из всех частей Германии, из Голландии, Англии, Швеции и других мест. Его душепопечительская переписка была столь же разноадресна и велика. В его доме можно было увидеть представителей всех сословий, от высших до самых низших, также и учёных и благочестивых пасторов, некоторые из которых в важных для них случаях пользовались его советами.

Приведём один такой совет. Некий пастор спрашивал Терстегена касательно занятия видной церковной должности. Тот написал ему в ответ кратко, но весьма выразительно и определённо: «Если человек в сомнительном случае

⁵⁰ Непритворность смирения Терстегена подтверждается и тем обстоятельством, что он запрещал изображать себя; поэтому не осталось никакого его прижизненного портрета. Авторитет его был столь велик, что и по смерти никто не нарисовал его по памяти. Также и могила Терстегена очень быстро после его смерти затерялась (не исключено, что он сам каким-то образом заранее позаботился об этом). Известно лишь, что похоронен он возле городской церкви св. Петра (Петри-Кирхе), во дворе которой стоит «условный» надгробный памятник ему.

не может принять спокойное и твёрдое решение, то ему следует оставаться в надёжном для себя положении и руководствоваться аксиомой юристов и администраторов: *In dubiis abstinendum est*, т. е. «Когда нет уверенности, надлежит воздержаться»».

Посещали его и высокие сановные лица; так, некоторому своему другу он однажды поведал, что накануне у него был граф В., явившийся к нему инкогнито. Но больше всего Терстеген был расположен к простым, любящим, детски настроенным душам, кои от всего сердца вверяли и препоручали себя и всё своё Господу. Такие души составляли, после Бога, самую большую, да, можно сказать, и единственную его отраду на сей земле. Тех из них, кто жил поблизости, когда они болели или унывали, Терстеген навещал сам и утешался сердечным общением с ними, каковое общение, особенно в последние его годы, особенно подкрепляло и радовало его.

*Особые духовные дары в обращении
с таковыми душами*

Для служения стремившимся к Богу и благодатствованным душам Терстеген получил от Господа особые дары. Никакое печальное и обременённое сердце не уходило от него без утешения и укрепления. В общении он был столь смирен, кроток и исполнен любви, что люди сердечно располагались к нему и с доверием открывали ему свои греховные язвы. Разобрав и обсудив оные, Терстеген обращал своих собеседников ко Спасителю и убеждал их искать благодатного оставления грехов и примирения с Богом только и исключительно у Него. При этом он подчёркивал, что подлинный мир с Богом бывает лишь тогда, ког-

да души постоянно и неизменно послушны Господу и Его привлекающей и наставляющей благодати. Всё его стремление было направлено к тому, чтобы Дух Христов жил и действовал в сердцах людей. Руководить ими, вмешиваясь во все подробности их жизни, было ему совсем несвойственно; по этому поводу он часто говорил: «Кто занимается с душами, тот должен быть как няня, ведущая дитя на помочах. Видя возможность падения или какого-либо вреда для него, она натягивает помочи, а во всём остальном предоставляет ему ходить свободно». Если душа в своём разумении и жительстве была слишком легкомысленна, то он умел со многой мудростью и кротостью открыть ей сию ошибку и поставить Бога и вечность на подобающее им место.

Находясь в узком кругу одинаково с ним настроенных христиан, Терстеген очевидно пребывал в своей стихии. Тогда он весь, казалось, светился любовью и сердечностью; а если представлялся повод сказать слово, то из его уст истекала поистине божественная премудрость. Всё говоримое им было столь основательно и связно и исполнено такой силы и сладости, что слушающие могли лишь единодушно воскликнуть в заключение: «Ей, аминь!» Он вёл всегда только благочестивые беседы, темы к коим часто брал из видимого мира. Цветы, растения, природные явления etc. он истолковывал духовно, доходя при этом до самых глубоких предметов внутренней жизни. В его присутствии никогда не было праздных разговоров, и некоторые из особо чувствительных душ по этой причине приходили в собрание лишь тогда, когда там намеревался быть Терстеген.

Следующий рассказ представляет, какое воздействие на ближних оказывал наш приснопамятный друг:

«Когда я, — пишет один его знакомый, — приходил к нему с разорённой душой (что случалось, увы, нередко), то, посидев немного в тишине в его присутствии, я от одного только его вида успокаивался и собирался вовнутрь. Открывая ему то или другое, что тяжестью лежало у меня на сердце, я почти сразу получал облегчение, так что, когда я возвращался домой, на душе у меня уже было легко и свободно, Божией милостью и ходатайством моего доброго наставника. Произносимые им молитвы были необыкновенны. О, как часто я с великим утешением вспоминаю оные! Сколь они были сердечны, сколь проникновенны, сколь кротки! Как они обращали слушающих вовнутрь, как подбадривали их и укрепляли! Но чтобы в достаточной мере рассказать о нём, не хватит слов. Его *жизнь* была *сокровенной со Христом в Боге* (Кол. 3:3). Образ Господа Иисуса так воссиявал чрез сего блаженного мужа, что я думал: если один луч столь чудесен, то каков же должен быть Сам Христос, Источник этого божественного света?»

Попечение о больных

Особое попечение Терстеген проявлял о больных братьях и сёстрах. Он старался неизменно посещать их, дабы сострадательным участием, ободрительными словами и вдохновенными молитвами утешить их и укрепить в вере в Господа и Спасителя. Если было нужно, он оставался у их постели до ночи, а порой и всю ночь напролёт. Приведём здесь только одно свидетельство, написанное его собственной рукой к некоторому другу о близкой им обоим духовной сестре, которую он часто навещал во время её болезни:

«Во вторник, едва только я сел за стол, меня срочно позвали к N. Несколько часов назад её постиг очередной удар.

Я пробыл у неё всю ночь и видел, что, по всей вероятности, теперь уже близок её переход в вечность. Она до конца оставалась в себе, сердечной, спокойной, в детском уповании на Бога. Я говорил с ней и молился. Не всё она понимала, но на всё отвечала “Да!” и “Аминь!”. Последнее, на что она сказала “Ей, аминь!”, были две заключительные строфы из моего гимна “Всё к вечности идёт”⁵¹: “Я полагаю дух мой в Твои руки” etc. Затем я молитвенно воззвал: “Прими, Господи Иисусе, во благодати душу верной рабы Твоей, которую Ты искупил честною Твоею кровью! Да взойдёт наконец сие чадо Твоё в мир и покой и да узрят очи её Тебя, своего Спасителя!” И когда в среду утром очи её здесь, на земле, сомкнулись навсегда, я от души возблагодарил Господа за Его милость, помощь и покров. Держалась она мужественно. Когда я хотел сказать её брату и всем домашним утешительное слово и обрисовать им прекрасный облик усопшей сестры, то я заплакал и не мог говорить. Её тяжкие и продолжительные страдания были велики; хотя она не подавала виду, я чувствовал это и старался поддержать её. Она претерпевала всё так смиренно и кротко, что, вспоминая о том, я только удивляюсь и благодарю Бога. Её мирное душевное состояние и неизменное, до самого конца, упование на Господа весьма утешали меня. Слава Богу за всё сие!»

Здесь нужно упомянуть следующее: когда нашего Терстегена в обстоятельствах, подобных описанному выше, спрашивали, что это он плачет как маленький, — он отвечал: «Что я веду себя как ребёнок, я признаю; но поверьте, мне становится всё тяжелей и тяжелей в мире сем, когда из него уходят столь преданные Богу души». В другом таком же случае он сказал: «Я вовсе не хочу быть

⁵¹ См.: *Tersteegen, Gerhard*. Geistliches Blumengärtlein. Stuttgart, 1927. S. 347–348.

ни стойком, ни бесчувственной колодой, но охотно желаю принимать близко к сердцу радости и горести своих братьев и сестёр».

Таким образом Терстеген помогал многим больным и умирающим и был им до самой их кончины отрадой, опорой и поддержкой. Но попечение его простиралось не только на своих; он благотворил всем людям без исключения. Например, мюльхаймские иудеи беспрепятственно пользовались его аптекой; и, когда Терстеген сам серьёзно заболел, они устанавливали в своей синагоге специальный молитвенный час о его выздоровлении⁵².

Жертвенность в служении ближним

Вообще наш покойный друг был готов служить каждому; он стремился всеми силами способствовать делу Того, Кто привёл его в сей мир, — делу вечного спасения как себя, так и других людей. С полным правом можно сказать о нём, что он был *всем слугой* (Мф. 23:11) и *для всех сделался всем, дабы приобрести их* для Господа

⁵² Особенно проявилась широкая благотворительность Терстегена в годы Семилетней войны, о которой в «Жизнеописании» ничего не говорится. Военные действия продолжались с 1756 по 1763 год, в них были вовлечены почти все европейские государства. Мюльхайм оказался во фронтовой полосе; несколько раз он переходил из рук в руки. Жители города были вынуждены на протяжении всех этих лет давать то прусским, то французским войскам постой и пропитание. Обычные занятия горожан и торговля почти прекратились, в Мюльхайме одна за другой вспыхивали эпидемии. Терстегенские кухня и аптека в таких условиях стали для города подлинным благодеянием. Голландские друзья звали Терстегена приехать к ним, подальше от военных действий, но он отказался от этого. «Ваше любезное приглашение, дорогая сестра, приехать к вам и воспользоваться несколькими тихими комнатами для меня и моих близких я прочитал с любовью и признательностью; я очень благодарен вам за вашу любовь, — писал он в ответ. — Если бы дело касалось только меня, то, конечно, я хотел бы избежать

(1 Кор. 9:22), что он не жалел для этой цели ни труда, ни времени и даже что он пожертвовал сему святому служению всё своё здоровье; в последние годы его жизни это сказывалось на нём особенно тяжело. Едва он пробуждался с утра и немного собирался с слабыми своими силами, как уже был вынужден принимать посетителей, которые шли и шли к нему — кто за советом, кто за деятельной поддержкой; одни с больной душой, другие с больным телом. В отношении последних Терстегена можно было поистине титуловать городским врачом для бедных и одиноких. Когда ему выпадало свободное время, он отвечал на бесчисленные письма либо же писал или переводил душеполезные книги. Кратко сказать: он не жалел никаких душевных и телесных сил на служение Богу и ближнему. Одна благочестивая дама, как-то раз пришедшая к нему, увидела, что его лицо сплошь покрыто мелкими каплями пота. На вопрос, что с ним, Терстеген ответил: «Я совсем ослаб. Было много посетителей, затем много писал, вот ещё шесть писем лежат неотвеченными». Дама из сочувствия хотела удалиться, чтобы дать ему хоть немного покоя, но Терстеген не отпустил её и с улыбкой сказал: «Нет-нет, оставайтесь, пожалуйста! Не нужно меня щадить. Никакого покоя!» И, заметив, что его собеседница весьма опечалилась, он поднялся, стал ходить по комнате и радостным голосом пропел несколько духовных стихов, желая подбодрить этим себя и её; затем он продолжил разговор с нею. Из сего ясно видно, что помогать людям воистину было его родной стихией.

беспокойств и опасностей, причиняемых войною. Но вокруг меня много людей, и они весьма бы опечалились, если б я уехал, ибо не все ведь могут покинуть город». См.: *van Andel*. S. 60–64.

Обращение с людьми мира сего

С людьми мира сего Терстеген без нужды не сообщался. Если же ему приходилось быть в их среде, то он вёл себя так, что возбуждал к себе величайшее почтение; само его присутствие назидало окружающих. Один живущий неподалёку от него трактирщик рассказывал: «Проходя мимо дома Терстегена, я всякий раз ощущал некое благоговение; а когда я вспоминаю его самого, то испытываю такие же чувства, как будто я побывал в церкви». Подобное впечатление о нём создавалось, помимо собственно духовных даров, кои ни от кого не могли быть сокрыты, во многом и благодаря его добросердечному и открытому обхождению с каждым человеком. Впрочем, Терстеген, попав в общество мирских людей, предпочитал молчать; но, когда предоставлялась возможность сказать нравоучительное слово, он не упускал сего.

Вот один из таких случаев. Путешествуя однажды в Голландию и остановившись на постоялом дворе, Терстеген застал там большую компанию знатных лиц и богатых торговцев. Он сел в углу и, прислонившись головой к стене, сделал вид, что задремал. Между тем присутствующие, наговорившись друг с другом на разные темы, захотели играть в карты. Тут Терстеген открыл глаза и произнёс: «У меня есть с собой прекрасные карты» — и, в ответ на желание увидеть оные, вынул из кармана Новый Завет. Тогда всё общество, крайне удивившись, спросило, не повредился ли он умом. На это Терстеген ответил: «А вы, друзья, нормальны ли?» — и пересказал им все их суетные и никчёмные разговоры, коими они занимали себя продолжительное время. После сего он, используя слова и выражения из их же речей, стал убеждать их, как неразумно они поступают, тратя столь драгоценное время на такие бессмысленные вещи. Некото-

рые не могли не согласиться с ним; остальные, по меньшей мере, призадумались; игра в карты не состоялась.

Отношение к внешней церковности

Как наш Терстеген относился к употреблению внешних благодатных средств, можно с достаточной полнотой усмотреть из 97-го письма в сборнике его нидерландских писем⁵³. Он высоко ценил все добрые руководства к Богу и к Иисусу, но предостерегал от неверного и неразумного использования оных. Всякие обвинения, что он отвращает людей от церкви и от причащения, безосновательны; никто из знавших его никогда не слышал от него ничего подобного. Он предоставлял каждому полную свободу поступать так, как тот находит лучшим пред Богом. Если кто-то сомневался, как ему быть, и спрашивал Терстегена, то после тщательного исследования дела получал от него не более чем совет. Приведём пример. Одному другу, чувствующему в себе препятствия к участию в Таинстве Алтаря⁵⁴ и тем не менее понуждаемому пастором к причащению, Терстеген, после испытания его духовного состояния, порекомендовал: «Пойди к своему пастору и скажи ему: “Ваше преподобие! я прошу вас оказать мне милость и дать моей совести свободу самому решать, приступать мне к Таинству или нет; сейчас я не готов к этому. Если же вы не соизволите на сие, то я поступлю, как вы повелите”». Пастор, увидев такое смирение, с любовью пошёл ему навстречу. — Тех, кто затруднялся определить

⁵³ См. наст. изд., письмо 111.

⁵⁴ Об отношении Терстегена к особенностям причащения в Реформатской Церкви см. подробные объяснения в примеч. 5 к уже упоминавшемуся письму 110.

меру своего участия в церковных чинах, Терстеген представлял самим себе, настаивая только на том, чтобы они не шли против совести, *ибо*, напоминал он, *всё, что не по вере, грех* (Рим. 14:23).

Отношение к брачному состоянию

Некоторые считают, что Терстеген отвергал брачное состояние; но это также совершенно безосновательно. Многим он, сообразуясь с их устроением, прямо рекомендовал вступать в брак, не говоря уже о том, что со многими христианами, живущими в супружестве, его связывали узы самой близкой и доброй дружбы. Для себя самого он действительно предпочёл безбрачие, поскольку полагал, что в таком состоянии он лучше может любить Бога и служить ближним, чем будучи обременённым заботами о жене и детях. Что именно он думал о браке, можно подробно узнать из его писем; особенно обстоятельны в этом отношении 112-е письмо из четвёртой и 4-е письмо из первой части его немецких писем⁵⁵.

Предсмертная болезнь и блаженная кончина

Мы подходим к концу нашего повествования. Вся жизнь Терстегена по внешнему человеку была исполнена болезней, немощей, страданий и скорбей. Его тело было настолько ослаблено недугами, что нередко он выглядел как уже умерший. Тем более удивительны его неустанные труды, кои неизменно продолжались вплоть до смерти; из сего ясно усматривается, что Бог особым образом поддерживал его и

⁵⁵ См. наст. изд., письма 118 и 119.

вопреки всему порядку естества даровал ему долгие годы жизни, дабы сей *Его избранный сосуд* мог преизобильно *возвещать имя Божие* пред многими людьми (Деян. 9:15). Что касается его внутренней жизни, *сокровенной со Христом в Боге* (Кол. 3:3); его духовного бдения, борений и молитв; тяжких бремени, какие он нёс в обращении с ближними, — то здесь мало что можно сказать, поскольку наш друг почти не давал о том знать.

Его последней болезнью была, судя по всему, водянка лёгких. Обнаружилась она в конце марта 1769 года и причиняла ему сильные боли и стеснение в груди. 30 марта он внешне крайне ослабел, внутренне же пребывал во mnogой любви к Богу и всецелом предании себя в Его всемилостивую волю. 31-го числа в час дня последовал удар, вызвавший судороги всех членов тела. От сего часа началось его постепенное умирание. Следующую ночь Терстеген провёл большей частью сидя в кресле, сильно страдая от одышки и других проявлений недуга. Наутро, узнав о скором его отшествии, стали стекаться жившие в городе и окрестностях друзья, дабы попрощаться с ним; он, по мере своих сил, говорил с каждым так сердечно, утешительно и назидательно, что все были до глубины души тронуты и покидали его со слезами. Всё время он находился в здравом уме и в полном вверении себя Господу. Среди приходящих к нему друзей и знакомых был и пастор Е.; он попросил умирающего преподать ему благословение. Терстеген с приветливым лицом поднял руки и проговорил: «Господь Иисус Христос, наш великий Первосвященник, сидящий одесную Отца, да вознесёт Свою руку во святыни и да благословит тебя любовью и миром в сердце и благодатью и премудростью в твоём служении!» Сей пастор скоро после кончины Терстегена сам отошёл в вечность. Одной пришедшей попрощаться с ним

духовной сестре он сказал: «О сестра! Наш путь — добрый путь; только *следуй* всегда без боязни за *Агнцем, куда бы Он ни пошёл* (Откр. 14:4)». Другому другу он дал следующее наставление: «Я препоручаю тебя, по благодати, Господу Иисусу; да послужит тебе всё происходящее к тому, чтобы ты целиком предал себя нашему возлюбленному Спасителю и прибегал к Нему, как евангельская жена-хананеянка (Мк. 7:25). О сей благодати нужно молиться, с отвержением всего временного; мало тех, кто верует. Но какое будет счастье, когда мы, некогда оставив землю, обрящем милостивого Бога во Христе Иисусе!» — Так он, по возможности своего состояния, напутствовал всякого со многой любовью, силой и благословением.

С 1 по 3 апреля Терстеген был вынужден из-за стеснения в груди и затруднённого дыхания сорок семь часов провести в кресле, то откидываясь на спинку оно, то склоняясь вперёд, на подушку, лежащую на столе. В сии сорок семь часов он почти всё время тихо стонал, так тяжелы были страдания. Но ни слова жалобы от него не было слышно; разве что, когда на несколько минут он засыпал, а потом пробуждался, тогда, в полусне, у него вырывалось: «О Боже! о Господи! о мой Иисусе!» Вообще во всё время своих предсмертных мучений он не проявлял ни малейших признаков нетерпения не только в слове, но и в выражении лица. Это беспримерное терпение, проистекавшее из всецелого детского упования на Бога, Который *через страдания соделывал совершенным* Своего верного служителя, уподобляя его *Вождю нашего спасения* (Евр. 4:10), было для присутствующих в высшей степени назидательным и утешительным. Без сего утешения (так они говорили после) им было бы невыносимо присутствовать при таких тяжких муках столь любимого ими друга.

2 апреля около полудня уже стало ясно, что наш Терстеген приближается к порогу смерти. Периоды сна становились всё больше, а бодрствования короче. Ему всё время приходилось напоминать, что нужно освежить уста водой. С половины седьмого вечера сон стал непрерывным. В последний раз он выпил глоток воды в девять часов; его едва разбудили для этого. После сего сон всё углублялся, и в полночь пробудить его уже не смогли. И так он пребыл во сне вплоть до своей блаженной кончины; в два часа ночи он испустил последнее дыхание и предал душу в руки своему Господу и Спасителю. Произошло сие 3 апреля 1769 года.

Окружающие смертный его одр все как будто почувствовали присутствие сонма Ангелов, явившихся сопроводить его душу в царство блаженства, мира и света, где он со всеми ангелами и святыми воспевает ныне вечную Аллилуию Богу и Его Агнцу и где, к бесконечной его радости, исполнились все его желания и стремления. Аминь! *Сидящему на престоле и Агнцу благословение, и честь, и слава, и держава во веки веков* (Откр. 5:13). Аминь!

I

Общий обзор внутренней христианской жизни

Письмо 1-е

О ТРОЯКОМ РОЖДЕНИИ ХРИСТИАНИНА.

Возлюбленный о Господе Иисусе брат!

То, что столь многие братья и сёстры у вас и в других местах так беспокоятся о моей худой жизни во плоти и о сохранении оной, поистине исполняет меня великим смирением, хотя их сердечное расположение одновременно утешает и ободряет меня. Да вознаградит их за сие божественная любовь стократно!

Созерцая календарь своей жизни, я нахожу в нём множество красных и множество чёрных дат. Чёрными датами я называю многие мои грехи, немощи, неразумие и всяческую худость, гораздо бóльшую, чем могут предположить во мне те, кто любит меня. Сия худость и до настоящего времени весьма печалит меня — впрочем, печалит не до уныния и отчаяния, ибо на этом чёрном фоне несравненно более привлекают мой взор красные листки сего календаря; я имею в виду преизобилующую благодать и силу алой крови Господа моего Иисуса Христа. Да сохранит и преумножит

Он драгоценное действие Своей благодати во мне и во всех сердцах, кои по Его благоволению связаны со мною любовью, — чтобы нам *достойно жить* (Флп. 1:27) не только *Богу*, искупившему и *призвавшему нас* (1 Фес. 2:12), но и *друг другу*, чадам Его по благодати (Еф. 4:1), и чтобы *никто из нас не оказался опоздавшим* (Евр. 4:1), но все мы с отрадою и ликованием смогли отпраздновать вкупе с Ангелами и святыми наш последний день рождения!

Ибо чада Божии имеют три дня рождения. В *первом рождении*, по природе, переходят они из тесной темницы материнского лона в свет этого земного мира. Тогда дитя плачет (ах! не напрасно!), родные же радуются.

Во *втором, благодатном рождении* — рождении свыше (Ин. 3:3) — христиане шаг за шагом выводятся из тесного и тёмного состояния падшего естества в свет благодати. Тогда рождающееся чадо Божие по большей части плачет и скорбит; но радуются о нём *Ангелы на небесах*, как они *радуются, видя хоть одного грешника кающегося* (Лк. 15:10).

То, что мы называем смертью, первые христиане именовали и праздновали как день рождения мучеников и святых. Это *третье рождение* — телесная смерть — разрешает детей Божиих от уз мира сего и освобождает их из тесного плена *тела смерти* (Рим. 7:24) и от всякого душевного бремени и тревог, когда душа в истинной радости рождается и переходит в широту сладчайшей беспечальной вечности. Это последнее рождение часто происходит мучительно и неприглядно, так что чадо благодати до крайности болезнует, стенает и плачет, пока не пройдёт чрез него, — но всё это к его благу.

Ибо рано или поздно всё кончается, и душа восклицает с Иисусом: *Совершилось!* (Ин. 19:30). Ангелы, как ополчение Божие (Быт. 32:2), уже стоят наготове, дабы принять рождаемое в блаженную вечность дитя на свои руки и, как

оного Лазаря, отнести на лоно Авраамово, то есть Божие (Лк. 16:22). Тогда радуются они детски-сердечно, что христианин родился для мира света, любви и радости; тогда празднуется его подлинный день рождения; тогда поёт всё небо гимн Богу любви, и Ангелы припевают к каждому стиху: «Аминь! Слава в вышних Богу! Аллилуия!» И, зная сие, надлежит нам и далее, дерзая о Господе и уповая на Него, не страшиться кратких мук рождения (то есть многочисленных тягот скоропреходящего земного странствования нашего), но всецело препоручить себя Богу и покориться Ему, зная, что сей *труд наш не тщетен пред Господом* (1 Кор. 15:58). Аминь! Господи Иисусе, *останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру!* (Лк. 24:29).

Моё сердце благословляет всех вас и каждого из вас. Господь Иисус да запечатлеет сие Своим благословением! Аминь.

(1, II, 5)

Письмо 2-е

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТИННОГО ХРИСТИАНСТВА
ПО ЧЕТЫРЁМ ИЗРЕЧЕНИЯМ ЕВАНГЕЛИЯ:

Кто хочет идти за Мною,

1) ОТВЕРГНИСЬ СЕБЯ, 2) и ВОЗЬМИ КРЕСТ СВОЙ,

3) и СЛЕДУЙ ЗА МНОЮ, 4) ВСЕГДА МОЛЯСЬ.

**Во Христе Иисусе, нашем благословенном Спасителе,
досточтимая сестра!**

Я не раз собирался написать вам несколько строк; впрочем, поскольку я с вами не знаком лично и мне неизвестно внутреннее устройство вашей души, то намерение это до сих

пор откладывалось. Но время от времени я поминал вас в своих слабых молитвах. Прежде всего я благодарил Бога и не перестаю благодарить за то, что Он по великой Своей милости стал просвещать ваши очи, дабы вы смогли уразуметь греховное повреждение человека, ничтожность мира сего и важность предметов вечных; а также и за то, что Он дал вам — надеюсь, искреннее — желание и стремление истинно исцелиться от своих грехов, дабы, в отрешении от всякой суеты, жить в благоугождении Господу. Если вы, возлюбленная сестра, находите в себе таковое сердечное расположение, то почитайте себя в высшей степени обязанной вместе со мною благодарить о том Бога, ибо малейшее действие благодати Божией несравненно драгоценнее, чем всё, что только может дать нам мир сей.

Первый шаг на пути благочестия есть изменение направления нашей жизни от вечной гибели к вечному спасению. Прошу вас, чаще размышляйте об этом пред Богом. Что не держат во внимании, то легко теряется. Чего только не дал бы сатана и падший мир за то, чтоб мы снова переменили свой образ мыслей! Господь да сохранит от сего вас, и меня, и всех Своих чад. Посему я, благодаря Его за вас, также и молюсь Ему, да не попустит Он врагу каким-либо образом вновь запутать вас и отвратить от Бога или погрузить вас в духовный сон и беспечность. Ах! сколь многих я знал, кои полагали доброе начало, но спустя некоторое время вновь обращали слух к миру сему и падшему рассудку, опускали руки и падали духом! Другие, не совсем уж *озирающиеся назад* (Лк. 9:62), останавливались на первоначальных благодатных действиях и изменениях, не продвигаясь далее ко всецелому новому *рождению свыше* (Ин. 3:3) и внутреннему единению с Богом. Третьим, если они хотели продолжать духовную жизнь, нужна была особая великая

благодать Божия, дабы им был показан истинный путь, ибо они всё время уклонялись на стезю претыканий, ошибок и заблуждений... Я говорю это не для того, чтобы ввергнуть вас в уныние, но чтобы побудить к постоянной молитве (1 Фес. 5:17), крайней осмотрительности (Еф. 5:15) и великой серьёзности (Флп. 2:12).

Если вы, дорогая сестра, спросите меня, в чём же я, по мере моего разума, полагаю истинный духовный путь, то я отвечу вам в общем: сей путь есть тот, который возвещает нам в Евангелии Господь Иисус, когда говорит: *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16:24). Здесь мы видим три заповедания; если к каждому из них присоединить ещё непрестанную молитву (Лк. 18:1), то в этих четырёх положениях будет заключаться всё истинное христианство; и ни падший рассудок, ни мир сей не смогут им воспрекословить. Господь Иисус, изрекший их, да даст вам всегда уразумевать и исполнять их сообразно вашему положению и состоянию!

Для лучшего уяснения сего позвольте предложить вам некое простое руководство. Представьте себе, что возлюбленный наш Спаситель говорит вам ныне и на всякий день:

«Отвергайся себя в том, в чём ты обнаруживаешь себя. Ты усматриваешь в себе любовь, радость, упование в отношении чего-либо тварного, вне Бога; ты видишь, как проявляется в чём-либо, пусть даже и в духовном, твоё самолюбие и самоугодие, — *отвергнись себя*. Живи не по влечению своих собственных падше-природных мыслей, чувств и желаний, но действуй во всём свято, вопреки безбожной самости — в делах и словах, в занятиях и отдыхе, еде и питии и т. д. (разумеется, без крайностей и вреда здоровью). Непрестанно молись о благодати, мудрости и силе — и *возьми крест свой*. Ты не должна сама себе устраивать крест, но

принимать тот, который уже предложен тебе, — будь то от мира сего, когда он презирает, осмеивает, ненавидит, истязает и гонит тебя; будь то от сатаны, когда он мучает тебя искушениями, соблазнами, злыми помыслами и внушениями и т. д.; будь то от Бога и Его промысла, проводящего тебя чрез скорби, болезни, бесчисленные напасти и чрез духовные испытания (как то: сокрытие и отъятие чувствуемой нами Его силы и благодати и тому подобное); будь то, наконец, от самой себя — в слабости твоего телесного состава, в болезнях, в чувстве духовной немощности и непостоянства и — даже — в прегрешениях, случающихся против воли или по опрометчивости. Всё это крест; прими его на себя. Это значит: настрой себя так, что по естеству очень немного будет у тебя привольных дней на сей земле.

Мужайся и терпи; а при этом *всегда молись* о мужестве, терпении и силах — и *следуй за Мною*. Предай себя Мне со всецелым упованием. Отдай свою волю полностью в Мои руки; стань как малое дитя, которое само ходить не может и не знает, куда оно должно идти. Сомкни очи падшего рассудка и держись за Меня верой. Внимай движениям Моего Духа внутри себя; и как Я убеждаю, вразумляю и влеку тебя, так *следуй за Мною* в простоте, *не заботясь ни о чём* (Флп. 4:6). Я Сам прошёл этот путь самоотвержения и креста; и тебя Я безошибочно проведу по нему. Я знаю лучше всего, что тебе полезно, — только постоянно держись за Меня, не своди с Меня глаз; и как Я предшествовал тебе и не перестаю предшествовать внутренне и внешне, так *следуй за Мною* — молясь при этом непрестанно о вере, простоте и верности».

Подчёркиваю ещё раз, возлюбленная сестра, что молитва необходима при всяком нашем духовном делании — частью потому, что сами по себе мы бедные и немощные творения, ничего не имеющие и ничего не могущие, как только

беспрестанно молить о милостыне во вратах благодати Все-вышнего (Притч. 8:34); частью же потому, что мы не можем вместить много твёрдой пищи и получаем к ней отвращение, если нам не дают вместе с нею и молока (1 Кор. 3:2). Учение Господа Иисуса о кресте и самоотречении для падшей природы есть всё равно что твёрдая пища, так что, как бы искренне мы в начале ни устремлялись к ней, со временем она непременно становится для нас неудобоваримой и слишком горькой — если только она не смягчится и не усладится деланием непрестанной молитвы.

Под молитвой же я подразумеваю не столько просьбы, желания и стремления души, чтобы получить то или иное даяние от Бога, сколько всякое занятие нашего духа и нашей веры Богом и божественными предметами — то, что в Писании именуется *хождением пред Богом и в Его соприсутствии* (Быт. 17:1; Пс. 15:8). На этот краеугольный камень и благородное сокровище истинного христианства я бы хотел, дорогая сестра, обратить ваше особое и первостепенное внимание, ибо правильное его разумение и осуществление совмещает в себе всю духовную жизнь и те заповедания Христовы, о которых мы говорим. И поскольку для себя я вижу хождение пред Богом в Его соприсутствии в высшей степени важным и нужным, то и для вас я от всего сердца желаю, чтобы оно стало вашим единственным и постоянным деланием.

Скажу ещё несколько слов, дабы вы лучше уразумели, что есть молитва, которую Господь Иисус, наш Пример и Образец, и Его ученики так любили и к которой так усердно прибегали (Лк. 6:12; Деян. 1:14). Обще говоря, я понимаю молитву как *внутреннейшее, теснейшее и ближайшее соображение с Богом* — когда мы веруем и познаём Бога как вездеприсутствующего, и особенно *присутствующего в нас*, и к Нему, как к соприсутствующему нам, часто (а по возмож-

ности — непрестанно) с благоговением и любовью обращаем ум и сердце; когда мы, внутренне простираясь пред Ним духом, поклоняемся Ему и прославляем Его; когда мы всецело предаём себя Ему в вечную собственность; когда мы с любовью сокровенно припадаем к Господу и ведём с Ним, как с сердечнейшим нашим Другом, искренний разговор, — чему всему научает нас вера и любовь.

Если же говорить о частностях делания сей молитвы, то, на мой взгляд, для этого, во-первых, необходимо, чтобы человек всякий раз обращался внутрь себя, как только он осознаёт, что через внешние предметы и дела он слишком отделился от Бога и от памяти о Нём. Во-вторых (что я особенно порекомендовал бы вам, дорогая сестра), надлежит выделить, насколько это возможно, некоторое особое время для такого внутрь-собрания — пусть это будет хоть по полчаса или пятнадцати минут дважды в день. На это время вам нужно будет отложить все свои дела и размышления о них и поставить себя в уединении пред Богом — не только для того, чтобы возвестить Ему ваши нужды, но главным образом для того, чтобы, более чем обычно собрав рассеянные мысли и чувства, обратить ум и сердце к созерцанию Бога и Его соприсутствия или какого-либо Его божественного свойства. Полностью раскрывайте перед Ним глубины души и в возможной для вас тишине и безмолвии внимайте, не соблаговолит ли Господь внутренне произвести в вас какое-либо Своё действие или что-то возвестить вам. Но всё это — в простоте, смирении, тихости и больше сердцем, чем головой, поскольку всё сие должно быть делом Духа Божия, а не нас самих. Вначале это бывает тяжело и досадно нашему естеству; но дальше — легче, и наконец такая молитва становится истинной жизнью и свойством души, так что душа уже при жизни тела вселяется на небо и её осеняет

мир, *превосходящий всякое разумение* (Еф. 3:19), которого *никто не может у неё отнять* (Ин. 16:22). Великий Бог любви да даст вам, мне и тысячам людей, ищущих Его, сущностно познать сие!

Вот, возлюбленная сестра, что ныне дал мне Господь написать вам. Молю Его, чтобы Он сопроводил сии строки Своим вразумлением и благодатью! Приветствую всех ваших, боящихся Господа, никого не исключая.

(1, I, 1)

Письмо 3-е

КРАТКИЙ ОБЗОР, ЧТО ЕСТЬ ВНУТРЕННЕЕ ХРИСТИАНСТВО.

Возлюбленный о Христе собрат!

Твоё любезное письмо я получил через брата N. Как на твои предыдущие послания, насколько мне представляется, не требовалось каких-то особенных ответов, так и на нынешнее письмо, в коем ты говоришь о своём продолжающемся состоянии духовной тьмы и пустоты, вряд ли я смогу что-то ответить, поскольку я сам немощен и тёмен и весьма неопытен в путях Господних; да и всё, что я мог бы сказать, ты уже и так знаешь наперёд. Поэтому лучше я отвлекусь от твоих и моих частных и попробую изложить общие истины внутренней христианской жизни, как я их понимаю.

Движущая сила нашего внутреннего повреждения, или отвернувшейся от Бога *самости*, состоит главным образом в *самолюбии* и *своеволии*; сущность же и сила божественной жизни заключается в *чистой любви* и во *всецелом предании себя и всего своего Богу*. Когда самостная жизнь умалется, тогда божественная жизнь, сообразно мере этого умаления,

возрастает. Человек может быть святым в глазах людей — и при этом носить в глубинах своей души залежи самолюбия и своеволия и быть чрезвычайно далёким от чистой благодатной жизни. Ах! где христиане, кои возненавидели самостную *жизнь свою*? (Лк. 14:26). И в сколь немногих можно увидеть, что они *не возлюбили души своей даже до смерти!* (Откр. 12:11).

Когда человек обращается к Богу, то он, повинувшись руководству совести, берётся за то, чтобы умереть греху и миру сему (Рим. 2:6; Кол. 2:20). Новоначальный христианин строг, ревностен и неутомим во внешнем. У него много сил, и он решительно движется вперёд, ибо властные побуждения благодати и страх Божий, с одной стороны, и сладкое вкушение многих даров Божиих, чувствуемых и воспринимаемых им, с другой, влекут его и как бы несут на себе душу, хотя кажется, что душа всё делает сама и чрез себя. Такой новоначальный христианин — часто подлинный герой по своим намерениям и делам. Но большой «шум» и излишняя деятельность рассудочно-чувственных сил не дают душе по-настоящему утешиться и войти внутрь себя. Поэтому наше глубинное повреждение и падшесть большей частью остаются укоренёнными в сердце. Более того, самолюбие, беря повод от ревности, добродетелей и духовных даров, неприметно и тончайшим образом ещё усиливается, а своеволие проявляет себя в осуждении ближних и несострадании к ним, в жёсткости и закоснелости мнений, поступков и внешних дел благочестия и, наконец, в постоянном самонапряжении, в упорной само-деятельности и неспособности передать себя Богу, даже в молитве.

Поэтому сила самостной жизни должна быть осознана и выкорчевана из души иначе. Это происходит частью деятельным, частью страдательным (приимательным) образом.

Деятельным образом наше самолюбие искореняется, когда ему отказывают во всём, что может его питать. Христианин избегает всяких не необходимых и излишних удобств и чувственных удовольствий; он без уважительных причин не делает того, за что, как он знает, его будут хвалить и почитать; он хочет быть сокрытым, не привлекающим внимания, забытым; он стремится сразу изгладить из памяти то добро, какое он делает; он старается всё соотносить с Богом; он не попускает своим мыслям услаждаться чем-либо, что может стать причиной самоугождения, и т. д.

Деятельным образом ослабляется наше самолюбие, когда мы предпочитаем слушаться, а не повелевать; когда мы не делаем и не говорим ничего того, что слишком хочет наша воля, но стараемся поступать вопреки ей. Впрочем, отсечение своей воли относится лишь к нейтральным вещам (куда-то пойти, что-то сделать или сказать, что-то прочитать и т. п.), совершение или несовершение которых не может причинить разорения или вреда; дела же, составляющие круг наших обязанностей, нужно непременно добросовестно исполнять. Однако и здесь — без прилепления к ним и горячности, дабы мы были готовы во всякий момент по малейшему мановению промысла Божия спокойно оставить их. И так следует поступать во всём. Кратко сказать: христианин должен стремиться и внутренне, и во всех своих действиях быть тихим, радостным и смиренным; если же в душе возникает нечто жёсткое или неприязненное, то всё таковое нужно скорее погружать в сладчайшую стихию кротости. И таким образом мы можем сокровенно и тихо тысячекратно отвергаться себя, не производя никакого шума, так что живущие с нами этого даже и не заметят. Прежде же всего необходимо наблюдать, чтобы душа действовала здесь не грубым, законническим, запугиваю-

щим и суровым образом, но мирно и мягко, посредством любви Божией и ради сей любви.

Наилучшая же и полезнейшая деятельность, ослабляющая и искоряющая наше самолюбие и своеволие, деятельность, которой, так сказать, надлежит быть душою вышеуказанных упражнений, есть *внутреннее богообщение в вере и сердечная молитва*, для чего христианин время от времени в течение дня может и должен находить возможность уединяться. Когда душа неким внутренним, тихим, детским и нелицемерным образом поставляет себя в присутствие Господа и взирает на Него в вере, то скоро обессиливается всякое оболъщение. Божие сопричастие выявляет и умерщвляет тончайшие изгибы самоугождения; жёсткие и захлёстывающие силы естества и своей воли теряют свою власть, делаются гибкими, мягкими и кроткими — и так душа постепенно становится способной к тому, чтобы Бог чисто и действительно открывал и приобщал Себя ей.

Всё сие иногда происходит со многим услаждением, лёгкостью и светом, а иногда в сухости и тьме. Но это вещи побочные, не имеющие существенного значения, хотя у некоторых может дойти до того, что их внутренние скорби настолько усиливаются, что они ничего из сказанного не могут не только обдуманно и внимательно совершить, но даже и увидеть; тут часто дорог добрый совет.

Я вижу, что моё письмо становится слишком простран-ным, а между тем я только подошёл к вопросам о внутренней сухости, тьме и страданиях, коими умерщвляется наше самолюбие и своеволие. Но поскольку я не так много могу об этом сказать, то буду краток.

Есть множество разновидностей внутренней тьмы и скорбей, сообразно состояниям и свойствам души. У кого-то горести и утешения, свет и тьма переменяются достаточ-

но часто; у других периоды мучительных страданий длятся долго. Некоторые скорби *идут наперёд*, чтобы привести душу от грубой само-деятельности и (я бы сказал) «овнешнённого» благочестия на путь внутреннего самоотвержения и молитвы. В таких страданиях очень многие души не выдерживают пробы и либо снова возвращаются к жизни мира сего (2 Пет. 2:20–22), либо с насилием принуждают себя к оторванному от Бога само-благочестию и часто всю жизнь ходят по кругу. Некоторые скорби, чередуясь, *сопровождают* вышеуказанное духовное делание; другие очень глубокие страдания *следуют* за ним. Некоторые страдания мы причиняем себе сами; некоторые же есть Божие руководство.

Как узнать, являются ли наши скорби Божиим руководством? Надлежит исследовать себя и найти в себе: 1) страх огорчить Бога; 2) стремление к освящению, то есть к жизни в Боге; 3) убеждение в невозможности помочь самому себе; 4) смиренный образ мыслей о своей духовной мере и т. п. Если это есть, то все искушения, испытания, духовная тьма, сухость и всевозможные скорби и страдания несомненно идут нам не во вред, но служат тому, чтобы обессилить и, наконец, совсем искоренить самолюбие и своеволие. Сами же эти скорби заключаются в том, что часто вместо ревности к добру, радости и лёгкости приходят тяжесть, расслабление и нежелание ничего делать; вместо благодатных даров — тьма, сухость и неспособность ни к чему; вместо добродетелей — многочисленные искушения, внутренние восстания и смятения, всевозможные прорывы падшести и самости и многое тому подобное, так что порой бедная душа почти совсем отчаивается. Но если она выдержит сии горести, каковы бы они ни были, то самолюбие всё более будет умерщвляться, душа всё более будет становиться подлинно и глубоко *нищей ду-*

хом (Мф. 5:3), научаясь основательнейшим и истиннейшим образом веровать, что ничего доброго в ней самой по себе, без Бога, нет и быть не может; и наконец — о, желанное «наконец!» — она начнёт от всего сердца с детской искренностью молиться: «*Твоё* есть Царство; *Твоя* есть сила и слава во веки» (Мф. 6:13). Ей, аминь! Упрямая и строптивая наша воля, ещё долго искуснейшим образом защищающаяся и сопротивляющаяся, должна будет наконец — о, блаженное «наконец!» — преклонить главу на кресте и погрузиться в Христову смерть, из чего рождается тихая, чистая и исполненная упокоения жизнь, о чём я из опыта ничего не могу сказать.

Теперь нужно бы изложить, как душа со своей стороны должна вести себя в этих скорбях; но здесь невозможно дать какой-то один совет. Сообразно мере и образу страданий, кои бывают самыми разными, и душа откликается на них многообразными способами. Вот, впрочем, несколько общих соображений. 1. В состоянии внутренней скорби, духовной сухости и тьмы душа не должна напрягаться помочь себе насилем над собой, всевозможными переменами во внутреннем и внешнем делании, удручением тела, скрупулёзными исследованиями своего положения, чрезмерными размышлениями о том, многим чтением и т. п. Всем этим мы только повредим себе и погрузимся в ещё большую тьму и расстройство. 2. В особенности не следует читать таких книг, которые, как бы хороши они сами по себе ни были, требуют сильного напряжения рассудка. Но читать нужно только то, что может напитать и укрепить сердце, не забывая голову многими образами; и это читать не много за раз, но умеренно, в простоте и тишине. 3. Не опускать руки, когда сии страдания длятся долго, но в возможном смирении выдерживать их, пока не придёт час Господень. И когда душе представляется, что она совсем

уже ничего не может для себя сделать, пусть постарается потерпеть и понести данный ей крест. 4. Насколько возможно, держать себя во внутрь-пребывании и без нужды и по собственной воле не много обращаться к чувствам или, тем более, искать в творениях ту радость и жизнь, какой на данный момент её лишает Бог. 5. Сохранять своё обычное время для уединения и внутренней молитвы, хотя бы душа этого не хотела и ей бы даже казалось, что во время молитвы ей становится хуже. 6. Учиться верно различать обращённые к Богу стремления внутреннего человека и противящиеся Ему побуждения падшего естества и врага (Евр. 5:14) и при всех проявлениях последних, при всех искушениях, восстаниях скорбей и т. п., насколько возможно, мягко и тихо «убегать» от них во внутреннем человеке в Бога, стараться не обращать на них внимания и держать себя так, как будто они нас совсем не касаются. 7. Не сосредотачиваться слишком много на себе и своём положении, но только на одном Боге и занимать себя Им, всецеловеря и предавая себя, душу и тело, Ему, верному Творцу и Промыслителю, во времени и в вечности — и всё сие во Иисусе Христе, силою Его живительных страданий.

В кратком письме трудно сказать сколько-нибудь полно о столь важных истинах внутренней жизни. Ты видишь, возлюбленный брат, что я только несколькими словами, и то в общем, коснулся того, от чего зависит очень многое; при этом, как уже говорилось вначале, я не имел в виду персонально тебя, поскольку, во-первых, ты понимаешь всё это лучше, чем я, а во-вторых, мне недостаточно точно известно твоё состояние и соответствующее ему руководство Божие, которое в разных обстоятельствах столь же различно, как различны лица людей. Надеюсь, Бог даст нам ещё возможность говорить друг с другом. Препоручаю тебя от всего сердца верному

Первосвященнику и Пастырю наших душ Иисусу Христу, да продолжит и совершит Он Своё дело в твоей душе. Вспоминай и ты обо мне, немощном, чью худость ведаёт един Бог.

(1, I, 20)

Письмо 4-е

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ИСТИНЫ,
КАК ЧЕЛОВЕК СПАСАЕТСЯ И ОСВЯЩАЕТСЯ ПО БЛАГОДАТИ.

Во благодати Господа Иисуса сердечно возлюбленный брат!

Ваши любезные письма от 23 ноября и 2 декабря уже давно получил и ныне, насколько мне позволит время и силы, хочу ответить на оные.

Судя по тому, что я могу разуметь, ваше состояние в достаточной мере описано в седьмой главе Послания к Римлянам. Выход из сего состояния только один, а именно: исполненное упования, безоговорочное, от всего сердца погружение в спасительную благодать Божию во Христе Иисусе. Таковое *погружение* доставляет падшему самолюбию *смерть*, духу же — *жизнь и мир* (Рим. 6:3–4¹; 8:6).

Освящение и спасение по благодати совершается вовсе не так легко, как об этом думают². Когда Божий свет и Божие

¹ В этом отрывке из Послания к Римлянам речь идёт о Крещении. Но поскольку в греческом языке «крещение» означает «погружение» («βαπτισμα»), Терстеген пользуется этим вторым смыслом (что не чуждо и его родному языку: немецкое выражение «*sich taufen lassen*» (креститься) происходит от «*tief machen*», «погружаться»).

² Упрёк в адрес современных Терстегену тенденций в протестантизме; см. трактат «Предостережение от духовной поверхностности и беспечности» в кн.: *Терстеген, Герхард*. Путь истины. М., 2018. С. 197–251.

руководство истинно объемяют душу, дело видится совсем по-другому. Тогда христианин опытно дознаёт, что без внутреннейшего очищения единение с Богом невозможно (Мф. 5:8; Откр. 21:27). Он желает и старается исполнить всё, требуемое для спасения; но наше глубочайшее повреждение не позволяет добиться этого никакими собственными усилиями. Если христианин останавливается здесь, то он опускает руки и впадает в уныние. Если он продолжает подвижническую жизнь, то в нём всё больше обнаруживается само-праведность, так что он начинает видеть, что тайным самолюбием запятнаны и самые лучшие его действия. И даже если некоторое время он и возвышается к небу, то потом опять оказывается лежащим в грязи. Что же ему делать? Уверять себя в том, что человек в этой жизни обречён оставаться жалким грешником? Это сомнительное утешение. Уповать на искупительные заслуги и крестную смерть Иисуса Христа? Да, это совершенно необходимо, это единственная основа нашего спасения. Но Христос отдал Себя за нас не только чтобы искупить, но и *освятить нас* (Еф. 5:26); и Он пришёл *не разорить закон, но исполнить его* (Мф. 5:17). Как же быть? Христианин должен идти вперёд, по пути освящения и святости (1 Пет. 1:15–16; Рим. 6:22; 2 Кор. 7:1³; Еф. 1:4; Кол. 3:12; 1 Фес. 4:3), но совсем не может этого. Лицемерие или внешнее благочестие долго не вы-

³ Здесь важное различие между русской и немецкой Библией. Синодальный перевод: *Итак, возлюбленные, имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божиим*. Немецкий текст: *Dieweil wir nun solche Verheißungen haben, meine Liebsten, so lasset uns von aller Befleckung des Fleisches und des Geistes uns reinigen und fortfahren mit der Heiligung in der Furcht Gottes* (...очистим себя от всякой скверны плоти и духа, продолжая наше освящение в страхе Божиим). Первый русский перевод (1819): *...совершенствуясь в святости со страхом Божиим*. Греческий текст, буквально: *...совершая святость в страхе Бога*.

держат... Остаётся одно средство — принять сей крест и со смиренным исповеданием своей беспомощности отказаться от всякого самостоятельного действия, дабы Бог произвёл в душе Своё действие. Здесь христианин всецело обращается к Богу, вверяет и предаёт себя Ему и, веруя в отверстую ему благодать и любовь Иисуса Христа, ожидает того святого часа, когда наш всемогущий Спаситель Сам откроет Себя душе и *исполнит в ней правду, требуемую законом* (Рим. 8:4). И это есть именно то, о чём говорят просвещённые писатели, когда они указывают на делание внутренней молитвы и внутрь-собрания и ищут *крепости* (и обретают её) только *от тишины и упования* на Господа (Ис. 30:15).

Вы можете, дорогой друг, сами, без всякого смущения и опаски, пользоваться советами сих просвещённых писателей — но только со следующей оговоркой. Говоря о высоких путях очищения, души, проходящие такими путями, пишут о том, что у них не получается *деятельным образом* обратиться к Богу, собраться вовнутрь, отвергнуться себя и т. п. На самом деле они уже достигли того, чего хотят добиться повторением своих духовных подвигов; но на путях очищения от них скрывается это знание. Так как на сегодняшний день их мера — совсем ещё не ваша мера, то вам предстоит обращаться к Богу именно *деятельным образом*. Состоит это делание не в усилиях рассудка, не в горячности и напоре чувств, но во внутренней алчбе и жажде Бога во Христе, устремлении всех сил души к Нему и мирном благоговейном ожидании, когда Он изволит открыть нам Своё сопричастие. Основа здесь — живая вера в то, что мы *имеем дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путём новым и живым* (Евр. 10:19) и что *Бог во Иисусе Христе примирил нас с Собою* (2 Кор. 5:18), вследствие чего мы можем детски обращаться к Нему, про-

сить Его обо всём и ожидать Его действия с несомненной уверенностью.

Внимательный к своей внутренней жизни христианин хорошо знает, что душа только этим деланием детского обращения к Богу, приникания к Нему, вверения себя Ему и т. п. и отлепляется по-настоящему от падшего мира, греха и всяческих проявлений своей самости, даже и не особо думая об этом, так что греховность всего названного не вменяется ей, ради Иисуса, и душа наилегчайшим и надёжнейшим образом *очищает себя от всякой скверны плоти и духа* (2 Кор. 7:1).

Также, дорогой брат, вам не следует специально отыскивать в себе всякую нечистоту и проявления падшести; вы и так увидите их, насколько это угодно Богу. Не грех, падшесть и повреждение должны быть содержанием нашей жизни, но Бог, Спаситель и Друг наших душ, сопresentствующий нам в сердце. Когда вам приходится видеть и чувствовать свою греховность, то претерпевайте её в Божием сопresentствии, уподобляясь больному дитяти, которое, устав плакать, даёт знать матери о своих страданиях, лишь устремляя на неё свой жалостный взгляд. Рассмотрение самих себя делает нас больными; воззрение же на Бога исцеляет нас. Принимайте видение своей падшести как истинную милость Божию и мужественно переносите всё пред лицом Спасителя, не ища утешения нигде, кроме Него. Господь знает, как и когда утешить вас. Вера в это также есть движение (хотя и не примечаемое вами) на пути к Богу; малодушие же — плод самолюбия. Наши немощи и падшесть должны утверждать нас в недоверии самим себе — но никогда не в неверии Богу, чистая любовь Которого поглотит все наши немощи скорее, чем огонь солому, когда мы с упованием вверяемся Ему.

Се, дорогой друг! я не сообщил вам ничего нового. *Такие же страдания случаются и с братьями вашими в мире* (1 Пет. 5:9), хотя и разной степени тяжести и продолжительности. Ничего не ждите от себя, но всё — от благодати Божией, которая нам столь внутренне близка. В таком положении, как ваше, обычные искушения — это когда душа думает, что она хуже всех, что другие не знают, какова она на самом деле, что о ней судят слишком хорошо и многое тому подобное. Не обращайтесь внимания на эти помыслы и (я хочу сказать) не слишком много занимайтесь собой; все мы — чада Адама. Ваш путь ещё не свершился, но он идёт в верном направлении; и вечная Божия любовь ожидает лишь того, чтобы вы — и все мы — погрузились в её лоно такими, какие мы есть сейчас. Аминь! Да будет так!

*Мюльхайм, 7 января 1744 г.
(2, III, 42)*

Письмо 5-е

Одно ли и то же — состояние покаяния,
пребывания под законом и привлечения от Отца?
О вере и о том, что она имеет свои ступени.
О свободе воли. О началах душепопечения.

Во благодати Господа Иисуса сердечно возлюбленный брат!

Не знаю, смогу ли я в должной мере и полноте ответить на твои вопросы. В малом письме вряд ли сие возможно; лучше бы всё обсудить устно.

Состояние покаяния, пребывания под законом и *привлечения от Отца* (Ин. 6:44) в общем есть одно и то же, по-

сколько как то, так и другое и третье приготавливает человека к обращению ко Христу, к новому *рождению свыше* (Ин. 3:3), или к состоянию Нового Завета. Нередко, впрочем, здесь усматривается и различие. Человек, понуждаемый явными наказаниями Божиими, а также угрызениями и страхом совести и её увещаниями к тому, чтобы, трудясь своими силами, избегать зла и делать добро, дабы утишить свою бедную растревоженную душу, состоит, в собственном смысле слова, *под законом* (Рим. 7^{1*}). Если к вышеописанному прибавить сожаление о прежде содеянных грехах и сокрушение в них, то мы увидим *покаяние*. А чем больше душа, в сознании своей греховности, падшести и бессилия, жаждет оставления грехов во Христе и алчет восприятия действенной силы Его благодати для обновления сердца, тем определённое можно называть такое состояние *привлечением от Отца* — хотя, как я уже упомянул, сии три наименования вообще означают одно и то же, и в деле обращения ко Христу, как правило, одно не отделяется от другого и третьего.

У нас за веру в Иисуса Христа обычно принимают уверенность в том, что нам прощены грехи²; но я полагаю, что это не так. По праву нужно называть *верой в Иисуса* привлечение от Отца, о коем я только что сказал, а именно *влечение нас Отцом к Сыну* (Ин. 6:44). Но сия вера в Иисуса Христа имеет свои ступени. Вначале она есть *прихождение ко Христу* (Ин. 6:35; Лк. 15:20) с вышеупомянутой алчностью и жаждой благодати, свойственной состоянию привлечения от Отца. Затем она есть *принятие Иисуса* (Ин. 1:12), которое

^{1*} В седьмой главе Послания к Римлянам Павел с 7-го стиха описывает это состояние под законом; стих 24-й указывает на покаяние, а последний, 25-й стих — на привлечение ко Христу. — *Примечание автора.*

² Укоренившаяся у протестантов точка зрения: признак наличия веры — уверенность в оставлении грехов.

не может произойти, если воля внутреннего человека решительно не оставит мир сей, грех и свою самость. Далее, вера есть *пребывание в Иисусе* (Ин. 15:4), когда к Нему устремляется вся наша любовь и упование; это состояние ещё именуется *приобщением, прилеплением к Господу* (1 Кор. 6:17³). На этой ступени пребывающая в Иисусе и ходящая пред Ним душа всё более *укореняется и утверждается в Нём* (Кол. 2:7), чего не бывает без креста и искушений. Наконец, вера есть *вселение Христа в душу* и единение души со Христом (Ин. 14:23; 17:23; Еф. 3:17), когда она становится *один дух с Ним* (1 Кор. 6:17), etc. etc. Размышление над указанными местами Писания даст тебе больше света для разумения дела, чем моё письмо.

Говоря о вере, я всегда настаиваю на том, что она есть все не действие одного лишь рассудка, когда человек представляет себе и убеждает себя умом, что «Христос всё для нас сделал», «отпустил все наши грехи» и т. п.⁴, но главным образом движение воли и сердца, когда мы всё своё желание, любовь и упование обращаем от самих себя и от всего сотворённого к благодати во Иисусе Христе, дабы *в Нём* обрести свободу от обвиняющей тяжести грехов и владычества их над нами. Уверенность в том, что Христос простил нам грехи, — существенный признак веры; но она рождается вместе с алчностью и жаждой благодати, или прихождением к Иисусу. И хотя эта уверенность часто подавляется грехами и страхами, но мы ведь идём к нашему Врачу, а к врачу никто не ходит, не доверяя ему. Пусть душа только держится за обращение к Иисусу, пусть только приходит к Нему; в

³ По ц.-сл. (и немецкому) тексту. В русском Синодальном переводе: *соединяющийся с Господом*. Греч. букв.: *присоединяющийся Господу*.

⁴ Продолжение полемики с упрощённым пониманием веры среди протестантов.

своё время явится и уверенность в оставлении грехов. *Свет воссиявает из тьмы* (2 Кор. 4:6), и уверенность о Господе — из страха и отчаяния.

То, что называют *тяготением вовнутрь*, или *внутрь-собираением*, также есть, собственно, вера во Иисуса Христа, поскольку это тяготение всегда соединено с глубоким сердечным упованием на Господа и вверением себя Ему. У многих душ оно обнаруживается с большой силой; но, к великому сожалению, ему редко дают подобающее место или плохо хранят его (1 Ин. 5:18). Если бы христиане как должно следовали сему тяготению вовнутрь, то они в весьма краткое время освободились бы от беспокойства и уз и стали бы способными к подлинному рождению свыше, etc.

Что касается твоего вопроса о свободе воли, то его нужно рассматривать двояко. Богословы под свободной волей обычно понимают желание высшего, божественного блага и возможность сие благо соделать. В этом смысле человек по своей падшей природе не имеет никакой свободной воли. Если же под этим термином подразумевается способность человека сообразно течению его жизненных обстоятельств произвольно выбирать то или иное, лучшее или худшее, то в этом смысле не только все люди, но и бесы обладают свободой воли. Далее: с одной стороны, в своём повреждённом состоянии человек не обретает ни блага, ни света, куда бы ни обращалась его воля; при этом в стихии тьмы она свободна, как рыба в воде, и выйти за её пределы она не может и не хочет. Но *ради Иисуса Христа* нам *возсиявает свет* (2 Кор. 4:6), вследствие чего, когда Господь *стучит в дверь* нашего сердца (Откр. 3:20), мы свободны открыть сию дверь или не открыть. Поэтому, с другой стороны, человек может не по естеству, но по благодати Божией иметь свободу воли. Может, но не хочет, ибо сей свет причина-

ет ему боль и потому он *ненавидит его* (Ин. 3:19–20). Зная это, благой Бог не только предлагает нам свет и благодать, но также даёт нашей воле доброе направление и расположение к тому, чтобы Его свет радовал её, а зло доставляло ей страдания. И поскольку ради Христа Бог *не оставляет в неведении* относительно сего ни одного человека (Деян. 17:30), то неверующему не может здесь быть никакого извинения и оправдания (Евр. 10:26). Впрочем, Бог не принуждает никого; Он приглашает к вере *всех* (Деян. 17:31), но человек свободен ответить «да» или «нет». Вообще же подлинную свободу воли имеет тот, кто свою волю всецело верил Богу и как бы «потерял» её в воле Божией. Рыба вполне может лежать на песке и прыгать туда и сюда; но нигде она не свободна, как только в воде. Что рыбе вода, то Бог нашему духу. Кто, грубо или тонко, следует своим самостным помыслам и чувствам, своим побуждениям, своей воле, тот пленённый раб. И цари земные по общему для всех падшему естеству столь же мало свободны располагать своей волей, сколь и заключённые в темнице. Наши душа и воля везде и всегда будут жить под гнётом и принуждением, если только они, отказавшись от себя, целиком не предадут себя Господу и как бы «исчезнут» в Нём, ибо они для того и сотворены; лишь тогда они станут подлинно свободными, исполненными всяческого довольства и блаженства (Ин. 8:36; 2 Кор. 3:17). Аминь! да свершится сие в нас!

Впрочем, дорогой брат, не необходимо, а часто даже и вредно, когда христиане вдаются в столь подробное исследование и различение своих состояний; и говорить об этом много не нужно. Да, кто призван к душепопечению, тому всё сие порой может послужить для пользы дела. Но только душепопечитель никоим образом не должен стремиться вести других людей согласно своим собственным концеп-

циям, ибо и Сам Бог руководит нами вовсе не по одним и тем же лекалам. Например, одни в своём новоначалии вдаются в ревностное исполнение закона; другие — в великое покаяние и сокрушение о содеянных прежде грехах; третьи влекутся сладостью Божией любви. Некоторые с самого начала видят своё повреждение и падшестъ, а некоторым это открывается далеко не сразу и т. д. Душепопечителю, желающему служить другим, а не себе, надлежит внимательно смотреть, что хочет от человека Бог, следовать Его воле и поступать, как нянька, которая ведёт дитя на помочах и только тогда натягивает их, когда малыш устремляется в грязь и нечистоту. Обще же говоря, только делание молитвы и самоотвержения даёт нам истинное разумение путей Божиих. Уединение, самоотвержение, молитва — о, сколь необходимы они всем в наше время! В этом делании мы должны пребывать непрестанно и побуждать к оному и других, если мы поставлены на душепопечительское поприще. При этом особенно нужно стараться, чтобы души навывкали искренности, чистоте и цельности сердца по отношению к Господу Иисусу (Мф. 5:8; Иак. 1:8), причём таким образом, чтобы никогда не упускалось из внимания самоотвержение (Мк. 8:34), когда мы по свободной воле и любви к Богу отстраняем своё сердце от всего иного и обращаем его к Нему одному. Уклоняющихся от сего пути необходимо увещевать (2 Тим. 4:2); однако предписывать много правил для самоотвержения не следует, настаивая лишь, так сказать, на общем предании сердца Господу, все же частности и особенности препоручать руководству благодати Божией. При обращении с немощными нужно уметь уступать, но одновременно и держаться своей цели, только достигать её, выбирая иные, более мягкие средства, etc. Бог да даст тем, кто ныне призван душепопечитель-

ствовать, приизобильную меру Святого Своего Духа! О! *кто способен к сему?* (2 Кор. 2:16).

Время моё вышло, и я должен прерывать письмо; хотелось бы, чтобы всё, что я имел в виду, ты воспринял правильно. Брат N. пусть также прочтёт сие; а больше никому читать не давайте, поскольку писалось всё в большой спешке. Господь да благословит и укрепит тебя, особенно по внутреннему человеку! Молись обо мне. Остаюсь

твоим единомышленным немощным собратом.

Мюльхайм, 18 декабря 1744 г.

(2, III, 60)

Письмо 6-е

ЧЕТЫРЕ РОДА ЛЮБВИ,
КОТОРУЮ ДУХ СВЯТОЙ НАСАЖДАЕТ В СЕРДЦЕ.

Многовозлюбленная о Господе и досточтимая сестра!

Ответить на твоё письмо я могу лишь пожеланием, чтобы мы пребывали в неизменной верности Господу, возлюбившему нас даже до смерти, излившему за нас Свою драгоценнейшую кровь (Флп. 2:8; Откр. 1:5) и изволившему иметь общение с нами, бедными детьми, во времени и в вечности (Ин. 14:23; 17:24), и отвечали на Его чистейшую любовь взаимною любовью. Я говорю здесь не о душевной любви, основывающейся на чувствах и переменяющейся вследствие движения чувств, но о незыблемой, внутренней, сердечной любви, которую насаждает Святой Дух в основании внутреннего человека и которая пребывает в нас неизменной при всех наших внешних и внутренних скорбях и искушениях.

Любовь сия бывает четырёх родов. *Первый* — это *любовь послушания Богу*. Она соделывает нашу волю способной предавать себя высочайшей Верности — нашему Господу, всецело вверяться Ему и жить в непрестанном добровольном повиновении Ему и руководству Его благодати.

Второй род любви — *любовь предпочтения Бога чему бы то ни было*. Она побуждает нас всё более оставлять и забывать тени всего видимого, включая самих себя, дабы верою созерцать вседовольствующее величие Божие, почитать его, прославлять его и поклоняться ему с продолжающимся и углубляющимся безоговорочным вверением Господу всего, что касается нас.

Третий род любви — *любовь сердечного устремления к Богу*, которая освобождает наше сердце от всего, чтобы прочно прилепить его к Господу. Она отстраняет нас от всякой любви вне и помимо Бога, дабы все наши столь разрозненные силы, стремления и желания целиком посвятить Сему высочайшему и единому достойному любви Предмету, вручить нас Ему и упокоить в Нём во внутренней отрешённости от всего иного.

Четвёртый род любви — *любовь богообщения*. Она даёт нам жить в присутствии нашего благого Господа, как будто бы мы были с Ним одни в мире. Она сокровенно удерживает нас в Нём при всех наших внешних занятиях. Она хранит нас в общении с Господом в присутствии других людей, когда нам необходимо быть с ними. Она, наконец, ведёт нас к высочайшей любви общности и единения с Богом, когда мы настолько прилепляемся к Нему, что становимся, как говорит Апостол, *один дух с Ним* (1 Кор. 6:17). О, какие великие вещи достигаются ещё и при земной жизни, если только мы больше совлечёмся себя самих и пребудем, как истинные чада

сёрдца, с Господом, внимая Его *научению* (1 Ин. 2:27) в наших сердцах!

Но ты всё это знаешь лучше меня, посему заканчиваю письмо. Что я написал, само излилось из-под моего пера; я хотел ограничиться кратким благопожеланием. Приветствую тебя ещё раз и препоручаю тебя Господу, по благодати Которого остаюсь, дорогая и возлюбленная о Христе сестра,
преданным тебе собратом.

*Мюльхайм, 21 сентября 1736 г.
(Holl., 85)*

Письмо 7-е

Толкование на Ин. 17:3:

«Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя...» etc.,
и о том, что эта вечная жизнь у чад Божиих
начинается в их сердцах здесь,
совершенства же достигает в будущем веке.

Дорогой друг!

Попробую ответить на ваше любезное письмо в немногих словах.

Предложенное вами изречение Писания: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя...» etc. (Ин. 17:3) — относится как к настоящему, так и к будущему нашему существованию. У чад Божиих эта жизнь, она же — спасение и блаженство, начинается в их сердцах здесь, на земле; в совершенстве же раскрывается в вечности. Начинается она здесь сущностно и поистине; но нужно иметь в виду два обстоятельства.

Первое. Сие спасение и блаженство чувствуется не всеми христианами и не во всякое время, и извещаются о нём

христиане различным образом. Не всегда Господь даёт душе ощутимо знать, насколько она продвинулась по пути спасения, чтобы не питать её самолюбия. Души нередко должны ходить в сумерках веры (Евр. 10:36–38) и путями креста, дабы, очищаясь чрез сие, достигать *участия в святости Его* (Евр. 12:10) — что *кажется им* в таковые времена вовсе *не радостным* (Евр. 12:11), хотя на деле является спасительным. Если христианин стремится исключительно к Богу и ищет прилепиться к Нему верой, молитвой и преданием Ему себя и всего своего, то он не должен разорять себя беспокоейством («Ах, я не спасусь!»), даже если он в сей жизни и не ощущает ничего. Впрочем, я не сомневаюсь, что если мы решимся быть всецело Божиими и не будем искать утешения и блаженства ни в чём, что принадлежит падшему творению, то и нам будет дано вкусить свою меру небесной манны (Исх. 16:15).

Второе. Нужно хорошо понимать, и исходить из того, что спасение уразумевается и усваивается христианами в этой жизни *постепенно, шаг за шагом*. В начальном покаянии человек, будучи *труждающимся и обременённым, приходит ко Христу*, и Господь *успокаивает его* (Мф. 11:28): он получает оставление своих прежних грехов, по чистой благодати, ради заслуг Иисуса Христа. Когда человек в той или иной мере уразумевает сие, то он начинает познавать *милость и любовь Отца* (Еф. 2:4–5) и получает некоторое представление о *блаженстве* спасения (Пс. 31:1–2). Но на этом совсем не должно останавливаться. Тех верующих, кои при первом своём шаге полагают, что дело их спасения окончено, Апостолы увещают *более и более стараться совершать* (то есть всё более полно возводить к совершенству) *своё спасение* (2 Пет. 1:10; Флп. 2:12) — впрочем, не само-деланием, но восприятием благодати Божией и

верным следованием ей, чрез что *Бог производит в нас и хотение и действие по Своему благоволению* (Флп. 2:13). Сие действие благодати нацелено главным образом на то, *чтобы разрушить* в нас все дела диавола, греха, падшего творения и самолюбия (1 Ин. 3:8), всё больше утверждать нас в Боге и в невидимом и вводить нас в спасительное со-присутствие Божие. Тогда душа становится способной на деле уразуметь то, о чём говорит Писание: что Господь Иисус Христос внутренне являет Себя душе, и более того — творит Себе жилище в ней (Ин. 14:21; 23). Кто подлинно познаёт сие, тот восходит на следующую ступень христианской жизни, в сферу более широкою, чем первая (состоящая, напомним, в отпущении грехов и в «единичных» прикосновениях к нам благодати Божией). Об этой сфере Апостол Иоанн пишет так: *имеющий Сына Божия имеет жизнь вечную* (1 Ин. 5:12; 20). Но и тут есть свои многообразные ступени, и шествие по ним здесь, на земле, окончательно быть не может, как то опытно уразумел Апостол Павел, говорящий нам: *Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе* (Флп. 3:13–14).

Summa. Как познание Бога и Сына Его Иисуса Христа, так и проистекающее из сего спасение и блаженство постоянно возрастают в сей жизни, а своего совершенства достигают в вечности. Но и в земной жизни таковое познание может простираться столь высоко и глубоко, что неверующий человек о том и помыслить не в состоянии. Ещё здесь мы можем *соделаться причастниками Божеского естества* (2 Пет. 1:4) и, *прилепившись Господу, стать один дух с Ним* (1 Кор. 6:17). И хотя всё это небесные и божественные вещи, но Бог обетовал оные во Иисусе Христе и с любовью дарует

их нам всем. Поскольку же мы *имеем такие обетования*, то *очистим себя от всякой скверны плоти и духа* и, ни на чём не останавливаясь, будем стараться *совершенствоваться в святости* по благодатной силе Божией (2 Кор. 7:1¹).

Я надеюсь, дорогой друг, что в достаточной мере изложил вам свои взгляды. Из вышесказанного вы можете получить ответ и на ваш второй вопрос: «Где, или в каком месте, происходит это приобщение Богу?» Ни в каком другом месте, как только в глубине нашего сердца. Внутри нас коренится грех, ад и погибель; внутрь должны придти и спасение и избавление. Мы не познаём Бога и всё, что относится ко спасению, пока это остаётся вне нас. Наш Господь и Спаситель неизречно близок нам в наших сердцах. Он влечёт нас вовнутрь, дабы там приобщить нас Себе и Своему блаженству. Если мы последуем Его привлечению любви (Ин. 6:44), оставляя падшее творение *самоотвержением* и приближаясь к Нему *сердечной молитвой*, то Он исполнит на нас все Свои обетования. И это есть неложный и незаблудный путь к цели; шествуя по нему, да будем всегда довольны тем, как Господь обращается с нами: много или мало даёт Он нам Себя в ощущении и ясном осознании и т. п. В вечности мы узрим Его *лицом к лицу* (1 Кор. 13:12), *как Он есть* (1 Ин. 3:2); здесь же смиренно, ни на что не претендуя, только *последуем за Агнцем, куда бы Он нас ни повёл* (Откр. 14:4), и в конце несомненно обрящем благо. Препоручаю вас, возлюбленный друг, благодатному руководству Божию и, сердечно приветствуя вас, остаюсь

вашим единоклубным другом и собратом.

Мюльхайм, 6 февраля 1744 г.

(2, III, 45)

¹ См. примеч. 3 к письму 4.

Письмо 8-е

Внутренняя жизнь,
или непрестанное хождение пред Богом в сердце,
есть корень истинного христианства
и кратчайший путь к Богу.

**Во имя великого и верного Спасителя нашего
Иисуса Христа,
Который и есть, и будет для нас всем!**

Возлюбленный о Господе брат!

Твоё любезное письмо благополучно получил. Вместе с ним от доселе неизвестных мне братьев пришли ещё два письма, из коих я с радостью усмотрел разумение ими той истины, которой и я, с Божией помощью, всячески стараюсь следовать, — истины о прекрасном пути внутренней жизни. Состоит сей путь в ведóмом любовью вхождении и сокровенном пребывании человека в сердце, дабы там, во мраке святыни (Исх. 20:21; Пс. 17:12; 96:2), созерцать Божие величие и *поклоняться Ему в духе и истине* (Ин. 4:24). Это внутреннее делание, несомненно, есть средоточие истинного христианства и источник всякого освящения и всех добродетелей, равно как и краткий, надёжный и единственный путь к нерушимому духовному миру. Путь сей приводит нас к Богу — высшему благу, истинному отечеству и единственному упокоению нашего бессмертного духа — и соединяет с Ним. Тогда в основании души мы обретаем тишину вечности и безграничное пространство свободы — подлинную стихию благороднейшей части нашего существа.

Но конечно, никто не может достичь сего человеческими средствами и напряжением само-делания, которые

только обессиливают наш дух, загоняют его в тесноту и всё больше отдаляют его от Бога и Его святого сопричастия. Опыт, без сомнения, научит тебя, что нет ничего спасительнее, чем прекратить потуги самости, дать в себе место действию Божию и успокоиться на том — особенно во время молитвы. Ибо как наше само-действие мешает действию Божию, так наша самостная жизнь препятствует жизни Божией в нас. Никто не может внутренне пребывать в Боге, если он ещё весь прилеплен к чувствам и ищет свою жизнь в чём-то вне Бога, поскольку такое расположение души совершенно противоположно истинному христианству. Посему мы должны сдерживать чувства, умерщвлять похоти, укрощать страстные взыграния души, отсекаать волю внешнего человека, обращать ум и сердце вовнутрь, мыслить просто и во всём хранить чистоту. При этом нам надлежит иметь в виду не себя и своё благочестие, но только Бога и благоугождение Ему. Всё, что мы делаем или претерпеваем, должно быть не подневольным, но совершаться с радостью, внутренне-добровольно, из любви к столь близкому нам Другу наших душ (Песн. 7:11) и с всецелым преданием себя Ему. Хотя на этом пути у нас не будет недостатка во внешних и внутренних крестах, но *всё сие содействует нам ко благу* (Рим. 8:28). И — о! как славна будет жизнь, рождаемая из такового умирания! (Ин. 12:24). Несколько минут сей жизни несравненно более ценны, чем целое столетие мирских удовольствий.

Возлюбленный о Господе брат! Бог да дарует тебе и мне твёрдое упование на Его верную благодать, дабы мы не беспокоились от всякого крика вне нас: *вот, здесь Христос, или: вот, там* (Мк. 13:21). Не «здесь или там Христос», но Христос *в нас* (так точнее было бы перевести) *есть упова-*

ние славы (Кол. 1:27¹). Это одно помогает и утешает в скорби и смерти. И пред очами тех, кто стремится здесь стать *своим Богом* (Еф. 2:19) и вечности, вечность явится не столь чуждой и страшной на их смертном одре.

Я пишу это, дорогой брат, не с тем, чтобы поучать тебя, но чтобы выразить единомыслие с твоим письмом и высказать тебе, чем живёт моё сердце. Библия полна описаний того пути, о коем мы говорим, если только читающий имеет очи, чтобы видеть (Мк. 8:18). Многие святые также засвидетельствовали это, и их сочинения, при правильном употреблении оных, могут принести нам большую пользу. Господь Иисус Сам да будет нашим руководителем и пастырем! Аминь! В Нём и Его любви сердечно приветствуя тебя, остаюсь, по благодати,
преданным тебе собратом.
(Holl., 1)

Письмо 9-е

О том, что БОГ СОПРИСУТСТВУЕТ ВСЕМУ, ОСОБЕННО НАШЕМУ ДУХУ.
О ВНУТРЕННЕМ ВОСПРИЯТИИ СЕГО СОПРИСУТСТВИЯ БОЖИЯ.

Возлюбленное чадо!

Господь Иисус да благословит тебя!

Хорошо, что ты время от времени пишешь, как у тебя идут дела. Только всегда пиши просто, по-детски, как оно

¹ В русской и немецкой Библии: *...благоволил Бог показать, какое богатство славы в тайне сей для язычников, которая есть Христос в вас, упование славы* (Кол. 1:27). — В этом абзаце Терстеген, судя по всему, отвечает своему адресату на его смущение по поводу весьма распространённых в пиетистской среде того времени апокалипсических настроений.

есть, не заботясь о том, насколько ты правильно выражаешься и как я к этому отнесусь. С тою же простотой воспринимай и мои ответы, будь то письменные или иные, и насколько не сомневайся в том, что я с искренней любовью отношусь к тебе и неизречно радуюсь, что ты с детской верой и любовью стараешься жить по Богу.

Две главные истины никогда не выпускай из внимания, что бы с тобой ни происходило: 1) что Бог *соприсутствует* всему, а в особенности твоему сердцу; 2) и что ради Иисуса Бог тебя сердечно *любит* и хочет, чтобы ты была всецело Его. Воздух, которым мы дышим, близок нам; он объемлет нас, он проходит внутрь нас, и мы пребываем в нём. Бог бесконечно ближе нам, чем воздух; *в Нём мы живём и движемся и существуем* (Деян. 17:28¹); в Нём мы едим и пьём, отдыхаем и трудимся; в Нём мы думаем и чувствуем; и кто совершает грех (правильно пойми сие), тот грешит также в присутствии Божиим. Соприсутствие Божие невозможно уразуметь; мы не можем и не должны никак себе его представлять или воображать — оно воспринимается только верой, в простоте. И если мы существуем в Боге и всё на свете совершается в Его соприсутствии — как же тогда (как ты жалуешься) всякие внешние занятия, люди или заботы могут отвлечь нас от Него? Бог — наше *солнце*, непрестанно освещающее нас *лучами своими* (Мал. 4:2); как же нам не думать о Нём, не поклоняться Ему, не славить Его непрестанно? Как можно забыть любовь к Нему, пусть даже и среди всех наших хлопот и дел — ведь они в свете соприсутствия Божия меньше, чем пылинка в солнечном луче? Итак, принимай всё (кроме единственно греха) как

¹ Так в немецком тексте: *in Ihm leben, weben und sind wir*. Тот же вариант в Вульгате, Библии короля Иакова, переводе еп. Кассиана и др. В русской Библии: *мы Им живём и движемся и существуем*.

от Бога; действуй во всём как пред Богом и в Боге, с такой степенью простоты и детскости Христовой, на какую ты только способна. И как человек, совершающий труд свой, радуется, когда ему светит солнце², так ты внутренне радуйся о том, что ты имеешь столь близкого тебе Бога и Друга (Песн. 7:11), в Коем ты внутри и совне, во всякое время и на всяком месте, можешь жить и умирать, действовать и покоиться, и любить.

Хотя, как сказано выше, Бог присутствует всюду (Пс. 138:7–10), но поскольку *Он есть дух* (Ин. 4:24), то весьма особенным и гораздо более святым образом Он близок нашему духу. Бог стократ «внутреннее» нам, чем самые наши сердечные глубины. Там, в сих глубинах, Он призывает нас, там Он ожидает нас, там изволит Он приобщить Себя нам и тем самым освятить и спасти. В это сопричастие Божие, как я уже говорил, должно просто верить, не пытаясь его понять или даже всё время чувствовать. Тогда наш дух, *вся внутренняя наша* (Пс. 102:1), становится мастерской Бога, Его храмом и святилищем, где Он живёт и желает жить (1 Кор. 3:16). Посему всякий раз, когда мы с любовью, сердечной жаждой и благоговением, детски и искренне поставляем себя верой в Его сопричастие, мы как бы идём в церковь и совершаем там самое торжественное наше богослужение. И хотя мы, конечно, далеко не столь святы, как *живущие в доме Божием и непрестанно восхваляющие Его*, как сказано в Псалме (Пс. 83:5), но нам нужно стремиться в сей дом Божий³ и сво-

² В доэлектрическую эпоху большинство работ могло производиться только при свете дня.

³ Ссылаясь на это место Писания, Терстеген всегда имеет в виду не церковно-храмовое богослужение, но пребывание с Богом во внутреннем святилище сердца. В следующем абзаце с достаточной ясностью говорится об этом.

ими помыслами и движениями любви быть там, даже и среди наших занятий, подобно израильтянам, кои, где бы они ни обретались, всегда должны были направлять взор свой к Иерусалиму (3 Цар. 8:48).

Скажу проще: пусть у тебя будет так, как будто в твоём сердце есть сокровенная комната (Мф. 6:6), где присутствует возлюбленный Друг наших душ, сладчайший Иисус, и ждёт тебя. Тогда любовь станет понуждать тебя к тому, чтобы ты по возможности выкраивала время для уединения, дабы беспрепятственно входить в сию комнату и говорить со своим Другом и Господом с глазу на глаз, изъявляя Ему своё всеискреннейшее желание любить Его и поведывая Ему всё, что происходит с тобой. Когда после этого ты будешь возвращаться к своим занятиям, то пусть Сей твой Друг как бы остаётся рядом, так, чтоб ты могла среди всех дел обращаться к Нему и молиться Ему, дабы Он пребывал с тобою и хранил тебя, что Он весьма охотно и сотворит. И когда ты таким образом будешь, работая, стараться сколь можно чаще детски обращать к Нему свои мысли и чувства и свою любовь, делая всё как бы для Него и пред Ним, тогда никакое зло не коснётся тебя и ни дела, ни люди не повредят тебе; и чем дальше, тем больше *ничто не сможет разлучить тебя от* Иисуса и Его сладчайшей любви и общения с Ним (Рим. 8:39).

Не беспокойся, если ты не всё поняла, что я написал; значит, сейчас это тебе не нужно. Прочитай сие письмо супругу и брату и возьми из общего блюда свою ягодку, а они пусть возьмут свои. Думай об Иисусе и забывай саму себя.

*Мюльхайм, 29 февраля 1736 г.
(1, II, 98)*

Письмо 10-е

БОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОМЫСЛ СОВНЕ
и Дух Божий ВНУТРИ НАС —
ЛУЧШИЕ РУКОВОДИТЕЛИ К НАШЕМУ ОСВЯЩЕНИЮ И СПАСЕНИЮ.

**Во благодати Господа нашего Иисуса Христа
сердечно возлюбленный брат!**

Ваши любезные письма ко мне от 25 июня и к брату Хоффману от 28 сентября, равно как и книги, благополучно до нас дошли. Но ответить я смог не раньше чем только сейчас; да и сейчас пишу с трудом. Насколько я понимаю, чахоткой я не болен; но вот уже больше года я страдаю всевозможными воспалениями и крайним ослаблением жизненных сил, сопровождаемым более мучительными, чем обычно, головными и глазными болями, так что я не раз, как кажется, был близок к апоплексическому удару, хотя мне нет ещё и тридцати девяти лет. Но, впрочем, состояние моё переменчиво: то несколько дней подряд я вынужден почти ни с кем не разговаривать и ничего не писать, а то всё довольно терпимо, и я могу выходить. А иногда бываю и вполне бодр. Но я не хочу сказать, что желаю чего-то иного, ибо знаю, что так благоволил обо мне Господь; слава Ему!

Божественный промысл совне и Дух Божий внутри нас — лучшие руководители к освящению и спасению. Кто детски вверяет себя им, отсекая пред ними своё разумение и волю, тот вступает на безопаснейший и мирный путь. Среди всех преткновений такой человек пребывает без преткновения, поскольку в любых, даже самых незначительных обстоятельствах он находит повод к самоотвержению, а чрез сие обретает и Бога, Его волю и Его жизнь. Господь хочет, чтобы мы были *для Него* (1 Кор. 8:6) и *в Нем*

(Ин. 14:20); итак, наше спасение заключается в том, чтобы мы стали всецело Его и пребывали в Нём. Но мы, падшие существа, не понимаем, в чём состоит это «всецело»; мы также не можем поистине уразуметь, что значит внутренне пребывать в Нём — пока благой наш Учитель, задавая нам, по нашей мере, один урок за другим, Сам не обучит нас сему в школе внутри-пребывания, умирания ветхому человеку и предания всего себя Ему. Он знает, как обнаружить в нас падшесть и подпорки самости, когда ни мы, ни какое творение не смогли бы увидеть этого. Посему — о, сколь блаженна душа, которая слепо веряется Богу и Его промыслу и предоставляет Ему освящать себя! Она, как ученик в школе, пребывает только при усвоении настоящего урока, не перепрыгивая через него и не принимаясь ни за что более высокое, чем за то, что ей задано сейчас. Такая душа обретает в смерти — жизнь, в искушениях и скорбях — избавление от всех своих врагов и в величайшей тесноте — всё более безграничную широту, которая есть Сам Бог. — Господи! Мы посвящены Тебе; мы Твои; когда Ты примешь нас в полноте? Когда нам ничего не будет нужно, кроме единого Тебя? Привлеки же нас к Себе ради Тебя Самого и чрез Тебя Самого, дабы мы чисто любили и прославляли Тебя ныне и во веки! Молюсь Тебе об этом за себя и за чад Твоих в Берлебурге!¹ Аминь.

Благодарю Господа от всего сердца, дорогой брат, что Он вместо разорительной придворной жизни даровал вам столь душеполезное уединение и христианское общество, дабы вам начать обустроить двор Владыки вашего сердца. Познайте же в этом великую милость Господа и со всею верностью ответьте на оную. Господь Сам да научит вас сему

¹ См. следующее примечание.

и да даст нам в преддверии вечности (вам — как глубокому старцу, мне — как тяжело болящему) состояние благодатного чаяния скорого призвания в небесные обители, дабы нам не преткновенно предстать пред Его божественным величием!

За присланные книги сердечно благодарю; но из-за моих немощей я смог лишь немного пролистать их. В общем мы едины с возлюбленным братом де Марсе и его направлением²; что же касается тех или иных мнений, то я уже довольно давно стараюсь смотреть только на главное, а частности пропускаю и оставляю без внимания. Я доверяю верным чадам Христовым именно потому, что они — чада Христовы; но не вникаю в их отдельные особые воззрения — если только Сам Господь не привлечёт моего внимания к таковым. Меня интересует прежде всего изображение внутренней жизни в Боге; я вижу и знаю по предыдущим сочинениям де Марсе, кои я читал со многим удовольствием, что это составляет главную цель и его писаний. — Вы, можно сказать, поистине счастливы, что живёте в столь добром обществе, в любви и отстранении от мира сего; я часто в духе вспоминаю о вас и сорадуюсь с вами. Бог да благословит всех вас и да созиждет ваши серд-

² Речь идёт о маркизе Шарле-Экторе Сен-Жорж де Марсэ (1688–1755), мистике квиетистского направления, гугеноте, бежавшем из Франции и осевшем в вестфальском графстве Сайн-Витгенштейн-Берлебург. Благодаря берлебургским правителям, пиетистам графу Сигизмунду и графине Хедвиг-Софии, это маленькое графство в первой половине XVIII века стало «филадельфийской общиной» (то есть, во-первых, «человеколюбивой», а во-вторых, соотносящей себя с Филадельфийской Церковью Апокалипсиса [Откр. 3:7–13]) — прибежищем всех христиан, гонимых за свои религиозные убеждения, «свободомыслящих», сепаратистов и т. п. Маркиз де Марсе был автором значительного количества мистико-аскетических сочинений. Хотя Терстеген с некоторой настороженностью относился к «филадельфийской» духовности (см. письмо 84), он был в добрых отношениях со многими берлебургцами (включая графа и графиню; см. письмо 97); берлебургцы, со своей стороны, весьма почитали Терстегена.

ца в детскости Христовой, дабы мы обрели в Нём, а Он в нас вечную радость! (Притч. 8:31). Аминь.

Сердечно преданный вам немощный собрат во Христе.

Мюльхайм, 29 октября 1736 г.

(1, II, 106)

Письмо 11-е

БОГ САМ ПРИВЛЕКАЕТ НАС К СЕБЕ

И УЧИТ ВОСПРИНИМАТЬ СВОЁ РУКОВОДСТВО В НАШЕМ СЕРДЦЕ.

Во благодати Господа Иисуса многовозлюбленный брат!

Ваше любезное письмо от 13 мая хоть и с опозданием, но пришло благополучно, вкупе с книгой, за которую благодарю; мне очень приятно получить оную, ибо я посещал её автора в 1723 году в Н. Сам я в этом году из-за хрупкости *земной моей хижины* (2 Кор. 5:1) испытал немалые скорби, притом столь тяжкие, что я часто думал, что не смогу уже больше ничего писать. Но благодарение Богу, *Отцу светов* (Иак. 1:17), сподобившему нас дожить донныне и продлевающему наши дни — кои и должны все быть посвящены Ему одному и служить славе Его!

Как бессмысленна наша жизнь, когда мы живём не для Бога! И как ничтожны и дурны все наши внутренние и внешние действия, если они не имеют целью Бога и вечность! Поскольку же мы по нашей повреждённой природе решительно отворачиваемся от Бога и наше сердце и воля обращаются исключительно на себя и на внешнее, то наш главный долг пред Богом и единственный путь к миру и покою — молиться Богу, дабы Он обратил нас к Себе. Но не только это; не менее важно,

чтобы мы, утѣшившись и обратившись к Нему, учились воспринимать, как верная любовь Божия вразумляет нас (1 Ин. 20:27) и привлекает нас к себе (Ин. 6:44) в глубине нашего сердца, непрестанно отрешая нас от всего, что не есть Бог и Божие и «забирая себе» все наши внутренние силы, дабы Господь был нашей единственной опорой, сокровищем, жизнью и спасением. О! какая милость, что Бог о имени Иисуса стал и хочет всегда быть столь внутренне близким нам Богом Любви, невзирая на всё наше недостоинство! А раз это так, то мы в ответ должны всецело предать себя Ему и предоставить Ему править нами и любить нас, дабы чрез Его любовь соделаться нам достойными Его. *Всё из Него, Им и к Нему* (Рим. 11:36); пред Ним *да преклонится всё*, что в нас (Флп. 2:10), и Его имени да воздастся слава ныне и во веки! Аминь.

Сердечно приветствую вас, возлюбленный брат, и поручаю себя вашим молитвам. Также и я молюсь за вас и остаюсь

вашим единокровным собратом.

Мюльхайм, 6 ноября 1736 г.

(1, II, 107)

Письмо 12-е

О НЕДОЛЖНОМ ВОСПРИЯТИИ ВНУТРЕННЕГО ХРИСТИАНСТВА.

О ТОМ, СКОЛЬ ПРОСТА ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ
И КАК САМ ГОСПОДЬ ПРОИЗВОДИТ ЕЁ В ДУШЕ.

**Во благодати нашего Господа и Спасителя
сердечно возлюбленный брат!**

Ваше любезное письмо вкупе с присланными книгами благополучно получил. Вы спрашиваете моего мнения, как это

возможно, что г-н N., будучи любителем внутреннего христианства и усердным читателем книг о нём, проводит при этом светский образ жизни, не чуждаясь никаких увеселений, роскоши и почестей. На это я могу ответить лишь: *я не знаю*; и удивляюсь сему не меньше, чем вы. Между тем мне известно немало таких людей как во Франции, так и здесь у нас, в Германии. Но совершенно очевидно (и об этом говорят все писания о внутренней жизни), что именно *отвержение себя самого* (Мф. 16:24) и всего падшего творения вкупе со всецелым преданием себя и всего своего Богу есть фундамент и начало внутренней жизни. Только евангельское учение об отвержении себя и крестном последовании Христу и ведёт к внутреннему христианству, то есть к жизни Иисуса в нас. — Впрочем, не станем, дорогой брат, много думать о том, какими путями ходят другие люди, или тем более осуждать их; будем, как дети, выучивать только свой дневной урок. Но не будем закрывать глаза и на то, что самолюбие у многих подделяется под внутренне-христианский опыт, и некоторые по этой причине хотят жить, нисколько ещё не умерев ветхому человеку; другие, напротив, берутся за подвиги самоумерщвления прежде, чем они вкусили жизнь¹, и хотят совлечься, ни во что ещё не облекшись. *Sapienti sat!*²

Несомненно, нет ничего надёжнее, проще и — я бы сказал — естественнее истинной внутренней жизни; но поскольку она есть *детскость Христова* (Мф. 18:3), то рассудок не замечает её или, сомневаясь, составляет о ней самые диковинные понятия. Но иначе и не может быть, потому что рассудок живёт совсем в другой стране. В Аравии не поймут немца, а в Германии — араба, за исключением тех случаев, когда приходится долго жить в чужой стране и выучить её

¹ Жизнь в Боге.

² Понимающий поймёт (*лат.*).

язык. Только внутреннее *привлечение от Отца* (Ин. 6:44) и Его руководство вводит нас во внутреннюю страну. Блаженна душа, которая ведаёт оное и следует ему!

Бог, как Бог любви, неизреченно близок нам о имени Иисуса; Он «внутреннее» для нас, чем *вся внутренняя наша* (Пс. 102:1). По милости Своей Он касается нашего сердца Своей любовью подобно магниту, притягивающему железо. Отсюда происходит «отмагничивание» души от всего сотворённого и идущее из самой её глубины стремление искать и обрести Бога и быть всецело Его. Это сердечное тяготение к Богу может быть явным или едва ощущаемым, осознаваемым или неопределённым, в зависимости от устройства души и благоволения Божия. Если это сердечное стремление возделывается душой посредством детского принятия его и верного последования ему, то оно становится всё бóльшим, укоренённым, чистым и т. д. и душа делается всё более простой, отрешённой от падшего мира и обращённой вовнутрь. Христианин получает всё большее уверение в истинах Божиих и в подлинной жизни своего духа — и уверение, проистекающее из опыта, а не из рассудочных заключений. В глубине сердца появляется некая *достоверность*, которая — какой бы неотчётливой и едва чувствуемой она ни была — совершенно умиряет душу. Если христианин обращается вовне, исследуя и оценивая происходящее деятельностью своего рассудка, то в душу приходят сомнения и беспокойство — за исключением тех случаев, когда такое совершается в подобающее время и с дозволения нашего внутреннего Учителя (1 Ин. 2:27). Посему невинные *чада сёрдца* наиболее пребывают в мире и блаженстве.

Я не знаю, почему я это вам пишу; примите сие в простоте и любви. Приветствую и обнимаю вас, возлюбленный брат, в духе любви Господа нашего Иисуса Христа и препоручаю

себя вашим молитвам к Нему. Он всё больше и больше да становится нашей жизнью, желаниями и действиями! Аминь.

Преданный вам собрат.
Мюльхайм, 4 апреля 1737 г.
(1, II, 120)

Письмо 13-е

ОБ ОТНОШЕНИИ АВТОРА К ДУШАМ,
СТРЕМЯЩИМСЯ К ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

О ВРЕДЕ САМО-ДЕЙСТВИЯ.

О БОЖЕСТВЕННОМ ДЕЙСТВОВАНИИ В СЕРДЦЕ
И ВНУТРЬ-ПРЕБЫВАНИИ С ИИСУСОМ.

Господь Иисус да привлечёт нас к Себе ныне и во веки!

Возлюбленная о Господе сестра!

Ваше любезное письмо от 25 апреля, переданное через г-на N., я получил хотя и с опозданием, но в целостности и сохранности. Слава и хвала Богу за то, что Он дарует нам общение в любви, которое столь укрепляет и ободряет нас на путях нашего земного странствования и за которое мы некогда возблагодарим Его в небесном нашем отечестве! Для меня большая радость и утешение, когда я думаю о душах, всецело стремящихся к внутренней жизни во Христе. Я люблю все призванные Им души; но признаюсь, что к одним моя любовь как бы выходит из дому, встречая их у дверей, других же всегда лелеет в сердце. Так, моё расположение больше обращено к *внутренним христианам* — и это расположение нисколько не препятствует и не мешает жизни в Боге и общению с Ним. О, сколь прекрасно иметь таких дру-

зей, кои не подменяют собой Небесного Друга наших душ и не отчуждают нас от Того, Кто есть наше *всё во всём и жизнь с избытком!* (Еф. 1:23; Ин. 10:10).

Ах! как мало люди понимают и опытно знают, что Бог, вечное благо, столь внутренне близок нам! Как мало христиане разумеют, что в глубине нашей души нам во имя Иисуса уготован отверстый *вход во святилище* (Евр. 10:19) и что верующее сердце, если только оно детски обращается на сию глубину, обретает там источник *воды живой* (Ин. 4:10), исцеляющей в нас всякий грех и нечистоту! Я с печалью вижу, что часто и самые стремящиеся к Богу души слишком много задерживаются на себе и мучают себя всевозможным само-деланием — чем они только препятствуют себе истинно познать близость Бога и предоставить Ему действовать в нас.

Да, неумерщвлённый ветхий Адам своим само-подвижничеством может достичь видимости некоей свободы. Но настоящие *внутренние христиане* идут другим путём. В новоначалии они готовы подвизаться и действительно подвизаются ради своего спасения всеми известными им способами; но горький опыт убеждает их, что их сил недостаточно и что сами они никак не могут избавиться от своей падшести. Тогда их само- и много-действие ослабляется, и в них начинает сокровенно укрепляться внутренняя простота и тишина. Любовь Божия всё больше влечёт и ведёт их к тому *одному* (Лк. 10:42), что содержит в себе всё, а именно — к всецелому оставлению себя самих и всего сотворённого (Мк. 8:34; Лк. 14:26), дабы их сердце и волю нераздельно мог взять и содержать в Своей деснице Господь. Здесь многие души ещё не знают, что всё сие действует в них Божией любовью; они лишь часто ощущают некое тончайшее тяготение к чему-то глубинному и совершенному, так что когда они только помыслят о внутренней жизни в Боге

или услышат о том какое-либо слово, то в их сердце как бы изливается святое помазание и всё их существо соглашается с этим. Если же душе захочется добиться сего собственным действием и самой достигнуть совершенства во Христе, то она скоро *начинает утопать* (Мф. 14:30) в своём бессилии и её состояние делается жёстким, беспокойным и унылым. Когда же она возвращается к внутренней простоте и тишине, то ей вновь становится мирно и отрадно.

Таковые *внутренние христиане* не должны давать себя запутывать никаким законничеством ни снаружи, ни изнутри. Все требования Закона нужно препоручить Иисусу Христу (Рим. 8:2) — препоручить простым, спокойным и исполненным веры устремлением сердца к Нему, нашему истинному Искупителю, полностью предавая всего себя Ему и уповая, что Он всю *праведность*, требуемую от нас Законом, Сам *исполнит в нас* (Рим. 8:4), что Он несомненно и сотворит, если только мы *пребудем в Нем* (Ин. 15:4), ибо *Он есть мир наш* (Еф. 2:14) и совершенное спасение. Малейшее движение разумления Христова в нас, минутное внутреннее прикосновение к нам Его божественной любви или какое-либо иное Его действие в сердце, каким бы оно ни представлялось незначительным и слабым рассудку и чувствам, даёт душе гораздо больше крепости и ослабляет царство тьмы стократ сильнее, чем десятилетия, проведённые в само-подвижничестве, незнакомом с таким внутри-пребыванием во Иисусе. И это делание внутри-пребывания во Христе предназначено совсем не только для великих святых, но доступно именно таким немощным и нищим детям, как я и подобные мне.

Ах! какое чудо божественной силы, благодати и любви может опытно познать и самый жалкий грешник, когда он с закрытыми глазами всецело вверится Иисусу и детски (Мф. 18:3) станет ожидать Его у врат Его! (Притч. 8:34). Поистине

Бог хочет обитать в нас, а мы должны стать Его святилищем (2 Кор. 6:16), поклоняясь Ему в духе и истине (Ин. 4:23–24). Ему да вручим себя и всё наше! Его любовь требует всего; и как можно дерзнуть что-то удерживать от неё? Он Сам да исполнит в нас всю Свою волю; Он да укрепит нас в наших испытаниях и скорбях и да укоренит нас в общении с Собою, дабы иметь нам в Нём, а Ему в нас вечную радость! (Притч. 8:31). Ей, аминь, о верная любовь!

Благодарю вас, дорогая сестра, за ваше любезное приглашение. Мне бы хотелось увидеть вас и поговорить *устами к устам* (2 Ин. 14); но мои обстоятельства и слабость здоровья препятствуют сему. Если б можно было поехать инкогнито и пообщаться только с некоторыми душами, к коим я сердечно расположен, я, возможно, и решился бы на это. Но, против моего желания, я стал слишком известен и, как только выхожу за порог, должен зайти туда и сюда, посетить одних или других, познакомиться с теми, к коим меня вовсе не тянет, говорить там, откуда мне хотелось бы уйти, и так далее. Но я предаю здесь, как и во всём, свою волю в руки Божии; пусть Он ведёт и управляет меня по Своему благоволению. Моё телесное здоровье очень переменчиво. То и дело моя *земная хижина* готова разрушиться (2 Кор. 5:1); голова и глаза порой так слабы, что совсем ничего не могу писать, а по временам не выношу и малейшего шума. Но да будет во всём воля Господня; без Него *и волос с головы нашей не упадёт* (Лк. 21:18).

Сердечно приветствую вас, возлюбленная сестра, о имени Иисуса, в Коем мы соединены как *члены Тела Его* (Еф. 5:30). Молитесь за меня ко Господу, да совершит Он Своё дело во мне; как и я молюсь за вас. Остаюсь во благодати

преданным вам собратом.

Мюльхайм, 21 августа 1736 г.

(1, II, 103)

Письмо 14-е

НОВОНАЧАЛЬНАЯ ДУША НЕ ПОНИМАЕТ
ДЕЙСТВОВАНИЙ БОЖИИХ В СЕБЕ.

Но Господь в своё время привлекает душу вовнутрь
и вразумляет её.

Во благодати Господа Иисуса драгоценная сестра!

Мне было неожиданно и радостно, ещё находясь в Амстердаме, получить от тебя письмо, где ты просишь написать тебе о некоторых материях, коих мы коснулись в наших беседах. Воспоминание о нашей встрече и разговорах постоянно утешает и подкрепляет меня; так изволил Господь — да будет благословенно Его имя! Я увидел и почувствовал милость Божию к твоей душе; и могу в простоте засвидетельствовать, что это *истинная благодать, в которой ты стоишь* (1 Пет. 5:12), и *неложное помазание, всячески обучающее тебя* (1 Ин. 2:27). Сие помазание, или *вкус сердца* (ощущаемый тобою, но невыразимый словами), учит нас внутренне только одному: *дети, пребывайте во Христе* (1 Ин. 2:28). И кроме этого единственного научения *чадам сердца* ничего не нужно; чем дальше, тем больше они обретают в нём всякую премудрость, всякое питание, всякий мир, всякое блаженство и спасение души. Посему, дорогая сестра, возжелаем больше и больше оставлять и забывать всё, дабы только, как простые, малые и всегда начинающие ученики, сердечно усваивать *сие учение Христово* и Божией благодатью *пребывать в нём* (2 Ин. 9) до конца своих дней.

После того, как наш благословенный Спаситель излил за род человеческий Свою кровь, сладчайшее *имя Его* содевается для нас целительным и живительным *бальзамом* (Песн. 1:2), и Бог, как Бог любви и примирения, становит-

ся нам, немощным грешникам, внутренне близок в наших сердцах. Своей нежнейшей, но и всесильной любовью Господь захватывает душу и принимается за её исцеление и освящение. Он поставляет её в некое святое беспокойство и подвигает её к поискам и вопрошаниям. Душа поначалу не знает и не понимает, что это происходит в ней от действия внутренне соприсутствующего ей Спасителя; она хочет найти ответ вовне и часто оплетается *своим* (а не идущим *от Бога*) беспокойством. Она ищет Господа здесь и там, пытается помочь себе сама — насколько она может, и руководствуясь тем, что ей советуют другие. Но если душу никто не направит на путь вовнутрь, дабы ей с истинным и безусловным оставлением себя и всего своего ввериться в любящие руки Господа, отверстые ей в её сердце, и она будет слишком много подвигаться в душевном, самостном и рассудочном делании — тогда она не исцелится как должно. «Своё» беспокойство никуда не уйдёт, а если оно и станет по временам сменяться зыбким миром, то последний будет основываться на чём-то, происходящем из самой души, а не на Боге.

Но *Господь хранит простодушных* (Пс. 114:4), и Он знает, как выбрать нужный момент, дабы показать душе, к её великому изумлению, что её сокровище, исцеление, спасение и всякое благо наивнутреннейше близко к ней и что она не должна искать всё сие на стороне. Это происходит либо прямо, когда внутренняя истина сразу с силой открывается душе, либо посредством постепенного и по большей части невольного обращения отвне вовнутрь. Бог касается глубин души магнитом Своей любви, и она чувствует некое невыразимое тонкое *привлечение* (Ин. 6:44) к тому, чтобы ей быть полностью и внутренне Господней. Чрез сие душа прилепляется к Нему от всего сердца; внешне-деятельные, множественные, уставные, определяемые рассудком подвиги теряют для неё

смысл; на некоторое время она вовсе утрачивает способность к ним — но она получает тот *вкус сердца*, о котором я говорил выше. Всё у неё становится тихо, просто, искренне и кротко. И я думаю, что даже самый великий философ на земле сделался бы малым и безыскусным чадом сердца, если бы Бог ввёл его в такое состояние, — ибо вся *мудрость мира сего есть сплошь безумие* (1 Кор. 3:19) сравнительно с тем, что нашла бы его душа в Господе Иисусе Христе.

Итак, возлюбленная сестра, если Бог в той или иной мере даровал нам таковое состояние и соделал нам сей *путь сердца* любезным и желанным, то нам остаётся лишь пребывать на этом пути и давать Богу вести нас по нему, внутренне следуя вышеназванному тонкому и всеохватывающему *привлечению от Отца* (Ин. 6:44) в наших душах. Оно приведёт нас к Господу Иисусу — единственной нашей опоре и источнику всякой праведности, святости и блаженства — для того, чтобы нам быть всецело Его, для Него и в Нём (Рим. 11:36). С этою целью Господь мягко, но властно отвращает нас от всего, что не есть Бог и Божие; Он не даёт нам найти покоя ни в самих себе, ни в чём бы то ни было, кроме Него; Он, как наш подлинный Друг, показывает нам, что всё должно от нас отпасть, поскольку тот, кто любит Его, не может любить ничего иного.

О, если бы только знали бедные грешники, какая бесконечная полнота благодати близка им внутренне и как широко Господь раскрывает Свои руки, дабы принять и величайших из них! И, о! если бы только многие благочестивые души понимали, как они сами себе препятствуют, отчуждаются от Бога, заглушают действие *Его помазания* (1 Ин. 2:27) и отвергают сердечное *вкусение и видение* (Пс. 33:9), сосредотачиваясь на внешнем и слишком много действуя из себя и падшего рассудка — вместо того, чтобы, как смиренное,

бесхитростное и алчущее дитя, обратиться в сердце к Господу Иисусу, прилепиться к Нему, соединиться с Ним и пребывать в Нем верою, любовью и молитвой! Но уповаем, что как Бог по чистой благодати открыл это нам, так откроет и другим. Будем же возрастать в любви к Нему и в прославлении Его, ради Сына Его Иисуса! Аминь.

Я написал гораздо больше, чем хотел; вначале я полагал ограничиться только сердечным приветствием — но моё перо увлекло меня. Господь да соделает все сии истины истинами *в нас!* Приветствую тебя от всей души, равно как и твоего дражайшего супруга. Господь, влекущий его к Себе, да благословит его и да сотворит, чтобы он безоговорочно предал себя Ему; а Он непременно, как и меня, грешного, примет его. Аминь!

Остаюсь, по благодати,

твоим единокровным собратом и другом.

Мюльхайм, 27 августа 1737 г.

(Holl., 82)

Письмо 15-е

О том, как надлежит осуществлять
наше намерение предать себя Богу.

Возлюбленная о Господе сестра!

Очень хорошо, что ты ежедневно с самого утра полагаешь намерение быть верной Богу. Как только мы пробуждаемся, мы должны напомнить себе о соприсутствии преславного и любящего нас Господа и неким внутренним и сердечным образом принести Ему в жертву наше сердце, волю и всего себя. Эта утренняя жертва может обходиться

совсем без слов; только нужно, чтобы она совершалась с благоговением и твёрдым намерением — и ныне, и во веки всецело быть Божиим и только для Него существовать и жить. О, сколь благоугодна Богу сия сердечная жертва! и как споспешествует она нашему освящению!

И твоё освящение совершалось бы скоро, если б ты пребывала в таком устроении. Но именно этого, возможно, тебе и недостаёт. Может быть, ты предаёшь себя Господу ещё не от всего сердца; может быть, ты предаёшь себя Ему только «вообще», умозрительно, но не целиком и полностью и не во всём без исключения; может быть, ты предаёшь себя Ему только в той мере, чтобы тебе сохраниться от греха и избежать наказания — что хорошо, но далеко не достаточно, потому что вверять Богу надлежит *всю* волю, *всё* сердце, *всю* любовь, *всего* себя.

Может быть, ты предаёшь себя Богу слишком пылко и несколько поверхностно, в то время как это нужно делать трезвенно и тихо, с глубоким сердечным благоговением, пусть даже против воли и досаждала бы нам рассеянность и рассосредоточенность. Может быть, ты предаёшь себя Богу с недостаточным упованием на Него, без детского обращения к Тому, Кто столь желает приобщить тебя Себе... и так далее. Поскольку, вследствие всего этого, твоё предание себя Богу и твоё намерение быть Божией недостаточно глубоки, то ни первое, ни второе не может быть прочным.

Когда ты утром препоручила себя Господу и приняла доброе решение принадлежать всецело Ему, ты не должна думать: «Теперь всё, дело служения Богу исполнено» — и, обратившись к своим домашним занятиям, всё внимание посвятить им и внешним вещам. При таком образе действий нет ничего удивительного, что ты отчуждаешься от Господа и впадаешь во всяческую рассеянность и разоре-

ние. Если мы хотим постоянства в нашем добром намерении, то нам надлежит учиться всё время пребывать с Богом и в Боге и стараться сохранять благоговение, какое мы имели во время молитвы; ибо в *Боге* — наша *крепость* (Пс. 61:8).

И это пребывание с Господом в сердце сохранит тебя от того, чтобы смотреть, слушать и говорить лишнее. Ты знаешь, что ты принадлежишь Богу и что ты ещё весьма немощна; посему не произноси ни единого слова, не вопросив Бога, угодно ли оно Ему. Старайся говорить о внешних вещах только самое необходимое; а люди пусть думают, что хотят.

Что в тебе обнаруживается столь много дурных качеств, меня не удивляет; и тебя никак не должно удивлять. В нас ещё много падшести, которой мы не понимаем; и когда мы научаемся подлинно видеть её проявления, то это — действие благодати Божией. Но только нехорошо, что при видении своей падшести ты опускаешь руки и отчаиваешься или совсем отходишь от молитвы и от Бога, в то время как, наоборот, наше греховное повреждение должно «подталкивать» нас к Нему, дабы Он исцелил нас.

Также совсем неверный вывод — что, поскольку ты (как тебе представляется) *лежишь во зле* (ср. 1 Ин. 5:19), то Господь не может быть к тебе милостив. Но где ты возьмёшь то добро, которое подвигло бы Господа на милость к тебе? Или ты хочешь рассчитаться с Господом этим добром? Какая нелепость! без Него ты никогда не сможешь его приобрести. Бог милостив к Своим падшим детям ради Сына Своего Иисуса Христа, и не только прощает им грехи, но хочет *взять от них сердце каменное*, злое (Иез. 36:26) и соделать их добрыми — лишь бы они приходили к Нему со всей своей худостью. Итак, только отвращайся от всякого зла; убегай

от него и притекай к Богу, Который хочет и может помочь тебе; думай больше о Боге, чем о своей никуда-не-годности — и ты несомненно обрящешь спасение.

Смотри, как много я написал тебе; из этого ты можешь увидеть, как я хотел бы, чтоб ты стала настоящей христианкой. *Будь верна до смерти*, дабы Иисус дал тебе венец жизни (Откр. 2:10), — чего тебе от всего сердца желает

твой немощный собрат.

P. S. Всякий раз, когда мы детски, искренне, с любовью, сердечной жаждой и благоговением обращаемся к Богу и поставляем себя верою в Его сопричастие, — мы бываем в церкви и совершаем наше самое праздничное богослужение.

Иисус! Иисус! ничто, кроме Него! Аминь.

(1, I, 79)

Письмо 16-е

О НЕОБХОДИМОСТИ РЕШИТЕЛЬНО СЛЕДОВАТЬ
ПРИВЛЕЧЕНИЮ И ВРАЗУМЛЕНИЮ БЛАГОДАТИ,
ДАБЫ ПОСТОЯННО ПРЕПОБЕЖДАТЬ ПАДШЕ-ПРИРОДНУЮ ЖИЗНЬ
ПОСРЕДСТВОМ ДЕТСКОЙ ВЕРЫ, ЛЮБВИ И МОЛИТВЫ.

Возлюбленная о Господе сестра!

Я был рад узнать из твоего письма о нынешнем твоём состоянии. Будучи с любовью расположен к тебе, я сердечно желаю твоей душе преуспеяния в благих путях Господних. Сии пути вышеестественны, так что человек не может ни ходить ими, ни преуспеть в них, если посредством детской веры он не будет постоянно возвышаться над падшей природой и не поищет мужественно победить её со всеми её влечениями — в чём и заключается сила и дух христианской жизни.

То, что мы в этом столь слабы, происходит большей частью оттого, что мы ещё слишком чужды Богу и слишком близки нашему падшему естеству. Именно поэтому привлечение Божие (Ин. 6:44) и вразумления Его благодати едва действуют на душу и не оказывают на неё должного влияния; безудержное же сочувствие повреждённому естеству, напротив, приводит к тому, что мы ни в чём не можем ему отказать. И вот наш благой Спаситель с великим долготерпением и любовью привлекает нас к Себе и хочет, чтобы мы изменили такое положение вещей: Ему мы должны стать внутренне близки, падшей же природе чужды. Что ищем мы у нашего зложелателя? Неужели мы будем угождать врагу, а нашего Благодетеля огорчать? Да не будет! С Господом мы надеемся вечно и блаженно жить; возмущённых же криков естества скоро уже не услышим. Итак, не пожелаем и не станем дальше житьствовать по внушениям и мнениям безбожной самости, но по научению нашего Возлюбленного и Друга! (Песн. 2:16; 7:11).

Как сие осуществить? В отношении *внутреннего человека*: слабым, сокровенным, едва видным воздействиям и внушениям благодати, влекущим нас к тому, что благоугодно Богу, нужно уделять бесконечно большее внимание, чем наияснейшим и убедительнейшим основаниям и возражениям рассудка и чувств. Для доброго дитяти малейшее мановение отца является безусловным повелением, коего дитя не хочет и не может преступить. Здесь внутренний человек не должен колебаться, но всецело и сразу переходить на сторону Божию — и тогда Бог даст ему непобедимую силу. Ах! если бы мы только приблизились к Богу в вере и любви! Тогда целые горы препятствий, немощей и невозможностей исчезли бы, как горсть соломы в горящей печи!

Во внешнем же принимай всё, исключая грех, как от руки божественного промысла, так, как оно есть и идёт. Пусть всё служит тебе для обучения и упражнения в вере и любви. Ах! как славно Господь тогда позаботится о тебе! Всё, что с тобой произойдёт, будет совершаться Его руками для непрекращающегося умерщвления твоей падшести и самости, так что душа будет получать одно приобретение за другим.

О, сколь любезной станет Богу наша жертва, когда мы и в мельчайших внешних вещах принесём Ему во всеожжение нашу суетную волю, наши вожеления, самолюбие, духовную вялость и тому подобное и превозможем естество духом любви! Для сего не упускай случаев время от времени уединяться для общения с Господом и сердечной молитвы. Это есть лучшее средство умерить неупорядоченные стремления естества, постепенно успокоить душу и привыкнуть постоянству во внутренней жизни. Мужайся и дерзай о Господе, невзирая на все твои недостатки; вложи себя в Его руки такой, какая ты есть; Его милосердие безгранично.

Сердечно приветствую тебя и всех твоих домашних, не исключая маленькую N. N. Господь Иисус да благословит всех нас!

(1, I, 56)

Письмо 17-е

О ТОМ, КАК НАМ НАДЛЕЖИТ
ВОЗВЫШАТЬСЯ НАД НАШЕЙ ПАДШЕСТЬЮ.

Возлюбленный о Господе брат!

Я не помню, что я писал тебе в прошлом письме, отвечая на твой вопрос, что́ есть ниспадение в повреждённое

естество и возвышение над оным. И ты не ломай голову над этим. При верном последовании руководству *вот сейчас* наставляющей нас благодати все истины духовной жизни открываются нам с той ясностью, с какой это для нас необходимо.

После нашего отпадения от Бога мы низлежим в падше-природном состоянии, пленённые бессилием и неверием. От сего нас спас *Христос, благословенный во веки, аминь* (Рим. 9:5). Своею благодатью Он хочет возвысить нас, дабы мы из падше-природных вновь стали духовными и божественными людьми. Но мы далеко не сразу становимся таковыми; вступив на путь спасения, мы ещё долго остаёмся обременёнными падшестью и неверием. Проявляется сие, помимо прочего, в том, что мы берёмся за дела, исходя не из веры и духа, а из того, легко ли это нашей природе или нет, — и так происходит даже тогда, когда мы совершаем отнюдь не худые, но кажущиеся нам добрыми дела. Смотри по тому, желает или не желает наше естество того или иного действия, духовного или житейского, мы исполняем или не исполняем его; полагаем его возможным или невозможным; берёмся за него с горячностью или «спустя рукава» и т. д. — в то время как мы должны смотреть только на то, чтобы угождать Богу, и всякую *волю Божию исполнять от души* (Еф. 6:6), не обращая внимания, хочет или не хочет того наше повреждённое естество. И таким образом многие христиане, даже и самые искренние и благочестивые, все свои дела совершают только «природно». В ревности против зла, в благотворении, в любви и отторжении, в хвале и порицании они неизменно исходят из своих душевных движений и страстей. Вдобавок нам свойственно действовать с порывом, сразу следуя своим мыслям и побуждениям; но им не стоит доверять, пока Иисус не станет всей нашей

жизнью. Для того же, чтобы возвыситься над падшей природой, нет лучшего средства, чем глубокая сердечная молитва и детски-благоговейное поставление себя в соприсутствие Божие. Если мы так будем *жить духом, то по духу и будем поступать* (Гал. 5:25).

Более того: *всякое рассматривание себя*, своих немощей, недостойнства и падшести, совершающееся *вне веры*, есть ниспадение в повреждённое естество и погружение в него. Многие благочестивые души пленяют себя на всю жизнь этим *духом рабства и страха* (Рим. 8:15). Да, когда мы уразумеваем свою падшесть, это есть благодать; и мы должны знать и понимать своё повреждение, отвращаться от него, поскольку оно неуютно Богу, и желать спастись от него, — но не с немирностью, исходящей от уязвлённого самолюбия, и не с малодушием неверия и отчаяния. Нужно отводить свой взор от всего этого и детски устремлять его на Иисуса с глубоко-мирным упованием, что Он не только может и хочет спасти, освятить и прославить нас, но по Своей безграничной благодати непременно *и сотворит сие* (1 Фес. 5:24). Я подчёркиваю — *по Его благодати*, ибо здесь коренится наше упование. Оно никак не должно ни возрастать, ни ослабевать от рассматривания себя и своих качеств и свойств; это как раз и будет преклонением к повреждённому естеству и ниспадением в него. Мы всегда недостойны и грешны, а особенно тогда, когда угождаем своей падшести; посему нам надлежит непрестанно смиряться — но никогда не малодушествовать. Мы должны всецело предать себя Богу и взирать только на Него, Его имея единственным предметом нашей веры и любви в сладчайшем имени Иисуса, и всё, чего нам недостаёт, с долготерпеливым и детским упованием ожидать от Его благодати — при этом всячески стараясь не отдаляться от Него произвольно. Тогда мы бу-

дем всегда жить в Духе, верую в Сына Божия, возлюбившего нас (Гал. 2:20).

Я написал гораздо больше, чем хотел, и, может быть, несколько путано из-за слабой моей головы. Господь да благословит твою душу!

Мюльхайм, 15 января 1739 г.
(1, II, 147)

Письмо 18-е

ПО МЕРЕ ТОГО, КАК ЧЕЛОВЕК ПРИБЛИЖАЕТСЯ К БОГУ,
ЕМУ СТАНОВЯТСЯ ВСЁ БОЛЕЕ ОБРЕМЕНИТЕЛЬНЫМИ
ВСЯКОЕ ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ РАЗНООБРАЗИЕ
И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ.

Бог один — наш покой!

Сердечно возлюбленный о Господе брат!

Пользуясь возможностью, пишу тебе несколько строк в ответ на твоё любезное письмо, из коего я с радостью усматриваю расположение твоей души и совершенно соглашусь с оным и с высказанными тобою истинами. Да славится и возвеличивается Господь за то внутреннее и неложное руководство, какое Он являет нам! (1 Ин. 2:27). Возлюбим же сердечно и чисто Сего столь благого Господа!

Бог есть высочайшая и единая цельность и простота. Поэтому нам не приходится удивляться, что когда христианин всецело, с оставлением себя (Мк. 8:35), предаёт и вверяет себя Ему, то он сам делается всё более цельным и простым — по мере того, как он приближается к Господу, единственному истинному основанию нашей жизни. Вся-

кое разнообразие и множественность, как в телесном, так и в духовном, становятся ему обременительными: чтобы предоставить духу подобающее ему пространство, всему остальному надлежит отпасть. Христианин больше не может думать и размышлять, как раньше, — рассудочность уже не занимает его; он больше не может накладывать на себя те или иные правила и предписания — кроме единственного предписания забыть все правила; он больше не может много говорить — ибо ему представляется, что всё, даже и великие вещи, можно выразить несколькими простыми словами. Все его внутренние духовные движения как бы сплавляются в одно состояние, которое охватывает всё и в котором он может пребывать без перерывов и изменений часы и дни; ему всё благо и всё ново, подобно тому как в вечности нет ни вчера, ни сегодня, но всегда *ныне*. Так и душа, внутренне приблизившаяся к Богу, не думает больше ни о прошлом, ни о будущем; это происходит так, как будто человек проживает мгновение, длящееся вечно. В таком состоянии христианин сам, по своему разумению, уже больше не правит собой и ходом своих дел, как в телесном, так и в духовном; но всё и целиком препоручает Господу. Одним словом, он восходит в *детскость* Христову (Мф. 18:3) и пребывает в ней. Дитя только тогда может жить, когда оно привержено матери; и такую приверженность имеет в виду Апостол, говоря: *уже не я живу, но живёт во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия* (Гал. 2:20).

Блаженны те, чей дух, уязвленный Божиим соприсутствием и влекомый Его любовью, безоговорочно и не сопротивляясь предаёт себя руководству сей единящей силы! Они подобны реке, которая, как к своей цели, устремляет воды свои в океан. Сначала такая река — малый ручей, тихо и почти незаметно текущий в песке; но неизменно и неудержимо

она расширяется и углубляется. На своём пути она орошает пастбища, вращает колёса мельниц, несёт на себе корабли — всё ко благу других; но сила, движущая её, всегда не в этом, а в высшей её цели. Её воды постоянно умножаются от впадения иных ручьёв и рек, и её течение, становясь всё более мощным единым потоком, приводит её к океану, в который она наконец разрешается и в котором упокоевается. Так и душа, хоть в малой мере опытно уразумевшая в себе сокровище божественного действия, несомненно и убедительно знает, что свою конечную цель, свою стихию и покой она может найти только в Боге и в полном вверении себя Его действованию. Если же душа хочет действовать сама, если она, ища просвещения или разума, останавливается на себе самой и своём рассудке, если она не довольствуется тихим и *превосходящим разумение* (Еф. 3:19) светом веры в духе, то она неминуемо запутывается в сомнениях и беспокойстве и ниспадает в тесноту и в конце концов убеждается, что ей всё равно придётся изойти из себя самой, дабы вновь оказаться в своей стихии — что возможно лишь во всецелом прилеплении духа к Богу. Ах, сколь суетно и тленно всё, что мыслится, чувствуется и совершается вне сего *одного, что только нужно!* (Лк. 10:42). Господи! будь же всегда для нас этим вседозволяющим *одним!* Аминь.

Ты верно пишешь, возлюбленный брат, что моя внешняя жизнь и мои дела весьма отличаются от твоих, хотя в главном мы едины; но подожди — не получит ли и твоя река свои суда, чтобы нести их; мне кажется, я уже вижу это¹. Но в Господе, по Его благой воле, всё пойдёт хорошо. Мы принадлежим не себе, а Ему; и вся наша задача — внутренне ходить пред Ним

¹ Вероятно, собеседник Терстегена жил уединённой жизнью, в то время как на Терстегене лежали труды проповеди и душепечения; что-то подобное он предрекает своему адресату.

в мире и тишине *в настоящий момент*. Что касается меня, то признаюсь, что если б я имел выбор, то жил бы совсем по-другому. Я должен говорить, писать, обращаться с людьми и т. д., в то время как хотел бы почти всегда молчать, скрываться и заниматься только Богом. Но я не позволяю себе настаивать на своём, ибо я могу и ошибаться. Лучше всего терпеливо принимать то, что предоставляет мне промысл Божий, и трудиться на Его ниве, насколько я могу и насколько идёт дело, не глядя назад или вперёд, но внутренне устремляя *очи мои всегда к Господу*, по Его слову (Пс. 24:5). В *этом* я желаю каждодневно укрепляться и совершенствоваться, к чему мне весьма потребны и твои сердечные молитвы, о коих искренно и прошу. Мир тебе и в тебе, дорогой друг.

Твой единокорный о Господе собрат.
(Holl., 11)

Письмо 19-е

КОГДА НАЧИНАЕТСЯ ВНУТРЕННЯЯ БОЖИЯ РАБОТА,
ТО ОНА НЕ ТЕРПИТ НИКАКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА.
ХРИСТИАНИН ТОГДА ДОЛЖЕН ВСЁ ВВЕРИТЬ БОГУ
И НИ НА ЧТО НЕ ОПИРАТЬСЯ,
КАК ТОЛЬКО НА НЕГО И ЕГО СВЯТУЮ ВОЛЮ.

**В драгоценнейшем призвании
к *внутреннему Царству Божию* (Лк. 17:21),
состоящему в *праведности, мире и радости*
во *Святом Духе* (Рим. 14:17),
многовозлюбленный собрат и верный друг!**

От всей души желаю тебе, твоей супруге и всем твоим домашним мира от Господа! Господь да пребудет со духом

вашим и да даст вам — и всем нам — всяческую верность следовать Его драгоценнейшему призванию, дабы мы возымели ум, сердце и нрав Его! (1 Кор. 2:16; Фил. 2:5). Ах, возлюбленный друг! если бы мы, каждый в свою меру исполняя сей Божий призыв, искренне единились друг с другом в Господе — какой мир мы бы тогда вкушали! как были бы благословенны и утешены, хотя бы телесно и не часто встречались друг с другом!

Я твёрдо знаю — и ты всё больше будешь уразумевать сие, — что истинная внутренняя жизнь не терпит никакого смещения¹. Господь изволит Сам, единолично быть нашей жизнью (Ин. 14:23; 1 Кор. 3:16; Еф. 3:17), а где Он, там нашей самости быть не полагается. Мы должны уступить и вручить ему не только весь наш дом, но и ключи от него (нашу волю), дабы Он, как *Господь и Учитель* (Ин. 13:13), мог обитать с нами и жить в нас. Он бесконечно верен и истинен в совершении Своей божественной работы в нас, в исцелении нашего духа и изведении его на свободу (Лк. 4:18); Его руководство нашей внутренней жизнью и Его промысл относительно всего происходящего с нами осуществляются с великой премудростью и благостью. Нам же надлежит только от всего сердца верить себя Ему и внимать Его учительству (1 Ин. 2:27), нигде не ища опоры, как только в Боге и Его воле, насколько мы уразумеваем её из Его внутренне-го водительства и Его промысла. В этом состоит наша верность, и это одно *есть мир наш* (Еф. 2:14).

Но при прохождении сего пути мы обнаруживаем, что это требует от нас непрестанного *отвержения себя* (Мк. 8:34) и всегдашнего *умирания* (Ин. 12:24; Кол. 3:3) себе са-

¹ Божественного и падше-человеческого, благодатного и повреждённо-естественного.

мому. Ибо и Божия любовь, руководящая нами изнутри, и божественный промысл, правящий нами совне, без жалости низлагают, распинают и умерщвляют нашу падшую самость и изгоняют её из всех её убежищ, чтобы мы не прилеплились ни к самим себе, ни к какому творению, но в чистой совлечённости и свободе от всего входили в Господа, Который хочет быть нашим единственным неразоримым покоем, нашей жизнью и блаженством. О, Он истинно есть всё это! кому, как не Ему, подобают все сии именованья! Посему, дорогой друг, да *не возлюбим души своей даже до смерти* (Откр. 12:11), дабы иметь нам дарованную Богом *жизнь вечную, которая в Сыне Его!* (1 Ин. 5:12–13, 20).

Сердечно приветствую о Господе — в Коем, по благодати, уповаю пребывать — тебя и твою супругу и остаюсь искренне преданным тебе собратом.

Мюльхайм, 7 июня 1735 г.

(Holl., 12)

Письмо 20-е

О путях Господних. Как говорить о Боге.

**В драгоценнейшем нашем Спасителе Иисусе,
благословенном во веки,
досточтимый и сердечно возлюбленный брат!**

Твоё весьма любезное мне письмо я прочитал несколько раз с немалой пользой для души и отвечал тебе в духе; письменно же ответить раньше, чем сейчас, не мог — как только я становлюсь несколько крепче, на меня сразу наваливаются многие дела и визиты, отнимающие у меня всё время. Впрочем, часто я бываю не в состоянии общаться с людьми — что

Господь несомненно устрояет, дабы утешить мой дух хоть некоторым субботствованием в Его божественном соприсутствии. *Все пути Господни — милость и истина* (Пс. 24:10). Многие вещи кажутся следствием естественного хода событий, в то время как они управляются вышестественным образом; тем более это относится к духовной и божественной сфере. Часто бывает, что душа оказывается по внутреннему человеку на таких путях и в таких состояниях, которые первоначально представляются ей худыми и вредоносными; но Господь со временем обращает их к истинному благу и великой пользе. О, какого глупого руководителя избирает тот, кто следует самому себе! И как спокойно, свободно и безопасно чувствует себя душа, которая всецело предаёт иверяет себя Господу, ничего не ожидая от себя! Это ожидание от себя, опора на себя и само-забота о себе проистекают из падшего источника — самолюбия; они липнут к душе и держат её в темноте и тесноте, даже при вкушении ею многого света и благодатных даров. Но Господь знает, как открыть и показать Своим это обольщение и как успешно понудить их оставить самих себя (Мк. 8:35) и ввериться Ему, дабы они *со многим удостоверением* (1 Фес. 1:5) полагали всё своё благо и спасение только в Нём одном.

О, какая это милость Божия, дорогой брат, что Он чем дальше, тем глубже даёт нам опытно познать великую истину нашего *ничто* и Своего *всё* и внутренне утвердиться на сей истине! Мы находим эту истину действенной во всех наших обстоятельствах. Оставляя себя, мы принимаемся Господом и единимся с Ним; мы учимся забывать и *терять себя* (Мк. 8:35), дабы в безыскусности и простоте взирать только на Господа, Чья благодать к нам и попечение о нас проявляется тем больше, чем меньше мы сами заботимся о себе. Его образ, Его пути становятся нам всё более целитель-

ными и «своими»; мы веруем, видим, чтим и любим — и это не рассудочным исследованием, а непосредственно — Его отеческую руку во всех внешних и внутренних событиях, происходящих с нами. Детская простота, которой научает нас Господь на сих путях (Мф. 18:3), соделывает душу живущей *в настоящий момент*, что избавляет её от необходимости думать о себе, мучаясь прошлым и будущим.

Я пишу это, возлюбленный брат, далеко не достигши такого состояния. Но Господь очевидно хочет привести меня к сему Своими путями; и потому то, что излилось из-под моего пера, мне близко, желательно и любезно, хотя слова, которыми я об этом говорю, удовлетворяют меня всё меньше. Всё, что человек высказывает о Боге и Его путях, выражается посредством тех или иных образов, в то время как переживается это без-образно, просто и едино, в глубине нашего духа. Если бы мне нужно было изъяснить состояние моей души самыми точными словами, какие возможны, то я должен был бы сказать: подходящих слов у меня нет. Я, *ни о чём не заботясь* (Флп. 4:6), стараюсь держаться за своё *ничто* и за Господа, не желая ничего кроме того, что Он изволит мне дать или не дать в настоящий момент. Я не стяжеваю своим само-действием никаких Божиих даров, никакого света, никаких добродетелей и т. п., но руководство собой целиком предаю Господу и Его благодати. Бог вложил в меня глубочайшее чувство, что только Он должен во мне жить, владеть и стать для меня *всем*, по богатству Своей славы во Христе (Флп. 4:19). Этого я жажду, этого я чаю, опираясь на то, *каков* наш Господь. Да приидет царствие Его! Аминь.

Я очень утешен тем, дорогой брат, что ты пишешь о своём состоянии, как в общем, так и в частности, после смерти твоей супруги и в постигшем тебя одиночестве. Благодарение и любовь Господу за все Его милости и верность!

Несомненно, что Он совершит и утвердит в нас Своё дело и Своею силой и державой даст нам исполнить всё нужное для нас на оставшемся ещё пути нашего земного странствования. И тебе, мой добрый старый друг, непременно *будут сопутствовать благость и милость Его во все дни жизни твоей* (Пс. 22:6), пока ты совершенно и вечно не вселишься во дворы славы Господней! (Пс. 99:4).

Заканчивая письмо, приветствую и обнимаю тебя, возлюбленный брат, и от всей души, с сердечною любовью поручаю тебя Господу. Испрашивая и от тебя, и от всех единокружных у вас братий и сестёр того же, остаюсь

искренне преданным тебе во Христе собратом.
(Holl., 62)

II

О примательном восприятии
благодати Божией

Письмо 21-е

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ СОСТОЯНИЯМИ
ПОД ЗАКОНОМ И ПОД БЛАГОДАТЬЮ
И МЕЖДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ И ПРИИМАТЕЛЬНОСТЬЮ.

Дорогой во Христе брат!

Я совсем неспособен долго и подробно изъясняться. Моё внутреннее устройство и внешняя немощь не допускают ни того, ни другого; а на твои вопросы не ответишь кратким словом. Сочинения просвещённых душ, коими ты обладаешь в изрядном количестве, могут удовлетворить тебя в этом отношении гораздо больше, чем моё письмо.

Ты хочешь знать, в чём заключается точное различие между состояниями (как ты пишешь) действия, или закона, и приимательности, или благодати Господа Иисуса. То, что ты стремишься знать это именно *в точности*, есть на самом деле ошибка и преткновение в духовной жизни. Твоя добросовестность, не лишённая скрупулёзности, ищет найти опору и убеждённость в рассудке

и слишком много опирается на него. Ты желаешь утвердиться на точности и отчётливости духовных понятий; но впоследствии это может привести к заблуждениям и препонам, когда действительность не будет совпадать с заранее составленной тобою концепцией. Все наши понятия, прежде чем мы опытно не пройдем их самим делом, крайне ненадёжны. По этой причине, а также потому, что руководство Божие в отношении разных людей чрезвычайно многообразно, я не хочу и всегда избегаю говорить и писать о *точных* различиях между состояниями души, даже если бы я имел для сего должное просвещение и способности, коих мне весьма не хватает. Впрочем, по силам скажу, что знаю; но исключительно для тебя, без передачи другим, поскольку из-за слабости головы я с трудом могу как следует выразить свои мысли.

Кажется, что ты принимаешь нахождение под законом и активность действия за одно состояние и пребывание под благодатью Господа Иисуса Христа и пассивную приемательность также за одно и то же. Но по сути, и если исходить из Писания, это совсем разные вещи — хотя в некотором высшем смысле, в конце пути, они, вероятно, и могут смыкаться. Нахождение под законом описано в седьмой, а пребывание во Христе, или под Его благодатью, — в восьмой главе Послания к Римлянам. Христианин может достичь сего последнего и быть под благодатью и всё же ещё весьма далеко отстоять от собственно приемательного состояния, в котором душа уже больше не сама живёт и действует, но Иисус Христос в ней (Гал. 2:20). По мере приближения души, стоящей под благодатью, к Богу *через самоотвержение и молитву* все её действия становятся духовнее, проще и постепенно идут на убыль, а действия Божии и влияние Духа Христова, напротив, всё больше

умножаются. Ещё раз подчеркну: для перехода души из состояния само-действия в состояние примательности, то есть жизни Божией в нас, нет никакого иного средства и пути, как только, *во-первых*, отвержения воли, желаний и рассудка падше-самостной жизни (Мф. 16:24), равно как и всего сотворённого (Мф. 19:29; Лк. 14:33), и, *во-вторых*, молитвы (Лк. 18:1; 1 Фес. 5:17).

Кто утверждает своё сердце и упование на чём-либо сотворённом или на себе самом, тот не под законом и не под благодатью, но под падшей природой и есть чадо мира сего. Кто утверждает своё сердце и упование только на Боге во Христе Иисусе, тот христианин, тот под благодатью. Обращать своё сердце к падшему творению и одновременно думать уповать на Христа есть обман и лже-евангелие. Кто хоть и простирает своё сердце и внутренние стремления к Богу и ищет спасения души, но всё своё упование ещё не возложил на Христа, предпринимая разнообразные само-действия, дабы стяжать оправдание и мир с Богом, тот под законом, во многих трудах, огрехах, страхе и беспокойстве совести, либо в самоослеплении и само-праведности. Все сии состояния имеют свои ступени и нередко перемешиваются и перепутываются в душе.

Новоначальная душа, пребывающая под законом и покаянно и с истинной верностью алчущая благодати во Христе, получает в той или иной мере, и даже весьма скоро, некое «предваряющее» вкушение благодати, порой весьма ощутительное и усладительное. Но и тогда душа ещё, собственно, не под благодатью Нового Завета и не во Христе (как она, вероятно, думает); это есть только *привлечение* к Нему *от Отца* (Ин. 6:44), укрепление в покаянии, внутренней брани и отвержении мира. Иногда подобные ощущения могут в известной степени произво-

даться самой душой или происходить от естества; тогда это не что иное, как самообольщение. Но при должном порядке вещей душе, если она искренна и верна, после такого новоначального пребывания под законом действительно усваивается оставление её прошлых грехов Кровию Христовой, и в ней возникает тихая и прочная уверенность, а порой и более осязаемое внутреннее удостоверение в этом. Тогда она уже больше не под законом, но под благодатью; она во Христе, и её внутренне влечёт к Нему, к восприятию Его образа мыслей и чувств (Флп. 2:5) и к общению с Ним.

Но это лишь первые шаги жизни во Христе; душа ещё не укоренена и не утверждена в Нём. Весь путь «переформирования» себя по жизни Христовой, по Его страданиям, смерти и воскресению здесь только начинается. Апостол Павел несомненно пребывал во Христе, однако даже он говорит: *я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперёд, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе* (Флп. 3:13–14). Душа, только начавшая жить во Христе, опирается своим упованием ещё не всецело и исключительно на Него, но гораздо больше на саму себя, на вкушение благодати и пользование её дарами — просвещения, силы, добродетелей, которые душа постепенно и неприметно усваивает себе, как своё собственное достояние. Тогда у неё начинает всё идти не так, как она хочет; её охватывает духовная тьма, пустота и сухость, она беспокоится и отчаивается и вновь возвращается под иго закона, в тысячеобразных страхах, заботах, тревогах и само-действиях пытаюсь вновь вернуть себе своё былое отрадное состояние, в то время как ей надо только всем сердцем и упованием, отринув свои чувства, прибегнуть исключительно ко Христу, всецело предать

себя Ему и верить Ему всё попечение о своём избавлении. Любой иной образ действий только низвергает душу в мучительную само-заботу и бесплодную само-деятельность. Если же она обратится ко Христу, то Бог многообразно снисходит ей и вновь даёт ей чувствовать благодать; но потом опять отнимает это чувство — чтобы душа постепенно училась поистине оставлять саму себя (Лк. 14:26), уповать только на Господа и предоставлять править собой только Его Духу. Таким образом, со многими переменами, большинство душ очищается и влечётся к Богу.

Другие избранные души, после того как они уже достаточно утвердятся в христианской жизни, в своё время подвергаются особому очищению, гораздо более серьёзному и скорбному, — когда они, уже внутренне познавшие Бога и по этой причине не имеющие никакого покоя и отрады вне Его, лишаются не только ощущения благодати и богообщения, но и расположения ко всему божественному. Одновременно им со всей силой открывается глубоко укоренённая человеческая повреждённость, самость и совершенная неспособность самим исправить и хранить себя; у некоторых душ всё сие длится долго и охватывает всё их существо до самых оснований. Такое состояние сугубого внутреннего очищения во многих отношениях кажется похожим на состояние под законом; но на деле это совсем другое. Здесь душа поневоле должна стать примательной — *потерять себя* (Мк. 8:35) и целиком верить и предать себя Богу; под законом же она деятельным образом сама борется с грехом, всячески взыскав Христа и чая Его благодати. — Эти высокие состояния внутреннего очищения весьма многообразны, сообразно со свойствами души и с Божиими намерениями относительно неё. В таковых состояниях обнаруживается со всею ясностью,

насколько тяжело человеку на самом деле покориться правде Божией (коей одной подобает честь), поистине отрешиться от всякого упования на себя и на что-либо своё и полностью и безоговорочно вручить себя одной благодати, не ожидая от себя ничего ни здесь, ни в вечности. Если душа, с помощью Божией, выдержит это очищение, умаление (Мф. 18:4) и умирание (Ин. 12:24) и всецело отречётся от самой себя (Мф. 16:24), то она столь же всецело приемлется Богом; Христос становится её *праведностью и освящением* (1 Кор. 1:30) и источником всех её внутренних и внешних действий. Душа совсем нища, немощна и мала — но одновременно всебогата, непобедима и дерзновенна; она пребывает в единении с Богом, Который живёт в ней, а она — в Нём (Ин. 15:14; 1 Кор. 3:16; Гал. 2:20), как о том могут засвидетельствовать более опытные, нежели я, христиане.

Сии высокие скорби и страдания и блаженство по миновании их особенно свойственны тем избранным душам, кои имеют тяготение, или призывание Божие, вовнутрь, к тому, чтобы во внутренней жизни достигать совершенства. Это тяготение вовнутрь некоторые получают раньше, некоторые позже; обычно же оно обнаруживается после того, как у души проходит её первоначальный пыл и сопутствующее ему излишнее прилепление к чувственным дарам благодати. Действие этого тяготения проявляется прежде всего в том, что выкладки рассудка и само-деятельность вовне и внутри становятся для души бессмысленными и невыносимыми, а вместо того она обретает в себе некое сокровенное стремление к внутренней и внешней тишине и отстранению от всего. Когда душа пребывает в простом, исполненном благоговения и любви устремлении внимания к Богу и к Его соприсутствию,

она чувствует себя хорошо; как только же она начинает делать что-то ещё — рассуждать о духовном, понуждать себя на те или иные благочестивые подвиги или на устное молитвословие, это сразу ввергает её в разорение, беспокойство и тьму; *вся внутренняя ея* (Пс. 102:1) хочет бросить всё и быть только у Бога и т. д. Если душа выдерживает такую простоту безмолвия и упования на Бога, то чрез сие она становится способной к восприятию большей и драгоценнейшей благодати — когда она любит Бога в отрешённости от всего и внутреннем мире и упокоении, и Бог со Своей стороны являет ей Свою любовь и открывается в ней. Тогда всё, что душа, казалось, потеряла, даётся ей снова, и намного больше и чище. Но и после сего, сообразно тому, каково Божие намерение о нас, Он ещё и ещё проводит душу различными путями очищения, смирения и умирания ветхому человеку (Еф. 4:22) к Своей чистейшей божественной жизни и к более полному единению с Собою.

Я излагаю всё это в спешке и с больной головой, так что я едва могу формулировать свои мысли; пишу поэтому, вероятно, много непонятого, что не относится к делу, если не вовсе неверного. Ты извлеки то, что идёт тебе на пользу, а прочее оставь без внимания.

Ещё хочу сказать: когда я говорю об оставлении тобою, или подобными тебе дúшами, само-деятельности и само-заботливости, то я ни в малейшей степени не призываю к ложной свободе, праздности или привольной беспечности. Христианин, *отдающий Богу своё сердце* (Притч. 23:26) и целикомверяющий себя Ему, утрачивает суетливую заботу и страшливое беспокойство о себе, проистекающие от самолюбия; но он не может дать Богу сердце и одновременно жить в произвольной рассеянно-

сти и развлечении. Он держит себя отстранённым от всего, что не есть Бог и Божие; он любит молитву; он делает, вовне и внутри, всё, что угодно и любезно Богу. Он хочет быть верным Богу и точным в Его путях во всём — но только без мучительного само-попечения, а с *возложением на Господа забот своих* (Пс. 54:23). Христианин не разглядывает постоянно самого себя, не предаётся непрерывным исследованиям своего состояния, не назначает себе всё время новых духовных упражнений, не желает по своему усмотрению стяжевать те или иные добродетели. Он несёт или терпит все свои душевные качества и расположения с миром — даже внутренние скорби, омрачения и нечувствия, немощи и искушения, — во всём детски прибегая к Богу, с любовью благоговей пред Ним и прославляя Его *в кротком и молчаливом духе* (1 Пет. 3:4). Но конечно, он не попускает себе совершать никакого греха. Если же нечто таковое и случается на деле (или приходит осознание прежде содеянных грехов), то христианин не впадает от этого в уныние, беспокойство и отчаяние, но сразу признаёт вину, исповедует свою падшесть пред Богом и претерпевает скорбь и уничтожение от греха мирно. И таким образом из сего смирения рождается чистое упование на Бога, когда человек от себя не ожидает ничего, а всё — только от Бога.

Вот, дорогой брат, я написал много, но, возможно, ничего, что удовлетворит тебя; я, во всяком случае, мало доволен сим письмом. Молюсь, чтобы Господь Иисус Сам правил твоей душой и вёл тебя истинными и лучшими путями. Молись и ты за меня; я весьма в этом нуждаюсь. Остаюсь

твоим немощным собратом.
Мюльхайм, 23 ноября 1740 г.
(2, III, 14)

Письмо 22-е

СЕМЯ БОЖЕСТВЕННОГО МИРА,
ВСЕВАЕМОЕ ГОСПОДОМ В НАШИ СЕРДЦА,
ДОЛЖНО ПРОРАСТАТЬ В НАС СВОЕЮ СОБСТВЕННОЮ СИЛОЙ.

НАШЕ ЖЕ ДЕЛО — НЕ ЗАГЛУШАТЬ ЕГО
И ОХРАНЯТЬ ОТ СОРНЯКОВ И ВРЕДИТЕЛЕЙ.

**Мир Божий во Христе Иисусе
да умножается и утверждается в наших сердцах!**

Многовозлюбленный о Господе брат!

Я своевременно получил твоё столь любезное мне письмо, но не мог ответить сразу по причине больной головы и некоторых иных обстоятельств. Впрочем, и без сего мы часто близки друг другу в духе. Чем больше мы погружаемся в нашего благого Бога, тем чище и действеннее становится наше общение, пока оно не осуществится совершеннейшим образом во оном веке, где поистине исполнится молитва Господа Иисуса: *да будут едино, как Мы едино; Я в них, и Ты во Мне; да будут совершенны воедино* (Ин. 17:22–23). В это *совершенство воедино* Вседержитель постепенно вводит нас верою; мы же смиренно чаем сего великого сокровища единственно от милосердия Его.

Я вижу, дорогой брат, что и тебе всякая рассеивающая множественность, всякое внимание к земному и «прилипание» к нему причиняют скорбь и лишают внутреннего мира, который, каким бы тонким и глубоко сокровенным он ни был, есть дар Божий и величайшее сокровище, более драгоценное, чем тысячи земных царств. Чрез сей малый мир (ибо таков он в нас по большей части) Господь изволит обитать, жить и действовать в нас — в чём только

и состоит наше освящение и спасение. Семя сего доброго древа вложено во все христианские сердца; но поскольку оно мало и глубоко сокрыто, то — увы! — лишь немногие замечают его, обращают на него всё своё внимание и дают ему прорасти в себе.

Это семя насаждает Сам Господь, и укореняться ему в нас надлежит только его же собственной силой. Грубо-душевный человек хочет много усматривать, много подвизаться и много стяжевать¹, иначе — полагает он — не может выйти ничего доброго. Это происходит оттого, что *он не может понять* чистого и *духовного* действия Божия (1 Кор. 2:14). Но кто избирает своим руководителем *веру*, тот уразумевает, что чем дальше, тем больше все эти «усматривать, подвизаться и стяжевать» должны сплавиться в одно, а затем и вовсе обратиться в ничто. Растение, от которого мы хотим получить плод, нельзя постоянно выкапывать, разглядывать и ощупывать; оно не нуждается в нашем осматривании и действиях. Нужно лишь предоставить ему спокойно пребывать в земле, и оно взойдёт своей внутренней силой. Всё, что от нас требуется, — это только то, чтобы не накладывать никакого груза на посеянное и охранять его от сорняков, вредных червей и насекомых. Чтобы Господь обитал в нас и утверждал в нас Свой мир, мы должны любить внутреннюю и, сколь возможно, внешнюю тишину, постоянно *совлекать-ся ветхого человека* (Еф. 4:22; Кол. 3:9) и быть довольными и мирными относительно любого положения, в которое ставит нас Господь в настоящий момент.

¹ Имеется в виду — в духовной сфере — стяжевать (приобретать) добродетели путём аскетического подвижничества и скрупулёзного «смотрения» за самим собой. Терстеген не отрицает важности этого делания для новоначальных христиан, но предостерегает от того, чтобы вся духовно-христианская жизнь сводилась только к нему.

Ты чувствуешь, возлюбленный брат, что Господь (как ты пишешь) всё больше хочет от тебя в твоём нынешнем состоянии, чтобы ты прилеплялся Ему чистой нерассуждающей верой. Аминь! но пусть всё совершается так, как Сам Он даёт, даже если это будет порой весьма болезненно и неприятно для нашей душевности с её активничанием.

Остаюсь, по благодати Господней,
преданным тебе в любви Христовой собратом.
(Holl., 44)

Письмо 23-е

СТРЕМЛЕНИЕ БЫТЬ ВСЕЦЕЛО БОЖИИМ
ДОЛЖНО ОСУЩЕСТВЛЯТЬСЯ НЕ САМО-ДЕЙСТВИЕМ,
НО ЖИЗНЬЮ ХРИСТОВОЙ В НАС.
О НАШЕМ ДЕЛАНИИ ДЛЯ ВОСПРИЯТИЯ ТАКОВОЙ ЖИЗНИ.

В Господе Иисусе сердечно возлюбленный брат!

Твоё искреннее стремление — впредь проводить пред Богом новую, чистую и только Ему посвященную жизнь, — несомненно, дано тебе от Него; и твоё убеждение, что такая жизнь может и должна совершаться в нас только чрез *Иисуса Христа, живущего в нас* (Гал. 2:20), полностью совпадает с моим. Это есть дело Иисуса, а не нашей самости. Именно поэтому твоё желание жизни в Боге, чтобы не оставаться ему одним лишь желанием, должно исходить не от порывов чувств, но постепенно отстраняться от *душевного человека* (1 Кор. 2:14) и преклоняться на глубину духа, откуда оно и происходит, со всецелым вручением себя Богу; дабы Тот, кто дал тебе это *хотение, произвёл и действие по Своему благоволению* (Флп. 2:13).

Не думай, что это совершается в один момент, раз и навсегда, и потом снова можно разрешить себе рассеиваться и развлекаться. Отнюдь нет! Если Иисусу надлежит в нас жить, то мы должны жить перестать. Нам придётся постоянно «не давать жизни» нашей падшей природе, чувственности и рассудочности — то есть умерять их активность; а когда нам необходимо действовать, то поступать, подчиняясь благодати. Тем самым мы дадим в себе место Иисусу и Его жизни — помня при этом, что сами породить в себе Иисуса и Его жизнь мы никак не можем; это совсем не наше дело. Мы можем лишь стремиться к сему, собираясь вовнутрь с верой, надеждой и любовью. Этого простого, спокойного внутри-собрания и обращения к Богу нужно держаться всё время, кротко и тихо предавая себя руководству любви Христовой — чисто, просто и так, как имеет в виду Бог (а не «я»). В таком состоянии и делании надлежит, не составляя себе заранее никакого образа, во внутренней приимательности ожидать, когда Господь истинно даст нам откровение и раскрытие Своей жизни в нас, подобно тому как ученики Христовы, пребывая в горнице, ожидали Пятидесятницы (Деян. 1:13; 2:1).

Итак, старайся всё меньше действовать сам и всё больше предоставлять действовать Иисусу. Вообще *будь как дитя* (Мф. 18:3), мирен и широк. В твоей душе есть склонность к излишней строгости и узости; не давай этому ходу. Хорошо бы тебе меньше рассеиваться и больше уединяться в молитве. Впрочем, не предпринимай сейчас ничего нового; обновление должно придти в сердце, от Господа. Пишу всё это в большой спешке. Молись за меня, как и я за тебя!

*Мюльхайм, 13 мая 1739 г.
(2, III, 2)*

Письмо 24-е

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРИИМАТЕЛЬНОСТИ.

О МОЛИТВЕ.

Дорогой во Христе брат!

<...> То, что тебе даны призвание и способности к внутренней жизни, несомненно. Однако сия жизнь достигается не без смерти (Кол. 3:5), в которую человек вводится частью *деятельным*, частью *приимательным* образом. Деятельным — оставляя и отрешаясь от всего того, в чём человек полагает жизнь, радость и опору вне Бога (Лк. 14:33). Приимательным — принимая всё (я подчёркиваю: *всё*), что только встречается нам противоречащего или умерщвляющего¹, в простоте, как от Бога, не прекословя, не беспокоясь и не желая, чтобы было иначе, чем как есть. Сюда относятся также внутреннее нечувствие, сухость и омрачение, равно как и невольные рассеяния, недоумения рассудка, движения страстей и т. п.; их (не соглашаясь с последними) нужно спокойно, и из любви к Богу, претерпевать. Это способ, коим мы вводимся в смерть; Делатель же, вводящий нас в оную, есть *совне* исполненный любви промысл Божий, *изнутри* — Дух любви, который близок нам во глубине сердца и который привлекает и преклоняет нас к Богу, сообразно нашей мере, внутреннему состоянию и внешнему положению.

Веровать этому соприсутствию *Бога-Любви* (1 Ин. 4:16), укреплять сию веру частой молитвой, воспринимать сокровенные *привлечения* и *призывания* (Ин. 6:44; 10:3), кои любящий нас Господь пробуждает в сердце, и следовать им с полным вверением себя Ему — вот что да будет твоим пер-

¹ Имеется в виду — противоречащего ветхому человеку и умерщвляющего его.

вым и главным делом, дабы чрез внутреннее безмолвное обращение с Сим Другом наших душ (Песн. 7:11) ты счастливо забыл и оставил самого себя и все свои немощи.

Но при таком оставлении самого себя необходимо хорошо разуместь своё состояние и меру. Относительно тебя я хочу сказать, что тебе не следует прямо противостоять своим врагам, немощам, искушениям и т. п. или слишком сосредотачиваться на них, но мягко, хотя и решительно, отстраняться от них и забывать их, а преклоняться к Богу и взирать на Него одного, держась верою только за Него.

Пропускать время молитвенного уединения, если это происходит не по необходимости, очень бесполезно для тебя. В молитве учись предоставлять место Богу и предавать себя Ему в вере в Его внутреннее сопричастие. Вера в сердечную близость Бога к нам и решимость быть всецело Его — вот душа молитвы. Пред Богом и с Богом надлежит быть больше приемательным, нежели действительным; но и здесь всё должно быть предано на усмотрение Духа благодати. Ты слишком действуешь чувствами и рассудком; точнее сказать — твоя чувственно-рассудочная душевность хочет излишне следить за тем, что происходит в духе. Твоему общению с Богом и молитвенному деланию следует быть несколько сокровеннее, мягче и внутреннее; поскольку в этом ты недостаточествуешь, то не обретаешь и мира, ибо Дух видит, что твоё делание не вполне истинно и порой чересчур искусственно. Впрочем, только пребывай в постоянстве и терпении, пусть даже и во внутренней сухости и омрачении. Сначала должно быть умерщвлено твоё самолюбие, тогда ты без преткновения сможешь вкусить Божию любовь.

Твой немощный собрат.
Мюльхайм, 17 мая 1741 г.
(2, III, 17, в сокращении)

Письмо 25-е

ПОСЛЕ ТОГО, КАК МЫ ВВЕРИЛИ СЕБЯ БОГУ,
НАМ НАДЛЕЖИТ СЛЕДОВАТЬ РУКОВОДСТВУ ГОСПОДА ИИСУСА
ДЕЯТЕЛЬНЫМ И ПРИИМАТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ.

КАК ЭТО СОВЕРШАЕТСЯ.

**Сердечно возлюбленный
во благодати Господа Иисуса брат!**

Твоё любезное письмо от 12 ноября своевременно получил и часто отвечал на оное в духе, поскольку ответить письменно доселе не мог; но вот появилась возможность, и беру в руки перо.

Дорогой брат! *Мы — Господни* (Рим. 14:8). С того момента, как мы от сердца предали себя Ему, мы со всем, что относится до нас, принадлежим Богу и больше не себе. Это должно быть основой нашей жизни, ибо любой иной образ существования будет (от чего да сохранит нас Господь!) явным отречением от принятого нами решения быть всецело Божиими. Итак, да пребудем Господними, и Бог по благодати примет нас как Своих (Еф. 2:19). Между тем мы ещё вовсе не готовы к сему. Наши чувства и ум ещё должны по-настоящему изойти из мира (1 Ин. 2:15), сердце — очиститься от самости (Мф. 5:3, 8), а любовь — навыкнуть устремляться к одному только Богу, дабы нам стать способными к внутреннему единению с Ним (2 Пет. 1:4). Чтобы достичь сего, мы вверяем себя Иисусу и руководству Его Духа (Ин. 14:26; 1 Ин. 2:27), ибо Он есть *начальник и совершитель* нашего спасения (Евр. 12:2). С нашей стороны для этого не требуется ничего, как только чтобы мы, по мере нашего света и сообразно нашему состоянию, пребывали с Ним и следовали Ему двояким образом — *деятельным и приимательным*.

1. Обращай своё сердце, желания и помыслы детски и свободно, но неуклонно к Богу, внутренне соприсутствующему тебе. Уступчиво и мягко, но и очень трезво следуй Его привлечению (Ин. 6:44), научению (1 Ин. 2:27) и всему тому, что Ему будет угодно открыть тебе (Флп. 3:15). Отстраняй свои стремления, свою любовь и жизнь от всего иного и устремляй их к одному Богу (Лк. 10:42); Он да будет поистине Господь и Учитель (Ин. 13:13) в твоём сердце, и воля *и вся внутренняя твоя* (Пс. 102:1) да покорятся Ему безоговорочно, исполняя те вразумления, какие Он время от времени будет давать тебе. Сии Божии вразумления существенно отличаются от неуверенных, боязливых и беспокойных само-решений, происходящих от наших собственных побуждений и мнений. Вразумление или руководство Духа Божия есть некое внутреннее, глубоко мирное и спокойное напечатление, привлечение или, лучше сказать, некий внутренний свет, коим душа ведётся к Богу. Для сего потребны не размышления головы, но сердечное безмолвие, тишина и простота и внутрь-собрание. Руководство Духа учит нас не множеству великих и высоких тайн, но *одному, что только нужно* (Лк. 10:42), а именно: как умирать самим себе и жить Богу (Рим. 6:8, 11). Это есть *деятельный образ* последования Господу.

2. *Приимательным* же образом ты следуешь Ему, когда всё, встречающееся тебе, от утра до вечера, непосредственно или опосредованно, касающееся тела или души, ты с благоговением и доброй волей принимаешь как от Самого Господа, как то, что *содействует* твоему *благу* (Рим. 8:28). К сему, среди прочего, относятся и обстоятельства твоей телесной болезни. Бог лучше всего знает, возлюбленный брат, что для тебя полезнее — служить Ему в немощи или в здравии. Сюда же относи и связанное с твоей болезнью внутреннее омрачение, равно как и вообще страхи, печаль, переживание

своей немощи и того, что в самом себе невозможно найти опору; также неудержимость чувств, рассеянность помыслов и т. п. Всё таковое способствует тебе следовать Богу страдательным, примательным образом, когда ты претерпеваешь оное так мирно, как это для тебя возможно, повергаясь пред Богом, познавая своё *ничто* и свою падшесть, но одновременно прибегая к Богу и вверяясь Ему с упованием, что твоё исцеление, избавление и спасение непременно придёт от Него, когда это будет Ему угодно. При этом от всякого зла и греха нужно решительно отвращать свою волю; и пусть мы и страдаем от их нападков, но Божие око видит, что мы не соглашаемся с ними.

От печали и тоски, происходящих от естества, необходимо по возможности устраняться, по крайней мере не следовать им; в таком состоянии хорошо найти некое отдохновение, но невинное и с памятованием Бога. Суетливую активность души надо просто терпеть, не поддаваясь ей. Если рассеянность мыслей и чувств не удаётся победить молитвой, то нужно не обращать на это внимания и стараться пребывать в сердце при Боге, претерпевая таковые *терния и волциы* (Быт. 3:18) по любви к Нему.

Господь печётся о тебе (1 Пет. 5:7), дорогой брат! Прилепляйся к Нему *от стражи утренния до ночи* (Пс. 129:5¹) и учись, что ты можешь, а что не можешь; Господь восполнит и сотворит, что ты не можешь (1 Фес. 5:24). Не станем искать в сей краткой земной жизни себя и своего (Флп. 2:21), также и в служении Богу; но только одного Господа. Ах! лишь бы быть со сладчайшим Иисусом! Тогда мы сможем обойтись и без телесного и душевного услаждения. Всё оно проходит, как дурной сон. Бог — наше блаженство; в Нём наше вечное благо.

¹ По греческому тексту.

Иисус да живёт и являет Себя в тебе, особенно в сии дни, когда мы вновь торжественно воспоминаем *человеколюбие нашего Бога* (Тит. 3:4) в откровении Его любви при вочеловечении и рождении Его Сына! Сердечно приветствую твоих родителей, братьев и всех ваших и желаю, чтобы и в нынешнее зимнее время они могли цвести и возрастать во благодати. Остаюсь преданным тебе немощным собратом.

Мюльхайм, 19 декабря 1748 г.

(2, III, 106)

Письмо 26-е

ОБ ОТЕЧЕСКОЙ БЛАГОСТИ БОГА К ДУШЕ,
НЕ СТРЕМЯЩЕЙСЯ НИ К ЧЕМУ ИНОМУ,
КАК ТОЛЬКО ЧТОБЫ БЛАГОУГОДИТЬ ЕМУ, —
ЧТО БЫВАЕТ, КОГДА ДУША ПРИИМАТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ
ДОВОЛЬНА ИМ И ВСЕМ, ЧТО ОН ДЕЛАЕТ.

Во благодати Господа Иисуса возлюбленная сестра!

Поскольку мы с тобою не скоро увидимся, я решил написать тебе несколько строк. Не смущайся «обыденностью» и «нечувствительностью» своего существования и не думай, что ты хуже или несчастнее других душ, внутренняя жизнь которых ярка и разнообразна. Тот, кто стремится жить по Богу, не сооружает свой духовный путь сам. Христиане предают себя в руки Божии, веруя в простоте, что Он Сам устрояет всякому свою стезю, прекрасно сообразовывая наши качества и свойства со Своими намерениями относительно каждого из нас. И в сей *вере* ни одна душа *не постыдится* (Рим. 10:11), если только она не желает ничего иного, как *следовать Господу* (1 Пет. 2:21) и всецело принадлежать

Ему (Деян. 17:28); ибо Он с истинно отеческой благостью и премудростью *печётся о нас* (1 Пет. 5:7), дабы мы не имели нужды «увязать» в самих себе.

И это, собственно, главное, что я хочу тебе сказать: стремись только к тому, чтобы угодить Господу или — иными словами говоря — чтобы Он был доволен тобою. А Ему угодно, и Он доволен тобою тогда, когда ты довольна Им и всем, что Он совершает с тобой, от утра и до вечера, внутренне и внешне, во временном и в вечном. Люби и почитай пути других душ именно потому, что они — пути Божии; но для себя самой люби и желай *свой* путь, также по той причине, что его избрал для тебя и руководит тобой на нём благой и премудрый Господь — ибо наилучшее для каждого есть то, что ему даёт Господь; а Его даяние идёт нам на пользу тогда, когда мы довольны оным. Твоё состояние может быть какой угодно нечувствительностью, а то и сухостью, тяжестью и тьмой; но это вовсе не горе, но, наоборот, великое счастье, если только ты мирна и довольна тем, что Господу угодно попустить тебе всё сие. Если же ты мирна и довольна Богом, то и Он доволен тобой, и ты вполне благоугождаешь Ему. Когда ты повергаешься в бездну своих недостатков, немощи и падшести, то мирно принимай таковое повержение, поскольку так изволил Господь. Когда ты хочешь тихо и терпеливо нести сие, но у тебя этого не получается, то также мирно принимай свою немирность. Когда ты не обретаешь в себе ни света, ни добродетели, ни Бога, ни благодати, но одно сплошное *ничто*, то будь довольна этим *ничто*, насколько это для тебя возможно, — ибо чрез сие ты будешь довольна Богом и Он будет доволен тобой. На этом пути душа подлинно умирает ветхому человеку, почти не думая о том; ей приходится отрешаться от своей падшей воли, от всех своих самостных

подпорок. Происходит это не *деятельным*, но *приимательным* образом — если только душа соглашается с Богом и добровольно приемлет ту работу, какую Он непрестанно соделывает в ней. О! блаженна душа, не сохраняющая для себя ни единого образа, ни единой подпорки, но довольствующаяся только чистой верой своему Господу!

Это состояние вседовольства Господом должно пронизывать и твою внешнюю жизнь. Я имею в виду, что всё, что только ни приносит нам *настоящий день* (Мф. 6:34), следует принимать мирно, даже если это и не нравится нам. Мы имеем дело не с людьми, но с Богом, Который управляет ходом вещей так, чтобы всё доставляло нам наибольшую пользу, пусть даже мы и не можем сего уразуметь. Постоянное преклонение нашей воли, мягкое и смиренное, к воле Божией во всём, что случается с нами, чудесным образом способствует нашему приближению к Богу. Напротив, внутреннее недовольство тем, что то или другое идёт не так, как нам бы хотелось, крайне омрачает наш дух и сбивает его с истинного пути.

Итак, дорогая сестра, беспрекословно ввергни себя в верные руки Господа, как по внутреннему, так и по внешнему человеку. Мы ведь не хотим ничего иного, как только благоугодить Ему; в этом и заключается наше спасение. Если же милостивый и премудрый Господь изволит, чтобы внутри ты была нищей и духовно нечувствительной, а совне — безгласной и ничего не значащей или даже претерпевала скорби — то аминь! соглашайся с этим и ты. Утешайся тем, что ты таким образом угождаешь Богу; а до всего прочего нам и дела нет. Он да благословит, укрепит и освятит твою душу по Своему благоволению! В Нём остаюсь

твоим немощным собратом (в спешке).

Мюльхайм, 24 ноября 1741 г.

(2, IV, 109)

Письмо 27-е

Благопожелания новообращённым христианам.
О пользе приимательности.

Дорогой брат!

На твоё любезное письмо из N. я сразу охотно бы ответил, но был не в состоянии это сделать по слабости головы и глаз, так что в этом отношении меня всё больше нужно рассматривать как ни на что не годного человека. Между тем, как и прежде, я люблю своих братьев и сестёр о Господе; я обнимаю их и объединяюсь с ними в духе и желаю всё больше взирать на них так, как видит их Бог Отец во Христе. Посему меня весьма обрадовало твоё известие о новообращённых христианах, с коими ты познакомился во время своего путешествия. Я хотел бы знать имена тех из них, кто, по твоему мнению, обратился к Господу искренне и от всего сердца, чтобы внести их в свою поминальную книжечку. Дух Святой да укрепит, воспитает и укоренит их во Христе и таким образом Сам запишет их имена в Нём, подлинной Книге Жизни, дабы они вечно воссияли в блистающем венце славы нашего Царя, Господа Иисуса, после того как здесь, в сие краткое время, они почтут Его *участием в Его страданиях* и смерти (1 Пет. 4:13) и засвидетельствуют перед всеми, что любят своего Небесного Отца. Я сердечно желаю им воспринять всё сие от Того, Кто столь близок каждому из нас полностью Своей благодати! Аминь.

Что же касается твоего предложения написать что-нибудь сим незнакомым мне дúшам, то я не нахожу это возможным; если им необходимо поучение, то с этим гораздо лучше справишься ты сам. Ты пишешь, что во всех своих

делах и писаниях ты усматриваешь нечто несовершенное. Что на это сказать? Если бы я (как это иногда у меня бывает по немощи) скрупулёзно разглядывал всё, что я делаю, размышляя, совершенно ли оно или нет, то вся моя жизнь остановилась бы. А если б я начал говорить — и с полным основанием — о своей ни к чему неспособности, то мне сразу вменили бы это в великое смирение. Посему я молчу.

Что мы делаем сами от себя, действительно, совсем никуда не годится; и чем меньше мы привносим себя в наши дела, тем чище и лучше они выходят. Это есть главная причина, по которой просвещённые души придают такое значение внутренней приемательности. Они опытно познают, что человек глубоко повреждён в самом своём основании, во всех душевных силах и их проявлениях, что *никто не благ, как только один Бог* (Мф. 19:17), и что хорошо только то, что Он делает в нас и через нас. Посему после того, как их сердечное стремление, по мере их света, перестаёт быть привязанным ко греху и всему тварному, они, *по внутреннему человеку*, стараются быть собранными вовнутрь, всецело вверяясь Богу и прекращая всякое само-действие в Его соприсутствии, а *в отношении внешней деятельности* по возможности отсекают свою волю и внимают Богу в настоящий момент, желая только Им Самим быть движимыми и побуждаемыми к тому, что Ему благоугодно.

Когда мне надлежит что-то сделать или написать, я в простоте препоручаю своё желание и действие Богу, насколько это для меня возможно. Если я не встречаю никакого особенного препятствия или противодействия, то во имя Божие я совершаю своё дело, добросовестно и просто — также насколько могу. После того, как дело сделано, я стараюсь не думать о нём, зная в общем, что и самое моё лучшее действие никогда вполне не чисто. Если потом я

замечаю совершённые ошибки или огрехи, то я принимаю это напоминание о своей падшести так мирно и спокойно, как могу, и продолжаю, как прежде, жить и действовать в простоте. Впрочем, во всём этом я весьма неопытен и не-искусен; а сказал тебе о сем только для того, чтобы ты сам рассудил, писать ли тебе назидание твоим новообращённым христианам или нет.

(1, I, 57)

Письмо 28-е

О том, что предавать себя Божьему руководству должно в простоте и приимательности.

Возлюбленный о Христе брат!

Как прошлое, так и нынешнее твоё письмо весьма обрадовали меня. Я думаю, что Господу не неуютно, когда ты время от времени даёшь мне знать о своём внутреннем состоянии. Да будет благословенна превечная Любовь, столь охотно единящая себя с нами, малыми и недостойными детьми, и дарующая нам себя самою! Всё — благодать!

Предай же себя приимательно и в простоте всему её руководству! *Приимательно* — то есть действуй сам мало, и всё меньше, как это показал тебе Господь, о чём ты пишешь в последнем письме. Держи себя во всём просто, неличемерно и без всякой деланности и неестественности. Каков ты есть, каким тебе даёт быть Господь, так, и не иначе, обращай со всеми, и со мною, совсем просто, *непорочно и справедливо* (Иов 1:1); и я надеюсь поступать так же.

Чем внутреннее и чище становятся в нас действия благодати, тем они будут тише и сокровеннее; тем меньше при-

нудительности будет в них, и они не столь обильно будут изливаться в душевного, или внешнего человека.

Твоя рассеянность при внешних занятиях случается невольно, не по твоему произволению; посему не опасайся особенного вреда от неё. Господь найдёт, как освободить тебя от всего чуждого Ему и вновь, когда рассеянность пройдёт, явить тебе, что *Он близко* (Флп. 4:5), — ибо Он продолжает Своё дело в духе и мало обращает внимания на то, что происходит в чувственно-рассудочной части души против её воли. Итак, предай себя всецело Божьему благому действию; Он часто попускает страдать тому, кого Он больше любит (Евр. 12:6).

Он да будет твоим вечным наследием! В Нём пребывая, остаюсь

преданным тебе собратом.
Мюльхайм, 3 декабря 1733 г.
(1, I, 139)

III

О молитве и внутреннем делании

Письмо 29-е

О ВНУТРЕННЕЙ МОЛИТВЕ, В ЧЁМ ОНА ЗАКЛЮЧАЕТСЯ
И КАК ЕЮ ЗАНИМАТЬСЯ.

**Бог преизобильно да изольёт на нас
дух благодати и молитвы, ради Иисуса!**

В сей благодати многовозлюбленный друг и брат!

Как часто я хотел подробно ответить на ваше любезное письмо! Но получилось сие не ранее чем ныне; думаю, что и не должно было получиться ранее. Поскольку же я, не отвечая вам, тем не менее часто вспоминал о вас в любви и единении духа, то моё промедление давало мне повод препоручать вас Господу и молить Его, дабы Он Сам помазанием Святого Своего Духа вразумил вас и даровал вам то, о чём я могу сказать лишь немного и с великим несовершенством.

Говорить же я должен с вами о внутренней молитве, о чём многие святые души, руководимые божественным светом и опытом богообщения, уже столь преизобильно и прекрасно написали. Поистине со страхом и смущением я при-

ступаю к сему, и единственно потому, что не могу отказать вам; ибо вы вопрошаете меня об этом святом молитвенном делании не для того лишь, чтобы о нём *знать*, но чтобы им *заниматься*, желая посвятить своё драгоценное время — которое вы столь счастливо не отдали в руки суете — Богу, Коему и всё ваше время, и вы сами безраздельно принадлежите. О, как я желаю, чтобы и окружающие вас разделили ваш благородный образ мыслей и более не теряли себя и свои немногие дни в мельтешении сей призрачной земной жизни! Да смилуется над ними Тот, Кто искупил их Своею Кровию и приобрёл сии души Себе в собственность; и да сохранил Он нас *верными до смерти*, дабы *никто не похитил венца нашего!* (Откр. 2:10; 3:11).

Итак, вы спрашиваете, возлюбленный брат, что есть внутренняя молитва и как надлежит заниматься ею. Разделю свой ответ на две части. В этом письме я, с Божией помощью, постараюсь кратко представить вам истинное евангельское основание сего молитвенного делания и, таким образом, указать отверстую дверь ко входу в сокровенную молитвенную комнату (Мф. 6:6), а при этом изобразить в общем, в чём состоит существо сей молитвы. Что касается частных — как именно душа может заниматься сердечной молитвой в продолжение дня или в часы уединения, — то об этом, если Бог даст, я напишу вам во втором письме¹.

Внутренняя молитва, о которой у нас здесь идёт речь, *есть приближение души к Богу о имени Иисуса и пребывание души пред Лицом Его*. Дабы правильно уразумевать и осуществлять сие, крайне необходимо, чтобы мы, в качестве незыблемого фундамента, благодатью и духовным деланием напечатлели и непрестанно содержали в себе *глубокое сердечное чувство*

¹ Это намерение автора не было осуществлено. См. следующее письмо.

внутренне-близкого соприсутствия Божия, вкуже с созерцанием того, как Он особым образом приблизился к нам во имя Сына Своего Иисуса Христа, ради человеколюбия Его, и как именно это приближение к нам *Бога* составляет основание и действующую причину *нашего* приближения к Нему.

Бог непостижимым для нас образом всегда соприсутствует нам. Он *наполняет небо и землю* (Иер. 23:24); *Им мы живём, движемся и существуем* (Деян. 17:28); ничто не сокрыто от очей Его (Иер. 16:17). Он видит наши сокровеннейшие мысли, желания, наклонности и намерения (Ис. 29:15); всё наше сердце полностью открыто и обнажено пред Ним (Евр. 4:13). Преимущественно же Бог, Который есть Дух (Ин. 4:24), близок нашему духу, внутреннему человеку. Наш дух принадлежит не миру сему, не временным вещам; он сотворён для Бога и по этой причине способен иметь истинное общение с Ним. Он может и должен быть храмом и святым жилищем Вечного Божества (1 Кор. 3:16); созерцать, любить и вкушать сию блаженную Сущность и упокoeваться в ней — вот его дело. Для этого он создан; для этого ему даны и соответствующие способности. Итак, Бог, как Дух, близок нашему духу, и там Его, собственно, и нужно искать и обретать.

Сия достойная всякого поклонения и любви Сущность, однако, не только соприсутствует нам как Бог, но как *наш* Бог во Иисусе Христе; как «*с нами Бог*» (Мф. 1:23); как *наш* — мой! — Спаситель, Искупитель и истинный душевный Друг (Песн. 7:11), Который заботится о нас (1 Пет. 5:7), любит нас (1 Ин. 4:19; Еф. 5:2), призывает нас к Себе Своим привлечением (Ин. 6:44), Который хочет в нас жить (Ин. 14:23; 2 Кор. 6:16) и пребывать с нами вечно (Иер. 31:3), несмотря на всё наше недостoинство и худость, — если только мы отверзем Ему наше сердце и всецело вверим себя Ему. Это есть великая евангельская основополагающая истина, которую хри-

стианин должен глубоко запечатлеть в себе и никогда не забывать, ибо в ней заключается суть нашего спасения.

Остановлюсь на этом несколько подробнее. Падший во Адаме человек внутренне пленён тьмою и адом, которые он носит в себе и с собой в сей жизни и которые он наследует и в смерти, если он умирает вне Христа; Бог и Его царство любви от него крайне отдалены и накрепко заперты. Бог в Своей святой вечности пожалел падшего человека; это подвигло Его человеколюбие открыться в воплощении, страданиях и смерти Своего Сына. И поскольку Сей наш возлюбленный Спаситель, Иисус Христос, излил за нас Свою кровь, чрез что преизобильная любовь Божия явилась и излилась на человечество, — постольку Бог о имени Сына Своего Иисуса Христа неизреченно близок нашему сердцу. Завеса разодралась чрез смерть Христову не только в храме в Иерусалиме (Мф. 27:51). И в нашем духе — как учит нас Апостол Павел — нам открылся путь к блаженной спасительной вечности (Еф. 2:18), так что Божия милость, благодать, любовь и богообщение доступны во внутреннем человеке даже и нечестивейшим грешникам, если только они обратятся к Богу. Более того, породнившийся с нами Человеколюбец предваряет нас; Он *стоит у двери сердца и стучит* (Откр. 3:20) в неё всеми способами; Он ждёт нас и ничего так не желает, как только чтобы *грешник обратился к Нему и был жив* (Иез. 33:11). Это и значит: *покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4:17). И в Послании к Евреям: *Итак, имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, да приступим к Нему* (Евр. 10:19–22).

И это *приступание*, или *приближение*, к Богу о имени Иисуса и *есть истинная внутренняя молитва*. Я имею здесь в виду не первое приближение кающегося грешника к Богу при его новоначальном обращении, когда он в покаянии при-

ходит к Богу и предаёт себя Ему неким общим образом, с искренним решением отныне жить одному Тому, Кто за него умер и воскрес. Этот первый спасительный шаг является предварительным условием жизни во Христе, и поэтому я не останавливаюсь на нём; я веду речь о *постоянном продолжении этого приближения к Богу в уже преданной Ему душе*. Ибо призванным от Бога и вверившимся Богу сердцам невозможно останавливаться на том, что они когда-то «в общем» предали себя Богу при первом своём обращении к Нему.

Конечно, это первое обращение, если оно было истинным, христиане должны и ныне и во веки исповедовать как великое Божие благодеяние; но они не могут им ограничиваться и на нём успокаиваться. Со временем в глубинах своего внутреннего человека они ощущают сокровенное влечение всё более полно и сердечно совлекаться всего (Флп. 3:8; Кол. 3:9) и притекать и прилепляться к Богу. Они чувствуют, что от них требуется нечто гораздо более высокое, основательное и совершенное, нежели новоначалное обращение; их сердца говорят им о путях Божиих, о том, что Он хочет всецело и чисто усыновить их Себе (Рим. 8:15). У некоторых это проявляется сильно и ясно, у других — слабо, прикровенно и не так отчётливо; во многом это зависит от того, собрана ли и безмолвна душа или рассеянна. Блажен христианин, осознающий в себе сей святой Божий призыв и детски и безусловно предающий себя ему!

Это вышеупомянутое влечение внутреннего человека происходит в нас именно потому, что Бог о имени Иисуса столь благорасположен и близок нам. Сей близкий нам Бог-Любовь касается Своей любовью нашего духа, как магнит железа, и притягивает его к Себе (Песн. 1:3). И от этого наш дух приходит в такое устремление, в такое движение, что он уже не может остановиться ни на чём, кроме Бога. Если душа будет

хранить себя (1 Ин. 5:18) посредством внутри-собираения, если она самоотверженно уберёт со своего пути всё, что удерживает и останавливает дух, и последует сему влечению внутреннего человека, полностью вверив себя и всё своё в руки Бога, — то оно, подобно текущим вниз потокам воды, увлекающим с собою в океан всё, или брошенному с высоты камню, устремляющемуся к своему основанию, к земле, с великой силой умножит любовь, ведущую человека к Богу. *И это и есть — заниматься внутренней молитвой*, а именно: быть внимательным к сему влечению внутреннего человека, всячески держаться его и, следуя ему в отвержении всего, что не есть Бог и Божие, приближаться к Богу во Христе и целиком предавать себя Ему.

Тогда дух христианина становится храмом, исполненным славы Божией во Святая Святых; храмом, где алтарь — имя Иисуса; жертва — наше сердце, воля и всё, что только можно назвать «наше»; никогда не угасающий огонь — любовь Божия, воспаляющая устремление нашей любви к Богу, огонь, чей жар — истина и верность. Насколько в христианине ещё наличествует мир сей, падшесть и самость, настолько обнаруживается влаги в дровах и жертве. Но они постепенно высушиваются тем пламенем влечения внутреннего человека, о котором я говорил выше. У новоначальных христиан и у тех, кто идёт путями покаяния и внутренних страданий, это пламя проявляется в глубоких вздыханиях (Пс. 37:10); со временем, если душа не сходит со своего пути, — в доверительном «*Авва, Отче*» (Рим. 8:15; Гал. 4:6) и подобных сердечных взываниях, кои, как благоухание приятное, возносятся к Богу; наконец, глубочайшее основание души исполняется неразоримым миром, *который соблюдает наше сердце и помышления во Христе Иисусе* (Флп. 4:7). Пока влаги в дровах и жертве много, требуется сильный огонь, дающий много дыма; потом он горит чище и

спокойнее и напоследок становится внутренне-тихим и исполненным блаженства жаром Господним (Лк. 12:49).

Я выражаюсь образно и, как может показаться, несколько иносказательно. Но дело по сути именно таково, как я его изложил, и при этом весьма просто и доступно; а почитается оно людьми тёмным и запутанным только потому, что они излишне рассудочны и далеки от своего внутреннего человека. Ах! как сокрушается и плачет моё сердце о слепоте людей, принимающих свои обманчивые и призрачные дела за что-то существенное, а сущностные вещи — за фантазии и заблуждения! Но нам наперёд сказано, что *душевный* падше-природный человек не принимает того, что от Духа Божия (1 Кор. 2:14). Бог да помилует их!

Заканчиваю письмо прекрасными словами Давида, восхваляющего внутреннюю молитву: *Блажен, кого Ты избрал и приблизил, чтобы он жил во дворах Твоих. Насытимся благами дома Твоего, святого храма Твоего* (Пс. 64:5). Аминь! Да даст нам Господь всё больше приближаться к сему блаженству! Всячески желает сего и сердечно приветствует вас

искренне преданный вам друг и собрат.
(1, I, 72)

Письмо 30-е

Тому же адресату. О том, что Дух Иисуса Христа
есть истинный учитель молитвы.

**Многовозлюбленный во благодати нашего Спасителя
друг и брат!**

На ваше любезное письмо от 16 мая у меня не получилось ответить, отчасти по болезни, отчасти из-за всяческих

иных препятствий, — хотя я каждодневно намеревался это сделать. Я вовсе не забыл своего обещания и долга перед вами; поскольку же доныне я не мог писать, то рассматривал сию невозможность как действие Божия промысла, дабы я приехал к вам или вы ко мне и мы *устами к устам* (2 Ин. 1:12) продолжили бы начатый нами разговор о молитве и прочих важных предметах. Но, как кажется, Господь не изволит сего. Я должен завтра совершенно неожиданно уехать в Амстердам, чтобы посетить одного возлюбленного брата, опасно заболевшего, хотя я и сам весьма слаб. Посему извещаю вас и всех ваших об этом, дабы вы помянули меня в своих молитвах, как и я вас никогда не забываю, хоть и немощен.

Дух Иисуса Христа, истинного учителя молитвы, да пребудет с нами! Он один может и хочет соделать из нас истинных молитвенников и поклонников Богу *в духе и истине* (Ин. 4:24), если только мы предадимся Его руководству. Да, мы в детской простоте подвизаемся в вере и сердечном памятовании Бога, Который, как *наш* Бог, во Иисусе Христе столь близок нам, и стараемся с истинным благоговением поставлять себя в Его сопричастие. Мы безусловно предаём в Его отеческие руки свою волю, как некую вещь, от которой мы добровольно отказываемся. Мы стремимся тихо и мягко, но решительно отстранять своё влечение любви от всего, что не есть Бог и Божие, и обращать оное к Нему, дабы, таким образом, ходить пред Лицом Его *как чада света* (Еф. 5:8). Мы ищем собираться вовнутрь и подкреплять себя, отводя особое время для уединённой молитвы. Этим нашим детским деланием мы стараемся предоставить себя, как мягкую глину, Господу, дабы Он формировал нас (Иер. 18:6), — и всё сие весьма угодно Ему, хоть Он и не всегда даёт нам об этом знать. Но ах! как легко, как сладостно, как

основательно и сущностно совершаются в душе все вышеназванные (и многие другие) действия, когда Святой Дух становится Делателем в нашем сердце, когда Он Своим помазанием учит душу (1 Ин. 2:20, 27) и совершает в ней то, что сами мы можем исполнять только с великими недостатками и огрехами! Тогда христианин опытно познаёт, что Господь не напрасно говорил Своим ученикам: «просите, просите во имя Моё!» (Ин. 16:24).

Но я уже слишком увлёкся, излагая свои мысли. Дух Святой Сам да укоренит в вашем сердце сие сладчайшее имя Иисуса и да освятит вас по Своему благоволению. *Верен Призывающий нас, Который и сотворит сие* (1 Фес. 5:24); будем же мужаться и дерзать в Нём (Ин. 16:33), не надеясь на себя самих, но возлагая всё упование на Того, Кто без всяких наших заслуг призвал нас к внутреннему и вечному общению с Собою (1 Кор. 1:9). В Нём остаюсь

сердечно преданным вам собратом.

Мюльхайм, 23 июня 1738 г.

(1, II, 137)

Письмо 31-е

Что́ есть внутренняя молитва.

Чем истинная духовность отличается от ложной.

Дорогой брат!

Никак не мог написать раньше. Ты хочешь знать, что́ есть настоящая внутренняя молитва и чем истинная духовность и свобода отличается от ложной, то есть происходящей от падшего естества. Я молился и молюсь, чтобы Бог Сам открывал тебе это, оберегая тебя от последней и вводя в

первую Духом Иисуса Христа, подлинного Учителя молитвы (Лк. 11:1). Только бы ты предавал себя Сему Учителю, как истинное чадо сердца, и уповал на Него, что Он не попустит тебе заблудиться, когда ты от всей души хочешь следовать Ему! Что касается меня, то я становлюсь всё более неискусным и всё меньше могу говорить и писать о таких вещах так, как мне бы хотелось; посему, может быть, тебя мало удовлетворит мой ответ.

*Внутренняя молитва есть приближение к Богу, как присутствующему нам в сердце, посредством благоговейного обращения к Нему всех наших внутренних сил и пребывания пред Ним, с Ним и в Нём, сообразно с мерой и состоянием души. Первоначально душа здесь более или менее самодеятельна (хотя Бог всегда предваряет её) и переменчива: в одно время она чувствует вкушение благодати, в другое — внутреннюю сухость и скорбь, как это всем хорошо известно. Новоначалное молитвенное делание души — преимущественно идущее от чувств, состоящее из множества частных, понудительно-активное, нуждающееся в разнообразии; оно должно всё время возобновляться и повторяться. Со временем, постепенно (если душа не сходит со своего пути) её молитва становится мягче, внутреннее, менее разнопредметной и многообразной; душа всё меньше нуждается в постоянном побуждении себя к молитве и наконец как бы «теряет» себя в ней, поскольку Бог Сам всё более становится главным действующим в нас, так что *уже не мы живём, но живёт в нас Христос* (Гал. 2:20). Учитель и руководитель в сей внутренней молитве — Дух Иисуса Христа; Его действию надлежит по-детски верить и безоговорочно следовать Ему. Он касается нашей души и нашей любви и даёт нам познать *привлечение от Отца* (Ин. 6:44) в некоем сокровенном и тонком тяготении сердца на глубину, к Источнику*

нашей жизни (Пс. 35:10; Лк. 17:21). Если мы не последуем сему привлечению, то никогда не придём к Богу. Сами в себе породить его мы не можем, это есть благодать; но уже данную нам благодать мы можем заглушить, препятствовать и сопротивляться ей, если мы слишком много, и без необходимости, будем оставлять своё молитвенное внутри-пробывание или, тем более, и вовсе направлять свою любовь и сердечные стремления к другим предметам и увлекаться ими. О более тонких препятствиях сейчас нет нужды говорить.

Уже из этого тебе должно быть ясно, что́ есть ложная духовность. Тот пребывает в ней, кто на молитве (это один случай) произвольно и сознательно, под предлогом якобы свободы, позволяет своему вниманию и помыслам оставлять Бога и простирается на что-то другое. Второй случай — когда человек даже неким образом и держит помыслы в отрешении от внешних вещей и в забвении их, но сердцу и воле попускает быть в плену у сотворённого и предаёт себя Богу и обращается к Нему не подлинно. Хотя такой человек (в силу, скажем, присущего ему некоторого неразумия или косности) не всегда чувствует, что он обращён к другим вещам; но, как бы то ни было, Бога и божественное он своим предметом не имеет — да и не особенно хочет и чаёт иметь. Третий случай ложной духовности — когда человек вовсе оставляет молитву и под мнимым предлогом, что он-де уже совершенно вверил и предал себя Богу, утешно живёт день за днём, давая сердцу, мыслям и чувствам разгуливать по всему миру, как они хотят. — Такой ложной духовности и мнимой свободы легко избежать, если душа будет подобающим образом давать в себе место *слышанию гласа* благодати и Духа (Евр. 3:14–15).

Когда наш благой Бог изволяет причислить нас к Своим друзьям (Ин. 15:14), то Он отнимает от нас всякое же-

ление многообразия во внутренней жизни и в памятовании о Боге, особенно во время молитвы. Христианин больше не может столь многообразно и многопредметно, как раньше, по собственному разумению, говорить что-то Господу или просить чего-то у Него. Всё сплавляется в его молитве в некое единое, исполненное любви, благоговейное внимание к внутренне сопричастующему и близкому ему Богу, Коему он и поклоняется в молчании. У него как бы пропадает (за исключением, может быть, совсем краткого слова любви) дар речи в отношении Господа. При таком неложном, подлинном безмолвии христианин обретает некое сокровенное благобытие, не исследуя его причин; он напитывается им, не зная, откуда приходит сия пища (Ин. 3:8), и т. д. Если нечто подобное происходит с тобой, дорогой брат, то не дай сбить себя с толку (как бывает, к сожалению, с многими душами), что это якобы обольщение. Напротив, именно это и есть путь, коим христианин вводится в подлинную молитву, во вселение в нас Бога (Ин. 14:23) и даже в то, чтобы *стать одним духом с Ним* (1 Кор. 6:17); и на этом пути душа обретает неизреченные блага.

Также не является неправильным и ложным такое состояние, когда мы не вкушаем никакой отрады при внутренней молитве и обращении к Богу, но находим вместо неё лишь сухость и пустоту; или когда рассудочная и чувственная часть души подавляет и заволакивает нас тысячью рассеивающих фантазий, смятений и т. п. Когда такое происходит, то нужно не обращать на это внимания, но спокойно, с терпением (Лк. 21:19), препоручать всё Богу; тогда наш дух не затронут сии бури, и он будет оставаться на своём месте и при своём деле столь невозмутимо, сколь это для него возможно. Это подобно тому, как дитя, пробуждённое на руках матери каким-либо внутренним беспокойством или внеш-

ним шумом, отворачивается к материнской груди, дабы, вкусив от неё, вновь погрузиться в свой покой.

Как поступать нам в таких искушениях? Обновлять в себе веру во внутреннюю близость Господа, сердечное благоговение пред Ним и всецелое предание себя Ему. Свидетельствовать пред Ним свою любовь — или молитвенным словом, выражающим, что мы ничего иного не желаем, как только одного Бога (Пс. 72:25), или благоугождением Ему теми или иными делами любви. Использовать то, что доставляло нам духовную пользу, в чём мы вкушали мир... и так далее. Всё это мы должны совершать безыскусно, тихо, просто — не обретёт ли душа вновь в таком делании прежний покой и питание? Если по прошествии времени оказывается, что Богу не угодно упокоить душу, то мы уразумеваем из сего и веруем, что нам надлежит безмятежно претерпевать всю сию внутреннюю сухость, омрачение и безотрадность; такое терпение, происходящее из безусловного единения с волей Божией, есть само по себе наипрекраснейшая молитва. Но при этом нужно быть весьма внимательным, дабы чрез произвольную рассеянность или сознательную неверность Богу не дать со своей стороны действительного повода к внутренней тьме и опустошённости. Если так всё же случилось, то нужно смириться и исповедать пред Богом свою вину, после чего спокойно продолжать идти своим путём, как будто никакого преткновения не было.

Пожалуй, я ограничусь уже сказанным, не касаясь других видов молитвы или разных тонкостей Божьего руководства и научения, которые у неискусных людей могут вызвать подозрение в обольщении, праздности, излишней свободе и т. п. Главное — то, что я говорил в начале: само-делательная и само-побудительная активность души при верном прохождении ею христианского пути всё более ослабевает

и заменяется и как бы побеждается действием Божиим, так что в нас открывается всепоглощающая *жизнь Иисусова* (2 Кор. 4:10). Действия Божии постепенно становятся душе явными, и она отбрасывает всякие сомнения относительно того, чтобы приимательно повериться им и не препятствовать им само-действием. Можно сказать об этом и так, что Бог властно берёт душу в Свои руки, так что она охотно предаёт Ему руководство всеми своими действиями. Что же касается состояния очищения и внутренних скорбей, то душа смиренно принимает всё сие: она терпит, она страдает, она любит и поступает так, как описано выше.

Кратко сказать: ты хочешь заниматься внутренней молитвой и избежать всякой ложной духовности? Пусть твоя молитва всегда сочетается с непрестанным отвержением всего сотворённого и самого себя (Мф. 16:24), по указаниям Духа и промысла Божия, дабы ты мог чисто возлюбить Бога и повериться Ему одному. Избегай также всякой суеты мира сего и излишней рассеянности в чувствах, мыслях, делах, разговорах и обращении с людьми, чтобы ты не был ослеплён и отвлечён от Бога, но ходил пред Ним и в Его присутствии, становясь любезным Ему, как истинное чадо Авраама (Ин. 8:39), — к чему желаю и тебе, и себе полноты всяческой благодати от Иисуса и неложного руководства от Святого Его Духа.

Вот, возлюбленный во Христе брат, я написал много больше, чем предполагал. Несомненно, ты удивишься моему дерзновению, что при своём неразумии и худости я говорю о таких вещах, о коих со многим светом и благодатной убедительностью писали великие и просвещённые души. Что же! принимай только то, что согласуется с их писаниями; между тем я чувствовал внутреннее побуждение сказать тебе всё сие. Молись за меня! и я буду по силам

молиться за тебя. Да живёт Господь Иисус в твоей душе; в Нём, приветствуя и лобызая тебя, остаюсь

преданным тебе собратом.

Мюльхайм, 1 июля 1740 г.

(2, III, 11)

Письмо 32-е

НАСТАВЛЕНИЕ В ИСТИННОМ БЕЗМОЛВИИ ДУХА,
ИЛИ СЕРДЕЧНОЙ МОЛИТВЕ.

Сердечно возлюбленный о Господе брат!

Сладчайший Младенец Иисус да вводит нас в сии дни в ясли нашего сердца, дабы научить нас истинному субботаствованию (Исх. 20:8), заключающемуся не в чём ином, как в том, чтобы Он открывал и являл Себя в нас. Тогда Его сопричастие порождает в нас благоговейное пред Ним предстояние, которое приводит все силы души в умолкание и тишину. Пока же этого не произошло, мы, со своей стороны, приуготавливаемся к сему молитвой и всесторонним отвержением падшей самостной жизни. Нельзя надеяться ни на какое сущностное, чистое и постоянное безмолвие духа, если христианин, научаемый изнутри руководством Духа (1 Ин. 2:27), а совне — действиями относительно него промысла Божия, не предаст свою самостную жизнь на смерть (Рим. 6:2; Кол. 2:20; 3:3, 5). Безмолвствует тот, кто умер; земная жизнь безмолвствовать не может.

Итак, сие сердечное субботаствование обязывает нас к тому, чтобы мы деланием сердечной молитвы старались представлять себя верой во внутреннее сопричастие Божие, оставляя (посредством отрешения, но не само-насилия)

все посторонние помыслы и впечатления, дабы мягко, но решительно направлять свою волю вкупе с рассеянными и расточенными устремлениями нашей любви к сопresentствующему нам Господу и вверять всего себя и всё своё Ему, оставаясь пред Ним и с Ним в такомом внутрь-собрании так мирно и так долго, как мы только можем.

Это тихое, мирное и благоговейное молчание пред Божиим сопresentствием требует от нас большего, чем обычно думают, поскольку нам редко сразу даётся почувствовать плод от сего. Часто христианин — как ему кажется — только теряет своё довольство и покой, не говоря о том, что само это делание представляется ему какой-то праздностью. Но здесь мы в одном совершаем всё (Лк. 10:42) и соделываемся способными к тому, чтобы Господь мог сущностно утешить и умирить нас Своим *привлечением* (Ин. 6:44) и божественными действиями. Этому привлечению (которое, при надлежащем внимании, ощущается нами и во время наших обычных занятий, и в среде людей) мы должны быть предельно верны. Выражается сия верность не в множественности духовных подвигов, но в сколь возможно частом благоговейном взирании на Бога, или внутрь-собрании; ибо это то, чему и научает нас и чего хочет от нас привлекающий нас Господь.

Что касается противостоящих этому деланию возмущений и волнений мыслей и чувств, то на них не следует обращать внимания или разглядывать их, но спокойно претерпевать. Если же нам и случится произвольно рассеяться, то нужно сразу обновить вышеуказанное делание веры и постановления себя в сопresentствие Божие — или мирным и тихим воззрением на любящего нас Господа, или благоговейным поклонением Ему, или препоручением себя Ему и т. п.; но только всё очень спокойно и просто. Рассудок, чувства и помыслы пусть делают при этом что хотят; и даже если бы

они сильно и длительно досаждали нам, всё сие необходимо претерпевать без разорения и без ответа, — лишь пребывая совсем мирно в своей молитве и *радуясь, что за имя Господа Иисуса мы удостоились принять бесчестие* (Деян. 5:41).

В таком устроении духа *выходит человек на дело своё и на работу свою до вечера* (Пс. 103:23), стараясь и среди занятий пребывать в соприсутствии Друга наших душ (Песн. 7:11) и не иметь семь дел в голове, исполняя свою текущую работу. — Вот, дорогой брат, хотел написать несколько строк, а сколько распространился! Приветствую тебя и остаюсь

преданным тебе собратом.

Мюльхайм, 20 декабря 1742 г.

(2, III, 34)

Письмо 33-е

ПРАВИЛА УЕДИНЕНИЯ И МОЛИТВЫ.

Возлюбленная о Господе сестра!

Оба твоих письма благополучно получил. Я рад твоему решению, о котором ты пишешь, — быть всецело Божией и полностью принадлежать Ему. Приступай теперь вновь к своему христианству, дабы из него наконец вышло что-то основательное и цельное. Твёрдо веруй, что Бог непременно даст тебе силы для сего, когда ты обращаешься к Нему с таким расположением души. Это расположение — всегда сокровенно пребывать с Богом и смиренно предоставлять Ему править собой — должно быть как основанием твоей уединённой молитвы, так и сопровождать все твои занятия и обращение с людьми.

Ты жалуешься, что проводишь своё молитвенное время без пользы. Начни же делать так: когда ты приступаешь к уединению, сердечно препоручи себя Богу и проси Его, дабы Он благословил предстоящий час и был с тобою. Затем возьми книгу, наиболее вызывающую у тебя благоговение, и читай её, как в Божием присутствии, внимательно и тихо, так, чтобы не упустить ни единого слова. Относи всё прочитанное к себе, воспринимай оное в возможной полноте и складывай в своём сердце. Если во время чтения что-то остановит тебя, особо тронет и повлечёт к Богу и к Его со-присутствию, то не читай дальше, но дай место сему прикосновению благодати и обратись к молитве, то есть к пребыванию души с Богом, поклонению Ему, вверению себя Ему, отречению от своей самости и т. д. Когда то, что тебя остановило, перестанет питать тебя и внутреннее благоговейное самоуглубление пройдёт, то снова приступай к чтению с прежним настроением. Таким образом проводи половину времени, назначенного тобой для уединения; другую же половину посвящай только молитве, без чтения, настолько благоговейно и хорошо, насколько ты можешь, не обращая внимания, в каком именно состоянии ты находишься — внутренней тьмы или света, сухости или вкушения благодати.

По окончании молитвы, прежде чем ты возвратишься к своим обычным делам, сердечно поблагодари Бога за этот час; возобнови решение быть верной Господу, с отвержением своей падшести и самостной жизни; проси Бога, чтобы Он всегда был с тобой и не оставлял тебя среди твоих занятий. Пребывай затем благоговейно с Богом и совершай все свои дела ради любви к Нему и во славу Его, в том расположении, о котором у нас шла речь в начале письма; и *храни себя* (1 Ин. 5:18), чтобы не давать падшему естеству и самости никакой пищи.

Больная моя голова не даёт мне писать дальше. Сестре N. я рекомендую такой же распорядок чтения и молитвы. Следите за тем, чтобы не совершать сии духовные занятия рутинно или по привычке, равно как и все внешние дела. Убегайте лености естества, с одной стороны, с другой — не допускайте излишнего само-напряжения; всему этому противопоставляйте детский страх Божий и постоянное поставление себя в соприсутствие Божие. Остаюсь

преданным вам братом.

Мюльхайм, 18 февраля 1737 г.

(1, II, 115)

Письмо 34-е

О НЕОБХОДИМОСТИ УЕДИНЕНИЯ
ДЛЯ МОЛИТВЫ И СОЗЕРЦАНИЯ БОГА.

Возлюбленная о Господе сестра!

Твоё последнее письмо благополучно получили. Мы¹ всегда с сердечным участием читаем о твоём внутреннем состоянии; поэтому когда ты пишешь нам, пиши просто и откровенно — тогда и мы сможем ответить на пользу тебе.

Касательно твоего нынешнего положения — вот несколько слов увещания. Ты жалуешься, что недостаточно покоряешься благодати и слишком обращаешь слух к *чужим голосам* (Ин. 10:5); что не имеешь прочного мира Христова и

¹ Здесь и далее: если письмо написано от лица «мы», то имеются в виду Герхард Терстеген и Вильгельм Хоффман (см. о нём в предисловии). В первые годы своей душепопечительской переписки Терстеген часто пользовался советами своего духовного наставника и друга; некоторые письма написаны от лица их обоих.

часто разоряешься; также что самолюбие во многом ставит тебе препоны; и вообще что всё у тебя слишком беспорядочно и сумбурно.

Чтобы привести всё в должный чин и порядок, крайне необходимо, чтобы ты без уважительных причин не пропустила уединения для молитвы и внутрь-собрания. Обрати внимание: когда замутнённая вода всё время взбалтывается, её невозможно очистить и сделать прозрачной. Часто мы думаем, что вполне собраны вовнутрь, потому и уединение нам не так необходимо. Но мы не знаем себя достаточно хорошо; и рассеяние, не осознаваемое нами, бывает гораздо опаснее.

Итак, уединяйся в определённое время, радуясь сему, как некоей прекрасной трапезе; *входи в комнату твою* (Мф. 6:6) и приноси своему Другу и Возлюбленному (Песн. 7:11; 2:16) всё твоё сердце и всю твою волю. Наблюдай только со всем тщанием, чтобы ты приносила Ему оные именно *всецело*; и тогда взирай на Бога как сопresentствующего тебе и уповай, что Он непременно воззрит на тебя, откроет тебе твои немощи и воздействует на тебя Своею благодатью, как горшечник воздействует на глину, которую он формирует в своих руках. Если при этом ты против воли рассеешься, поддашься тем или иным проявлениям самости и падшести и т. п. — то не малодушествуй, но со всем чистосердечием повергни себя пред Господом, дабы Он упразднил всё сие; и отвращай своего внутреннего человека — но без горячности и напряжения! — от всякой нечистоты. Отстраняйся от неё, забывай о ней и обновляй себя исполненным любви и упования воззрением на сопresentствующего тебе Бога, твоё единственное сокровище, прибежище и утешение.

Когда ты возвращаешься к своей работе, то продолжай пребывать в обществе Сего своего Друга. Часто взирай на Него верою, как на неизменно сопresentствующего тебе; де-

лай всё пред Ним и для Него, по любви к Нему и в прославление Его, каким бы ни было твоё дело малым; и радуйся, если тебе встретится возможность ради Него совершить что-то трудное или пострадать. В этом сладчайшем делании — детском пребывании в соприсутствии Божиим — полагай своё главное занятие, по которому надлежит располагать всё остальное. Если ты отклонишься от него — то возвратись, как только осознаешь отклонение. Тогда ты опытом дознаешь, с какою верностью и любовью Господь ведёт тебя, как Он покрывает тебя, подобно *птице, собирающей птенцов своих под крылья* (Мф. 23:37), как Он укрепляет, исцеляет и веселит тебя — что невозможно выразить словами. Да даст Он тебе уразуметь сие, и ты ни в чём не будешь нуждаться вовек!

(1, I, 49)

Письмо 35-е

О ПРОСТОМ И ЛЁГКОМ ИСКУССТВЕ ИСТИННОЙ МОЛИТВЫ.

Возлюбленная о благодати Божией сестра!

Ты хорошо делаешь, что, как можешь, прилежишь молитве. Продолжай сие беспрестанно, и непременно сбудется на тебе драгоценное Божие обетование: *просите* (то есть молитесь), *и дано вам будет* (Мф. 7:7). Нет на земле искусства более простого и лёгкого, чем истинно молиться; да это во все и не искусство, и если мы думаем, что у нас не получается молиться, то это знак того, что мы ещё не понимаем, что такое молитва. Молиться значит *взирать на соприсутствующего нам Бога и открываться Ему, дабы Он взирал на нас*. Что может быть легче и проще, чем открыть глаза и увидеть

свет, окружающий нас со всех сторон? Бог гораздо более сопresentsует нам, чем видимый свет; *в Нём мы живём и движемся и существуем* (Деян. 17:28); Он пронизает нас; Он ближе к нам, чем мы сами к себе. *В простоте веровать в сие* и, насколько это для нас возможно, *памятовать о сем* и есть молиться. И разве может быть тяжело дать осматривать себя столь благому Врачу, Который несравненно лучше знает наше состояние, чем мы сами? Когда мы приступаем к молитве, нам не нужно сообщать Богу то или иное, так или иначе «поворачивать» себя пред Ним или всякий раз продумывать и прочувствовать, что бы мы хотели Ему сказать. Мы должны лишь просто и кратко возвестить Ему, каковы мы есть и какими желаем быть; даже и не необходимо это Ему *говорить* — а только поставить себя пред очи сопresentsующего нам любящего Господа; но поставить не походя, а стараясь пребывать с Ним и пред Ним достаточное время, дабы Он, если можно так выразиться, глубоко рассмотрел нас и исцелил. Нужно беречься от того, чтобы представлять пред Его лицом иными, чем мы есть на самом деле. Ты находишь себя рассеянной, омрачённой, скованной духовным нечувствием и т. д. — скажи это Богу в простоте; дай Ему увидеть свою немощь — и это будет истинная молитва.

Если во время молитвы на тебя найдёт некая вялость или сонливость от естества — взбодри себя немного и со смирением вновь обращай к Богу. Если во время коленапоклонения тебя одолевает сон, то лучше стой на ногах. Также в таких случаях можно отвлечься и почитать что-нибудь. Кратко сказать: помогай себе так, как можешь, — но только чтобы, увлекшись вспомогательными средствами, не забывать свою главную цель, молитву, но постоянно вновь и вновь возвращаться к ней. Чем больше ты будешь отвергаться своеволия и самостных желаний, тем более

лёгкой будет для тебя молитва. Да укоренит её Господь
Своею благодатью в твоей и моей душе! В Нём остаюсь
твоим немощным единомысленным другом.

Мюльхайм, 4 декабря 1731 г.

(1, I, 119)

Письмо 36-е

К той же особе.

Подлинной любви к Богу не вредят никакие перемены.

НЕОБХОДИМО ВЗИРАТЬ НА БОГА

И ПРЕДСТАВЛЯТЬ ПЕРЕД ЕГО ОЧАМИ.

Адам да умирает, Иисус же да живёт в нас!

Возлюбленная о Господе сестра!

Оба твоих любезных письма получил. Мне весьма радостно, что ты тверда в том, чтобы охотно *отрешиться от всего* (Лк. 14:33) и *возлюбить Бога всем сердцем, всею душою, всем разумением и всею крепостию своею* (Мк. 12:30). Господь Сам да сохранит и да исполнит сие в тебе!

Никакие перемены света и тьмы, духовной сухости и благодатных состояний и т. п. нисколько не вредят нам, пока вышеназванное устройство души пребывает непоколебимым. Если же мы (от чего да сохранит нас Господь!) каким-либо образом теряем его, то нам следует со смирением и терпением вновь преклонить себя к желанию отвергнуться всего и возлюбить Бога, и повторять это делание до тех пор, пока утерянное, благодатью Божией, не обрящется вновь; и затем изо всех сил держаться оно и не допускать в себя ничего, противного ему.

В ответ же на прочее повторю сказанное в моём прошлом письме: *взирай на Бога и открывай себя для Его воззрения,*

как во время твоего молитвенного уединения, так и вне его. Это значит: на всякое время и во всяком месте поставляй себя верой в *превосходящее всякое разумение, исполненное любви* (Еф. 3:19) соприсутствие Божие; преклоняйся, созерцай, люби и почитай Его, благоговей пред Ним и пребывай с Ним и Его бесконечными совершенствами так долго и в той мере, как ты только можешь. Обнажай пред Его очами всё, что в тебе; всякое своё дело совершай пред Его лицом, Ему во славу, по любви к Нему, без каких бы то ни было побочных соображений. От всего, что возникает в тебе, доброго и злого, мягко отводи свой взор и верою препоручай всё сие соприсутствующему Тебе Богу, на Его рассмотрение и суд. Кратко сказать: *взирай на Бога и на всё, что Его, — и Он будет зреть тебя и всё твоё*. Кто много смотрит на себя и на своё, тот или впадает в малодушие и уныние, или превозносится, от чего да избавит нас Господь. В нём остаюсь

любящим тебя братом во Христе.

Мюльхайм, 9 февраля 1732 г.

(1, I, 121)

Письмо 37-е

О том, что Господь Сам должен дать нам
всецело ввериться Ему
и Своею благодатью, посредством сердечной молитвы,
искоренить в нас зло.

**Многовозлюбленная о Господе Иисусе,
нашем сладчайшем Спасителе, сестра!**

Ваше письмо от 11 сентября благополучно получил. То, что вы написали в нём относительно вашего душевного

состояния и строя мыслей, я вполне разделяю. Нет ничего лучше, чем, не составляя себе никаких образов, давать в себе место Богу и Его любви,веряя Ему всю свою волю, внешне и внутренне отрешаясь от всего, что не есть Бог и Божие, и предоставляя сей Его любви всецело пронизать нас. Когда Сам Господь преклоняет к тому нашу душу, нам становится обременительной всякая образность и деятельное разнообразие. Тогда, если нам нужно помолиться о чём-либо особом, то в начале молитвы, помянув сей особый предмет, детски препоручим его Господу, а затем забудем образ этого предмета и погрузимся в некое «непредметное» богозрение, в котором христианин, и не думая о том, молит за всех и обо всём.

Но такое состояние духа вам надлежит больше принимать от Бога, чем самой создавать, иначе у вас не получится не составлять образы и не располагать дело по своей воле. Посему заботьтесь лишь о том, чтобы благоугодить Господу посредством предания себя Его руководству и Его действиям. Чем больше Он даст вам по благодати спокойно и безмолвно оставлять всё *своё*, тем больше вы будете обретать *Божие*.

Ничего нет более действенного для умерщвления в нас горьких начал падшей природы и всяческих пристрастий, чем сила любви и благодати Иисуса Христа, принимаемая в сердечной молитве, пусть даже не всегда мы это чувствуем. Самопонуждение и строгая дисциплина в своё время могут послужить тому, чтобы подавить прорывание греха; но искоренить зло и изменить природу может только благодать и любовь Господа Иисуса. И эта благодать даётся нам в молитве.

Неприятности и искушения не производят в нас зло, а лишь открывают его в нас. Поскольку же из-за самолюбия мы чаще всего не можем возненавидеть само зло, но только

его обнаружение¹, то Господь и попускает нам искушения и испытания. И таковых испытаний, происходящих от промысла Божия (то есть случающихся при исполнении наших обязанностей или примешивающихся к делам любви), мы не должны избегать. Но слабые дети, коими мы являемся, не должны также их и искать.

Нести со смирением увиденную в себе худость не менее необходимо для её искоренения, чем вышеназванное прощание нас любовью Божией в молитве. Такое претерпевание своей падшести весьма способствует тому, чтобы в нас излилась благодать и любовь Господня, ибо Он только *смирением даёт благодать* (1 Пет. 5:5) и отверзает Своё сердце. Аминь.

(1, I, 87)

Письмо 38-е

ОПРОВЕРЖЕНИЕ СЛУХОВ О ПЕРЕЕЗДЕ.

КАК БЫТЬ, ЕСЛИ НЕТ УСЛОВИЙ ДЛЯ УЕДИНЕНИЯ.

О ВНУТРЕННЕМ ДЕЛАНИИ.

Возлюбленный о Господе брат!

Вот краткий ответ на полученное вчера вечером твоё письмо.

Слухи о моём переезде из Мюльхайма безосновательны. Хотя некоторое время назад я и получил от некоторых лиц и из некоторых мест весьма привлекательные предложения, но на сегодняшний день я совсем далёк от того, чтобы принять оные. Посему прошу тебя успокоить всех, кто будет об этом

¹ Перед другими и самим собой.

спрашивать. Я, если Бог благоволит, намереваюсь лишь по временам отъезжать куда-нибудь в тихое место для отдохновения души и тела; но об этом никому не нужно знать. В духе же я остаюсь в единении со всеми, ищущими Бога; также и в их внешних обстоятельствах, если тому не воспрепятствует Господь, буду принимать посильное участие.

Да, я люблю уединиться и отойти от течения дел; я считаю это очень полезным для себя и всячески желал бы того же и тебе. Но послушание Богу лучше, чем жертва. Мы должны служить Ему так, как *Он* того желает, а не как *мы*. Однако при этом надо следить, чтобы всякая ненужная суета по возможности была ограничена и отсечена; а то, что нам делать необходимо, надлежит привести в добрый порядок и затем исполнять как волю Божию. И тогда время, упущенное для уединения, будет восполнено богоугодным устройением души при совершении наших дел.

Случающиеся против воли движения или восстания той или иной нечистоты во время внутри-собрания и молитвы очищаются действием благодати. При этом душе следует навывать терпению (Евр. 10:36), дабы не разорить себя излишним беспокойством или ненужным само-деланием. Всё это тебе хорошо известно; добавлю лишь, что подобные искушения не препятствуют нашему предстоянию пред Богом, но, наоборот, могут подвигнуть нас к более чистому и более духовному способу внутри-собрания. Заключается он в следующем: когда мы замечаем в себе движение нечистоты и тому подобного, в то время как мы хотим внутренне быть с Богом и безмолвствовать пред Ним, — нам не нужно делать ничего иного, как только мягко отводить своё внимание от поверхности души, где происходят все сии возмущения, и тихо, без всякого напряжения, обращать его на глубину, туда, где наш внутренний человек жаждет Бога и предаёт

себя Ему. Тогда всё прочее произойдёт уже само собой, без особых усилий с нашей стороны. Если таким образом не удастся сразу избежать козней врага, то нужно спокойно и мирно повторять это делание и всякий раз, насколько возможно, держаться вниманием за сию стремящуюся к Богу волю внутреннего человека. И даже если это не всегда очистит и успокоит нас, то в любом случае мы получим от Бога необходимую силу, чтобы не быть легко побеждёнными.

Время не позволяет мне писать что-то ещё. Господь да приближается к нам всё более, дабы и мы могли приблизиться к Нему! Да изводит Он нас всё более из всякого творения и падшей самости в божественную стихию Своего мира и да даст нам достаточную благодать и мудрость *поступать осторожно* (Еф. 5:15) во всех наших делах! Поручая себя твоим молитвам, пребываю, сердечно приветствуя тебя,

твоим немощным со-странником в мире сем.

Мюльхайм, 27 октября 1731 г.

(1, I, 117)

Письмо 39-е

О НЕОБХОДИМОСТИ ТЕРПЕЛИВОГО ПОСТОЯНСТВА
В МОЛИТВЕ И ВНУТРЬ-СОБИРАНИИ,
ОСОБЕННО ВО ВРЕМЕНА ВНУТРЕННЕЙ СУХОСТИ,
ОПУСТОШЕНИЯ И ТЬМЫ.

Во благодати Господа Иисуса драгоценный и возлюбленный брат!

Хотя мы мало с тобой переписываемся, я могу в простоте, пред Богом, сказать, что с большой любовью отношусь к тебе и весьма ценю наше *единство духа в союзе мира* (Еф. 4:3).

Твоё последнее письмо от 17 января было мне весьма любезно. В нём ты слишком высоко оцениваешь меня; воспринимаю это как знак твоей любви и как побуждение к совершенствованию о Господе. Твоё душевное состояние, братски открываемое мне, я неизменно препоручаю в своих молитвах Господу и Его благодати, которую и сам чаю.

Что терпеливое постоянство в делании молитвы и обращения вовнутрь, или внутрь-собираения, столь важно для христианина, может убедительно удостоверить нас, наряду с прочим, и то, с каким коварством и ухищрениями наш враг и искуситель тщится отвлечь нас от сего делания, а когда это ему не вполне удаётся, поразить нас во время молитвы вялостью и леностью. Враг прекрасно знает, что его царство тьмы разрушается в наших душах именно этим святым деланием, посредством которого в нас постепенно и неприметно вливаются свет, любовь и жизнь Иисуса; и что все цветы и плоды прекраснейших добродетелей увядают, если ему удастся отсечь оные от сего корня. Господь Иисус Христос один есть *Посредник* (1 Тим. 2:5), вновь привносящий божественную жизнь и силы в ниспадшую из своего чина и умершую для всякого добра человеческую природу; а пребывая в сердечной молитве (в коей совмещены и сконцентрированы вера, любовь, надежда etc.), мы единимся с Ним и укрепляемся в Нём. В сей молитве наша алчба и жажда Бога и внутреннее устремление к Нему нашей любви становятся как бы кореньями, восприемлющими из Иисуса соки и силы, хотя не всегда мы можем ясно видеть и чувствовать, как это совершается. Поэтому будем стараться *непрестанно молиться* (1 Фес. 5:17) и собиратья вовнутрь, в сердце. Несовершенная, со многими недостатками, молитва спасительнее, чем самая благообразная рассеянность. Враг привлекает нас множеством блестящих

мнимых благ и прямо тянет и толкает нас к ним — лишь бы мы оставили молитву.

Твоё письмо, дорогой брат, ещё более утвердило меня в том, чему научил меня и мой опыт, и опыт многих христиан, а именно: что искуситель особенно использует время духовных испытаний, внутренней пустоты, сухости и тьмы для того, чтобы отвести душу от правильного делания молитвы, а вследствие сего и от Источника наших сил, — и это именно тогда, когда Господь вводит нас в полосу духовного созревания, когда мы начинаем уразумевать, как нам надлежит изойти из своей ветхости и, держась только за Господа, прилепляться Ему. Ты пишешь, что не можешь больше продолжать своё молитвословие прежним, привычным образом. Правильное делание молитвы в таком положении состоит в том, чтобы мы перестали с упорным своеволием и напряжением держаться за то, что Господу угодно переменить и взять от нас, и расположили себя так, чтобы, спокойно и смиренно согласившись с открывающейся нам нашей падшестью и нищетой, пожертвовать своими мнениями, представлениями и желаниями в пользу Божиих определений и изволений, дабы Его благая воля стала нашей молитвой, нашими мнениями, представлениями и желаниями. Тогда от такого оставления и потери того, что было прежде, мы со временем получим великое приобретение и соделаемся способными к более глубокому и чистому обращению вовнутрь, к истинной молитве и соединению с Богом, что и является намерением Божиим относительно нас.

Заключается же наша нищета и падшесть главным образом в том, что мы, будучи пронизаны и пропитаны самолюбием, *ищем* себя и *своего* (Флп. 2:21) наиболее тогда, когда мы уверены, что ищем Бога. Когда мы перестаём вку-

шать на этой стезе какой-либо свет и отраду, мы приходим к выводу, что не можем достичь Бога, впадаем в малодушие и уныние и начинаем искать для своей самости пищи и опоры в других вещах, поскольку в Боге и Его благах её больше не обретается. Ах, Господи! сколь недостойно такое состояние для сердец, посвятивших себя чистой службе Тебе и Твоей любви! Разрушь же сию основу самолюбия, дабы мы, служа Тебе, поистине искали не себя, но Тебя; не своей отрады, но того, что благоугодно Тебе, ибо Ты — наше всё, и в Тебе, а не в нас всё наше спасение и блаженство!

Прежде дня Пятидесятницы ученики Христовы не могли долго пребывать в тишине и безмолвии без телесного, видимого присутствия Иисуса. *Иду ловить рыбу* (Ин. 21:3), — говорит Пётр; время в одиночестве тянулось для него мучительно. Так бывает и с нами. Мы ищем ловить рыбу в какой-нибудь книге, у какого-нибудь человека etc., — и это милость Божия, если *в ту ночь мы не поймает ничего*, но нас встретит Спаситель (Ин. 21:3–4) и, как возлюбленных учеников, устыдит нас, показывая бесплодность всех наших само-поисков. — Пройдя через такой страх и стыд, с безмерной благодарностью к Божьему долготерпению и благодати, я свидетельствую, чему научился опытно: что опущение внутреннего молитвенного делания — великий ущерб для христианина; и особенно во времена внутренней тьмы и духовной сухости так легко впасть в это искушение. Вред от сего примечается не скоро; но постепенно человек отклоняется от Божьего пути, и порой так далеко, что потом почти совсем уже не находит сил вернуться на него. Душа без молитвы — как заблудшая овца без пастыря. Наш враг знает это; он пользуется омрачённым и опустошённым состоянием души, дабы отдалить её от Пастыря; он хитро

сплетает свои сети, приводит душу в смущение и сомнение, представляет ей всевозможные распутья, побуждает её к разнообразным переменам — не попробовать ли тот или этот духовный подвиг; не изменить ли своё внешнее положение; не отправиться ли в такое или другое место; не перейти ли в иное церковное сообщество etc. etc., — чрез что и в нынешние, и в прежние времена столь многие искренние души были обмануты и заблудились в сей тёмной ночи. Для нас это должно служить предостережением, дабы мы в состоянии духовного омрачения и опустошения по возможности не предпринимали никаких изменений, но оставались там и так, где и как мы есть.

Ободрися же во имя Иисуса, вновь начнём с того места, где остановились, и возревнуем о Господе, как это было перед нашим уклонением!¹ Милосердие Божие использует всё, даже и ошибки и грехи, для нашего блага (Рим. 8:28); да будет славима и поклоняема Его премудрость! Впоследствии, *увидев всё сзади* (Исх. 33:23), мы уразумеем, как сии ошибки наилучшим образом употребить себе на пользу, полагая их в основание подлинного смирения (хотя, разумеется, мы не должны под этим предлогом оправдывать свои прегрешения, но со всяким усердием избегать их, Рим. 6:12). Наше *ничто*, о котором мы слышим, читаем, размышляем и т. п., порождает некое смирение — но такое смирение, от которого мы порой становимся весьма высокомерными. Но наше *ничто*, познаваемое опытно, не оставляет для самолюбия ни малейшего укрытия: человек не может обмануть себя в том, что он *несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг* (Откр. 3:17), и начинает по-настоящему уразумевать свою падшесть. Многие люди говорят, что им совер-

¹ Оставлением молитвы.

шенно чужда само-праведность, — но это потому, что они почти или вовсе не имеют никакой праведности. В истинно же благочестивые души в начале их христианского пути сей яд вкрадывается *неизбежно*, вследствие чего они в своей ревности, самоотвержении, добродетелях и употреблении Божиих даров неприметно опираются на свою праведность и уверенность в себе, а не только и исключительно на Бога. Но со временем любящий нас Спаситель посредством нашей же грязи отверзает нам очи (Ин. 9:6, 11), так что мы всю честь воздаём Его чудотворящей деснице, а себе оставляем посрамление в своей самоуверенности.

Опыт немощей, падшести и нашего всеобъемлющего *ничто* должен не приводить нас к малодушию, но давать нам повод освобождаться от себя самих, оставлять себя самих и всё чище, а потому всё существеннее (Мф. 5:8) прилепляться к Богу, дабы Он наполнил нас Собою и соделался в нас всем тем, что мы никоим образом ни имеем, ни достичь не можем. Бог изволит единиться с нами так, чтобы *никакая плоть не хвалилась* пред лицом Его (1 Кор. 1:29), но чтобы Он один был нашей *праведностью и освящением и искуплением* (1 Кор. 1:30). Итак, дорогой брат, ты видишь, что оставление себя и обнажение от себя, к которому приводит нас, *смотря назад* (Исх. 33:23), подлинное познание нашей падшести, делает нас способными к благороднейшему и высшему образу молитвы и единению с Богом. Да будет благословенно пречудное и бесконечное *человеколюбие Спасителя нашего Бога* (Тит. 3:4) во Христе Иисусе, Господе нашем!

Поскольку во время писания меня непрестанно отвлекали, и посетители и всевозможные дела прерывали моё письмо, то оно вышло несколько неровным и неясным. Я хотел лишь уверить тебя в своей любви и в согласии с тем,

чему *учит тебя помазание* Божие (1 Ин. 2:27). Не упустим же, брат мой, непрестанно обучаться в школе Сего единого безгрешного Учителя истины, дабы всё более становиться нам малыми *чадами сёрдца!* О, чему учит нас это помазание, есть безусловная истина, и нет никакой иной истины, чем сия!

Приветствую и лобызаю тебя в духе любви. Молись за меня, как вспомнишь обо мне; и я, по благодати, буду прилежать тому же. Приветствуй от меня братьев и сестёр во Христе у вас в N. Я часто посылаю всем вам молитвенное благопожелание: да согреет и оживит наши сердца Господь Иисус Своей сладчайшей любовью! Аминь! По-прежнему я весьма слаб и не могу много писать; по сей причине прерываю и это письмо. Остаюсь, во благодати,

сердечно преданным тебе немощным собратом.

Мюльхайм, 12 марта 1750 г.

(2, III, 136)

IV

О мире Божиим

Письмо 40-е

ПРИЗНАКОМ ПРЕДАНИЯ СЕБЯ БОГУ
СЛУЖИТ ДУШЕВНЫЙ МИР И ПОКОЙ.

Возлюбленный о Господе брат!

По каким признакам мы можем определить, насколько полно, сообразно нашему устройению и мере, мы предали себя Богу? Проверяется это легко и просто. Когда мы всецело и истинно вверяем себя Богу, тогда нас осеняет мир или покой духа в Боге; одно от другого неотделимо. В обычном течении жизни (то есть вне периода искушений и испытаний) все силы преданной Богу души пребывают в тишине и покое, как будто без движения. Когда воле надлежит действовать, то она действует свободно, спокойно и мирно. Дух обращён к Богу и открыт Ему и пребывает таким без принуждения и труда достаточное время. Длительность этого внутреннего, сущностного и чистого состояния зависит от степени предания себя Богу. Душа, особенно в начале пути, легко теряет это состояние, так что оно едва ли продолжается дольше того времени, пока мы молитвенно углублены в сердце.

Описание сего в столь немногих словах может быть не очень понятно, поэтому ещё проще и надёжнее всякому, какова бы ни была его мера, действовать так: душа, насколько она может, мирно поставляет себя в сердце пред очами Божиими и затем — не составляя себе никаких образов! — устремляет тихий и благоговеющий внутренний взгляд на столь близкого нам Бога, предоставляя Ему Самому определить, что ещё вне и внутри нас не предано Ему, — с искренним сердечным желанием вверить Ему полностью всё. В этом простом предстоянии во свете истины душа, не разоряя себя исследованиями и формулированиями, пребывает столько, сколько даёт ей Божия благодать, мягко и спокойно отстраняясь от всякого отвлекающего помысла, чувства или желания. Тогда мы всё больше вводимся в чистый строй Божий — *ум Христов* (1 Кор. 2:16) — и таким образом во всецелое препоручение себя Ему.

Внешние строгости хороши в той мере, насколько они способствуют внутренней жизни. Необходимое здесь — лицемерное отрешение нашего духа от всего, что не есть Бог и Божие. Немногое и скромное в обстановке и во всём внешнем очень помогает этому; и больше, чем обыкновенно думают.

Твоё тяготение к тишине и отстранению от суеты — несомненно, от благодати, в чём меня уверяет ещё больше то, что оно сопровождается жаждой тишины внутренней. Я бы на твоём месте распределил свои внешние занятия таким образом, чтобы можно было всякий раз следовать влечению духа к безмолвию и уединяться. Впрочем, постоянное спокойное стремление отрешаться от суеты не вредит и работе, напротив, оно помогает поддерживать тяготение вовнутрь, когда мы не можем оставить наше дело.

О свойствах твоей молитвы ты судишь верно, именно — что ты слишком много даёшь трудиться голове. Совсем и постоянно пребывать безмолвно-приимательным, возможно, бесполезно тебе, в силу твоего устройства и меры; но что твоё само-делание должно быть умереннее, мягче и исходить больше от детской сердечности, чем от головы, — это несомненно. Преимущественным же твоим деланием да будет — взирать на Бога и чаять Его действия в себе, дабы во всём полностью предать себя Ему. Стань же *как дитя* (Мф. 18:3) и помышляй, что себе самому ты ни в чём не доверяешь, Отцу же препоручаешь всё без малейшего смущения. Прочее при встрече. Молись за меня!

*Мюльхайм, 31 декабря 1731 г.
(1, II, 51)*

Письмо 41-е

ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТСЯ
И КАК СОХРАНЯЕТСЯ МИР БОЖИЙ.

Дорогой брат!

Сердечно приветствую тебя. Божий мир, как Его дар и действие Его соприсутствия, *познаётся по плодам* (Мф. 7:20); а ещё по тому, что среди всех скорбей и испытаний он пребывает в нас неколеблемо.

Ты спрашиваешь, как вести себя, чтобы наша падшесть не повредила ему. Ответ на это нетруден: мир Божий сам есть лучший учитель. Он вводит нас в простоту, отстранение от всего, что не есть Бог и Божие, внутреннюю свободу и чистоту. Как только душа начнёт хоть немного превозноситься или как-то иначе проявлять свою самость, она не-

медленно придёт в разорение и смущение, и мир скроется от неё. Посему держись за сей мир, как и когда Господь даёт его тебе, по мере уделённой тебе благодати, детски-невинно и смиренно; и что не соответствует ему, то сразу отвергай.

Отрадные духовные чувства не всегда и не обязательно сопровождают мир Божий; тех может и не быть, в то время как сей пребывает. Чтобы хранить его в себе, не напрягай много рассудок и чувства, разве что по необходимости. Препоручение себя и всего своего в волю Божию должно быть, насколько это для тебя возможно, всецелым. Тогда мир Божий, сия тишайшая сущность, неприметно и мягко будет всё больше и больше преклонять душу к Богу, соделывая её истинным жертвенником Его величия. Я вынужден заканчивать письмо, потому что почтовая карета ждёт. Поминай пред Господом

своего немощного единогодушного собрата.

Мюльхайм, 3 июля 1737 г.

(2, IV, 109)

Письмо 42-е

О СИЛЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА И ЛЮБВИ.

Многовозлюбленная о Господе сестра!

Любовь и мир — пища и сила духа. Пусть всё идёт как идёт. Свет или тьма, сладкое или горькое, утеснения изнутри или совне — только бы наш дух пребывал в любви и мире с Богом, с нашими ближними и (обратите внимание!) с самим собой! Тогда в любых обстоятельствах мы сможем по внутреннему человеку пребывать во *всяком довольстве* (2 Кор. 9:8) в настоящем и не потеряем это настоящее ника-

ким беспокойным устремлением наших желаний в будущее. Также нам даётся терпение и действенность духовной брони, ибо любовь, вкупе с миром, всё возьмёт на себя. Она не позволит злу одолеть нас и претворит зло в добро. Ах! только бы ничто не похитило наш дух из этой сладчайшей, мирной стихии любви! Враг, несомненно, не оставит попыток извлечь нас из сей нашей крепости то одним, то другим способом; поэтому всё (как бы значимо оно ни было), что отвлекает нас от Божией любви и доставляет нам немирность, должно нас настораживать. Наша новоначная неопытность часто сбивает нас с толку. О, сколь необходимо в таких случаях сразу, без многих беспокойств и усилий, вновь погружаться во глубину любви и мира, то есть в Бога, и воспевать с Давидом: *возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь благодетельствовал тебя!* (Пс. 114:7).

Бог да ниспошлёт нам, а особенно тебе, дорогая сестра, сию благодать и утвердит оную в наших душах! Сокровенное привлечение Его любви в сердце да будет в нас столь могущественным, чтобы мы могли жить, всё претерпевать и умирать ветхому Адаму исключительно в лоне сей любви! В ней и да произрастает всё более из твоих скорбей и *наказаний* Отца, кои *в настоящее время кажутся тебе не радостью, а печалью, мирный плод праведности!* (Евр. 12:11) Аминь.

Прилагаю к сему письму маленькую книжечку для твоего супруга, чтение коей да послужит, по Божию благословию, к его назиданию. Сердечно приветствую вас обоих в любви Иисуса Христа. Молитесь усердно за меня; и я в своих немощах не забываю молиться о вас. Моя немощь часто напоминает мне, чтобы я молился о немощах других.

Ваш о Господе собрат.
Мюльхайм, 5 августа 1730 г.
(1, I, 104)

Письмо 43-е

НАШИ СИЛЫ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ В МИРЕ,
ПОЭТОМУ ИСКУСИТЕЛЬ НЕПРЕРСТАННО ТЩИТСЯ
ВОЗБУДИТЬ В НАС НЕМИРНОСТЬ И БЕСПОКОЙСТВО,
ГОСПОДЬ ЖЕ, НАПРОТИВ, ГОТОВ ВСЕГДА
ИЗЛИВАТЬ НА НАС ТИШИНУ И МИР.

Возлюбленный о Господе брат!

Пересылая тебе книги, чувствую внутреннюю потребность сердечно приветствовать тебя. Господь Сам да изречёт: «Мир тебе!» — и да повторяет сие всякий раз, когда при тех или иных искушениях, расстройстве и разорениях твоя душа исторгается из мирно-ровного отношения ко всему — состояния, в котором всегда должны пребывать христиане. Наши силы заключаются в мире, а мир — во всецелом предании и вверении себя Богу. Поэтому искушитель старается лишить нас мира и покоя; Господне же дело — изливать на нас тишину и мир. Никакая мать не может быть так участлива и скоро, чтобы утешить своё упавшее и плачущее дитя, как наш Небесный Отец. Он умиряет сердца тех, кто не желает ничего, кроме Него и Его воли. *В мире место Его* (Пс. 75:3¹), и души, в коих владычествует сей мир, — Его радость (Притч. 8:31) и царство (Лк. 17:21). Основание этого царства — праведность и истина; но не праведность человеческая, которая есть ложь (Пс. 115:3) и которая не приносит никакого мира; но праведность, проистекающая от веры (Рим. 1:17; Гал. 5:5), целиком предающей себя Богу и Его благодати о имени Христовом. Тогда действием божественной праведности душа очищается от

¹ По греческому тексту.

греха и падшей любви к себе, единится с Богом и, по Его чистой любви, отображает в себе Его ум, сердце и нрав (1 Кор. 2:16; Флп. 2:5).

Господь да возьмёт нас из наших падших рук в Свои божественные руки, а мы да предоставим оным, без всякого сопротивления, формировать нас, как глину в руках горшечника! Аминь. Остаюсь

твоим единоплеменником о Христе собратом.

Мюльхайм, 10 июня 1735 г.

(Holl., 13)

Письмо 44-е

О ЧУВСТВЕ НАШЕЙ ГЛУБОКОЙ ПОВРЕЖДЁННОСТИ,

О ПОЛЬЗЕ СМИРЕНИЯ И МИРА

И О СОВЕРШЕННОМ ПРЕДАНИИ СЕБЯ И ВСЕГО СВОЕГО БОГУ.

Возлюбленная во благодати Господа Иисуса сестра!

Ты уже знаешь, что мы своевременно получили твоё письмо, из коего узнали о твоём внешнем и внутреннем положении с сердечной заинтересованностью, ибо мы, как члены Тела Христова, должны принимать участие в скорбях и радостях друг друга. Хотя в своём окружении ты не испытываешь недостатка в добром назидании, но по твоей любви и доверии к нам, может быть, и наши речи будут тебе любезны и полезны о Господе.

Прежде всего будь уверена в том, что во всех твоих нынешних тяжких внутренних скорбях, нечувствии души и почти отчаянии от переживания своей падшести присутствует рука Божия и Его научение — поскольку, невзирая ни на что, тебе продолжает быть ненавистной всякая не-

чистота, и по внутреннему человеку ты неизменно хочешь благоугождать Господу. Посему принимай всё это не иначе как с любовью к Богу, Который даёт тебе таким образом ощутить твою падше-природную невосприимчивость и мёртвость к духовному; без сомнения, это Он совершает ко благу. Когда в духовной жизни всё идёт хорошо, то нередко наша внешняя или внутренняя деятельность и та отрада, которую мы в ней находим, становятся для нас препятствием к достижению истинного внутри-пребывания и единения с Богом в духе. Мы тогда, чаще всего неприметно, слишком много даём места своей самости и не в той степени смиряемся пред Богом, чтобы иметь возможность распознать в себе Его привлечение (Ин. 6:44) и воспринять Его действие. Усматривай же отсюда, с какою благодатью промышляет о тебе твой любящий Небесный Отец, отнимающий у тебя худшее, дабы в своё время дать тебе стократ лучшее, а именно — подлинное общение с Собою в духе! Для этого Он промыслительно даёт почувствовать тебе, как ты пишешь, твоё глубочайшее повреждение. Бог хочет «перевести» тебя в Него Самого; с этой целью Он должен дать тебе увидеть, что в тебе самой, без Него, кроме падшести невозможно найти ничего, — дабы ты по-евангельски *возненавидела и отверглась себя* (Ин. 12:25; Мф. 16:24) и, обратившись к Нему, пребывала только в Нём.

Бог любит и единит Себя только с подлинно смиренными, и никакими другими, душами. Благодарим же и прославляем Его, что Он изволит, давая тебе познание себя самой, соделать и тебя немного смиреннее, дабы более внутренне и полно приобщить тебя Себе. Он, несомненно, знает, что ты — нежное дитя (Быт. 33:13); посему Он обращается с тобою с мудрой постепенностью и не переобременит тебя. Если бы Его божественное величие дало почувствовать тебе, да и

всем нам, нашу падшесть и повреждение всецело, то мы поверглись бы в великое отчаяние; посему Он открывает нам её с умеренностью и с переменами и никогда не лишает нас Своего сокровенного укрепления, *так чтобы мы могли перенести* (1 Кор. 10:13).

Сего ради старайся придти в состояние смирения и мира. Беспокойство, страх, смятение при видении своей падшестьи не принесут тебе пользы. В твоём случае всё это происходит от телесной и душевной немощи и от недостаточного препоручения себя и всего своего Богу. Истинные смиренники не страшатся и не беспокоятся; они хотят видеть себя такими, какие они есть. Более того, они весьма *радуются о своих немощах* (2 Кор. 12:10), а главным образом, что Бог — всё для них. Аминь!

Едини себя с благой и совершенной волей Божией (Рим. 12:2) во всех твоих внешних и внутренних обстоятельствах. В этом ты найдёшь всё, что тебе недостаёт. А пока мы хотим чего-то иного, чем того, что Господь определяет нам на данный момент, мы только напрасно мучим себя. Каждую минуту нашей жизни наш внутренний человек должен быть готов сказать Богу: «Я жажду только Тебя и Твоей святой воли, дабы благоугождать Тебе. Какое благо, что Ты таков, каков Ты есть, и что я сейчас также таков, каков я есть, исключая грех!» Такое внутреннее воззвание особенно полезно во время молитвы.

Предай себя полностью одному Богу. Отдай Ему все свои заботы, раздумья и побуждения. Разглядывай себя столь мало, сколь это возможно, и препоручи себя безусловной верой в надёжные руки твоего Господа, дабы Он полностью распорядился тобою, и во времени и в вечности поступал с тобою, как Он считает нужным. Так от всего сердца, всей своей волей вверь себя Ему и занимайся

только Им, дабы в сих занятиях ты смогла забыть себя и свою худость. *Господи, спаси нас от себя самих, и спасёмся!* (Иер. 17:14). Ибо *кто потеряет душу свою, тот спасёт её в жизнь вечную* (Мф. 16:25; Ин. 12:25). Господь Иисус да пребудет с тобою, — в Коем мы сердечно приветствуем тебя со всем твоим домом, и соседями, и знакомыми и поручаем себя твоим молитвам.

(1, I, 33)

Письмо 45-е

О том, что в мире сем мы имеем только скорбь,
и лишь в одном Иисусе обретаем мир Божий.

Сердечно возлюбленный о Господе брат!

Повинуясь внутреннему побуждению приветствовать тебя и от всей души пожелать мира Божия, выкроил время и возможность написать тебе несколько строк.

Размыслим над тем, дорогой брат, сколь великую истину изрёк наш Спаситель: *в мире будете иметь скорбь* (Ин. 16:33). Как бы, где бы и что бы человек ни искал, ничего иного он не найдёт. Наше естество противится кресту и стремится всячески избежать его — но не избежит никак. Поколение за поколением, нисколько не внимая опыту своих предшественников, всё будет стараться избавиться от стези скорби — но не избавится. В падше-естественной жизни невозможно устроиться легко и покойно. Христиане, будучи *странниками и пришельцами на земле* (Евр. 11:13), учатся здесь смирению и умиранию ветхому человеку. В таком умирании им открывается исход из мучительства и тесноты мира сего; и когда они действительно

начинают идти этим путём, то обретают *надёжный доступ* (Еф. 3:12) в обетованную землю покоя и мира. Этот Божий мир, о коем Господь говорит: *во Мне будете иметь мир* (Ин. 16:33); *мир Мой даю вам; не так, как мир даёт, Я даю вам* (Ин. 14:27), есть наилучший, сильнейший и единственный противовес всем страданиям, горестям и трудностям нашей здешней жизни. Ах, Господи! и *кто против нас* (Рим. 8:31), если с нами Ты и Твой глубочайший божественный мир? Пусть вся земля в страхе, войнах, безотрадности — ничто *не повредит* нам (Мк. 16:18), если только *мы имеем мир с Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа* (Рим. 5:1); если же его нет в наших сердцах, то всё и со всех сторон будет мучить нас. О, как бы я хотел, чтобы всякий человек уразумел сие!

Когда люди слышат, что христиане блаженны, то они по естеству понимают под этим, что в христианстве можно обрести благоденствие и избежать страданий. Но это не так. Наша повреждённая природа не может и не должна благоденствовать; и внутренний человек не живёт, если он не изойдёт из падше-природности, мира сего и всяческой самости, ибо во всём этом нет мира, но скорбь, скорбь и скорбь. *Мир только во Иисусе*. Итак, *выйдем и отделимся из среды их* (2 Кор. 6:17); предадим падшее естество и самость на крест и повлечёмся руководством любви и мира в пустыню внутренней отстранённости духа, дабы уразуметь и вкусить благородный мир Божий во Христе, *превысший всякого ума, который соблюдёт сердца наши и помышления наши во Иисусе* (Флп. 4:7).

Что касается меня, то нет мне иного прибежища и иного врачевания от всякой тяготы мира сего, кроме, во-первых, смирения и принятия воли Божией и, во-вторых, взыскания мира во Иисусе и хранения его чрез отстранение от

всего, что не есть Бог и Божие, и чрез внутрь-собрание. Сей сокровенный мир Христов да укрепит и да исполнит наш дух во всё и на всякое время, дабы Божия работа в нас продолжалась беспрепятственно, доколе мы не свершим свой путь в вере. Остаюсь

твоим крайне немощным собратом.

[Мюльхайм, предположительно 1756–1763 гг.]

(2, IV, 154)

V

О детскости Христовой

Письмо 46-е

О ДЕТСКОЙ ЛЮБВИ И ПРОСТОТЕ В ОТНОШЕНИИ К БОГУ.
ТОЛКОВАНИЕ НА ОС. 10:10.

Сердечно возлюбленная о Господе сестра!

Ты спрашиваешь, что значит *«будьте как дети»* (Мф. 18:3). — Дитя любит отца, держится всё время за него, смотрит только на него с отрадой и с желанием во всём радовать его; ничего иного оно и не знает. Часто его слабые ножки заплетаются при ходьбе, и если малыш отпускает поддерживающую отцовскую руку, то он падает, и ушибается, и плачет. Но отец поднимает его, целует и утешает — и тот снова улыбается с мокрыми от слёз глазами и от любви отца забывает своё падение. Сострадательный отец между тем очищает его личико и платье от грязи, в которой он испачкался при падении; а если бы неразумное дитя само захотело это сделать, то грязь бы только размазалась по всему его лицу и одежде и для очищения потребовались бы сугубые усилия. Дитя идёт с отцом дальше, и когда тот

говорит: «Смотри, осторожней», то малыш с детской сердечностью отвечает: «Да, папочка, буду осторожным», — хотя он совсем ещё не понимает, что значит быть осторожным. Любить отца, взирать на него и слушаться его — вот что он знает; когда отец видит это, он сам в умилении и любви *охраняет* своё дитя, *как зеницу ока* (Пс. 16:8), и младенческие его ошибки и промахи нисколько не ставит ему в вину.

Теперь ты хочешь знать толкование одного места из Пророка Осии: *По желанию Моему накажу их, и соберутся против них народы, и они будут связаны за двойное преступление их* (Ос. 10:10). Поскольку голова моя немощна и больна, отвечу кратко. О «двойном преступлении» говорит Пророк Иеремия: *два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоёмы разбитые, которые не могут держать воды* (Иер. 2:13). Когда душа, изображаемая здесь как Израиль, совершает сей грех, то Бог попускает вздыматься на неё многим народам-язычникам, то есть всевозможным языческим помыслам, похотным и гневным чувствам и прочим искушающим силам. Они осаждают душу и *собираются против неё*, дабы *связать*, то есть наказать, её. Но чтобы душа при этом не впала в уныние и отчаяние, Господь уверяет её, что враги обступили её не по своему почину с целью разорить и погубить её, — но что Бог *по Своему желанию* попустил таковое вражеское нападение, дабы вразумить и исправить душу; и, стало быть, Сам Господь есть Тот, Кто наказывает и вразумляет нас (Втор. 32:39), а не собственно те народы и язычники сами по себе. Остаюсь

преданным тебе собратом.
Мюльхайм, 8 декабря 1745 г.
 (2, III, 70)

Письмо 47-е

О ДЕТСКОСТИ ХРИСТОВОЙ.
О ДЕЛАХ И НАМЕРЕНИЯХ ХРИСТИАНИНА.

**Во благодати Иисуса, нашего верного Спасителя,
многовозлюбленный друг и брат!**

Твоё письмо от 4 августа, в котором ты пишешь о своём искреннем и обновлённом желании всецело принадлежать только Господу, весьма обрадовало меня. Во многом обдумывании, что и как написать мне, нет особой нужды. Мы должны быть друг с другом как дети (Мф. 18:3) и приступать к делу просто, тогда и неловкостей никаких не будет. Истинно-детский *ум Христов* (1 Кор. 2:16) не смотрит на возражения павшего рассудка, не принимающего путей Божиих, и не обращает на эти возражения внимания, но поставлением себя в соприсутствие Божие заставляет рассудок умолкнуть. Да, ребёнок немощен, непредусмотрителен, часто повреждает или разбивает ту или иную вещь. За это отец вразумляет или наказывает его — но отнюдь не изгоняет из дома; он остаётся любимым чадом. Ребёнка сердечно печалит, что он огорчил отца; он обещает исправиться. Это обещание вполне младенческое, но также и детски-искреннее и идёт от души. Отец это видит и радуется, хотя и хорошо знает слабость своего дитяти.

Приблизительно так, дорогой брат, происходит и с делами, которые мы совершаем, и с нашими добрыми расположениями и намерениями¹. Мы не должны давать им ни слишком высокой, ни слишком низкой цены. Слишком высокая цена — когда мы решение приступить к делу считаем

¹ Под «делами» Терстеген здесь (и в аналогичных местах) понимает не только внешние занятия всякого рода, но и дела благочестия (молитвословие, воздержание, те или иные аскетические действия и проч.).

уже самым делом или когда мы уверены в себе, что сможем совершить дело именно так, как мы его задумали. Слишком низкая цена — когда мы, первоначально полагая, что можем сделать всё как должно своими силами, затем, столкнувшись с опытом нашей немоги и невозможности сего, вовсе перестаём что-либо делать и не даём хода никаким нашим добрым намерениям и побуждениям под мнимым предложением, что мы ни на что не способны. Несомненно, сами по себе мы ничего не можем — но Бог может всё, и наше немогиение побуждает нас обратиться и придти к Нему (Ин. 15:5).

Всякое доброе чувство, намерение, желание или мысль не есть наше собственное порождение, но Божие действие в нас, которое мы никак не должны отвергать или подавлять в себе, но с благоговением принимать и давать ему место. Также не следует думать, что Бог производит в нас добро только в начале, а потом отходит прочь и оставляет нас наедине с собой, дабы мы продолжали дело сами. Вовсе нет! И в тот момент, когда мы обнаруживаем в себе добрые мысли, желания или намерения, и во всё время, когда мы питаем и осуществляем оные, наш Господь внутренне близок нам, приводя в действие и сохраняя в нас это добро, будучи истинным *корнем* и *лозой* (Откр. 22:16; Ин. 15:5) всякого блага. Он *производит* в нас *хотение* добра, Он и *совершает* его в нас, но *по Своему благоволению* (Флп. 2:13), а не по тому, что *мы* думаем об этом. Нам же надлежит со всей верностью, в непрестанном чаянии новых сил, которые даёт нам прилепление к лозе (Ин. 15:4), чисто пребывать внутри, в сердце, с Богом и предоставлять Ему действовать; стелкаясь же с проявлениями своей немоги и непостоянства, не впадать в малодушие, но вновь обращаться вовнутрь, дабы искать силы к обновлению там, где они только и обретаются.

О возлюбленный брат! Бог, несомненно, неизреченно близок к нам о драгоценном имени Иисуса, дабы помогать

нам, даровать нам Себя, любить нас и, в свою очередь, быть благоговейно любимым нами. Он — всецелое наше спасение и блаженство! Приближимся же к Нему; Он ждёт нас, Он протягивает нам руку, привлекая нас к Себе Своей любовью. Всё сие должно искать и обретать внутри, в сердце, всё, что может поистине исцелить и спасти нас, — и это уже и в сей жизни, и в гораздо большей мере, чем можно выразить. Только нам нужно полностью вверить себя Господу, любить молитву и внутрь-пребывание и не убегать горечи креста. Это бесконечно достойно всяческого попечения.

Прежде чем я получил твоё письмо, я уже написал N. N. всё необходимое для его вразумления и назидания. Почему спотыкаются и падают дети? потому что не крепко держатся за мать. Да будет нам сие в научение и предостережение! Я не доверяю никакой великой решимости, если человек не прилежит усердно молитве и самоотвержению.

Приветствую тебя сердечно и остаюсь, во благодати,
твоим немощным и любящим собратом.
(1, II, 19)

Письмо 48-е

ПЕРЕНОСЕНИЕ СТРАДАНИЙ
и внутренняя обращённость к Богу —
путь к состоянию детскости во ХРИСТЕ.

Страданиями Он навъик послушанию (Евр. 5:8)

Возлюбленная о Господе сестра!

Не думай, что я забыл о тебе; нет, постоянно помню о Господе! Я сердечно сострадаю твоим скорбям, кои обуре-

вают тебя как во внешних обстоятельствах, так и в твоей болезни, и желаю тебе в них помощи и благословения Спасителя, дабы ты с пользой для души мирно выдержала все испытания и достигла духовного плода — подлинного освящения. Поскольку благодать Божия порождает в тебе желание придти в состояние Христовой детскости (Мф. 18:3), то я со своей стороны могу только благодарить Господа, наставляющего тебя на путь, ведущий к сему, — как бы тебе ни казалось, что это совсем не так.

Мы становимся невинными детьми во Христе чрез страдания и внутреннее обращение к Богу. Рассудок и воля ветхого человека совершенно противоположны этому состоянию детскости; и я вижу, что благодать Божия властно искореняет в тебе сии два столь глубоко гнездящихся в нас проявления падшести — не столько телесными немощами и головными болями, сколько тем, что Господь ни совне, ни внутри не даёт вещам идти так, как бы тебе хотелось, но всегда по-другому (особенно в твоих нынешних внешних обстоятельствах). Время страданий и напастей есть время нашего плодоношения, когда мы смиренно и даже с радостью претерпеваем бедствия и тяготы ради славного плода послушания Богу — чём мы угождаем Ему больше, нежели жертвами, и что́ главным образом способствует детскости во Христе.

Делай во всём то, что ты можешь; а остальное препоручи Господу, Который непременно всё управит ко благу (Рим. 8:28). Отринь всё, что запутывает и смущает тебя и приводит к малодушию. Молись Господу, да совершается всё, что ты делаешь и что претерпеваешь, ради Него. Пребывай с Ним в сердце, насколько можешь; если у тебя нет возможности уединиться, то вверь сие внутреннему человеку и любви к Богу, которые ничем не связаны и могут и среди многолюдства и многих забот неприметно приникать к Богу и *поклоняться Ему в духе и*

истине (Ин. 4:24). Господь да совершит сие Своею благодатью и благословит твою душу во веки! Сердечно приветствует тебя
твой немощный собрат.
(1, I, 59)

Письмо 49-е

О НЕОБХОДИМОСТИ СТАНОВИТЬСЯ ДЕТЬМИ ВО ХРИСТЕ
И ДАЖЕ САМЫЕ ЧИСТЫЕ И СВЯТЫЕ НАШИ НАМЕРЕНИЯ
ПРЕДАВАТЬ БОГУ.

Сердечно возлюбленная о Господе сестра!

Приветствую тебя самым искренним желанием, чтобы ты всё больше и полнее приобщалась детскости Христовой (Мф. 18:3). Твоё любезное письмо получил, но был не в состоянии ответить; страдаю столь сильными головными болями, что едва могу держаться на ногах.

Слава и благодарение Богомладенцу Иисусу, что Он непрестанно поддерживает тебя и *руководит тебя советом Своим!* (Пс. 72:24). Сей Его сладчайший и достопоклоняемый совет и цель всех Его путей состоит в том, чтобы мы от всего сердца уразумели основополагающую истину: *Он один, и только Он, и никто иной; посему да преклоняемся пред именем Иисуса* непрестанно (Флп. 2:10). Но скоро называется, да долго делается — при том что само-действием мы здесь ничего не добьёмся, ибо Он Сам изволит действовать в нас и мы должны лишь, вверившись Ему, как дети (1 Ин. 3:2), давать место таковому Его действию.

Ты знаешь, дорогая сестра, что даже и в самых искренних и добрых христианах есть некое расположение, проистекающее из нашей падшести, — а именно: мы хотим обладать ос-

вящением и всяким Божиим благом как *своим*, как тем, что мы сами приобрели, или хотя бы как тем, что даровано нам за наше ревностное стремление к Богу. Всё это коренится в человеке очень глубоко, и это и есть *самость*. Посему я всегда настаиваю, что христианин даже и чистейшие и святейшие свои намерения не должен осуществлять с напором своеволия, но, кротко, тихо и смиренно возвратив их в сердце, откуда они произошли, положить их там пред Богом и ожидать с детским и чистым упованием, что Он Сам со всем этим сотворит. Поступая так, ни одна душа не постыдится, каким бы порой странным ни казалось то, что с нею происходит.

Если же мы настроены иначе и хотим осуществлять свои намерения с горячностью само-деятельности, то мы часто обретаем внутри себя (а то и совершаем делом) противоположность тому добру, которого столь сердечно желаем, — ибо Господь никому не позволяет, чтобы Ему что-либо предписывали или к чему-либо понуждали. Всё Божие — исключительно Его благодать. Впрочем, Бог открывает человеку разумение этой истины не сразу, но постепенно и с бесконечным долготерпением, поскольку если бы душа в начале своего пути увидела столь великую «пропитанность» падшестью всех своих желаний и дел, то она впала бы в уныние, малодушие и ложное бездействие.

Души же, коих Бог приводит к детскому преданию себя и всего своего Христу, утомляются, обессилевают и теряют покой, как только они отступают от детскости Христовой. Но как скоро они возвращаются к ней и вновь всецело предаются Господу, к ним постепенно опять приходят мир, вера и крепость. Посему дети Христовы не желают в самих себе что-либо иметь, мочь или делать; но они пребывают в соприсутствии Божиим и уповают на то, что Иисус благ и свят и что Он Сам соделает в них и с ними всё к их благу

(Рим. 8:28), а им не нужно заботиться, как и когда сие произойдёт. При этом они стараются всё от них зависящее делать так хорошо, как они могут; когда им указывают на их огрехи и ошибки, они охотно стремятся исправить оные; их греховная повреждённость нежеланна и огорчительна им, но не приводит их в немирность и беспокойство — ибо они хотят *умалиться* (Мф. 18:4) и стать святыми не в себе, а в Иисусе, и всё, чего им недостаёт, обрести в Нём.

Да соделает тебя и меня Бог таковыми детьми! сего я от всей души желаю. Весьма сострадаю тебе в твоих обстоятельствах; но *Господь близко* (Флп. 4:5) и *печётся о тебе* (1 Пет. 5:7). Больше не могу писать. Сердечно приветствую тебя!

Преданный тебе собрат.

Мюльхайм, 22 октября 1738 г.

(1, II, 141)

Письмо 50-е

О ДЕТСКОМ ПРЕДАНИИ СЕБЯ БОГУ И ЕГО РУКОВОДСТВУ.

Возлюбленная о Господе сестра!

Ваше письмо получил своевременно и ваше духовное состояние вполне из одного уяснил. Ах, если бы вы смогли больше забывать себя, своё доброе и худое, и тихо и сердечно заниматься только Богом в вере!

Я хорошо знаю, что в вас, равно как и во мне, по падшей нашей природе нет ничего, кроме зла. Не ждите же, что горький источник изольёт сладкую воду. Всё, что мы думаем, желаем и делаем *от себя*, всё — нечисто и не может дать нам ни света, ни покоя: мы только запутываемся и омрачаемся всё больше. О, как было бы прекрасно, если б мы смогли утишить

действие всякого «от себя», повергнуться пред лицом Господа как малые, неискусные, нерассуждающие дети, и только Ему предоставить в нас действовать, мыслить и желать! Как скоро увидели бы мы *помощь от Господа!* (Пс. 120:2).

Тех, кто предал себя Богу, Он, *будучи верным и праведным* (1 Ин. 1:9), никогда не оставит, ибо они — Его истинные овцы, находящиеся больше не в собственных, но в Его руках, откуда их никто и никогда не сможет похитить (Ин. 10:28).

Прошу вас, не рассматривайте ваши внешние обстоятельства как препятствие для вашего освящения — ибо тогда они действительно будут ему препятствовать. Напротив, воспринимайте всё (исключая собственно грех и зло) как некое богослужение, как то, что помогает и способствует богообщению, — как оно и должно быть, если вы всё делаете и всё переносите ради любви Божией. Чем больше что-то идёт против наших падших мыслей и чувств, тем лучше это для внутреннего человека.

Не слишком много размышляйте о будущем — «как и что выйдет из моей жизни», «точно ли я буду спасена» и т. п. Это помыслы и страхи падшего рассудка, но не веры. Ломают ли себе голову малое дитя над тем, станет ли оно взрослым человеком? Оно бесхитростно вкушает свою пищу и растёт неприметно, а время уже покажет, каким оно вырастет. Итак, предоставьте Господу делать Своё дело, а сами ходите пред Ним как пред вернейшим вашим Другом (Песн. 7:11), во всякой простоте и внутри-пребывании. Любите молитву больше, чем чтение, — я разумею детскую сердечную молитву. Читайте также больше сердцем, чем головой, и только такие сочинения, которые могут напитать и укрепить сердце.

Что касается вашего переезда, то я вполне одобряю его, если только ваши внешние условия не претерпят от сего каких-либо ухудшений. Ничего страшного не будет, если я от-

далюсь от вас или и прочих душ, коим, как представляется, я могу чем-то послужить, — все мы с Богом! С одной стороны, я с трудом верю, что общение или разговоры со мной приносят такую уж пользу; с другой стороны, пусть даже это и так — но ведь человек не должен «застрывать» ни на каких, даже самых лучших средствах, дабы они вместо помощи не стали для него преткновением. И даже если бы я был святым, то не мог бы оказать вам лучшей услуги, чем отворотить вас от себя и от всякого творения и обратиться к Тому, Кто *имеет жизнь в Самом Себе* (Ин. 5:26). И при этом наша христианская любовь может быть (и будет!) ненарушимой и вечно утверждённой в Господе — в Коем я и приветствую вас сердечно, поручаю себя вашим молитвам и в ожидании скоро увидеть вас здесь заканчиваю письмо и остаюсь

вашим немощным собратом.

Мюльхайм, 28 июня 1729 г.

(1, I, 92)

Письмо 51-е

Всё, что ни делает Бог, — благо.

Во время нашего земного странствования нам
надлежит веровать сему в детской простоте,
а в будущей жизни мы это ясно увидим.

В благословенном нашем Спасителе Иисусе сердечно возлюбленный брат!

Весьма утешительно было мне узнать из твоего последнего письма о твоём состоянии и о милости Божией — что Он ведёт тебя к внутренней детскости Христовой (Мф. 18:3) и к оставлению самого себя (Мк. 8:35). Благословен Бог, восхотевший принять нас под Своё отеческое и неложное руководство! Да

уповаем на Него всецело и да уразумеваем, что Богу угодное всего, когда мы полностью и в простоте вверяем себя Ему!

Наше же дело — которое также Он Сам совершает в нас — чтобы мы *веровали* (Ин. 6:29) и *святили* в себе *имя* и всякое действие *Его* (Мф. 6:9). Этому должно *способствовать всё* (Рим. 8:28), даже то, что представляется нам помехами на нашем пути. Господь знает свойства каждого и умеет с великой премудростью и благостью наложить истинное врачевство на наши раны, если только мы относительно всего, с нами случающегося, неизменно детски (как это и подобает христианам), без исследования, с верою исповедуем: *ей, Отче! таково было Твоё благоволение!* (Мф. 11:26). Ибо пока мы не захотим *стать* безоговорочно доверчивыми Христу *детьми* (Мф. 18:3), мы не сможем достичь истинного оставления самих себя и предания себя Богу, что бы мы об этом ни думали. Когда наша самость заботится, рассуждает, страшится, строит планы, напрягает свои силы и т. д., мы только теряем то, что ищем. Именно поэтому, дорогой брат, — какая это драгоценная благодать, что Господь чем дальше, тем больше утверждает нас в том, чтобы у нас оставалась лишь одна забота, а именно: как *новорождённые* невинные *младенцы* (1 Пет. 2:2), безыскусно и беспопечительно пребывать с Отцом, направляя свою волю только на то, чтобы ходить пред Ним и целиком вверять себя Его любви!

Всё хорошо, что делает Отец. В это мы должны *здесь* верить, а *там* мы это ясно увидим. Но ещё и здесь Он по временам даёт нам почувствовать, что *все пути Его* — сплошь *милость и истина* (Пс. 24:10). Если бы я двенадцать — пятнадцать лет назад мог предвидеть стези, по коим мне надлежало ходить, то я предпочёл бы смерть, потому что счёл бы их совершенно неподходящими мне, разорительными и вредными для души. Но благодарение Богу, Который закрыл мне глаза и связал руки и ноги (и до сих пор связывает оные), дабы вести меня по *Своему*

совету, а не туда и так, куда и как я хочу. И теперь мой дух *и вся внутренняя моя* (Пс. 102:1) в сердечной благодарности склоняется пред Господом, соделавшим *всё хорошо весьма* (Быт. 1:31). Не сомневайся же, дорогой брат: твой путь добр; только пребывай, по Божией благодати, в смиренной простоте и тихости в лоне отеческой Его любви, от всей души предавая себя Ему и не оглядываясь ни на что. Тогда Он сотворит в тебе Своё дело в совершенстве. Ему слава чрез Иисуса Христа, аминь!

Итак, да умерщвляет в нас Господь каждодневно и всё больше всякую нашу самость, дабы Он один стал в нас *всем во всём* (Еф. 1:23; Кол. 3:11), к прославлению Своего святого имени в нас! Препоручаю себя твоим молитвам, равно как и я часто вспоминаю о тебе в духе пред Господом, в Коем, возлюбленный брат, приветствуя и обнимая тебя и твою дражайшую супругу, остаюсь, по благодати,

вашим единоклюнным немощным собратом.

*Мюльхайм, 1730-е гг.
(Holl., 52)*

Письмо 52-е

ЧТО СОВЕРШАЕТСЯ ДЛЯ ГОСПОДА,
НИКОГДА НЕ БЫВАЕТ НАПРАСНЫМ, КАК БЫ ОНО НИ БЫЛО МАЛО.
ЛУЧШЕ ВСЕГО ДЕТСКИ СЛУЖИТЬ БОГУ ЧРЕЗ ТО,
ЧТО ДАЁТСЯ НАМ В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ,
ВСЁ СОВЕРШАЯ РАДИ НЕГО.

**В Господе Иисусе Христе,
Который да живёт в твоей душе,
возлюбленная сестра!**

Твоё весьма любезное мне письмо от 8 сентября получил. Благодарю тебя за благожелательные хлопоты! Что де-

ляется для Господа, то никогда не пропадает, как бы мало оно ни было. Самые большие наши свершения — ничто пред Господом; но чистое намерение по Богу и простое око всё делает значительным и добрым. Этого люди не понимают; они смотрят на то, *что* совершается, а не на *основание*, из коего истекает действие. В великих делах гораздо больше, чем это обыкновенно думают, от падшего человека, чем от Бога. Человек хочет служить Богу грандиозными и экстраординарными вещами, как это он себе представляет; но несравненно лучше он угодил бы Богу в тех малых событиях и вещах, которые божественный промысл даёт ему в руки в настоящий момент.

Алхимики утверждают, что даже в самых простых металлах, свинце и железе, содержится немного золота, и пытаются извлечь оное. И я говорю, что в малейших и простейших вещах и поступках есть нечто от Бога; и потому, всё принимая от Бога, всё претерпевая ради Бога и всё совершая для Бога, можно всё соделать божественным. Этому искусству — чтобы из всего извлекать подлинное духовное золото — я и хочу обучиться. Простые дети о Христе (Мф. 18:3) наиболее способны к сему. Господь лишает их возможности совершать великие дела, чтобы они не прельщались внешним блеском, но тем надёжнее и безопаснее ходили в Христовой простоте такими путями и среди таких дел и вещей, которые кажутся малыми и незначительными, но которые дороги Богу и служат к Его прославлению. О! да внушит нам Господь сие в полной мере, дабы мы везде усматривали и находили не себя и своё, но Его одного во всём!

Сердечно приветствую тебя в духе любви и остаюсь

твоим единомышленным во Христе братом.

Мюльхайм, 13 октября 1744 г.

(Holl., 79)

VI

О борьбе с грехом.
О духовной брани

Письмо 53-е

О ТОМ, КАК НУЖНО СМОТРЕТЬ НА СВОИ ГРЕХИ
И КАК ВЕСТИ СЕБЯ ПРИ ИСКУШЕНИЯХ.

Во благодати Божией многовозлюбленная сестра!

Ваше любезное письмо получил вчера вечером и, не зная, когда к вам будет оказия, спешу сразу написать краткий ответ.

То, что я в последнее время не мог к вам приехать, было, конечно, Божиим попущением, имеющим целью научить вас тому, на что я не раз обращал ваше внимание, а именно: не смотреть и не опираться на людей или какие-либо средства, но только на Бога и на Его благую волю, и стараться прежде всего истинно познать Его (1 Ин. 5:20) и возыметь общение с Ним (1 Кор. 1:9) — чего не может дать вам никакое творение. Между тем я немало удивлён, что вы, выказывая многие и различные знаки доверия ко мне и к моим словам, питаете ныне нелепые мысли, будто я избегаю общения с вами якобы ради вашей падшести и греховности — в то время как я неоднократно доказывал обратное и ещё раз

уверяю вас в этом. Усматривайте же из сего с несомненностью, что вам нужно быть гораздо проще, чем вы есть, не так много рассуждать и никогда не думать плохо ни об одном человеке. <...>¹

Если бы вы правильно уразумели несколько положений, касающихся греховности и падшести, и действовали согласно им, то ваше духовное состояние значительно бы улучшилось. Положения эти следующие: 1) не сомневайтесь, что вы исполнены греховности; 2) не любите грех; 3) не разоряйте себя из-за своей греховности; 4) не думайте о грехах. Тогда скоро отверзется вам дверь к освящению и душа ваша обретёт покой.

1. Да, в вас ещё больше греховности, чем вы это видите. Да, если бы не Господь и не действие Его благодати, то вы только бы и делали, что непрестанно согрешали. — Мы веруем и исповедуем, что мы падшие существа, но своею жизнью, похоже, опровергаем таковое исповедание. Ибо откуда происходит то, что мы отчаиваемся и опускаем руки, когда в нас прорывается нечто недолжное или, в особенности, когда Господь даёт нам болезненно почувствовать наше повреждение и осязательно убедиться в нём? Как будто мы и не верим, что несём в себе залежи грехов, но полагаем, что уже далеко продвинулись на пути к Богу или что в нас уже укоренены многие добродетели! Вот Бог и показывает нам эти добродетели как самость и нечистоту. Все наши действия, поскольку они *наши*, нечисты (Иов 14:4; Ис. 64:4), пусть даже они и имеют в виду благие цели. Кто в это *по-настоящему* верит, тот непременно будет учиться воздерживаться от самостоятельного делания,

¹ Здесь Терстеген описывает обстоятельства, по которым он не мог отлучиться из Мюльхайма.

всецело, как подобает христианину, предавать себя Господу и так смиряться в себе самом, чтобы почитать себя недостойным никакой отрады, и более того — с готовностью принимать всякий крест, налагаемый на него от Бога или от людей.

2. Но хоть вы и исполнены греховности — *не любите грех!* Я имею в виду вот что: когда в вас вздымается вся сила греха и зла и вы со всех сторон не видите ничего, кроме искушений, — то говорите от всего сердца Богу: «Господи! несмотря ни на что, я не хочу согрешать». Мягко, но решительно отвращайте вашего внутреннего человека от зла и сердечно обращайтесь на сторону Бога — насколько вы можете. В Нем и с Ним вас не постигнет никакое зло. Если же вы этого совсем не можете, то смиренно терпите, подобно скале, выдерживающей удары бушующего моря, или дереву, обуреваемому градом и ненастьем, — пока вновь не наступит вёдро. Когда вам видится, что ваша воля преклоняется на грех, то тем больше взывайте всем сердцем: «Господи! я не хочу согрешать!»

3. И *не разоряйте себя из-за своей греховности*. Смятение и разорение души при искушениях и видении своей падшести приводит только к тому, что зло делается ещё злее, и вместо того, чтобы нести и претерпевать *искушение*, мы впадаем в *действительный грех*. Беспокойное и растревоженное сердце уже наполовину побеждено и никогда не способно ни к чему доброму. Когда коварный змий пришепчет, что душа боится каждой тени, то он часто мучает её сильнейшим образом, ничего более не деля, как только крадя у неё время чрез постоянное беспокойство. Да, мы имели бы причину бояться, вздыхать, беспокоиться и бежать незнамо куда (как вы пишете), если бы не было Господа нашего Иисуса Христа, Который никогда не оставля-

ет грешника без Своей помощи, хотя и попускает нашему кораблю некоторое время обуреваться волнами, не являя (как нам кажется) Себя (Мк. 4:37). Нетерпеливое, необузданное наше повреждённое естество не хочет ждать, но действовать напролом огнём и мечом (Лк. 9:54; Ин. 18:10); оно хочет, чтобы ему немедленно помогли, а если не так, то оно сразу отчаивается. Нет, дорогая душа! *мужайся, и да укрепляется сердце твоё, и уповай на Господа!* (Пс. 26:14).

4. Также *не думайте о грехах*, по крайней мере не думайте специально. Думанье о них часто порождает искушения. Постоянное «застревание» на своих грехах только ввергает вас в малодушие и неверие. Или вас страшит, что на вас обрушится столько грехов и такие сильные искушения, что Иисус не сможет вам помочь? Неразумное создание! Смотрите на грех и на то, что происходит в вас против воли, как на дело, вовсе вас не касающееся; бросьте всю эту мерзость, она недостойна вашего внимания и того, чтобы вы возились с ней. Даже если вы чувствуете в себе сильнейшее движение греха, то старайтесь по возможности не уделять этому внимания и скорее предавать забвению. Опыт научит вас, что часто великие искушения побеждаются простым невниманием к ним. Неужели вам больше нечем заняться в этой жизни, чем всё время думать о грехе? *Бог и Его сопричастие должны быть главным занятием вашего сердца*; если же в него совне или изнутри вторгается что-то другое — нажалуйтесь на это Богу, даже и без слов, по-детски и от всей души, как вы могли бы сказать это вашему лучшему другу, когда он находится при вас. И держитесь только за Него одного, ни за что иное! Взирайте на Него постоянно очами вашей любви (но не составляя при этом никаких образов); поклоняйтесь Ему в духе на всяком месте (Ин. 4:23); благоговейте пред Ним;

предавайте Ему себя ежеминутно; объёмлите Его в своём сердце — кратко сказать: истинно соединяйтесь с Ним и всецело располагайте свою жизнь так, что Он — ваш драгоценнейший и вернейший Друг и Отец, а вы — Его дитя; и этими и подобными сердечными мыслями и чувствами занимайте себя внутренне так, чтобы за ними вы забывали себя, и весь мир, и грехи. Если же вам придёт в голову: «Ах, я никуда не годная, падшая, исполненная греха», — ответьте себе: «Да, я знаю это, но мне некогда этим заниматься». О! если бы вы смогли, как дитя, идти таким путём — как скоро бы благодать осветила вас, без ваших особых действий и умствований!

Прежде чем закончить сие письмо, которое я не хотел бы делать слишком пространном, отвечу на то, что, как вы пишете, «люди на меня часто сердятся», и дальше: «мои близкие и друзья отделились от меня» и т. д. Хотя я не вполне понял, что вы имеете в виду, но скажу обще: исполняйте свои обязанности по возможности наилучшим образом, насколько это необходимо для заботы о детях и для ведения хозяйства, со смиренным и радостным расположением души, и будьте уверены, что тем самым вы служите и весьма благоугождаете Господу. Будьте дружелюбны и послушны всем, а в особенности вашему супругу — во всём, что не идёт против Бога и вашей совести, ибо это есть воля Божия (1 Пет. 3:1; Кол. 3:18). Если при этом кто-то попусту сердится на вас, то радуйтесь и помышляйте, что и Спаситель был камнем преткновения для многих. Прорывается ли у вас против воли что-то недоброе, в словах или в делах, так что ближние сердятся на вас справедливо, — смиряйтесь в сердце пред Богом; а если того требуют обстоятельства, то искренне признайте перед людьми свою неправоту. Но только не разоряйте себя этим и не беспо-

койтесь слишком, чтобы последнее не было хуже первого. Напротив, скорее предавайте себя благодати, дабы она укрепила и утешила вас. Благодать Божия подобна матери, быстро поднимающей своё дитя, упавшее в грязь; вот и прибегайте к ней, вместо того чтобы долго рассматривать ту грязь, в которую вы попали.

Я знаю, вы найдёте на что возразить в этом моём письме; но только на всё таковое я не раз отвечал, да к тому же голова моя так слаба, что от писания я уже устал. Я вовсе не претендую на то, чтобы учить вас или кого бы то ни было, поскольку сам исполнен тьмы и падшести; но в простоте следуя вашему желанию и думаю, что сие письмо послужит вам неким утешением. Я уезжал на несколько дней и, возможно, отъеду ещё в ближайшее время, так что не знаю, когда Бог даст нам *поговорить устами к устам* (2 Ин. 1:12). Молитесь за меня! надеюсь, что Господь также даст мне благодать молиться о вас. Сердечно приветствую вас, равно как и вашего супруга. *Верен Бог, Призывающий нас* (1 Фес. 5:24); Он *не покинет вас* (Евр. 13:5). В Нём пребывая, остаюсь

вашим благожелательным другом
и со-странником в мире сем.

*Мюльхайм, 10 октября 1729 г.
(1, I, 93, в сокращении)*

Письмо 54-е

К ТОЙ ЖЕ ОСОБЕ, О ТЕХ ЖЕ ПРЕДМЕТАХ.

Возлюбленная во благодати Господа Иисуса сестра!

Из вашего письма я вижу, что моё последнее к вам послание принесло вам немалую пользу и благослове-

ние — что мне очень отрадно; не потому, что это я написал его, но потому, что, насколько мог, я изложил в нём божественные истины, для всех нас, а в особенности для вас, весьма благотворные и спасительные. Бог да укрепит вас в Своей истине и да дарует вам придти в состояние Христовой *детскости* (Мф. 18:3) — и тогда со временем вы познаете Его чудеса в гораздо большей мере, чем о них можно сказать.

Я часто с великим состраданием думаю о тех христианах, кои, будучи во многом весьма верными Богу, день за днём и год за годом мучают себя множеством бесполезных усилий и причиняют себе великие беспокойства, не зная того, что могло бы им легко помочь, а именно: пребывать в своих сердцах внутренним, тихим и детски-невинным образом с Иисусом и в Иисусе, Который столь близок к нам. Ах! *труждающиеся и обремененные* этим незнанием! *придите* же и *обратитесь* с упованием, как *дети*, внутренне ко Христу, и вы *обращаете покой душам вашим!* (Мф. 11:28–29; 18:3).

Но только сказанного никто не поймёт как должно, пока не придёт час и Господь не откроет это душе. Благодарите же Его, что Он дал вам увидеть сей путь и вкусить нечто на нём; сохраняйте сию благодать в безмолвии сердца, не много говоря о ней, ибо большинство людей *неспособны это слушать* (Евр. 5:11). Также из-за новизны для вас сего воссиявшего вам света не давайте слишком много места движениям чувств; бережно прикройте сей огонь, дабы он горел тихо — но постоянно. Что ваше падшее естество и рассудок противятся и бунтуют, вовсе не удивительно. Они привыкли быть главными советчиками для души и считают, что душа во всём, что она делает, должна слушать их и давать им отчёт. Выставьте их наружу, и пусть они

бурчат там. Дети не философствуют, они доверяют матери безусловно. Приходят дни, в нас и вне нас, когда всякая человеческая мудрость постыдится перед детскостью Христовой! Ей, аминь!

Отвечая на ваши рассуждения о том, чем следует занимать себя — своей греховностью или любовью Божией во Христе Иисусе, замечу, что в пору новоначала очень важно исследовать своё внутреннее и внешнее устройство, слова, дела, мысли и желания и видеть свои грехи и свою повреждённость в точности, дабы душа возростала в познании себя самой и в страхе Божиим; весьма хорошо и полезно научиться сему. Однако же это делание *никого не может довести до совершенства*, праведности и святости; оно лишь *приводит к лучшей надежде* (Евр. 7:19), каковая лучшая надежда, лучший путь, лучшее делание состоит в следующем: верую, уповаю на очищающую нас Кровь Иисуса Христа (Евр. 9:14), с детской простотой *приближаться к Богу* (как указывает Павел в Послании к Евреям, 7:19) и входить с Ним в наитеснейшее общение в своём сердце. Я полагаю, что в особенности вам это будет многократно полезнее и назидательнее, чем «застрывать» на своих грехах, как я уже не раз говорил вам.

Может ли быть неугодным Богу, когда вы, чтобы помышлять о Нём и пребывать с Ним, забываете себя со всей вашей «великой греховностью»? Тем более что вы хорошо знаете, что сами себе вы ни в чём помочь не можете, а только Он — ваш Спаситель. И напрасно вы боитесь, что при этом вы познаете себя и своё повреждение меньше, чем когда вы скрупулёзно исследуете себя и копаетесь в грехах. Наоборот, вы увидите свою падшесть и самость гораздо более действенным образом и много точнее, не прилагая к сему особых усилий, — именно, в неложном

свете Божиим и в Его соприсутствии. В этом случае грехи смиряют, но не разоряют и не ввергают в малодушие и уныние; христианин не увязает в них, но как бы уходит от них на глубину, погружаясь в сладчайшую любовь Господа Иисуса. Господь желает, чтобы мы всецело доверились Ему и приходили к Нему, как дети (Мф. 18:3), какими бы жалкими мы ни были. Ибо это есть Его милостивое благоволение — жить и действовать в нас и соделать нас Себе подлинно Своими, близкими (Еф. 2:19). И пусть падший рассудок претывается о человеколюбие и снисхождение нашего Бога и почитает это за безумие (1 Кор. 2:14) — мы не дадим ложному смирению препятствовать славе Божией и нашему благу!

Наконец, старайтесь всё больше внутренне, по-детски пребывать с Богом в глубине вашей души. Когда вы чувствуете в себе детское благоговение перед соприсутствием Божиим, тихое благобытие, побуждение любви к внутри-собиранию и сердечному безмолвию и тому подобное, то веруйте, что ваш божественный Друг хочет посетить вас. Дайте же Ему место, насколько вы можете, и смиренно следуйте Его действиям. Утишайте и удерживайте свои чувства, мысли, волю и всякое само-действие. Такое пресечение деятельности отнюдь не есть праздность (как вы пишете). Да падут от соприсутствия Божия все ваши образы и человеческие смыслы! Он непостижим. Только *веруйте*, что Он соприсутствует вам! Это относится к вашему внутреннему состоянию; если вы сохраните его и во время своих повседневных занятий, то и всё внешнее будет у вас добрым и угодным Богу.

Видите, я хотел написать вам несколько строк, а получилось так много, и о столь важных истинах. Бог да откроет их нам и да введёт нас в них!

Книги, которые вы мне назвали, хороши; но только сейчас не читайте много. Не рассеивайте себя чтением; читать нужно мало и только то, что может способствовать внутрь-собираению. Итак, обращайтесь к Богу, приходите к Богу — но не ко мне; за мою душу помолитесь, а после сего забывайте меня и всё моё. Впредь, когда будете писать ко мне, не именуйте меня высокими словами, но просто вашим другом — каковым я и надеюсь оставаться по благодати Господа Иисуса Христа.

*Мюльхайм, 11 февраля 1730 г.
(1, I, 96)*

Письмо 55-е

О СОПРИСУТСТВИИ БОЖИЕМ.
О ВИДЕНИИ В СЕБЕ ГРЕХА И САМОСТИ.

Сердечно возлюбленный во благодати Господа Иисуса брат!

Ты пишешь мне о своём душевном состоянии. Я с несомненностью вижу в нём ведущую тебя руку Божию; посему тебе не стоит тревожиться. Не имея надлежащего опыта, невозможно поверить, что в одной душе могут одновременно иметь место две столь противоположные вещи, как благодать и грех¹; но на самом деле так устроит Господь. Благодать Божия есть свет, открывающий всякую тьму греха и самости (Еф. 5:13). Когда это про-

¹ Имеется в виду не произвольно совершаемый грех, а общая греховность, падшесть человека. Ср. преп. Макарий Великий: «Нередко благодать действует в человеке непрестанно, подобно тому, как и глаз в теле. Но вместе пребывает в человеке и грех, и в обольщение вводит ум». Слово 1, § 11.

исходит, Господь премудро отходит от нас Своим соприсутствием, иначе наше немощное существо умерло бы, не выдержав чистоты Божией. Но поскольку Он желает исцелить нас, то соразмеряет всё по силам души. Благодарите Бога, что Он являет тебе Своё соприсутствие; благодарите Его также, что Он показывает тебе тьму падшести, которая может быть познана только в Его свете, и неси происходящие от сего скорби со смирением и преданием всего в Его волю, дабы пламя Его любви выжгло твою самость; пока до этого ещё далеко.

С одной стороны, ты отчасти видишь свой падше-природный образ, который подлинно есть образ змия и древо самолюбия с бесчисленными большими и малыми ветвями; секира должна посесть сие древо под корень (Мф. 3:10). С другой стороны, дух отчасти чувствует, что Бог бесконечно благ, что Он соприсутствует нам, и что в Его внутреннем соприсутствии мы обретаем *жизнь с избытком* (Ин. 10:10) и высшую радость и довольство. Там хочет быть наш дух, хотя низшая, внешняя часть нашего существа настроена совсем по-другому. Разделение сих частей в тебе ещё отнюдь не совершилось (Евр. 4:12), хотя и кажется, что каждая часть живёт для себя и враждует с другой. Иногда внутренний человек слишком выходит вон, а иногда так привлекается соприсутствием Божиим к углублению в Него, что почти совсем не видит внешнего. Но помочь своему внутреннему человеку невозможно никаким иным способом, кроме того, чтобы ты по возможности приимательно, не вовлекаясь ни во что внешнее, переносил всё, что случается с тобою (Лк. 21:19): злое — в простоте не воспринимая его и не соглашаясь с ним; доброе, и всякое действие Божие — одобряя их и предавая себя Богу.

Только будь мирен! Всё будет хорошо, хотя бы и умножались скорби. Бог хочет, чтобы ты был всецело Его, как бы ни ужасалась сему самолюбивая жизнь. Заканчивая письмо, препоручаю тебя попечению столь близкого нам Господа и остаюсь

преданным тебе собратом.
Мюльхайм, 27 августа 1734 г.
(1, II, 68)

Письмо 56-е

О БОРЬБЕ С ГРЕХОМ.
О ЛЮБВИ БОЖИЕЙ.

Возлюбленная о Христе сестра!

На твоё письмо я уже часто отвечал мысленно; записать сей ответ доселе не доставало времени. Я всегда рад узнать, как у тебя идут дела. Только, прошу тебя, будь проще, когда ты пишешь мне. Я хочу сказать, чтобы ты описывала своё состояние точно так, как оно есть, а не в нарочито чёрных или светлых тонах; такая простота приносит благословение Божие и угодна Ему.

Чувство своей падшести, самости и внутреннего повреждения есть не что иное, как Божия милость. Господь хочет, чтобы ты «устала» от себя самой, *возненавидела и оставила себя* (Лк. 14:26; Ин. 12:25) и прибегла к Нему, твоему единственному спасению и избавлению. Но нужно различать вышесказанное и грех как таковой: грех — когда в душе наличествует *произволение* на зло. Да не попустит сего Господь! Когда ты ощущаешь в себе нечто таковое, то молись от сердца: «Господи! лучше мне умереть, чем согрешить!» При этом

слишком долго рассматривать в себе зло, когда оно заговорит в тебе, и слишком много думать о нём вредно и даже опасно. Наоборот! забудь, по благодати, свою повреждённость и её проявления, да и себя саму, и возвысься над всем в Боге.

Ты спрашиваешь: с чего нужно начать, чтобы отрешиться от всего тварного? Я отвечу кратко, что легче всего это совершается действием чистой любви Божией. Со своей стороны навывай вхождение в сию любовь Божию следующим образом: веруй, что Господь, как единственный твой верный сердечный Друг (Песн. 7:11), непрестанно сопresents тебе; старайся ради Него забывать всё остальное, чтобы только о Нём думать, Ему простирать своё сердце, Ему поклоняться, Ему препоручать себя и пребывать обращённой к Нему всеми силами и всем тяготением своей любви. Далее, из любви к сопребывающему тебе *Богу-Любви* (1 Ин. 4:16) принимай или отвергай, претерпевай или действуй сообразно сей любви во всём, что бы тебе ни встретилось по Его промыслу. Вот твоё занятие и дело, в коем надлежит подвизаться настолько ревностно и сердечно, насколько это для тебя возможно, и всякий раз, когда ты отвлекаешься от сего делания, возвращаться к нему.

Это же делание послужит и тому, что ты, постепенно отрешаясь от видимого (2 Кор. 4:18), будешь уразумевать, как тебе безошибочно поступать в затруднительных случаях и в искушениях. Бог же со Своей стороны всё больше даст тебе воспринимать (хотя не всегда чувствуемым образом) привлечение Своей чистой любви в твоём сердце, отчего ты будешь собираться вовнутрь, утишаться, укрепляться и исходить из себя самой и всего сотворённого в Бога, несозданное, бесконечное и спасительное Благо, к совершенному миру и покою твоей души. Пусть же тебя ведёт и принимает в себя сия чистая любовь Божия; тогда

ты скоро изменишься. Этой любви я препоручаю тебя, и остаюсь, и проч.

*Мюльхайм, 28 апреля 1732 г.
(1, II, 54)*

Письмо 57-е

О том, что с чадами Божиими ничего не происходит
без воли их Небесного Отца.

Многочисленные причины
внутреннего разорения и рассеянности.
Два рода помыслов — головы и сердца.

Возлюбленная во благодати Господа Иисуса сестра!

Твоё последнее письмо прочитал с радостью. Хотя мы и общаемся молитвенно в духе, но меня весьма утешает, когда я узнаю о подробностях жизни тех, кого я сердечно люблю, поскольку так мы можем больше и лучше участвовать в скорбях и радостях друг друга во Христе (Рим. 12:15).

Твои головные боли и телесные немощи, несомненно, происходят от руки Господней, к твоему благу. Если (думаю я иногда) *ни один волос не упадёт с нашей головы без воли Отца Небесного* (Мф. 10:29–30), то неужели вся голова будет так болеть без Его соизволения? Воздадим славу Богу, Которому угодно посещать нас таким образом; лишь бы Он *совершал* в нашей *немощи* *Свою силу!* (2 Кор. 12:9). Не имеет значения, чувствуем ли мы от этого пользу, или же нам представляется, что, наоборот, её вовсе нет. Именно когда мы оказываемся во внутренних или внешних скорбях, нам меньше всего следует заботиться о том, что́ нам делать. Тогда всё наше дело — в безусловном принятии верой и любо-

вью того, что угодно Богу. Он Сам непрестанно да научает нас сему деланию!

Соглашусь с тем, о чём ты пишешь, а именно — что мучающие тебя рассеянность ума и частые духовные помрачения происходят в значительной мере от твоих нездоровых естественных свойств и от болезней, присущих твоему роду. Разумение сего в известной мере может послужить утешением и успокоением для тебя. Впрочем (как ты и сама говоришь), Господь и это содержит в Своей деснице, поскольку Он есть Господин естества; посему для нас полезнее всего принимать всё из Его рук — что́ ты (я не сомневаюсь в этом) и стараешься делать.

Но внутреннее помрачение и рассеяние может иметь и иные причины, которые уже зависят от нас, — когда мы недостаточно храним входы наших чувств в слушании, зрении, говорении etc. или когда в суете дня мы пускаем наши помыслы пастись на чуждые пажити. Это иногда случается и с искреннейшими чадами Божиими, причём по собственному их произволению, пусть и совсем неприметно.

Много хуже тайное прилепление души к чему-либо вне Бога, когда сердце по страстной любви притягивается к какому-нибудь творению и пленяется им. Когда душа сознаёт в себе таковое прилепление и воля внутреннего человека пресекает его, то лишение предмета страсти причиняет нам страдание — но такое страдание не вредит душе.

Не могу не сказать ещё об одной причине, обуславливающей многие стеснения, омрачения и расточения помыслов; может быть, и ты подвержена сей болезни. Заключается она в том, что человек слишком вовлекается во всё внешнее: в дела, которые он совершает сам, в то, что делают или говорят другие, вообще во всё, с чем он сталкивается. Весьма вредит душе, когда мы слишком прилагаем ко всему этому

сердце (неважно, с радостью или с огорчением), ибо чрез сие в нас проникают всевозможные образы, затуманивающие и заглушающие внутреннюю ясность и тишину и становящиеся семенами тысячи разорений в том случае, если эти семена пускают корни, — в то время как только Бог и Его воля по достоинству должны занимать всё наше существо.

Но с другой стороны, нам не следует разоряться страхом, унынием и само-заботами в стремлении не допустить всего вышеупомянутого, отводящего нас от Бога. Здесь главное — решительно, но при этом очень мирно и с великим терпением отстранять себя от всякой нечистоты посредством внутреннего припадания к Богу верою в сердце; без сего мы только ещё больше погрузимся в то, чего хотим избежать.

Чтобы хорошо понимать и исполнять сие, ты должна, дорогая сестра, знать, что в нас есть два рода помыслов: рассудка и сердца. Первый род помыслов связан с внешней деятельностью человека; эти помыслы толкутся в голове, и не всегда они в нашей власти. Второй род помыслов не зависит от внешнего течения дел; эти помыслы есть принадлежность глубин души, *где сокровище и сердце наше* (Мф. 6:21); и они должны быть *всегда Господни* (Рим. 14:8). Итак, я полагаю, что самое лучшее средство против всякого разорения — по благодати Божией, особенно во время молитвы, отстраняться от помыслов головы, не обращая на них, по возможности, никакого внимания, и смиренно, без напряжения обращаться к внутренним помыслам сердца, в коих и утишаться пред Богом, поклоняться Ему, любить и жаждать Его, благоговеть пред Ним — одним словом, навязать тому, чему учат нас сии *помышления духовные* (Рим. 8:6), не допуская, чтобы воля преклонялась на сторону вторгающихся по временам помыслов головы. Я уверен, что мы вполне могли бы научиться этому и среди наших внешних занятий, если бы наш внутренний человек всецело предстоял

пред Богом. О! да приведёт нас Бог кротким привлечением Своей любви на сей путь, и мы сокроемся пред лицом Его от всяких опасностей и разорений! Аминь.

(1, I, 25)

Письмо 58-е

ПОСЛЕДОВАНИЕ ВНУТРЕННЕМУ ВЛЕЧЕНИЮ ЛЮБВИ БОЖИЕЙ
СТОКРАТ БОЛЕЕ РАСПИНАЕТ И УМЕРЩВЛЯЕТ ПАДШУЮ ПЛОТЬ,
ЧЕМ ТЫСЯЧИ ВНЕШНИХ ПОДВИГОВ САМОУМЕРЩВЛЕНИЯ.

Возлюбленный о Христе брат!

Не советуя тебе браться за намеченные тобою подвиги самоумерщвления; пока я не вижу для этого причин. Тебе никогда не следует предпринимать какие бы то ни было экстраординарные действия, особенно могущие нанести значительный вред здоровью, не посоветовавшись о том прежде.

Несомненно, нам надлежит распинать плоть и обуздывать страсти и похоти (Рим. 8:13; Гал. 5:24); но, как я уже неоднократно говорил, ты не достигнешь своей цели одним самоумерщвлением: плоть и падшая природа часто только укрепляются от того. Неизменно следуй внутреннему привлечению Божию (Ин. 6:44), свободно, просто, детски — и тогда самостная жизнь будет пригвождаться ко кресту и телесные и душевные страсти будут всё больше и больше увядать. Входи внутрь себя, в сердце, насколько это даёт тебе Божия благодать; а чтобы хранить себя во внутри-пребывании, не давай рассудку и чувствам действовать сверх необходимости и избегай всего бесполезного, и даже нейтрального. Обыденные помыслы и разговоры часто порождают злые мысли и слова.

Когда ты чувствуешь в себе плотские движения, то смирайся и терпи; этим будут обличаться и упраздняться сокровенные глубины твоего самолюбия. Благодать Божия поможет! Воздержание в еде, питии и т. п. — дело доброе; но без весомого основания и без совета не должно предпринимать ничего усиленного и особенного. Также не нужно следовать тому, что тебе «кажется», легко поддаваясь страшливым беспокойным побуждениям, заставляющим браться за аскетические преувеличения. Свободное влечение любви Божией в сердце — лучшее руководство: оно побуждает нас к таким делам самоумерщвления, при которых наш скромный рабочий ослик (тело) не претерпевает вреда, а вот самолюбие, своеволие, само-искание, опора на что-либо вне Бога и т. п. выявляются до невероятных тонкостей и без жалости осуждаются на смерть. Душа же при этом не вдаётся в скрупулёзные размышления о совершающемся, но только пребывает в глубине сердца и следует мановениям Божией любви. — Ах! сколь немного таких душ, кои поистине хотят *отвергнуться* и оставить *самих себя* (Мк. 8:34), потому что мало знают из опыта Бога и Его чистую любовь!

Что касается моего здоровья, то сейчас, по милости Божией, как кажется, крайняя опасность миновала, и мне несколько легче, так что снова могу понемногу писать письма; но по временам всё ещё вынужден лежать, ничего не делая. Если я хоть немного переусердствую или слишком долго пребуду с людьми, то немощь вновь возвращается. Богу ведомо, что Он хочет от меня; Ему одному я желаю жить и умирать. Препоручаю Ему твою душу о имени Иисуса, да свершит Он Своё дело в тебе. Аминь! Остаюсь

преданным тебе собратом.
(1, II, 3)

Письмо 59-е

ТОЛЬКО ВЗИРАНИЕ НА ИИСУСА ОСВЯЩАЕТ НАС
И СОДЕЛЫВАЕТ НАС РАДОСТНЫМИ И МИРНЫМИ.

Возлюбленная о Христе сестра!

Да восхвалится Господь за отеческое вразумление, коим Он посетил вас и живущих с вами Своих чад! Да послужит оно и вам, и дорогим сёстрам N. и N. к исправлению — на что, по Божией воле, я надеюсь, и *мирного плода праведности* (Евр. 12:11) от всего сердца вам желаю.

Ваше душевное состояние при сих обстоятельствах я достаточно уяснил из обоих ваших писем. Здесь с нами случается то же, что с Петром: когда мы смотрим на Иисуса, мы можем мужественно идти по волнам; когда же обращаем взор на себя и на волны, начинаем утопать (Мф. 14:28–31). Мы должны *быть святы* (1 Пет. 1:15–16; 1 Фес. 4:3), это правда, и мы желаем сего и стремимся к сему; но не рассмотрение на себя самих освящает нас, а спокойное, мирное и исполненное любви взирание на Иисуса, с забвением себя и всего сотворённого.

В этом мире человек с утра и до вечера окружён со всех сторон почти исключительно печальными и досаждающими вещами, даже если он пребывает наедине с собою. Поэтому, если мы не хотим печалиться и досадовать, мы должны во всём видеть только Иисуса, как Того, в Ком *обитает всякая благая полнота* (Кол. 1:19). Тогда всё будет *хорошо весьма* (Быт. 1:31), и всё, что нам встречается и с нами происходит, будет для нас любезным и радостным. Не прочитайте только сию великую истину, но, с Божией помощью, затвердите её буквально и упражняйтесь в ней ежедневно и ежечасно.

Итак, возлюбленная сестра, *поступайте по сему правилу* (Гал. 6:16), сердечно и неотступно взирайте на Иисуса, и пусть опыт ваших немощей даёт повод только к этому, а не к унынию и разорению. Тогда всё у вас будет хорошо.

Приветствую вас и всех ваших, особенно болящую сестру N.

(1, II, 33)

Письмо 60-е

ВОПРОС И ОТВЕТ: КАК ИСПРАВЛЯТЬ СВОИ НЕМОЩИ
И КАК ВОССТАВАТЬ ОТ УНЫНИЯ И ПЕЧАЛИ.

Возлюбленный во благодати Господа Иисуса брат!

В своём последнем письме ты спрашиваешь: как наилучшим, легчайшим и надёжнейшим образом исправлять свои недостатки и как восставать из гнетущего тебя беспокойного и скорбного состояния? На первый твой вопрос отвечу кратко.

Все недостатки и немощи в человеке исправляются чрез единение в любви с Иисусом Христом, когда мы предоставляем Ему жить в нас. Если дерево доброе, то будут добрыми и плоды (Мф. 7: 8). От нас самих нельзя ждать ничего хорошего. Наши тёмные, жёсткие, тяжкие и мучительные свойства упраздняются только единением в любви с Господом Иисусом, когда божественный свет и божественная любовь проникают до самых глубин нашего существа. Твои попечения и заботы о себе, твоя осмотрительность и хранение себя, твои приказания самому себе — это мнимый прямой путь; всё это бесполезно и даже может быть вредным, когда мы уповаем на такое делание и опираемся на него, как и проис-

ходит в твоём случае, поскольку это делание затворяет тебя в темнице самого себя.

Когда, непосредственно или опосредованно, твои недостатки и немощи открываются и обнаруживаются в тебе, ты не должен пытаться помогать себе многими попечениями и действиями. Нужно спокойно принять таковую свою худость и возрадоваться, что чрез сие тебе открывается возможность больше и глубже предать себя Богу и искать своё совершенство не в себе, а в Иисусе Христе. Вот что да будет твоим деланием, насколько это для тебя возможно. Оставь, отпусти себя со всеми своими недостатками. Чем меньше пребывания и опоры ты будешь находить в самом себе, тем больше ты сможешь чисто уповать на Бога и обретать своё пребывание и опору в Нем, Чьё только имя и должно святиться в нас (Мф. 6:9).

Если ты не можешь отпустить и оставить себя (ибо наша многозаботливость хочет всё совершать сама), тогда смиренно, уповая на Бога, терпи себя. Если же не можешь и этого, ибо это тебе слишком тяжело, то брось себя там, где ты есть, и не разглядывай, где ты упал, и сам больше не подбери себя. И это есть ответ на твой второй вопрос. Во всяком унынии, беспокойстве и печали лучший выход — отбросить, уронить себя, как некую вещь, которая отныне принадлежит не тебе, но Кому-то Другому. И именно этот Другой, и больше вовсе не ты сам, будет иметь благое попечение о сей вещи. О, сколь долго рассматриваем мы себя самих и занимаемся собою! Не пора ли уже нам, наконец, устремить взгляд только на Бога и возлюбить Его, без воззрения на себя? Ибо Он любит нас, невзирая на то, в каком мы в данный момент находимся состоянии.

Итак, возлюбленный брат, предай себя Богу, понеси и потерпи себя самого, отпусти и оставь себя и стремись к еди-

нению с Иисусом в чистейшей любви, которую Он Сам да-
рует нам и укрепит нас в оной, — чего и желает тебе от сердца
твой во Христе собрат.

*Мюльхайм, 22 сентября 1742 г.
(2, III, 29)*

Письмо 61-е

УКРЕПЛЕНИЕ В РЕШИМОСТИ БЫТЬ ВСЕЦЕЛО БОЖИИМ.

**О ТОМ, ЧТО КРОТКОЕ ВЗИРАНИЕ НА РАСПЯТОГО
ЕСТЬ ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ПРОТИВ ВСЕХ ИСКУШЕНИЙ.**

Сердечно возлюбленный о Господе брат!

Пока позволяет время, кратко отвечу на твоё любезное письмо от 14 апреля. Прошу: пиши мне всегда простым немецким языком, без прикрас. Письма, приходящие ко мне, читаю только я, и никто другой.

Обновляйся и укрепляйся постоянно в искренней решимости, предав себя Богу, принадлежать только Ему и жить только для Него и для вечности. Во время молитвы совершай сие обновление, поставляя себя — чисто, тихо и просто — в божественное соприсутствие Друга наших душ (Песн. 7:11), нелицемерно любящего нас. Когда ты занят своими повседневными трудами, сколь можно чаще внутренне взирай на Него и воспоминай о Его соприсутствии и о том, что ты безусловно и навеки Его. Такое глубинное стремление — быть всецело Божиим и ни в чём не искать себя самого или жить себе самому — должно быть основой как молитвы, так и всего нашего существования; без этого всё будет бессильно и бесплодно, поверхностно и вымученно. Дерзай, брат! Господь да даст тебе благодать для сего!

Что касается искушений, то сопротивляйся им не «в лоб», с натугой — но как бы обходя их. Мягко и спокойно, но и решительно отводи от них взор и внимание и забывай их; или же, если это невозможно, вменяй их ни во что и мирно терпи. Тихое и кроткое воззрение на Распятого, о чём ты пишешь, есть наилучшее средство против всех искушений. Малаваль на с. 165¹ говорит об этом так:

*Все злые помыслы сии нам причиняют смерть;
но против них есть в сердце действенная сила.
Сколь ни была б велика буря искушений —
стократ могущественней кроткое воззренье на Иисуса.*

Он называет «кроткое воззренье» — «действенной силой», дабы показать нам, что всякое само-напряжение наших действий не может дать нам подлинную силу; на это способна только искренность веры, которая устремляет свой кроткий взор на Бога и чаёт всего только от Него. Посему отстраняйся, дорогой брат, от всякого напряжения головы, сердца и т. п.; всё это есть только *бить воздух* (1 Кор. 9:26). Не внимай врагу, забудь его, насколько ты можешь; он побеждён (1 Кор. 15:57; Откр. 17:14). Ты же терпи, погружайся в смирение и дай всему идти, как идёт; ибо враг ничего тебе не сделает, и некто Иной будет *побороть* в тебе и *за тебя* (Исх. 14:14). И не беспокойся о том, что таким образом ты можешь впасть в обольщение: отвращаться от греха и мира и предоставлять Богу делать в себе и с собой всё, что Он сочтёт нужным — нет ничего дальше от ложной духовности.

Также не вдавайся в сомнения и излишние размышления, не будет ли такое воспоминание о Распятом и зри-

¹ Франсуа Малаваль (1627–1719) — французский мистик-квиегист, духовный писатель и поэт. Издание, цитируемое Терстегеном: *Malaval, François. Poésies spirituelles, où l'on apprend à s'élever à Dieu par N. S. Jésus-Christ. Amsterdam, 1714.*

рание на Него слишком образно, слишком само-деланно. *Познавай дерево по плодам* (Мф. 7:16): если ты чувствуешь в своём делании несомненную пользу для себя, то этого достаточно, чтобы верить, что Господь именно посредством его ведёт тебя и Божия благодать действует чрез оное. Если я сумею изображением Распятого или каким-либо иным человеческим способом охранить себя от греха и от злых помыслов, тогда я охотно употреблю сие средство; и тому, что меня укрепляет, увещевает и назидает, я без смущения дам место — разумеется, не опираясь ни на что, кроме одного Бога.

Мужайся, дорогой мой брат, о Господе, Который возлюбил и *призвал нас: Он сотворит!* (1 Фес. 5:24). Сердечно приветствую тебя и твою дражайшую сестру и остаюсь

твоим единомышленным немощным собратом.

Мюльхайм, 2 мая 1748 г.

(2, III, 96)

Письмо 62-е

КАК ДЕРЖАТЬ СЕБЯ

ПРИ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ СКОРБЯХ И ИСКУШЕНИЯХ.

Возлюбленный о Господе брат!

Что твоё любезное письмо от 7 апреля я своевременно получил, ты уже знаешь. Должен написать тебе хотя бы несколько строк, несмотря на то, что по нынешним обстоятельствам могу отвечать своим корреспондентам только в духе.

Иисус любит тебя и потому даёт тебе немного пить с Ним из Его чаши (Мф. 20:22), при этом всячески храня и оберегая тебя. При продолжительных телесных страдани-

ях падшему естеству и душевности (как бы они ни противились) приходится держаться в узде и истаивать голодом; а внутренней тьмой, сухостью и тому подобными скорбями Господь ограждает тебя от самолюбия, дабы оно не повредило Его божественному делу, которое Его десница неприметно продолжает совершать среди всего происходящего с тобою. Предоставь же Его любви исполнять в тебе то, что она считает нужным! Люби и терпи, насколько ты можешь, и не разглядывай каждое мгновение, что и как делается с тобой. Господь не перестаёт *давать* тебе *Свой хлеб на всякий день* (Мф. 6:11), как ты увидишь это по миновании времени испытаний. Мы не победим врага само-заботами и само-напряжением — но тем, чтобы смиренно и спокойно погружаться в сокровенную силу Христову, не обращая внимания на врага и себя самого. Дитя не видит руку матери, ведущую его на помочах, но при опасности тут же чувствует силу, удерживающую его от падения.

При искушениях такого рода, о коих ты пишешь¹, мало помогает «взнуздание» себя, при всём нежелании греха и оплакивании его. «Убегание» вовнутрь тоже редко даёт результат. Смиренная устная молитва; избегание предмета, вызывающего влечение; соразмерные, продуманные занятия или даже доброе употребление рассудка — пожалуй, наилучшие тут средства. Ах, дорогой брат! Господь заботится о нас и покрывает нас больше, чем мы можем подумать, и в конце концов Своей божественной жизнью преобедит в нас всякую жизнь падшей природы и самости! Аминь.

*Мюльхайм, 23 апреля 1750 г.
(2, III, 137)*

¹ Речь идёт, судя по всему, о плотском вожделении.

Письмо 63-е

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

ОТ ВСЯКОГО НАСИЛЬСТВЕННОГО САМО-НАПРЯЖЕНИЯ
И ОТ ИЗЛИШНЕГО ВНИМАНИЯ К ТЕЛЕСНОМУ ДЕЛАНИЮ.

О ПОСТЕ.

N. N.!

Хотя я своевременно получил твоё любезное письмо от 24 января вкупе со вложением, но сразу ответить не мог, по причине телесной слабости и множества дел.

То, что ты пишешь о своём внутреннем состоянии, весьма радует меня. Избегай всякого насильственного само-напряжения. Сердце, не стремящееся ни к чему, кроме Бога, не нуждается в постоянном давлении на себя. Смиренного взгляда на Бога, благоговейного воспоминания о Его сопричастии или простого молитвенного движения любви к Богу достаточно, чтобы напитать нас и собрать вовнутрь. Благобытию, происходящему от сего, не давай, насколько это в твоей власти, слишком много утекать во внешнее и в душевность, но мягко и спокойно погружайся в него и пребывай в нём. Это будет для тебя и безопаснее, и прочнее. Сладчайшее имя Иисуса всегда имеет в себе нечто внутренне-окормляющее — впрочем, только для любящих сердец, имеющих духовный навык и вкус (Евр. 5:14); рассеянные же чада сей земли этого не знают.

Прекрасно, что ты, с Божией помощью, отучаешь себя от худого обыкновения излишней, и не вовремя, еды (ибо когда сия привычка вкореняется, то она доставляет немалый вред душе) и усердствуешь в умеренности и воздержании (хотя в болезни и в других особых обстоятельствах воздержание должно соразмеряться с последними). Но не стоит слишком полагаться на это внешнее делание; телу надле-

жит давать потребное ему, а всё своё упование возлагать на Господа, Который знает, как умертвить нашего ветхого человека Своей любовью и во всём научить нас доброму порядку. Когда трапезуешь одна, довольствуйся тем, что Бог тебе послал; когда же вкушаешь пищу с другими, ешь всё, что тебе предлагают, и думай о Боге, а не о еде.

Что касается искушений, о коих ты пишешь, то терпи их со смирением, когда они случаются; только внутренне не соглашайся с ними и не замедляй в них; а когда они пройдут, то постарайся сразу забыть о них. Помни же Бога и Его святое и исполненное любви сопричастие; чрез сие в нас потребляется всякое зло и даруется всякое благо. Он один для нас всё. Не опирайся на себя, но всецело вверь себя Богу, *призвавшему* и избравшему *тебя*; *Он сотворит* (1 Фес. 5:24). Остаюсь, по благодати,

преданным тебе немощным собратом.

Мюльхайм, 1758 / 1759 г.

(2, IV, 23; 40)

Письмо 64-е

О поездке в Голландию.

Отвлечение внимания от внешнего

и сокровенное обращение с Богом

есть лучшее и даже единственное средство

к препобеждению всех наших духовных врагов.

О ПОСТЕ.

Возлюбленный во благодати Господа Иисуса друг и брат!

Твоё любезное письмо от 9 августа я благополучно получил 15-го; я бы ответил сразу, но должен был поехать в Ам-

стердам, дабы навестить друзей. По прошествии четырёх недель я, Божией благодатью, благополучно и в обычной своей телесной немощи вернулся из Голландии. Здоровье моё всё так же, то лучше, то хуже. Моя жизнь, как по внешнему, так и по внутреннему человеку, в руках Господа, Которому я всю её вручил и желал бы вручать всё более и более полно. Бог был со мною и в путешествии. Я рассчитывал погостить в Амстердаме инкогнито; но, против моего намерения, вышло всё совсем по-другому. Духовный глад многих чад Божиих понуждал меня к частым речам и общению, так что мне почти не было покоя. У большинства из них всё обстоит так же, как и у нас, и в Бергишской земле¹. Христианам трудно даётся сердечная детскость Христова (Мф. 18:3); они остаются слишком приверженными чувствам и рассудку, так что их души стоят нараспашку для тысяч искушений (зачастую мнимых) и разорений. Но я познакомился в Голландии и с некоторыми внутренними душами, кои могут вдохновить нас, здесь, последовать их вере.

Внутренняя сердечная молитва и сокровенное обращение с Богом, зиждущиеся на живой вере в Его сопричастие, суть лучшее и, собственно, единственное средство преобладать всех наших духовных врагов, в частности тех, о которых ты пишешь. Ты очень много паришь в своих мыслях, и внутренний человек слишком в них вовлекается. Двери открыты; внутреннее уходит наружу, и внешнее врывается вовнутрь. Отсюда происходят искушения, немощь, путаница и непостоянство. Но ты ведь знаешь, что нам заповедано *умереть для мира* (Кол. 2:20; 3:3; Иак. 4:4), — что *тело* наше должно быть *мертво для греха* (Рим. 8:10), а *сокровенному сердцу человеку* (1 Пет. 3:4), нашему духу, любви, радости, воле внутреннего человека и сердечному вниманию надлежит тихо отстранять-

¹ См. примеч. 18 к «Жизнеописанию».

ся от всего тварного и от всего, что происходит во внешнем человеке. Тогда внешний человек становится нам как бы чуждым, а внутренний человек, насколько это для него возможно, всё более в простоте держится в духе за Господа, верую пребывая в Его соприсутствии. Он непрестанно обращается к Нему сокровенно, благоговейно и тихо; он предаёт себя Богу; Он поклоняется Ему, любит Его, беседует с Ним в не допускающем обольщения простосердечии, и от Него ожидает упразднения всего злого в себе. Вследствие же того, что христианин постепенно становится *своим Богу* (Еф. 2:19), а от внешнего человека тем самым отчуждается, — вследствие сего, говорю я, в последнем всё больше угасают греховные движения, или хотя бы теряется их сила и господство, подобно тому как угасает лампа, в которую не подливают масла. Если ты обратишь на это внимание, то внутренне уразумеешь сие.

Скажу ещё одно: не думай много о грехе — и ты будешь меньше грешить. Мир и грех обладают некоей околдовывающей, я бы сказал, отравляющей силой; они наносят нам вред уже через одно взирание на них. Часто мы целыми днями думаем о своих грехах, изыскивая, каким путём и с помощью какого средства избавиться от них; но именно оттого, что при этом их образ остаётся перед глазами, похотение греха не перестаёт возбуждаться в нас. Нужно учиться отстраняться от греха и падшего мира при помощи простого забвения их и одновременно смиренного возвышения сердца к Богу и сообращения с Ним в духе. *Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожелений плоти* (Гал. 5:16) и всего того, что может наделать падшее естество. Если же человек живёт по плоти и таким образом впутывает внутреннего человека в своё животное состояние, то *грех действует в его членах* (Рим. 7:5) и *Богу он угодить не может* (Рим. 8:8), как бы он ни подвизался на поприще благочестия.

Ещё одно слово, возлюбленный брат: такое жительство в постоянном внутреннем обращении к Богу есть тот пост, который я тебе советую в твоих обстоятельствах. Я не отговариваю тебя совсем от внешнего поста; но ровность в умеренности еды и питья лучше и полезнее. А самое лучшее, когда мы обращаемся со всяким нашим намерением, касающимся употребления того или иного творения, к Богу, и Он учит нас, как поступать (1 Ин. 2:27). Во внешнем никогда не будь празден, но также и не слишком поглощён работой. Насколько возможно, держи добрый порядок во всех твоих занятиях, в еде, сне, работе, уединении etc., дабы умерщвлять непостоянство нашего естества (Рим. 8:13) ради любви к Богу.

Благодарение Господу, Который даёт тебе познать сердцем Своё благое руководство! Предоставь же Ему свободно действовать в тебе, и я не сомневаюсь, что Он всё более существенно будет открывать тебе Своё сопричастие и Свои святыне действия — чего я тебе от всей души желаю.

Сердечно приветствую тебя и твою супругу и остаюсь твоим единокровным немощным собратом.
Мюльхайм, 27 августа 1734 г.
(I, II, 67)

Письмо 65-е

ТОМУ ЖЕ АДРЕСАТУ.

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ПЛОТЬЮ И ДУХОМ,
ВНУТРЕННИМ И ВНЕШНИМ ЧЕЛОВЕКОМ.

Возлюбленный во благодати Господа Иисуса друг и брат!

Твои письма, полученные мною, были мне весьма любезны. Многое препятствовало, чтобы я сразу ответил на

оние; в особенности тяжкая болезнь моего брата¹ отнимает у меня всё время. Впрочем, я часто отвечал на написанное тобою в духе и препоручал твоё состояние Тому, Кто один может исцелить и спасти и Кто изволит быть внутренне близок нам и приобщать нам Себя.

Ты хочешь, чтобы я разъяснил тебе некоторые выражения в моём прошлом письме о различии между плотью и духом, или внутренним и внешним человеком. Тебе не вполне ясны мои слова: «Ты очень много паришь в своих мыслях, и внутренний человек слишком в них вовлекается. Двери открыты; внутреннее уходит наружу, и внешнее врывается вовнутрь» и т. д. Мне представляется, что нет ничего легче и проще, чем понять сии высказывания; впрочем, здесь есть и глубины, уразумеваемые только с опытом.

По милости Божией ты находишь в себе (иногда ты видишь это ясно, иногда не так определённо) некое внутреннее тяготение к Богу и жажду Бога, равно как и (в свою меру) искреннее желание очиститься от греховности и быть всецело Божиим. Это и есть дух, или внутренний человек. Порой ты обнаруживаешь в душе глубокое отвращение от всего, что негодно Богу, и сердечное стремление к Нему и к Его благу; это также внутренний человек (Рим. 7:22), дух, которого касается Дух Божий.

Одновременно есть в тебе и иной человек, со своей — и совсем другой — волей, желаниями, мыслями etc., а именно — плоть, или внешний, ветхий человек (Еф. 4:22). Это часть нашего существа, в котором гнездится желание злого; это самостный человек, который живёт чувствами и рассудком и свою радость полагает в еде, питии, впечатлениях,

¹ Один из старших братьев Терстегена, Иоганн (единственный из семьи, разделявший духовный настрой Герхарда) скончался 1 февраля 1735 года в возрасте 40 лет.

развлечениях, удовольствиях и т. д. Его стихия — *плотское мудрование* (2 Кор. 1:12), всяческие фантазии и безудержные помыслы; основа его существования — самолюбие и противление Богу (Гал. 5:17). Всё в нём, что приводит ко злу, именуется *ветхим* человеком; всё, что живёт по естеству, — *внешним* человеком.

Как ни определять сие, нам заповедано быть чуждыми и даже враждебными внешнему и ветхому человеку (Еф. 4:22), а держаться внутреннего; в нём мы должны стараться житьельствовать и о нём заботиться, прилепляя его, как новорождённое дитя к материнской груди, только к Богу (Втор. 13:4). Тогда *внешний наш человек* будет постоянно *умаляться, внутренний же* — *со дня на день обновляться* (2 Кор. 4:16).

У преуспевших душ эти два человека существенно разделены (Евр. 4:12); у большинства же часто всё бывает очень запутанно и смешано — порой от неверности, когда мы творим волю плоти; порой от незнания, когда мы даём слишком много места тому, что происходит во внешней нашей части. Когда мы уразумеваем сие, мы решаем действенным образом сопротивляться и изгнать из себя помыслы в голове, похотения в чувствах и всё прочее, что производит в нас зло; но часто делаем себе только хуже. Тогда мы падаем духом, приходим в уныние, выносим себе приговор и отчаиваемся, подавленные тем, что происходит в нас, — хотя всё это совершается против воли внутреннего человека и всячески тяготит его. Лучше всего здесь мягко и исподволь отвращать своего внутреннего человека от грехов и нестройный человека внешнего, прилепляться к Богу в сердце и стараться забыть и оставить всё остальное. Посредством такого не-восприятия и обращения вовнутрь часто побеждаются и величайшие искушения, пусть даже они и не совсем и не сразу утихают; главное тут — терпение (Лк. 21:19).

Итак, вывод: внутренний человек, дух должен быть господином, а внешний — слугой. Внутренний человек возлагает на внешнего свойственную тому работу, однако не входит с ним в тесные и близкие отношения, но остаётся при Боге, как чадо вечности, и старается сокровенно пребывать в Его соприсутствии и предавать себя Его руководству. Если враг и падшая наша часть вздымаются и бушуют, то дух не принимает это на свой счёт, а только говорит им от сердца «нет» и остаётся спокоен. Благо тому, кто допускает действовать рассудку и чувствам только по необходимости и пребывает чуждым миру, падшему творению и своей внешней, низшей части, дабы его благородный дух оставался всегда всецело и неложно предан Богу и всякому Его руководству и действию! Время и опыт, дорогой брат, сделают всё сие для тебя более понятным.

Твои сомнения — правильно ли то, что со мной происходит? не есть ли всё это заблуждение и обман? — также принадлежат внешнему человеку и происходят от того, что ты ещё слишком опираешься на рассудок. В моменты, когда приходят сомнения, нужно не бросаться в разные стороны, но, успокоившись, внутренне предавать себя Богу так чисто-сердечно, как это для нас возможно, оставаться при Нём и забывать все недоумения. Мы должны больше думать о Боге, чем о самих себе. Чего нам недостаёт, то мы обретём в Боге; желание же всё время видеть, каково наше духовное состояние, приводит нас только к запутанности и потере времени. Впредь дерзай! всё полнее и сердечнее вверяй себя Богу, не внимай своей падшести, отрешайся от внешнего; внутренний же наш Наставник *научит нас всему* (1 Ин. 2:27).

Соблюдай должный распорядок в течение дня; ещё и ещё раз тебе это рекомендую. Избегай праздности, рассеянного чтения, ненужных выходов из дому и прочего бесполезного

времяпровождения. Свою работу делай как для Господа, с мирным и спокойным расположением души; тогда это будет твоим богослужением. Назначенные себе часы уединения без уважительных причин не следует оставлять или сдвигать на другое время. Чем более твой внутренний человек будет благоговеен и обращён к Богу при работе, тем меньше при молитвенном уединении тебя будут беспокоить помыслы и фантазии. Что касается последних, то имей терпение в отношении самого себя; твоё живое естество и мечтательный ум надлежит приводить в порядок постепенно. Нужно стараться отстраняться от фантазий и всего прочего тихо, устремляя смиренный и безобразный взгляд на Бога и верою поставляя себя в Его соприсутствие. Если же, несмотря на это, ты ощутишь в себе рассеивающие и разоряющие тебя душевные движения, то терпи их, предавая всего себя Богу; терпение — великая добродетель. Впрочем, будь проще и не слишком много разглядывай, что в тебе делается, думается, ощущается или переживается, — но детски взирай на Бога во всём.

Сердечно приветствую N., равно как и твою супругу. Господь да благословит её и да дарует ей истинную Христову детскость! Также приветствую твоего N. N. Бог да управит всех нас по сердцу Своему! Получить письмецо от твоей супруги мне было весьма приятно; если она находит для себя полезным, пусть пишет, как у неё идут дела, хотя я и не всегда смогу ответить. Молитвенно препоручаю вас Господу. Сам я весьма немощен, посему также поминайте меня пред Господом. Всё ваше да будет посвящено Тому, Кто достоин всяческой любви; Он да благословит вас!

Ваш собрат.

Мюльхайм, 5 декабря 1734 г.

(1, II, 73)

Письмо 66-е

УВЕЩЕВАНИЕ ЛЮБИТЬ ИИСУСА И УПОВАТЬ НА НЕГО.

Возлюбленная о Христе сестра!

Увидев, что брат N. пишет письмо твоему супругу, я решил воспользоваться случаем и приветствовать тебя своим слабым пером. Иисус, Коему *повинуются и ветер, и море* (Мк. 4:41), да изречёт мир твоему сердцу и возрадует душу твою, дабы ты всецело возуповала на Него и возлюбила Его. Ей, аминь!

На твоё последнее письмо я часто отвечал в духе, хотя не имел возможности написать ответ. Я не забываю тебя; тем менее Иисус — будь уверена в этом о имени Его. Твоё душевное устройство всё ещё подвержено колебаниям и переменам. По временам ты вступаешь на правильный путь — именно, когда ты веруешь, что *Господь близко* (Флп. 4:5), ищешь быть всегда и во всём с Ним и ясно понимаешь и чувствуешь, что́ значит быть без Него. А временами ты сбиваешься с этого пути и думаешь, что всё бесполезно, что ты всегда останешься немощным повреждённым созданием, что Спасителю нет до тебя никакого дела, что всё предыдущее было только самообольщением и т. п. Тогда ты погружаешься в скудость и боязливость своего падшего естества, а искуститель всячески тщится отвратить тебя от упования на Иисуса и любви к Нему и — я бы ещё добавил — к Его чадам. Кратко сказать: когда ты зриаешь на Иисуса, всё идет хорошо; как только смотришь на саму себя — ты идёшь ко дну (Мф. 14:28–31).

Итак, дорогая сестра, не мучайся так с самою собой! Не трать напрасно время, разбирая все сии сомнительные мысли. Всецело предай себя Иисусу и забудь про свою по-

вреждённость; завяжи её в узелок, положи его пред ногами Иисуса и больше не заглядывай в него. *Он взял на Себя наши немощи и понёс болезни* (Мф. 8:17); *Он спасает людей Своих от грехов их* (Мф. 1:21); Он знает, как *сотворить сие* (1 Фес. 5:24), и тебе не нужно здесь ломать голову. Уповать на Иисуса, любить Иисуса — вот чем ты должна заниматься; а Он даст тебе благодать, чтобы ты подвизалась в этом в простоте.

Не входи в споры с искушителем, когда он будет всевать в тебя сомнение и неверие; пусть он истязает этим сам себя. Говори себе так: «Я простая женщина, я не могу вступать в диспуты, мне надлежит взирать только на Иисуса». Я вижу, что враг внушает тебе, что «только потому я хорошо о тебе думаю, что не знаю, какое у тебя ужасное греховное устройство». Ах, возлюбленное чадо! я не «думаю о тебе хорошо» и понимаю твою греховность, может быть, лучше, чем ты себе это представляешь. Но я «хорошо думаю» об Иисусе, Который *принимал грешников и ел с ними* (Лк. 15:2). Он любит и твою душу — не потому, что ты праведна, но чтобы Ему соделать тебя праведной (Рим. 8:33). Ты же подвизайся в любви — и вот в каком порядке: не так, чтобы *сначала* стремиться стать святой и чистой, а *потом* возлюбить Иисуса и ввериться Ему; на это не хватит и целой жизни. Но поскольку *Он прежде возлюбил* тебя (1 Ин. 4:19), хотя Он знает всю твою повреждённость до самого основания, — то ты именно поэтому должна *сразу начинать* с того, чтобы располагать своё сердце к Иисусу, всей душой возлюбить Его (Ин. 14:23) и стараться всегда и везде жить с Ним — я бы сказал — как по правилам самой сердечной, чистейшей и возвышеннейшей дружбы (Песн. 7:11). Тогда ты будешь постепенно освобождаться от всякой тьмы и немощи и станешь возлюбленным чадом Божиим. К этому призвал тебя

Господь и всякий миг ещё с великою любовью призывает.
Он да благословит тебя во веки!

Твой немощный собрат и сомолитвенник.

Мюльхайм, 9 ноября 1735 г.

(1, II, 85)

Письмо 67-е

ИИСУС — ВРАЧ, Я — БОЛЬНОЙ.

Во благодати Господа нашего Иисуса Христа возлюбленная сестра!

Хотя на ваше прошлое письмо я и не написал ответа, из сего не следует делать вывод, что ваше состояние оставило меня равнодушным. Отнюдь нет! Я часто препоручал вас (насколько мог) Господу и Спасителю и с утешением вспоминал, что и вы всячески желаете вверить себя Сему возлюбленному Другу наших душ (Песн. 7:11). Я знаю об этом желании, что Господь вложил его вам в сердце; теперь оно только должно становиться всё более полным, искренним и твёрдым.

Вы хотите знать, что я о вас думаю? Я думаю, дорогая сестра, что вы принадлежите к тем, о коих Господь сказал: *не здоровые имеют нужду во врачех, но больные* (Мф. 9:12). Вы очень больны¹ — но вы имеете бесконечно благого Врача. Его имя — Иисус, Спаситель; Его врачевание всегда успешно; Он взял на Себя то, чтобы вылечить и вас. Только усвойте хорошо: *вы не должны исцелять себя сами; это дело Иисуса*. Ищите врачевания только у Него — и Он займётся вашей болезнью, вашими грехами и недостатками. Пока вы понимаете это недостаточно.

¹ Речь идёт о состоянии души, а не о телесной болезни.

Вы жалуетесь на уверенность в себе (вы хотите сказать: на то, что вы не чувствуете нужды в Спасителе), на тонкое лицемерие и т. п. Всё это, вероятно, есть в вас, есть и более того. Но когда вы занимаете себя только этим, вы погружаетесь в малодушие и лишаетесь покоя. А здесь нужно всякий раз благодарить и ещё больше любить Господа за то, что Он открывает вам сии немощи — открывает не для того, чтобы отвергнуть вас, но чтобы исцелить. Мужайтесь же, и в *детскости Христовой* (Мф. 18:3) идите по своему пути! Иисус изволит быть нашим Другом и Спасителем; Он да будет единственным содержанием вашей жизни в простоте веры. Он внутренне близок вам и хочет только, чтобы и вы приближались к Нему и искренно Его любили. Посему просто и тихо обращайтесь всё ваше сердце к Иисусу, веруя, что Он соприсутствует вам, и безмолвно и сокровенно общайтесь с Ним в глубине души. Как только вы увидите в себе действие падшести, сразу в простоте предъявляйте это Господу: наш Врач хорошо знает, что хочет сказать ему больной, как только тот взглянет на Него. Когда вам случится рассеяться или впасть во что-либо недолжное, то постарайтесь сразу устремить взор на Иисуса и, терпя происходящее, утишиться так скоро, насколько это возможно. Когда ваши желания, любовь и сердечные устремления слишком обращаются на то или иное, то вы, осознав сие, снова возвращайте их — решительно, но спокойно — к Иисусу, с молитвой: «Нет, Господи! Ты один — *сокровище сердца моего и часть моя вовек!* (Пс. 72:26)».

Смотрите, возлюбленная сестра! вот — совсем лёгкий и любезный путь, на коем обретается спасение и жизнь, хоть мы и недостойны того, что Господь призывает и привлекает нас на оный. По недостатку времени я должен заканчивать письмо. Прочитайте его и сестре N. Привет-

ствую вас обеих во имя Господа Иисуса. Приветствуйте также от меня N. и N. Остаюсь, во благодати,

преданный вам брат о Христе.

Мюльхайм, 21 августа 1737 г.

(1, II, 126)

Письмо 68-е

ПРОХОДЯ ПУТЬ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ИСПЫТАНИЙ,
ХРИСТИАНИН ВСЁ БОЛЬШЕ НАУЧАЕТСЯ ТОМУ,
ЧТО В НЁМ НЕТ НИЧЕГО ДОБРОГО КАК *СВОЕГО*,
НО ВСЁ ЕГО БЛАГО ЗАКЛЮЧАЕТСЯ
ВО ВСЕЦЕЛОЙ ЗАВИСИМОСТИ ОТ БОГА.

**В Господе нашем Иисусе Христе,
Который да благословит тебя,
многвозлюбленный брат!**

Заканчивая писать нашему дорогому другу N. N., не могу упустить возможности сердечно приветствовать во имя Господне также и тебя. Твоё письмо было мне весьма любезно; благодарю тебя за оное; благодарю и Господа за то, что Он соединил и всё более соединяет наши сердца в Себе, нашем Главе (Еф. 4:15).

Не смотри на мою персону, возлюбленный брат, ибо я хуже и немощнее, чем ты и другие думаете; не смотри также и на себя и на свои недостатки. *Никто не благ, как только один Бог* (Мф. 19:17) и те, кого Он соделывает благими чрез Себя Самого. В нас нет никакого добра как *своего*; всё наше благо и спасение заключается в чистой зависимости от Бога. В этом мы убеждаемся чем дальше, тем больше из многообразных испытаний, как внутренних, так и внешних.

В новоначалии хорошо и полезно исследовать самого себя и увидеть себя как есть. Однако в дальнейшем совсем не нужно останавливаться и «застрывать» на себе, но постепенно, всё более отводя взор от себя, всем своим упованием прилепляться к Богу о имени Иисуса Христа, Которому угодно являть Своё благоволение порой и на величайших грешниках. И если кто поставлен на служение — говорить о путях Господних¹, то тем более не следует рассматривать свои достоинства или недостатки, но, по благодати Божией, давать в себе место Богу, дабы Он всё больше и всё внутреннее становился в нас *всем* (Еф. 1:23; Кол. 3:11).

Подлинное благочестие и освящение в своей чистоте и силе сегодня мало известно. Те, кто ещё хочет проводить христианскую жизнь, обыкновенно берутся за дело, исходя из себя самих. Евангелие для них — преимущественно прекрасное нравственное учение, в то время как всё должно основываться на богообщении во Иисусе Христе чрез веру и любовь. В Иисусе Бог неизреченно близок нам Своей любовью; *в Крови Христовой* нам всегда отверст *новый и живой путь*, дабы мы все могли, посредством внутренней молитвы, *войти во внутреннее святилище* (Евр. 10:19) — то есть в общение с Господом, из коего только и проистекает всё, что может по праву именоваться добродетелью и служением Богу.

С одной стороны, истинно то, что христианину, чтобы жить с Богом, надлежит умереть самому себе и всему тварному (Ин. 12:24; Рим. 8:13; Еф. 4:22; Кол. 3:5–9). С другой стороны, столь же истинно то, что на путь подлинного умирания во Христе мы вводимся Его Духом чрез неотступное делание приближения к Богу, чрез внутреннюю молитву и хождение

¹ Письмо обращено к пастору Иоганну Генриху Шрадеру (1701–1787) из Леувардена (столица северонидерландской провинции Фрисландия).

в соприсутствии Божиим (Лк. 18:1; Гал. 5:16; 1 Фес. 5:17); и одно без другого едва ли может быть. Итак, дорогой брат, верно осуществим сии великие истины и с правым сердцем войдём в открытое нам драгоценное общение с Богом, пребывая верою пред лицом Его, ожидая Его и следуя Ему со всецелым препоручением нашей воли и сердца в Его руки, дабы Он «переформировывал» нас по Своему нраву и Своей воле. *Верен Господь, Который и сотворит сие!* (1 Фес. 5:24).

Приветствую и обнимаю тебя в духе любви Христовой. Будем *молиться друг за друга* (Иак. 5:16) Господу, в Коем остаюсь

сердечно преданным тебе собратом.
(Holl., 76)

Письмо 69-е

Бог — лучший Учитель.

КАК СЛЕДОВАТЬ ЕГО УЧИТЕЛЬСТВУ ПУТЁМ ЛЮБВИ
И ПРЕБЫВАНИЯ В СОПРИСУТСТВИИ БОЖИЕМ,
ЗАБЫВАЯ СВОИ НЕМОЩИ.

О РАБОТЕ; О МЕДИЦИНЕ И АЛХИМИИ.

Во благодати Господа Иисуса многовозлюбленный друг и брат!

Ваше последнее письмо от 5-го числа сего месяца, равно как и два предыдущих, своевременно получил. Моё промедление с ответом вызвано вовсе не нежеланием беседовать с вами и уж тем более не отсутствием любви к вам, но моей телесной немощью. Я совсем немного могу писать, прежде всего из-за слабости головы и глаз; к тому же много времени отнимают у меня посетители и работа над книгами, так что я даже не на все

письма в состоянии ответить. При этом я отнюдь не душепопечитель — для сего я слишком мал. Однако не отказываюсь засвидетельствовать истину о внутренней жизни (насколько Бог мне дал познать её по благодати) и по возможности протянуть руку помощи своим братьям; но всё сие не в большей мере, чем когда соученики в школе помогают друг другу.

Впрочем, мой дорогой друг, совсем ведь нет причин, чтобы вы с такой настойчивостью и такими трудностями искали себе наставника, дабы испрашивать совета. Лучший ваш Учитель и Наставник (Ин. 13:13) неизреченно близок вам; Его милосердный взор пронизает все ваши горести и нужды, и Он Сам порождает в глубине вашего сердца сокровенное желание и неутомимые поиски божественной помощи и спасения. Там, откуда проистекает сие желание, там, в основании души, вам сопresentствует ваш Господь, Помощник и Учитель. Веруйте в это сверх всякого видения и чувствования и погружайтесь в Него, тихо и просто оставляя всё, что не есть Бог и Божие, насколько Он вам даёт для сего благодати. Открывайте Ему искренно и смиренно ваши немощи и греховные раны и с долготерпеливым упованием ожидайте от Него исцеления. Это ожидание тоже есть благодать, созидаящая нас и умерщвляющая бурные стремления падшей природы (Кол. 3:5). Бог есть чистая и тихая Сущность (3 Цар. 19:12); ничто грубо-настойчивое не достигает Его. Суетная самость не обретает сокровище; смиренному, отрешённому духу, *продавшему всё, что имеет* (Мф. 13:44), Бог дарует Себя — после того, как проведёт человека (как вас сейчас) через скорби и ими очистит, умалит, умирит и утешит его.

Итак, терпите всё сие во имя Божие и не опускайте рук (Лк. 21:19). Повергайтесь непрестанно пред Богом и благодарите Его, что Он так благоволит вам: Он знает, как и в какое время помочь вам. Не копайтесь так много в себе; когда

же увидите и почувствуете проявления своей падшести, то в спокойствии духа не принимайте их и отвращайтесь от них. Старайтесь не вовлекаться в них и забывать их; также избегайте всякого перенапряжения и ненужной борьбы (Исх. 14:13–14). Если вы не можете отделаться от нападок падшести и не обращать на них внимания, то безмятежно претерпевайте оные, насколько вы можете, пред лицом Бога; Он не вменит их вам ради Иисуса. Терпеть нападки зла есть путь к освящению; главное — не терять мужества (Ин. 16:33), даже если бы вы и получили раны, и препоручать себя Господу с верой и упованием именно таким, каков вы есть сейчас, вопреки самолюбию (которое никогда не хочет показываться таким, какое оно есть, — а именно, будучи всё в грязи).

Бог любит вас несмотря ни на что; любите его и вы и дерзайте ради сей любви (1 Ин. 4:17). Путь любви я особенно рекомендую вам; это одно может в должной мере исправить — и исправит! — все немощи и недостатки и вашей души, и вашего природного устройства. Я имею здесь в виду не любовь, ощущаемую чувствами, которая часто есть цветок без плода, только услаждающий наше самолюбие, — но подлинную, настоящую любовь Божию. Веруйте внутренней близости сей любви! Всё, что вы делаете, терпите, переносите и т. д., — всё да будет у вас ради сей любви (1 Кор. 16:13–14). Старайтесь на всём вашем христианском пути угождать не самому себе, но Другу наших душ (Песн. 7:11), Коего вы сердечно любите. Если же вы ничего не можете, то, также из любви к Нему, смиренно несите свою немощь и сожаление о том, что вы не в силах угодить Ему. Он приемлет и намерение любви, приносимое порой и из среды самой тяжкой внутренней сухости и тьмы; христианин познаёт это в своё время. Не предписывайте Господу ничего, но кротко, смиренно и охотно согласовывайте волю внутреннего чело-

века (пусть даже падше-природная воля противится сему) с волей Божией и путями Божиими относительно вас; все они исполнены Его любви. Она вложила в вас желание любить Его и Его вечность превыше всего и прилепляться к Нему *всем сердцем, всею душою, всем разумением, и всею крепостью* (Мк. 12:30); сие да будет основанием и целью всех ваших стремлений, и этого достаточно. Впредь не выставляйте Господу претензий, то или не то Он вам даёт и теми или не теми путями Он вас ведёт. Вверьте себя Ему безусловно и предоставьте Ему делать с вами то, что Он считает нужным; тогда всё у вас будет хорошо.

Вы пишете в одном из писем, что во время молитвенного уединения вам крайне редко удаётся своими усилиями поставить себя в присутствие Божие. Здесь нужно знать, что Бог *неизменно* сопresents нам о сладчайшем имени Иисуса как *наш* Бог и *наше* высшее благо. Это воспринимает *вера*, сверх всякого понятия и ощущения; она внутренне обращается к Сему *Богу-Любви* (1 Ин. 4:16), предаёт себя Ему, почитает и любит своего достопоклоняемого Спасителя и ожидает всего от Его бесконечной благодати. Что же касается духовных чувств или особенного благодатного раскрытия в нас сего божественного сопresents, то мы не можем произвести их в себе никакими своими действиями. Мы не должны и желать сего; таковое желание есть нечистота и значительное препятствие действиям Божиим. Как то (духовные чувства), так и другое (особые благодатные внушения) зависят исключительно от свободного изволения нашего Господа. Нам же надлежит только детски следовать руководству Его благодати и пребывать — с её помощью и её действом — в молитве и самоотвержении; этим в нас создается такое устройство души, в котором Господь может совершать Своё дело в нас

и приобщать нас Себе по Своему благоволению, а мы, *как дети* (Мф. 18:3), становимся способными всецело препоручить себя благой премудрости Отца. — Если же говорить обще: то, что христианин (всякий по своим обстоятельствам) в определённое время уединяется для внутри-собирания и молитвы, я считаю добрым и необходимым. Но при этом мы не должны хотеть именно чего-то ощутительного, а пребывать, по возможности, в мире и довольстве также и среди духовной тьмы, сухости и пустоты, да даже и при рассеяностях и преткновениях — только чтобы таковые не совершались нами намеренно и сознательно. Служить и поклоняться нашему Богу, верить и предавать себя Ему — о, это уже более чем достаточное блаженство!

То, что вы трудитесь по внешнему человеку, необходимо, и угодно Богу. Настойчиво приходящие вам в голову мысли — что всё это временно, тленно, не имеет смысла и т. п. — происходят от извечного недовольства и помрачения нашего повреждённого естества. Грехопадением мы изгнаны из рая и сами стали тленными, *нищими и нагими* (Откр. 3:17); и теперь, по премудрому определению Божию, *в поте лица своего* должны трудиться *на земле, произрастающей терния и волчцы* (Быт. 3:17–19), и добывать себе пропитание, имея дело со столь ничтожными вещами. Было бы неразумием возмущаться этим. Нам нужно только не погружаться с головой в земные занятия и не прилепляться к ним сердцем, но всё, что мы делаем, *делать как для Господа* (Еф. 6:7; Кол. 3:23). Тогда для духа наши внешние дела не только не будут препоной, но и помогут ему на пути к Богу. Более того, чрез сие простое расположение — совершать всё, и малое и большое, для Господа и из любви к Нему — незначительные дела становятся великими и грязь, так сказать, обращается в золото. Если христианин правильно воспримет сие, то все

вещи на земле перестанут быть для него временными и преходящими; вышеназванное внутреннее расположение соде­лает их вечными и пребывающими, а всякую работу — истинным богослужением. Само же по себе то, пишете ли вы или занимаетесь медициной, для Бога одинаково. По большей части простые занятия лучше, поскольку они меньше предрасполагают к суете и тщеславию.

Что касается медицины, то я также уже много лет стараюсь посредством оной служить нуждам ближних. Поэтому могу немного посоветовать из опыта: пусть всё у вас идёт как можно проще и безыскусней; так будет и спокойней, и успешней. Экстраординарные и экзотические химические изыски Господь нередко посрамляет, а благословляет простые травы. Не увлекайтесь алхимическими книгами и не доверяйте сей запутанной дисциплине. Превращением металлов в золото или поисками философского камня обольщались многие и были чрез сие ввержены в духовную и телесную нищету. Выше я уже сказал, как делается золото из грязи; этот рецепт я вам и рекомендую. Если вы можете обеспечить свою жизнь писательским и книжным трудом, то я не советую вам совсем посвящать себя медицине. Медицина отнимает много времени, требует большой ответственности и часто бывает причиной немалых огорчений. Я занимаюсь ею как побочным делом; если бы Господь освободил меня от неё, я был бы рад.

Вы спрашиваете, сколько мне лет. Скоро сорок семь. Возраст не столь велик, но уже научил меня многому о суете мира сего, о повреждённости человеческого сердца, о Божьем во Христе долготерпении и Его непостижимой бла­гости; и ещё учусь сему каждодневно. Благословен Бог, до сего дня помогающий мне! (1 Цар. 7:12). Двадцать семь лет тому назад милостивый Господь призвал меня из мира и даровал мне желание целиком принадлежать Ему и следовать

Ему. Его благодать да сохранит и преумножит в нас сие желание *до конца* (Евр. 3:14). Остаюсь, по благодати, сердечно преданным вам другом и собратом.

Мюльхайм, сентябрь 1744 г.

(2, III, 58)

Письмо 70-е

КАК ПРИЗВАННЫЙ К ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ХРИСТИАНИН
ДОЛЖЕН ОТВЕРГАТЬСЯ ИЗЛИШНЕЙ ДУШЕВНОСТИ
И СЛЕДОВАТЬ ПРИВЛЕЧЕНИЮ БЛАГОДАТИ.

Возлюбленная о Господе сестра!

Меня совсем не удивляет, что с вами происходит то, что вы пишете. Не удивляет, но весьма печалит. Ах! может ли душа, удостоенная от Бога столь несомненным внутренним призванием; сердце, которого Он коснулся Своей божественной любовью и для которого Он уготовал совсем другую радость, — может ли, говорю я, сия душа очаровываться и пленяться такими пустяками? Расторгните же сии узы во имя Господа Иисуса Христа и принесите это ваше легкомысленное услаждение в жертву Его любви!

Если бы я был вашим душепопечителем, я запретил бы вам на два месяца подходить к клавиру и что-либо играть в продолжение этого времени. Против музицирования как такового я ничего не имею; когда я навещу вас, вы мне поиграете, а я и спою, если Бог позволит; но только всё это должно быть именно *игрой*, а не главным содержанием жизни. Как можно позволять себе быть так охваченной этим? Я никак не могу похвалить сего. Похваляю в этих обстоятельствах только одно — что вы осознали свою ошиб-

ку, каковую, как я надеюсь, отчасти и исправили ещё прежде, чем ваше письмо дошло до меня¹.

Меня не удивляет, впрочем (как я сказал), что у вас всё идёт именно так; могу только посочувствовать вам. Душевные христиане сильны и «жизненны» в себе самих и в чувствах, поскольку начатки благодати и ощущения Бога и божественного преизливаются у них во внешнее. Духовные же, то есть более склонные к внутренней жизни, христиане сильны только в духе и в Боге, но весьма слабы в себе самих и в душевности. Благодать больше собирает их вовнутрь и влечёт в глубину сердца. Сей благодати им надлежит следовать и жить на этой глубине детски-обращёнными к Богу и в Бога; только так они оберегут себя от грубых ошибок. Когда такие христиане действительно совершают те или иные ошибки, то им помогает исправить их не «взнуздание себя», не скрупулёзное исследование своих немощей, не само-измышлённые подвиги, ибо чрез всё это они вновь и вновь возвращаются к своей душевной и чувственной само-деятельности, обретая в этом уже сплошную немощь и разорение. Нет, они, если хотят получить помощь, должны вновь погрузиться на глубину, туда, где благодать, и там полностью предать себя Богу.

¹ Обстоятельства такой строгости Терстегена неизвестны; судя по тексту, речь идёт об излишнем погружении его собеседницы в музыку, возможно, почитании ею этого искусства «божественным», принадлежащим духовной сфере (соблазн, хорошо известный многим музыкантам). Вообще пиетисты отличались крайним ригоризмом в отношении музыки, танцев и прочих развлечений, на современный взгляд совсем невинных. — При этом нужно отметить, что Терстеген хорошо разбирался в музыке и порой высказывал о ней в своих письмах достаточно тонкие суждения (например, что он предпочитает, когда хвалебные гимны написаны в миноре, поскольку наше прославление Бога на земле, если оно истинно, неизбежно связано со многими страданиями; см. 2, IV, 120). Среди его близких друзей были и музыканты, в частности органист и органный мастер Якоб Тешемахер (составитель «Жизнеописания»).

Итак, вы видите, дорогая сестра, почему вы не смогли справиться с этим делом: вы неверно подошли к нему. В простоте признайте свою погрешность и ввергните себя, как слабое дитя, в лоно любви Божией. Отведите своё внимание от этой чуждой, пленившей вас силы, как и от всех прочих нападок такого рода. Когда чада Божии всё время смотрят на врагов, то совсем отчаиваются; но чрез не-внимание и забвение они побеждают как их, так и свои собственные немощи. Поступите так, дорогая сестра; Господь уже простил вам ваши согрешения; ответьте же Ему на это хоть малой любовью. Живите, непрестанно взирая с верой, любовью и всецелым упованием на столь близкого вам Друга (Песн. 7:11); и вы будете совершать великие дела, даже почти не думая о том, и всё будет возможно для вас (Мк. 9:23), ибо Сам Господь будет действовать в вашей немощи (2 Кор. 12:9).

Я пишу сие беглым пером, поскольку у меня нет столько свободного времени, сколько Бог даёт вам. Возвращайте же это время Господу, не теряя его зря. Я буду молитвенно поминать вас и вашего супруга; надеюсь, что и вы вспомните меня пред Господом.

(1, II, 18)

Письмо 71-е

КАК ПОНИМАТЬ ГРЕХ ПРОТИВ СВЯТОГО ДУХА.

КАКИЕ ИСКУШЕНИЯ ВМЕНЯЮТСЯ НАМ В ГРЕХ, А КАКИЕ НЕТ.

О ЛЮБВИ К БЛИЖНЕМУ.

Сердечно возлюбленный во благодати Господа Иисуса брат!

Твоё любезное письмо от 28 сентября доставило мне много радости.

Ты пишешь, что непослушание внушениям Духа Божия нужно бы считать грехом против Святого Духа (Мф. 12:32). Но — о, горе всем нам, если бы всякое наше непослушание Богу сразу становилось таким непрощаемым грехом! На самом деле сей грех может иметь место только на достаточно высокой ступени духовного просвещения; и заключается он в том, что человек сознательно, намеренно, с вызовом и упорством противится явному Божию свету и руководству. Что же касается непрощаемости, то, собственно говоря, абсолютно непрощаемым не бывает никакого греха, за исключением того, когда человек упорствует в грехе. Но верно и то, что вряд ли просвещённый от Духа христианин может закоснеть в тяжком грехе упорства против Бога; поэтому Павлу и казалось невозможным вновь обратить такого человека на правые пути (Евр. 6:4–6). Впрочем, *невозможное человекам возможно Богу* (Лк. 18:27). Кратко говоря: всякий ищущий оставления грехов находит их у Иисуса, а без и вне Его получить у Бога прощение грехов невозможно.

Невольное *увлечение и обольщение собственной похотью* есть *искушение* (Иак. 1:14). И хотя это плод нашей падшести (вследствие чего всякое искушение должно служить нашему смирению, тем более что мы сами часто приоткрываем искушению окошко), но ради Иисуса таковое увлечение не вменяется нам в грех (Рим. 4:5). Однако когда мы прилагаем к сему увлечению волю, тогда искушение, *зачав, рождает грех* (Иак. 1:15). Поскольку в нас есть зло падения и повреждения, то *невозможно не придти соблазнам* (Лк. 17:1); но кто силой Иисуса *переносит искушение*, тот, *быв испытан, получает венец жизни* (Иак. 1:12).

Искушение не пятнает наш дух, если только воля внутреннего человека в той или иной степени *не прикоснулась к нечистоте* (2 Кор. 6:17) — то есть добровольно не обрати-

лась к греховным помыслам и чувствам или с услаждением не задержалась на них. Внутреннее помрачение может быть следствием некоторых искушений, даже если христианин при этом *хранит себя* (1 Ин. 5:18); но подобные помрачения не вредят нам — только бы мы пребывали в соприсутствии Господа, сердцем не соглашаясь на худое. Вообще же лучше всего не думать о зле и грехе, но о соприсутствующем нам Господе; и не «застрывать» на искушениях, но, как только они прошли, укорить себя во всём и вновь погрузиться в милость и благодать Божию.

Искушения, или влечение к худому, не происходят от Бога (Иак. 1:13). Но Бог порой проверяет и экзаменует нашу веру, любовь и верность, дабы они *оказались испытанными и драгоценными* (1 Пет. 1:7); при этом Он сокровенно поддерживает нас и *не попускает нам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даёт и облегчение, так чтобы мы могли перенести* (1 Кор. 10:13). Посему тот, кто *впадает в различные искушения, да радуется* (Иак. 1:2).

Когда же Господь учит нас молиться: *не введи нас во искушение* (Мф. 6:13), то имеются в виду такие искушения, когда Бог настолько оставляет человека, что он впадает в произвольные согрешения, как то было с Езекией (2 Пар. 32:31) и с Петром (Мф. 26:33–35, 74). Ибо когда христианин слишком опирается на свои силы и свою ревность, не хранит себя и неосторожен (1 Ин. 5:18; Флп. 2:12), тогда Бог попускает ему чрез горький опыт падения видеть, что есть в его сердце. Посему в этом прощении мы молимся и о таком видении, дабы не научиться оному, лишь больно упав. — Итак, будем *бодрствовать и молиться, чтобы не впасть в искушение* (Мф. 26:41).

Та любовь к ближнему хороша, которая умножает в нас любовь к Богу и памятование о Боге; которая собирает нас

вовнутрь, утишает нас и не привносит в нас образы падшего творения. Сия чистая братская любовь приходит только от Бога и ведёт только к Богу; посему нам надлежит алкать и жаждать только Божией любви и всю нашу любовь обращать единственно сюда. Тогда в своё время Он научит нас любить в Нём и прочих Своих чад. Любить же ближнего и сообщаться с ближними (равно как любить и посвящать себя делам любви) — это разные вещи; в зависимости от обстоятельств они могут сочетаться, а могут и не сочетаться.

Итак, Иисус всё больше да становится жизнью наших душ! Что исходит от нас самих по себе, то всегда самостно; Он, Он Сам должен править нашим сердцем, волей, помыслами и чувствами, дабы Он живил нас, а мы могли чисто жить в Нём. Аминь! Остаюсь

сердечно преданным тебе собратом.

Мюльхайм, 31 октября 1743 г.

(2, III, 41)

Письмо 72-е

О том, что себя самого
надлежит оставлять и забывать,
а всякое освящение искать только у Господа.

Возлюбленный о Христе брат!

Ты спрашиваешь, как мои дела. По внешнему человеку я, по обыкновению, немощствую, и немощь сия скорее усиливается, чем проходит. Но мне бы хотелось, если Бог позволит, приехать к вам ещё раз, дабы повидаться со всеми вами.

По внутреннему же человеку я хоть и вижу себя исполненным падшести и неможения, но при этом, слава Богу, пре-

бываю в живом сокровенном уповании на Господа. Я говорю — «на Господа», потому что в себе самом я не нахожу ни малейшего основания, чтобы опереться на себя. Ах! как тяжело для самолюбивого, *ищущего* лишь *своего*, творения (Флп. 2:21) всецело оставить и забыть себя и всё своё, дабы всякое освящение и жизнь полагать и искать только и исключительно в Боге! Но это единственный путь к истинному благочестию и неразрушимому миру. Ибо если человек «застревает» в себе и занимается только собой, то он или попадает в сети ханжеской само-праведности, или запутывается во многих смятениях, страхах, сомнениях и жалобах, обнаруживая себя стоящим на месте или ходящим по кругу.

Поскольку для богообщения как здесь, так и в оном веке необходима глубокая и всеобъемлющая чистота (Мф. 5:8; Откр. 21:27), то обычно во главу угла ставится, что мы должны совершать великие и многие дела подвижничества, дабы достичь сей чистоты. Если это правильно понимать, то здесь нет противоречия истине; но только то, что выглядит великим в наших глазах, пред Богом часто детские игры, если не хуже; а что кажется нам детским, то порой пред Богом весьма велико (Мф. 19:14). Бог да вразумит и наставит нас, бедных, слабых и неразумных Своих чад! Постараемся же забывать себя, а предметом нашей любви и созерцания всё больше и больше делать Его. Он один сего достоин. Или, говоря словами небольшого стихотворения:

*Краткий и лёгкий путь к истинному освящению —
в том, когда человек оставит всё, и себя самого,
и пребывает внутри сердца, памятуя только о Боге,
детски упокоеваясь в Нем и ни о чём не беспокоясь.*

На сем заканчиваю, потому что уже нет времени, и поручаю себя вашим молитвам, в коих я при своих душев-

ных и телесных немощах весьма нуждаюсь. Приветствую сестру N. N. и желаю ей в её болезни непрестанно поддерживающей её, исцеляющей и укрепляющей благодати Божией. Иисус да благословит всех нас!

(1, I, 13)

Письмо 73-е

СЕМЬ ОБРАЗОВ ТОГО,
КАК ЧЕЛОВЕК ВЗИРАЕТ НА ОДНОГО ТОЛЬКО БОГА,
А НА СЕБЯ НЕ СМОТРИТ И СЕБЯ ЗАБЫВАЕТ.

**Во благодати Господа Иисуса
сердечно возлюбленный брат!**

Передо мной твоё любезное письмо от 9 марта, в коем ты просишь изъяснить более подробно то, о чём я писал тебе в прошлый раз. А писал я следующее: «Взирать на одного только Бога во Христе, а на себя не смотреть и себя забывать — вот корень всех добродетелей; но это имеет свои градации». Что это за градации, ты и хочешь теперь узнать — как будто ты хуже разумеешь сие, чем я. Хорошо, напишу в простоте, что смогу, хотя я знаю не больше того, что говорил тогда.

Сразу скажу, что есть *семь образов* того, как христианин может и должен взирать только на Бога, а себя забывать; и что опыт учит, что чрез сие рождаются (но, конечно, у каждого по-своему) все добродетели и всякое благо. Происходит это в семи сферах, или областях: 1) *покаянного искания Бога*, 2) *восприятия даров от Бога*, 3) *духовного делания*, 4) *восхождения к простоте*, 5) *созерцания*, 6) *умирания самому себе и препоручения себя Богу* и 7) *подлинного и всецелого единения с Богом*, — смотря по тому, как руководство

Божие ведёт каждого христианина, учитывая его меру, состояние, положение и т. п. Сообразуясь с этим, христианину, приступая к делу, не нужно думать о том, высока или низка его мера, ибо то состояние, какое каждый из нас имеет от Бога, для нас наиболее благоприятное.

1. В состоянии *покаяния*, будь то в начале или в продолжении христианского пути, когда душе открываются в совести её греховные раны и она чувствует страх, тяжесть и безотрадность из-за неотвратимости праведного Божьего наказания, не видя пред собою ничего, кроме тьмы, смерти и проклятия, — тогда для души нет никакого иного действия и выхода, и ничего лучшего, как перестать смотреть на саму себя и обратить взор исключительно на Бога во Христе, если только она хочет, чтобы её раны исцелились, а грехи сменились добродетелями. Оглядываться вокруг себя в поисках (как душа думает) добрых дел; стараться помочь себе и успокоить себя выполнением тех или иных благочестивых предписаний; браться за духовные (как представляется душе) подвиги; обещать себе исправиться, давать обеты и т. д. и т. п. — всё это есть *строить стену, обмазывая её грязью* (Иез. 13:10). *Делами закона не оправдывается пред Богом ни один человек* (Рим. 3:20); *закон слишком свят* (Рим. 7:12), а *плоть слишком немощна* (Мф. 26:41) и *не может покориться закону Божию* (Рим. 8:7). Посему на путях закона совесть никогда не умиряется, но, наоборот, растревоживается ещё больше. Христианин делает всё от него зависящее, но его падшество и немощь нисколько не исцеляются, так что наконец он в отчаянии восклицает апостольскими словами: *Бедный я человек!* (Рим. 7:24). Только когда он соглашается с Божией правдой и от сердца принимает, что он поистине *несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг* (Откр. 3:17) и достоин всякого осуждения, и затем отвращает свой взор от

себя, дабы вперить его только в Бога во Христе, Который по благодати принимает и спасает грешника (Тит. 3:5), — лишь тогда ему приходит помощь, пусть даже он и несёт на своей вые гору грехов, а в сердце его орудуют семь бесов (Мк. 16:9).

Итак, душа должна здесь только, исповедуя от сердца свою немощь, всё время отвращать свой взгляд от себя и устремлять его на Бога, Который Кровию Христовой может и хочет оставить и изгладить все её грехи. И когда её падшест и греховность вновь и вновь будет представлять пред глазами и ей покажется, что она не может взирать на Бога во Христе, потому что Он якобы не желает смотреть на неё, то она должна всё равно (Лк. 18:5), во имя Иисуса, постоянно продолжать (Мф. 7:8) упорно отводить свой взор от себя и обращать его ко Христу — Который, без сомнения, не даст ей постыдиться, но рано или поздно обымет её Своею вечной милостью. И так забывает человек самого себя и взирает на Бога во Иисусе Христе *ищущим образом*, подобно тому как больное, страждущее дитя смотрит на свою мать или как ужаленные змеями в пустыне взирали не на свои раны, но на медного змия, водружённого Моисеем, и исцелялись (Числ. 21:8). *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3:16).

2. Покаяние и искание благодати во Христе разрешаются обыкновенно в *состояние утешения*, когда милосердный Господь даёт душе вкусить богатство Своей благости в оставлении её грехов (Еф. 1:7) и в восприятии некоторых ощутимых даров благодати, как то: радости, света, лёгкости, отрады и тому подобного. Тогда душе особенно необходимо, чтобы она не разглядывала, но забывала себя, дабы Божии благодеяния не повреждались и не разорялись самоуверен-

ностью и самоугождением. Душе надлежит здесь сомкнуть глаза в отношении себя и данных ей Божиих даров (после того как она должным образом возблагодарит Бога за них), чтобы не вожделеть их для себя, но неким образом отстраниться от них и взирать только на Бога во Христе, всякую отраду имея не в себе, но в Боге, подателе и источнике всех благ (Иак. 1:17), Который един благ и достоин любви.

Такое забвение себя и принятых Божьих даров, такое отстранение от них, такое закрытие глаз перед собой и всем сотворённым, чтобы не желать в нём ничего для себя, но взирать только на Бога, представляется нашей самости и ветхому человеку безумием. Рассудок думает: «Какая мне польза, какой смысл в том, что я принял нечто от Бога, и тут же должен про это забыть, и ничего не иметь из того для себя?» Но рассудок и чувства слепы и *не понимают* Царства Божия (1 Кор. 2:14). Опыт учит, что чем более мы отстраняемся от всякого духовного дара, не желая владеть им как собственностью, тем благороднее он выявляется в нас; и если мы отстраняемся и от сего благородства, не желая присваивать и его, дабы взирать только и исключительно на Бога, то тем паче мы удостаиваемся Божией благодати и тем ближе мы ко спасению — ибо чем больше в душе искреннего самоумаления и отрешения от падшей самости, тем больше в ней добра и благодати. Но, увы! поскольку многие держатся за полученные от Бога блага и смотрят на них как на свои собственные, то ничего большего и лучшего они не получают; да и принятые дары повреждают и теряют.

Итак, душа *в состоянии восприятия даров от Бога* забывает и не смотрит на саму себя, но только на Бога во Христе, каковое воззрение порождает всякое благо. И пусть Жених в сии радостные дни дарит невесте одно украшение за другим, говоря при этом: *ты прекрасна, возлюбленная моя,*

ты прекрасна! (Песн. 1:15) — она не хочет и взглянуть на них, но отвечает: *о, Ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен!* (Песн. 1:16).

3. Взирать только на Бога во Христе, себя же саму не видеть и забывать душе надлежит и на пути освящения, когда она начинает *подвизаться деятельным образом*. Благонстроенные христиане, принявшие в известной мере благодать Божию во Иисусе, отличаются сердечным стремлением жить по Богу, во славу Его, и ревностно *совершать своё спасение* (Флп. 2:12) и *освящение* (2 Кор. 7:1; 1 Фес. 4:3). Но очень жаль, что многие из них неправильно подходят к делу. Христианин сразу начинает выискивать врагов своего спасения; он скрупулёзно исследует всякое своё действие; он противостоит с великим напряжением всему худому, усердствует о добродетелях и старается, насколько он может, привести себя к благочестивой жизни. Но только из всего этого выходит или само-сооружённое мнимое внешнее благочестие, или и вовсе лицемерие, без основания и корня; или христианин замучивает себя малодушием и неверием; или и вовсе опускает руки, поскольку всё время обнаруживает в себе неиссякающие недостатки и не видит никакой возможности спастись, как он это себе представляет, — ибо во всём этом душа принимается за своё духовное делание сама по себе, без Бога.

Легчайший же и истиннейший путь спасения и освящения — взирать на Бога во Христе, а себя самого со всеми своими немощами отодвигать далеко назад и забывать. *Будем проходить предлежащее нам поприще*, — говорит Апостол Павел, — но каким образом? *Взирая на начальника и совершителя веры Иисуса* (Евр. 12:1–2). Это и есть то прекрасное делание пребывания с Богом в Его спасительном сопричастии, о котором говорит Псалом: *Всегда вижу я пред собою*

Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь (Пс. 15:8). Такое детское воззрение на соприсутствующего нам *Бога-Любовь* (1 Ин. 4:16), памятование Его и непрестанное занятие сердца Им и Его божественными совершенствами есть истинное воинское искусство во внутренней брани, когда душа не ввязывается напрямую в борьбу с врагом, но поступает как дитя, которое, сталкиваясь с лающим на него псом, не нападает на него, но бежит к матери и в безопасности укрывается на её руках. Через взирание на Бога и занятие сердца Богом и Его божественными свойствами душа чудесно просвещается, укрепляется, умиряется и неприметно для себя освящается, причём самым неложным и основательнейшим образом. Ибо напечатление в душе Божьего соприсутствия, Его величия, Его вседовольствующей нас полноты, Его бесконечных добродетелей постепенно проникает её так, что в её очах и сердце умалется всё то и она поистине отстраняется и отчуждается от всего того, что не есть Бог и Божие.

4. Если душа пребудет в вышеизложенном делании верной и постоянной, то Бог благословляет оное. Он предходит душе в её труде, предваряет её в сердце Своим привлечением (Ин. 6:44) и сокровенно даёт ей вкусить Свою близость, любовь, вседовольствующую полноту и другие божественные свойства. Тогда у души больше совсем не получается рассматривать Бога и Его совершенства действиями рассудка, так, чтобы пункт за пунктом, с различием того и другого, разделять всё на части и затем обозревать по отдельности. Когда душа в простоте пребывает в сердце, то она обретает там некое глубокое и целостное, не распадающееся на те или иные стороны напечатление Божией близости, величия, любви, полноты и проч. Это напечатление хотя и сокровенное и тонкое, но оно приносит с собой внутреннюю духовную силу, при помощи которой душа властно отстраняется

и отлепляется от всего сотворённого и преходящего, дабы войти в единение со своим Богом, постоянно быть с Ним и держаться только за Него.

Здесь христианину не нужно совершать ничего более, как только в простоте следовать сему внутреннему Божию руководству и привлечению в сердце (1 Ин. 2:27) и стараться в таком расположении духа прилепляться к Богу и пребывать с Ним, кротким и чистым взглядом веры взирать только на Него, а не на себя самого. Именно чрез такое простое внутрь-собрание и внутрь-пребывание он наилучшим образом может *хранить себя* от всякого зла (1 Ин. 5:18), навязать подлинным добродетелям и открываться для истинного единения с Богом и принятия Его бесчисленных благ. Если же христианин возьмётся за дело, не *восходя к сей простоте*, но взирая на самого себя и действуя по своему разумению, то он только разорит себя и запутается окончательно. Ибо его прежние внешние, чувственные и рассудочные, деяния и созерцания больше не служат и не помогают ему; он не получает от них ни питания, ни отрады; если он возвращается к ним, то его душа всё больше ниспадает во тьму, сухость и пустоту, немощствует и рассеивается; и чем больше он хочет помочь себе напряжёнными усилиями рассудка и чувств, тем хуже ему становится. Лишь когда христианин, забывая всё, в простоте безмолвия пребывает при своём сердце или, точнее сказать, при Боге, тогда он воспринимает вышеназванное привлечение и напечатление от Бога и вкушает в этом своё благо, всё более уразумевая, что ему не остаётся желать и делать ничего иного.

Между тем душе, из-за её неопытности, первоначально бывает тяжело удовлетворяться таким восхождением к простоте, так что она нередко вновь и вновь обращается к самой себе и смотрению на себя, в то время как ей над-

лежало бы неопустительно пребывать с Марией при ногах Спасителя, ибо *только* это *одно* душе *нужно* (Лк. 10:42) и более спасительно, чем её бесчисленные беспокойства о многих вещах. — Но моё письмо получается уже слишком пространным, посему оставшееся изложу кратко.

5. Душа взирает только на Бога, а не на саму себя, *созерцательным образом* — когда Господу угодно внутренне открыть ей Себя уже более явно (Ин. 14:21) и ощутительно соприсутствовать ей. Тогда очи души отверзаются и она блаженно-сладчайшим действием Божиим привлекается к Сему соприсутствующему ей и вседовольствующему её Благу, дабы неотрывно взирать на Него и прилепляться к Нему, — что и называется *состоянием созерцания*. Душе здесь уже не нужно напоминать, чтобы она не смотрела на саму себя, поскольку чрез столь обильное *помазание* она уже достаточно *научена* сему (1 Ин. 2:27) и легко устремляется к Господу прекрасной и привлекательной силой Его соприсутствия. О том, сколь великое благо производит таковое состояние неотрывного смотрения на Бога, говорит, среди прочего, Апостол Павел: *Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа* (2 Кор. 3:18).

6. Наиболее подобает христианину взирать только на Бога, а себя не видеть и забывать, *в состоянии умирания самому себе и препоручения себя Богу* — в состоянии важном, но и опасном, когда христианин проходит путь совлечения всего, всяческого очищения и всевозможных скорбей. Тогда для него особенно необходима сия истина, и чем болезненнее скорби, тем она необходимее.

На высоких путях очищения, умаления и умирания ветхому человеку душа не может найти ни света, ни утешения, ни благодати, ни Самого Бога; всё это теперь представляет-

ся ей едва ли не ненавистным. Она видит, более того — поистине познаёт свою падшесть, свою тьму, свою немощь, свою неопишимо великую нищету наигорчайшим образом. Все её прошлые благодатные вкушения и чувства богообщения исчезли, и, как ей думается, — навсегда и по её вине. Все её делания, подвиги, устремление к Богу, внутрь-собрание и т. д., то есть то, чем она навыкла единиться с Богом, укреплять или сохранять себя, — всё как будто рухнуло, перестало действовать.

Что же делать бедному христианину? Ничего. Что претерпевать? Всё — но, как кажется, без всякой надежды на спасение. Как же ему быть? и что посоветовать ему — тому, у кого не осталось ничего, кроме своей величайшей нищеты и совершеннейшего *ничто*? Тут ему не остаётся ничего другого, как с великим смирением согласиться с этой нищетою и этим *ничто*, и всецело препоручить себя — именно в качестве этого сплошного бедного *ничто* — Богу во Христе, положившись на чистую милость Его благодати, не ища больше ничего в самом себе, не ожидая от себя ничего, не надеясь для себя ни на что, но предоставляя Богу изрекать над собою суд и совершать с собою всё, что Ему угодно, и во времени, и в вечности.

Всё сие должен производить Бог, а человек претерпевать и принимать. И когда Бог действует *так*, тогда человек действительно оставляет себя самого, исходит из себя самого, умирает самому себе и подлинно научается, что значит — взирать только на Бога во Христе *умирающим себе и препоручительным Богу образом*, себя же самого не видеть и накрепко забывать; чрез что не только рождается в нас всяческое благо, но мы исполняем и истинного богообщения.

7. Это последнее и совершается в состоянии *подлинного и всецелого единения с Господом и преображения в образ Его*

(Ин. 17:26; 2 Кор. 3:18), как о том говорят Спаситель, Писание во многих местах и святые в бесчисленных своих свидетельствах; я же об этом ничего не могу сказать. Господь да даст нам благодать опытно познать сие!

Вот, дорогой брат, то, что я, прерываемый разными делами и в спешке, могу сказать в ответ на твои вопросы. Сам извлеки из сего для себя пользу; ты сумеешь отделить мои ошибки от чистой Божией истины.

Добавлю ещё, что я не считаю так уж необходимым, чтобы христиане столь подробно рассуждали об этих градациях и вообще ступенях духовной жизни — поскольку наше самолюбие, примешиваясь ко всему, хочет везде вскарабкаться на первое место и подгонять нас туда, куда Бог ещё не ведёт нас. Также я не хотел бы, чтоб написанное мною понималось так, будто всегда и везде одна ступень непременно следует за другой именно в изложенной мною последовательности. Хотя в основном так и бывает, но не у всех душ и не с такой степенью различения и отчётливости; не говоря уже о том, что свойства душ различны, что то или иное наше поведение может производить значительные изменения в руководстве Божиим и что у Бога не одно намерение относительно всех.

Пребудем же при Боге детски (Мф. 18:3), в настоящем (Мф. 6:34), и целиком вверим себя Ему, по мере Его благодати в нас. Во всех же испытаниях, несомненно храня верность Господу, не будем ничего ожидать от себя, но всё — от Его бесконечной благодати. Аминь! Он *и да сотворит сие!* (1 Фес. 5:24). Поминайте меня в молитвах как

вашего немощного собрата.

Мюльхайм, 2 июня 1741 г.

(2, III, 19)

VII

О кресте и страданиях

Письмо 74-е

УВЕЩАНИЕ НЕ СХОДИТЬ С КРЕСТА.

В ГОРНИЛЕ СТРАДАНИЙ МЫ УЧИМСЯ СТРАДАТЬ,

и *Плавильщик* (Иер. 6:27) — наш Друг.

КАК ВЕСТИ СЕБЯ ПРИ ИСКУШЕНИЯХ ОТ БЛИЖНЕГО.

Возлюбленный о Господе брат!

Поистине, я, с одной стороны, с братским сочувствием, с другой — с благоговением пред мудрыми и спасительными путями Господними взираю на твоё состояние и твою болезнь. Что сказать тебе? Уж во всяком случае не *«сойди с креста»* (Мф. 27:40); напротив — вытерпи его, насколько ты можешь, мирно и с упованием на Бога. Это Его стезя; рука Господня здесь, и невидимо поддерживает тебя. *Ещё немного, очень немного, и Грядущий придёт, и не умедлит* (Евр. 10:37).

Наше новоначалное представление о христианстве весьма ущербно: мы часто забываем о подлинном пути креста (Флп. 3:18). Да, мы готовы *участвовать в Христовых*

страданиях (1 Пет. 4:13), но как герои. Наши страдания должны быть высоки, достойны, всеми видимы и хвалимы, ясны и понятны, не неожиданны и совсем не мучительны. Мы хотим нести крест, но вовсе не тот, который нам даётся. Мы не против претерпевать всяческие скорби, за исключением тех, которые у нас есть. Кратко сказать: на самом деле мы не желаем ни страдать, ни терпеть; нам сразу всё представляется непереносимым.

Мужайся, брат мой! Страдать нужно научиться — страданиями же; и когда сие свершается, тогда дух вкушает сладкий плод, произросший из горького корня. О! чистое, усладительное и мирное внутреннейшее вкушение Духа, рождающееся из креста и страданий и не так легко, как прочие дары Божии, повреждающееся самолюбием! И хотя христианин, проходящий это обучение, пребывает в таком мраке, что он не видит драгоценность страданий и их плод, — но Господь, когда нужно, касается его, и на краткое время отверзает ему очи, и даже совсем возвышает его над воззрениями и чувствованиями падшего естества, тем самым укрепляя и успокаивая его.

Прошу тебя, предоставь благому и премудрому Богу поступать с тобой по Его усмотрению! Не исследуй своим рассудком Его пути и твои скорби; прими их и служи Господу так, как определяет Он, а не ты, и в том положении и состоянии, в каком ты есть; и именно это послужит твоему духовному возрастанию и принесёт тебе мир. Твои прошлые воззрения на путь спасения не были неверными; но только всё укореняется и созревает через крест. С этим, конечно, составленные тобою концепции не всегда согласуются; но само дело спасения от этого несколько не страдает, а идёт своим чередом, и несравненно выше и глубже, чем как *мы понимаем* слова спасительных обе-

тований. Прекрасная ханаанская земля была обетована, и Израиль с надеждой вышел из Египта (Исх. 6:4). Между тем многим пришлось умереть в пустыне (Числ. 16:33), и упование Израиля должно было пройти чрез великие испытания (Числ. 21:4); миновало и много времени. Но Бог держит слово, и дети, рождённые в пустыне, наследовали землю, текущую молоком и мёдом (Пс. 68:36–37). Мессия и Его Царство были издавна обетованы, ожидаемы и наиторжественнейше прообразованы. Мессия пришёл — но как бедный младенец. Ученики Его по-разному думали о Его Царстве: то им казалось, что не осталось уже на него никакой надежды (Мф. 26:56); то — всё же нет, ещё придёт... (Деян. 1:6), оно пришло, но совсем иное, чем их грубые земные представления. *Христово Царство не от мира сего* (Ин. 18:36), и пришло оно в учениках *внутренне*, чрез спасительный опыт царствования Господа в их сердцах (Лк. 17:21; Деян. 2:3) — царствования, дающего такой мир, божественное величие и славу, в сравнении с коими все царства мира сего лишь безжизненное и жалкое сновидение.

Посему ещё раз призываю тебя, брат мой: мужайся (Ин. 16:33) и не отпадай (Лк. 8:13). Всецело предай себя Господу, не щадя своего падшего естества и самости и уповая на то, что Он Сам лучше всего знает, как, когда и где выкорчевать их из тебя. Ты страдешь не один (1 Пет. 5:9), и я с тобою всем сердцем.

P. S. Только хотел запечатать письмо, как пришло от тебя новое, позавчерашнее; приложу краткий ответ и на него. Пиши мне без раздумий и смущений, как только возникнет потребность. Все твои письма мне весьма любезны, хотя я и не всегда могу на них ответить пером; но Божией благодатью чрез них мы объедем друг друга в духе, что уже

великое благо, даже если мы и не получаем никакой иной пользы.

Не малодушествуй — или, по крайней мере, терпи своё малодушие так мирно, как ты можешь. Уверяю тебя, что в твоём нынешнем состоянии нет никакой опасности; только ты не видишь руку, которая тебя ведёт и защищает. Золоту надлежит быть очищенным; очищающий огонь причиняет страдания и скорбь; человек не видит золота, но только нечистоту; дух, или высшая часть нашего существа, совсем скрывается за изгарью. Такова наша участь. Нам надлежит всё это пройти, уразуметь и прочувствовать, и испить сию горчайшую для самолюбия чашу. Мы пытаемся избавиться от этого, но тем более погружаемся в шлаки и нечистоту; и если бы не живущая в нас неизгладимая жажда Бога и Его чистой жизни, то сей процесс был бы для нас совершенно непереносимым. Но *Плавильщик* (Иер. 6:27¹) был, есть и остаётся нашим Другом. Он видит и знает, как долго это должно длиться и как далеко простираться. И таким образом христианин учится препоручать себя исключительно благодати и познаёт необходимость совсем новой жизни во Христе; учится принимать сию жизнь и покоряться ей. Здесь он окончательно прощается с падшим рассудком и лишь безоговорочно исповедует пред Богом и людьми: *достойное по делам моим приемлю* (Лк. 23:41), даже если он и не видит в себе какой-либо вины.

Далее: ты спрашиваешь: не лучше ли объяснить с братом N., который (как ты пишешь) причиняет тебе скор-

¹ Здесь расхождение в русском и немецком тексте Библии. Немецкий текст: *Плавильщиком поставил Я тебя среди народа Моего, столпом, чтобы ты знал и следил путь их.* Синодальный перевод: *Башнею поставил Я тебя среди народа Моего...* Септуагинта и ц.-сл.: *Испытателем поставил Я тебя...*

би. Ответ: да, лучше — когда N. столь длительное время досаждаёт тебе и ты уже не можешь сего понести; а притом ты имеешь основание быть уверенным, что N., узнав о твоём недовольстве, охотно пойдёт тебе навстречу и изменит то, что он совершал по неведению. В таком случае, по моему мнению, будет хорошо, если ты, со всяческим смирением, проговоришь сие; не только для того, чтобы тебе получить облегчение, но, главным образом, чтобы был исторгнут горький корень большего зла — неприязни друг к другу; и чтобы твой брат не скорбел, видя тебя страждущим и не зная, как тебе помочь, потому что ты закрылся от него.

Впрочем, говорить обо всём, что мучает нас или досаждаёт нам в других в наших о них помыслах и представлениях, или когда ближний делает что-то не так (будь то в наших подозрениях или же и на деле) — конца и края не будет; и часто объяснение из-за какой-нибудь сущей мелочи приводит к действительной и большой скорби. Ибо побуждение недовольства располагается в нас, а не вне нас; и когда оно охватывает душу, нас раздражает вообще всё, так что когда мы устраняем одну досаду, то на её место тут же приходят две других. Поэтому большинство таких искушений лучше всего претерпевать; тогда они, как правило, исчезают без разговоров и мы видим происшедшее в другом свете. Я не сомневаюсь, что брат N. вовсе не с умыслом доставляет тебе неприятности, хотя тебе видится именно так; просто когда Бог хочет, с целью испытания и научения, наложить на нас некую скорбь, тогда часто наши ближние, совершенно не желая того, говорят и поступают так, что мы от этого весьма страдаем. Иногда же всякие мелочи и ничтожности представляет и раздувает в нашем омрачённом воображении искуситель.

Говоря же обще: прошу тебя, когда на тебя найдёт такое омрачение, не ищи слишком много развеять оное; раздосадуешься ещё больше. Осознай свою немощь, падшешь и своё *ничто* — и погружайся по возможности в чистую благодать Божию, долготерпеливо ожидая *помощи от Господа* (Пс. 120:2); этого будет больше чем достаточно. Придёт час Господень, и придёт избавление. Иисус с тобою, брат мой!

Мюльхайм, 18 декабря 1749 г.
(2, III, 127)

Письмо 75-е

УВЕЩЕВАНИЕ ПРЕТЕРПЕВАТЬ КРЕСТ ДАЖЕ ДО СМЕРТИ.

Возлюбленный о Господе брат!

Когда мы именуем и исповедуем Иисуса Христа Распятым (1 Кор. 1:23), то мы уже слышим, что уготовано и нам. *Если мы с Ним страдаем, то с Ним и прославляемся* (Рим. 8:17). Нам нужно не просто умереть (Кол. 3:3), но умереть на кресте, когда кровь не разом, но как бы по каплям покидает нас — я разумею кровь самолюбия, своеволия и всякой самостной жизни. Будем любить наших распинателей и молиться за них (Мф. 5:44; Лк. 23:34), кротко попуская им обращаться с нами так, как будто у нас нет больше свободы действия. Нам надлежит не *сойти с креста* (Мк. 15:30), но во всецелом вверении себя Богу преклонить голову и сказать со Христом: *Отче! в руки Твои предаю дух мой* (Лк. 23:46).

Любовью, страданием и преданием Себя Отцу Христос победил; так же должно быть и у нас. Когда *страдает один*

член, страдают с ним все члены (1 Кор. 12:26), и Глава с ним и со всеми. По мере нашего предания себя Богу и Христос состраждет с нами. Посему будем дерзновенны! Переносите страдания, те и таким образом, как этого хочет от вас Господь; но не изводите себя страхом, неверием и бесполезными попытками помочь себе. Иисус позаботится о вас и обратит всё ко благу (1 Пет. 5:7). Буду поминать вас в своих слабых молитвах; поминайте и вы меня. Приветствуйте от моего имени N. N.

(1, II, 8)

Письмо 76-е

О ТОМ ЖЕ.

Возлюбленная о Господе сестра!

На ваше содержательное письмо я не мог ответить раньше. Вы можете не сомневаться, что оно вызвало во мне глубокое сострадание; но крест и скорби неотъемлемы от нашего пути. Мы не вольны *выбирать*, но должны, по слову Иисуса, *нести* (Мк. 8:34; Лк. 14:27) то, что встречается или даётся нам. Господь лучше всего знает, какой пластырь целителен для наших ран; и часто наиболее действенен самый болезненный.

То, что всё наше земное жительство и всё тварное смешаны со скорбью, несомненно устрояет Сам Господь к нашему благу. Даже и самое радостное в нашей жизни и самое прекрасное в творении всегда растворено некоей целительной горечью, дабы мы не слишком прилеплились к сему, но воспринимали всё сдержанно и отстранённо. Во время же испытаний и искушений нет ничего более полез-

ного, чем молитва и внутри-пребывание, то есть внутренняя обращённость всех сил души к Богу. Когда человек слишком долго и много живёт по естеству, чувственно-рассудочно, тогда он всё воспринимает искажённо; тогда скорби и страдания ему до крайности тяжелы и он не обретает в них ничего, кроме бессилия и безотрадности. Если же он старается внутренне обращаться к Богу, то начинает видеть всё в истинном свете, понимает происходящее с ним просто и принимает оное со смирением, в Боге. Тогда вкушает он сладкий смысл креста, и тогда Господь несёт его крест с ним и в нём. Погрузимся же в Него, дорогая сестра, и станем невинными детьми во Христе (Мф. 18:3), кои не мыслят худого, не воспринимают худого, всегда всем довольны, взирают на всё равню и радостно и пребывают *ничего не знающими, кроме Иисуса Христа, и притом распятого* (1 Кор. 2:2). Аминь.

(1, II, 9)

Письмо 77-е

О СВЕТЕ, ТЬМЕ И СТРАДАНИЯХ.
КАК ПРИ ЭТОМ СЕБЯ ДЕРЖАТЬ.

Во благодати Господа Иисуса возлюбленная сестра!

Хотя тяготы и хлопоты, кои посетили меня (и длятся доселе) в связи с болезнью и смертью моего брата¹, не давали мне написать тебе, но они не препятствуют помнить о твоей душе и, пусть и немощно, препоручать оную любви и попечению нашего Господа-Эммануила (Мф. 1:23).

¹ Вильгельм Адам Терстеген (1690–1733), купец в Мюльхайме.

Ах! как сердечно я желаю тебе, чтобы сей исполненный блаженства небесный свет (я имею в виду Христа-Богомладенца) осветил внутреннейшие глубины твоей души, обогрел и ободрил тебя или, по меньшей мере, разогнал силы тьмы и мглу и бурю неверия! Уповаю на Господа, что это непременно совершится. Он *повелит из тьмы воссиять свету* (2 Кор. 4:6) — но в Своё время и в Своём порядке, а не так, как хочется нашей самости и суетливому падшему естеству.

Божественное *Солнце правды* (Мал. 4:2) сперва открывает в нас всякую неправедность и тьму, и только потом следует врачевание. Как первое, так и второе, хотя и имеет своим источником безмерную и глубочайшую любовь и милость, не может совершаться без *многих скорбей* (Деян. 14:22). Отсюда происходит то, что чем ближе подходит к душе сей чистый и очищающий свет, тем больше и чаще душа плачет о своей падшести, тьме и нищете. Но эта открывающаяся нам и постоянно предстоящая перед нами повреждённость не только доставляет нам страдания. Болезненно переживаемое видение и чувство наших явных грехов и ошибок часто является и лекарственным средством, исцеляющим нас от сокровенной и стократ более опасной самости, которую мы, как правило, не замечаем. *О, бездна благодати и премудрости Божией!* (Рим. 11:33).

В то время как я писал тебе вышеизложенное, пришло твоё второе письмо — ответом на которое послужит продолжение моих рассуждений на начатую тему, что́, даст Бог, умирит твою душу.

Нам надлежит благоговеть пред непостижимой для нас премудростью и чистой любовью Божией на путях спасения каждого из нас. В будущей славе мы ясно узрим их своими глазами; ныне же *пути* сии пролегают

во многих водах скорбей и страданий, и следов их невозможно познать (Пс. 76:20). Оттого бедное и неразумное чадо Божие порицает действия Отца, преисполняется недоверием, не веряется Ему и говорит: «Ты видишь мою скорбь и нужду, но не избавляешь меня; и я не могу этого понести». О нетерпеливое и несмышлёное дитя! предоставь Отцу поступать с тобою по Его благоусмотрению и всецело предай себя Ему! Или, если у тебя достаёт мудрости, скажи мне: почему Бог формировал *безвидную и пустую землю* шесть дней (Быт. 1:2, 31), тогда как Он мог это сделать за одно мгновение? Почему Израиль должен был сорок лет странствовать по пустыне? (Числ. 32:13). Почему Иерихон пал только на седьмой день? (Нав. 6:15). И почему издревле обетованный и столь горячо ожидаемый Попиратель главы змия Иисус (Быт. 3:15) пришёл только по прошествии четырёх тысяч лет? Или превечная Премудрость не всё устроила хорошо?

Отринем же нашу пытливость и останемся ничего не знающими детьми! Предай и препоручи *всю* свою душу со *всеми* её состояниями исключительно в верные отеческие руки твоего Господа; Он знает, что греховность тяжела тебе. Пребывая в беспокойстве, малодушии и постоянном унынии и печали, ты только ещё больше ослабеешь, запутаешься и будешь чаще преткаться. По возможности забудь саму себя и свою никуда-не-годность, полностью вверься Богу и дай в себе место детскому упованию и любви (которые и среди самых тяжких скорбей благодать не перестаёт порождать в нас), держась за дарованное нам Господом спасение по благодати.

О Господи Иисусе Христе! вот душа, не чувствующая в себе ничего, кроме греха! Она не любит его; напротив, грех причиняет ей невыразимые страдания. Она сетует, опла-

кивает и обвиняет себя за него пред Тобою и пред людьми; адские мучения она почитает лучшими, чем иго грехов. Многие дни тщетно ожидает она, чтобы спастись от сего горького ига. При всём этом она внутренне жаждет любить Тебя, угождать Тебе и целиком принадлежать Тебе. Что я скажу ей, Господи, о имени Твоём? Уверю ли я её, ради Тебя, что Ты хочешь *прийти и исцелить её?* (Мф. 8:7). Несомненно, что таково Твоё намерение — так скажи же это ей Сам в её сердце, и она будет жить. Аминь!

Так помолвившись, возлюбленная сестра, я и написал тебе сие письмо. Прими же сказанное, как из уст Его.

Твой, в единении с Господом, собрат.

Мюльхайм, 5 сентября 1733 г.

(1, I, 136)

Письмо 78-е

УТЕШЕНИЕ ДРУГУ

ПРИ ТЯЖКИХ ПОТЕРЯХ В ЕГО ЖИЗНИ.

В драгоценной благодати Господа нашего Иисуса Христа сердечно возлюбленный брат!

Премудрость Божия научает тебя при твоих тяжких потерях, что главная цель при всех таковых и подобных им посещениях Божиих — всё от нас отнять и от всего разлучить, как бы свято и невинно то ни было. Тем самым Господь выводит нас в некую пустыню и внутреннее одиночество, дабы в них тем свободнее и ближе говорить к нашему сердцу (Ос. 2:14). О одиночество, исполненное божественных тайн и чудес! как мало ты известно! сколь немногие души понимают,

что значит соображаться с Богом в истинном уединении! Мы вносим внутрь себя творения, образы, самих себя — и потому не можем вкусить близость божественной любви в её совершенной чистоте; а между тем Бог и наш дух должны быть одни и становиться всё более уединёнными друг в друге. Ах! если бы отпало всё, что со всех сторон липнет к нашему духу и опутывает его, дабы он в нагой простоте на всякое время обретал бы *свободный вход* (2 Пет. 1:11) во внутреннее *святилище!* (Евр. 10:19).

Правы, хотя и часто скорбны, *все пути Господни* (Ос. 14:10), коими Он чудесным образом ведёт преданные Ему души, когда Он отнимает от них то одно, то другое и наконец *всё*, на что опираются их ноги и за что крепко держатся их руки, — дабы они всецело вверялись Ему и всю свою надежду, упование и любовь всегда полагали только в Нём, истинном, единственном и вседозволяющем нас Боге. Христианин, идущий этими путями, оглядываясь назад, не находит ничего, кроме великой благодати (Пс. 24:10); видя сие, он научается и желает и впредь безусловно предавать себя, как слепое, ничего не знающее, не принадлежащее себе дитя, материнским рукам Его божественного промысла. Не сомневайся, дорогой мой скорбящий друг: *Бог печётся о нас* (1 Пет. 5:7). Мы не должны — и не будем! — вмешиваться в Его работу, но лучше позаботимся о нашей обязанности — *стать как дети* во Христе (Мф. 18:3). *Сын мой! отдай сердце твоё Мне, и глаза твои да наблюдают пути Мои* (Притч. 23:26). Ей, аминь, Господи Боже!

Приветствую и обнимаю тебя в духе любви Христовой, в коей сердечно препоручаю тебя Господу — и остаюсь твоим единомушным немощным собратом.
(Holl., 25)

Письмо 79-е

ИСПЫТАНИЯ И СКОРБИ
ПОСЫЛАЕТ НАМ БОГ СО МНОГИМИ ЦЕЛЯМИ.
О ДЕТСКОСТИ ХРИСТОВОЙ.

Сладчайшее имя Иисуса да осеняет наступивший год!

Возлюбленная о Господе сестра!

Ваши любезные письма своевременно получил; последнее было от 26 декабря. От всего сердца сочувствую вам в ваших испытаниях и скорбях; впрочем, Господь посылает их к нашему же благу. Во-первых, посредством их мы несём некое наказание за свои прошлые грехи и смиряемся; во-вторых, они открывают в нашем сердце те или иные проявления падшести и искореняют их; наконец, в-третьих (и в-главных), скорби понуждают нас оставить самих себя, как повреждённую и негодную вещь, и притечь к Иисусу, дабы, живя или умирая, *найтись* только в Нём (Флп. 3:9) — ибо лишь в Нём мы обретаем то, что тысячекратными и мучительными поисками во веки веков не найдём в творениях и в самих себе.

Я желаю от всего сердца всем нам, дорогая сестра, в особенности в сии рождественские дни, преизобильного вкушения невинной, простой и невосприимчивой ко злу детскости Христовой (Мф. 18:3). Дитя в колыбели смотрит на мир и на всё, что в нём, спокойными очами; оно думает и действует чисто и без лукавства, и не препятствует всему идти так, как оно идёт. Итак, отстраняйтесь от всяких обманчивых и разорительных проявлений падшего естества; а от чего не можете отстраниться, то терпите так спокойно и благодушно, как это для вас воз-

можно; и не «застревайте» на том. Мужайтесь! Иисус да поможет вам.

(1, II, 10)

Письмо 80-е

Преданная Богу чистая душа
ничего не почитает случайным,
но во всём познаёт Божие мановение.
Наше совершенство и покой состоят
только в единении с волей Божией.

**В драгоценном Спасителе Иисусе,
Который есть наша жизнь и наше всё,
досточтимый и сердечно возлюбленный брат!**

Я был очень рад вновь получить от тебя письмо. Из него я вижу, как тебе, в твоих преклонных годах, всё ещё приходится почти непрестанно бороться со всевозможными немощами и искушениями. Ах, возлюбленный собрат! как ничтожна сия жизнь и сколь многим неприятным и переменчивым случаям подвержена! Между тем с предавшей себя Богу и чистой душой ничего случайного не происходит. Такая душа учится всё и всегда принимать с миром, как от Бога. Она живёт, ограничив себя настоящим моментом — и тем не менее просторно. Она не заботится много о будущем — поскольку веряет себя руководству Божией благодати, во всём правящей нами и даже самые малые естественные события направляющей к нашему великому и вышеестественному спасению. Она стремится *поклоняться Богу в духе и истине* (Ин. 4:23–24) — ибо единение с Богом и с Его волей, *благодать, угодной и совершенной* (Рим. 12:2), есть единственное осно-

вание того, что при всех случающихся с нами телесных или душевных изменениях, коим мы непрерывно подвергаемся на сей земле, мы остаёмся внутренне неколебимыми. О! да дарует нам Бог всё больше простоты и непорочности Иисуса Христа, дабы мы рассматривали себя лишь как вверенное Господу имущество и во всём, что нас касается, опирались бы исключительно на Него, не ища избавления, защиты и поддержки нигде, как только там, где всё это и можно обрести, — в нашем Боге, вечном и совершенном Благе, *у Которого нет изменения и ни тени перемены!* (Иак. 1:17).

Хотя и неизбежно, что мы не умираем ветхому, внешнему человеку без страданий (1 Пет. 4:1) и не совлекаемся его, не отрешившись от многого (Лк. 14:26); но сии скорбные стези должны быть нам столь же любезными, сколь и сама цель, ибо это есть воля Божия, чтобы мы шли крестным путём в веке сем (Лк. 14:27). Наше совершенство и покой состоят не в чём-либо высоком или низком, но в том, чтобы мирно пребывать там, куда поставляет нас Господь. Знать и терпеть себя самого в смиренном самоумалении так же угодно Богу, как и *быть восхищенным* с Апостолом Павлом *до третьего неба* (2 Кор. 12:2), если это даст нам Бог. О, сколь многих тяжких раздумий, беспокойств и мучительных забот мы избежим, если только в простоте предадим себя и всё своё Господу, прилипем к Нему верой и будем благодарить Его за всё! Я желаю, чтобы мы каждодневно всё полнее воспринимали от Него сию благодать, к Его прославлению в нас.

Я должен заканчивать письмо, дорогой друг. Сердечно приветствую тебя во имя Господа Иисуса и обнимаю тебя в духе Его любви. Господь да пребудет со духом твоим; да будет Он для тебя *всем во всём!* (Еф. 1:23). Бог может, хочет и преизобильно даст всё, что нам нужно, чрез Себя Самого и уготовит нас во Иисусе Христе к Своему вечному царству,

во славу Свою — и это во всех наших скорбных обстоятельствах. Аминь! Остаюсь, по благодати,

преданным тебе о Господе собратом.

Мюльхайм, 11 октября 1743 г.

(Holl., 23)

Письмо 81-е

О ТЕРПЕНИИ РАДИ ЛЮБВИ И СЛАВЫ БОЖИЕЙ.

О ДОБРЫХ НАМЕРЕНИЯХ И ИХ СОВЕРШЕНИИ.

Дорогая сестра!

Я весьма сочувствую вам и, не имея возможности быть у вас, молось Господу, чтобы Он Сам посетил и укрепил вас. Чем более мы одиноки и лишены утешений от творений, тем более отверзаются двери нашего сердца Господу и тем свободнее и чище наш дух может соединиться с Ним. Там, где умолкает всё тварное, Господь говорит свободно; и, может быть, именно поэтому Он посредством вашей болезни и *увлекает и приводит вас в пустыню*, дабы *говорить к вашему сердцу* (Ос. 2:14). Изрекай же, Господи, мирное слово Твоё, *ибо внимает раба Твоя!* (1 Цар. 3:9). Несомненно, Божие сопричастие и Божие утешение могут соделать и болезненное ложе раем.

Впрочем, я надеюсь, что болезнь ваша *не к смерти, но к славе Божией* (Ин. 11:4), ибо Господь никогда не возводит на крест напрасно. Итак, всячески смиритесь пред мудрым и благим Спасителем, веруя, что вы в деснице Его. И поскольку вы не можете ничего *делать* по любви к Богу и во славу Его, то *терпите* ради Его любви и славы то, что по временам выпадает на вашу долю. О, это великое счастье — угодить Богу скоропреходящим страданием! (2 Кор. 4:17). Для сего Господь ещё

прежде дал вам доброе намерение и решимость охотнее нести свой крест и меньше внимать изнеженности вашего естества, как вы говорили о том в вашем прошлом письме. Но только не удивляйтесь, когда увидите, что бутоны и цветки добрых намерений не принесут вам ожидаемого совершенного плода. Такой плод созревает лишь тогда, когда мы всем своим существом держимся за *корень* и *лозу* (Откр. 22:16; Ин. 15:5). Я хочу сказать: со всей вашей доброй волей и намерениями, какие даёт вам Бог, всегда вновь и вновь возвращайтесь к Нему, погружайтесь в Него и в спокойном осознании своей немощи пребывайте в Нём, как дитя, покоящееся на лоне матери, дабы Он, давший вам *хотение*, также совершил в вас и *действие*, по *Своему благоволению* (Флп. 2:13).

Итак, во всём предавайте себя и всё своё так, как оно есть, Богу о сладчайшем имени Иисуса. Это также даёт вам Бог; примите же сие от Него. Пребывайте в этом делании в настоящем и не заботьтесь о будущем (1 Пет. 5:7; Флп. 4:6). Любите Бога, столь любящего вас. Думайте больше о Нём, чем о себе; *Он сотворит* (1 Фес. 5:24). Приветствую вас сердечно; буду, по Его благодати, поминать вас пред Ним. Остаюсь
вашим единокровным немощным собратом.

(1, II, 23)

Письмо 82-е

УТЕШЕНИЕ СОБРАТУ,
ПРЕБЫВАЮЩЕМУ В ОЧИСТИТЕЛЬНЫХ СКОРБЯХ.

Возлюбленный о Господе брат!

Из твоего письма я усматриваю твою душевную тяготу, о чём лучше бы говорить очно. Но *Господь близко* (Флп.

4:5); Он вразумляет Своих болящих и немощствующих овец и во всём помогает им. Одна из сих овец — ты; и этим я сказал тебе в утешение и подкрепление самое великое и более чем достаточное. Если ты Его овца, то Добрый Пастырь печётся о тебе (Ин. 10:11), и чем ты сильнее и немощнее, тем заботливее Он ухаживает за тобой и держит тебя на руках, дабы никакая чуждая сила *не похитила тебя из рук Его* (Ин. 10:28). Твоя же задача — каким бы немощным и больным ты ни был — заключается в том, чтобы ты с оставлением себя и упованием на Бога всецело вверял себя Сему Пастырю, старался сколь можно чаще взирать на Него и предоставлял Ему делать с тобою всё, что Он сочтёт нужным.

Мне твоё нынешнее состояние видится как некое очищение тебя любящим Небесным Отцом, когда Он, из чистой благодати, немного даёт тебе почувствовать твою недостаточность, тьму, неспособность ко благу и вообще падшесть и повреждение. Твоя телесная болезнь и способствует тому, чтобы чрез таковой опыт больше смирить тебя и освободить от самости и скрытого зла, дабы ты мог вечно жить с Богом. Посему не малодушествуй, но радуйся в вере, что Бог совершает в тебе Своё дело; охотно принимай сердцем то, что скорбями Он открывает тебе твою падшесть и твоё *ничто*; так очищает Он Свою лозу (Ин. 15:2). Он хочет видеть нас малыми (Мф. 18:4) и чистыми (Мф. 5:8). Погружайся же, погружайся в сие сладчайшее умаление, когда ты живёшь только от благодати¹; дай вывести себя из себя самого; ищи и обретай в Господе

¹ Очень важный пункт для понимания принципов душепопечения Терстегена и его терминологии: умаление, смирение, самоуничтожение и т. п. — не те или иные аскетические упражнения, но жизнь, руководимая благодатью Божией (а не падшей природой — самостью).

то освящение и благо, какое в самом себе ты никогда не найдёшь. О, сколь любезно должно быть нам наше умаление и Божие все-действие, наше *ничто* и Божие *всё!* — Во внешних занятиях поступай так, как у тебя заведено, насколько позволяет тебе недуг; то же и в молитвенном твоём делании, — пусть бы даже и казалось, что ты только исполняешь обычай.

Прежде же всего предавай всё, делаемое тобой, Господу, взирая на Него верою; впрочем, не совершай над собой никакого насилия ради большего, чем для тебя возможно, благочестия. Препоручаю тебя, во благодати Божией, нашему Доброму Пастырю; и ты усердствуй о таком препоручении. Сердечно приветствую тебя и всех твоих домашних — и остаюсь

преданным тебе обратом.
Мюльхайм, 22 ноября 1737 г.
(1, II, 131)

Письмо 83-е

УТЕШЕНИЕ И УВЕЩЕВАНИЕ НЕКОЕЙ ДУШЕ,
ПРОХОДЯЩЕЙ ОГОНЬ ВНУТРЕННЕГО ОЧИЩЕНИЯ.

Дорогое чадо!

Только что мне доставили твоё письмо, весьма мне любезное; я полагаю его пред Господом и раскрываю для ответа 17-й Псалом, стихи 36 и 37: *Когда Ты смиряешь меня, Ты возвеличиваешь меня; Ты уготовляешь пространство подо мною для хождения моего, дабы стопы мои не*

*поколебались*¹. Уверю тебя, что я искренно сострадаю тебе в твоём нынешнем положении; но если б я и имел такую возможность, то не стал бы «вымалывать» тебя из оного. Ты в руках Того, Кто бесконечно более сострадает тебе, чем я. Предоставь Ему действовать и не отчаивайся. Он желает тебя *смирить*, дабы и ты в Нём, и Он в тебе навеки *возвеличились*. Ты чувствуешь горечь сего пути, но не видишь блаженства его конца; и так это сейчас и должно у тебя быть. Не созерцание наших добродетелей, но видение и опыт падшести и нищеты приближают нас к Богу. Спокойное принятие сей нищеты и уразумение своего *ничто* да будет нашим постоянным поклонением Божьему *всё!*

Бог уготовляет пространство под тобою. Посему не желей за что-то держаться, но дай себе погрузиться в это Божие пространство — не посредством внутрь-собирания (я думаю, сейчас ты к этому неспособна), но с помощью простого терпения, забвения себя и препоручения себя Богу, так, как человек роняет из рук вещь, которая ему слишком тяжела, или передаёт её другому. Через это одно ты обретёшь таковое *пространство*. Не бойся опасности, что ты погрузишься в грех; Господь будет хранить тебя, *дабы стопы твои не поколебались*, ибо в тебе же нет желания грешить.

¹ Так в немецком тексте Библии (стихи 35–36): *wenn Du mich demütigst, machst du mich groß. Du machst unter mir Raum zu gehen, daß meine Knöchel nicht wanken.* Русская Библия: *Десница Твоя поддерживает меня, и милость Твоя возвеличивает меня. Ты расширяешь шаг мой подо мною, и не колеблются ноги мои.* Вульгата: *et disciplina tua correxit me in finem: et disciplina tua ipsa me docebit. Dilatasti gressus meos subtus me: et non sunt infirmata vestigia mea* (и наставление Твоё исправляет меня всецело, и наставление Твоё, именно оно учит меня. Ты уготовал широкое пространство шагам моим подо мною, и ноги мои не ослабеют). По-гречески и церковно-славянски: *наказание* (вразумление) *Твоё исправит мя в конец, и наказание Твоё, то мя научит. Уширил еси стопы моя подо мною, и не изнемогосте плеснё* (колени) *мои.*

Ещё одно: не смотри на неверие и грех. Не внимай им, когда они подступают к тебе, но утешай себя тем, что Иисус, един Неизменяемый и Святой, видит их и твоё положение, и начинай читать 17-й Псалом целиком: *Возлюблю Тебя, Господи, крепость моя! Господь — твердыня моя и прибежище моё* (Пс. 17:2–3) и т. д.; и не смущайся, что уста твои якобы лгут. Я знаю, что это не так, а Господь — тем более.

Лишь в «отпускании» себя ты обретёшь чистое упование на Бога. И я прошу тебя ещё и ещё раз, как и всегда: ищи основание твоего упования исключительно в благодати Божией, в сладчайшем имени Иисуса, Который есть и будет твоя опора и поддержка, твой покров и вечное блаженство. И я не забываю тебя в своих молитвах.

Твой единокровный немощный собрат.
(1, I, 73)

Письмо 84-е

О БЕЗМОЛВИИ И НЕЗАМЕТНОЙ ЖИЗНИ.

О ВНУТРЕННЕЙ СУХОСТИ И ТЬМЕ
И ПУТЯХ ОЧИЩЕНИЯ И СКОРБЕЙ.

Во благодати Господа нашего Иисуса Христа многовозлюбленный брат!

Только что получил твоё письмо от 1-го числа сего месяца через брата Н., и поскольку он торопится обратно, то я спешу написать тебе в ответ хотя бы несколько строк.

Господь да укрепит тебя и да сохранит твою душу в тихом и мирном устроении среди всех твоих разорений и житейских напастей! Если что и советовать тебе, так это то, чтобы ты без Божьего повеления и без необходимости

не искал излишнего обращения с людьми или новых знакомств. Твоя и моя души нуждаются в безмолвии, дабы чаять руководства Божия и всё более укореняться в Иисусе, в Котором всё наше спасение и блаженство. Тяготение к внутри-пребыванию есть одновременно и стремление к тому, чтобы быть незаметным. Если же кто поставляется на какое-либо служение или, наоборот, подвергается преследованиям¹ против воли, не ища этого, тогда это содействует спасению. О внутренней жизни знают гораздо меньше, чем представляется, даже и в среде благочестивых христиан.

Ты спрашиваешь о моём отношении к тому, что некоторые добрые души убеждают тебя: «После того, как человек получил отпущение грехов, он уже не подвергается внутренним скорбям, душевной сухости и тьме и тому подобному; если же таковое происходит, значит, он совершил грех» и т. п. Я сам так полагал в своё время; но, всё больше становясь немощным и нищим, я считаю уже иначе. То, что во многих случаях это правда, и внутренняя сухость и тьма имеет причиной действительную неверность христианина (которую он думает изгладить, накладывая на себя подвиги очищения и произвольные страдания), отрицать нельзя. Но из этого никак не должно делать общие выводы и отказываться признавать великую истину о крайней необходимости для облагодатствованных душ внутреннего пути «безвинных» страданий (1 Пет. 2:20), когда, как говорит Псалом, *едва не пошатываются ноги мои, едва не поскользываются стопы мои* (Пс. 72:2). Отрицающие это обнаруживают узость своего знания и недостаточность опыта духовной жизни.

¹ То есть становится известным, лишается сокровенного образа жизни.

Впрочем, никогда не нужно спорить о путях Божиих и Его руководстве. Если бы кто-нибудь сказал лично мне, что все свои внутренние скорби я сам навлек на свою выю моей неверностью Богу, то я поверил бы этому просто и без всяких исследований — ибо я очень хорошо знаю свою падшесть. Но когда подобное начинают говорить применительно к другим людям и ко всем скорбящим сердцам, то тут бы я заградил говорящим уста, надеясь, что оные друзья Иова некогда переменят свои мысли и с покаянием (а лучше и с жертвою) возвратятся и исповедуют, что они были неправы (Иов 42:7–8). Вообще же я совершенно убедился, что из особых, частных руководств Божиих не может быть составлена общая система или некий «путеводитель для всех». Когда об этом пишут просвещённые души, то они говорят только о *своём* пути; и читатель должен прославлять за сие Бога, но не налагать на себя чужой опыт, а предоставлять духу благодати действовать в себе (и в других) свободно и многообразно.

Сердечно благодарю за приветствие от госпожи графини N.² и её близких; Бог да благословит их о имени Иисуса, да покроет, управит и совершит! Если представится возможность, передай им моё ответное приветствие; если же я кому неизвестен, то пусть останусь неизвестным. Я люблю Берлебургское братство, только боюсь, что некоторые из них слишком много само-действуют. Но я предаю всех Богу, знающему до последних глубин и нас, и их; Богу, Который *близ есть* (Флп. 4:5) со Своими святыми вразумлениями (1 Ин. 2:27). *В доме Отца обителей много* (Ин. 14:2), и *всякое дыхание да хвалит Господа* (Пс. 150:6). Поскольку обстоятельства подгоняют, я вынужден заканчивать; пре-

² Хедвиг-София фон Сайн-Витгенштейн-Берлебург; см. примеч. 2 к письму 10.

поручаю Господу Иисусу тебя и твою супругу. Будьте Ему верны, любите Его сердечно и не забывайте меня, остающегося тебе и всем друзьям

искренне преданным собратом.

Мюльхайм, 16 ноября 1736 г.

(1, II, 108)

Письмо 85-е

НАСТОЯТЕЛЬНОЕ УВЕЩАНИЕ
ВЕРОВАТЬ В ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА
ВВИДУ ПРИЛУЧИВШЕГОСЯ МОРОВОГО ПОВЕТРИЯ.

Сердечно возлюбленный о Господе брат!

Вчера, когда я около полудня возвратился из своей поездки, я обнаружил, наряду с прочими, и два твоих письма от 12-го и 15-го числа сего месяца. Содержание оных легко было угадать, поскольку уже в субботу в Золингене слышали, что и ваш Крефельд Бог посетил моровым поветрием и что возлюбленная наша сестра Г. Е. скончалась от болезни¹. Что же! *Он — Господь, что Ему угодно, то творит* (1 Цар. 3:18). Но *все пути Его святы*, и все Его действия исходят из *милости* и любви (Пс. 76:14; 24:10), особенно в отношении Своих чад, у коих, вне всякого сомнения, *ни один волос* не упадёт с головы *без воли* любящего их *Отца* (Мф. 10:29–30). Если бы мы ясно видели конец путей Божиих, то от сердца, в благоговейном изумлении почтили бы сии пути на всём их протяжении и со всеми их особенностями. Но поскольку благие и мудрые *концы от Господа* (Иак. 5:11) мы далеко

¹ Что это была за эпидемия, с точностью не установлено.

не всегда можем *видеть*, то нам надлежит в это *веровать* и в сей вере предавать себя и всё своё в Его руки, принимая, любя и почитая всё, что Он делает.

Как только я услышал, что нынешнее поветрие пришло к вам, я принял это близко к сердцу и не замедлил приступить к молитве за всех вас пред Богом, как бы немощен я ни был. Господь да даст, чтобы сие Его посещение побудило многих к искреннему покаянию и подлинному обращению к Нему! О, любовь Бога к людям! Ничего иного Ты и не ищешь, и когда мы поистине предаём Тебе свои сердца, Ты скоро прекращаешь Своё наказание (Иоил. 2:13). Даруй же, Господи, чтобы не только на время бедствия, но и навсегда люди прилеплялись к Тебе, Твоею благодатью; ибо как часто суета мира сего, от которой мы отвращаемся во время скорби, вновь охватывает нас, когда вразумление Твоё проходит! Между тем чада Божии, коим в настоящее время с новой силой открывается ничтожность всего временного и истинное значение Бога и вечных благ, да обращают сии обстоятельства себе на пользу, дабы их упование на Бога стало полнее и крепче. Я сердечно желаю, чтобы Господь ниспослал мне и всем крефельдским братьям и сёстрам веру капернаумского сотника (Лк. 7:6–9) и утвердил нас в оной. Иисус — Господин, болезнь — Его слуга, приходящий и уходящий по Его повелению. Вот на что нам надлежит опираться! Человеческие изыскания, обдумывания, советы, страшливые ожидания неприятностей, болезней, креста, смерти только повергают душу в разорительное смущение и малодушие. *Мы должны взирать не на вещи и события сами по себе, но на нашего благого и сладчайшего Спасителя в сих вещах и событиях.* Тогда мы сможем забывать самих себя и пугающее нас будущее и пребывать в духе, во внутрь-собрании и молитве, занимаясь только Господом. Тогда наши

души осенит прочный мир, и мы соделаемся способными к принятию Божией благодати, которая дарует нам силы к такому детскому препоручению всего, касающегося нас, Ему, что мы престанем мучиться преждевременными страхами и совершенно уверимся, что Он даст нам всё необходимое, когда это будет нужно. В таком мирном духовном устройении мы сможем спокойно ожидать, что Господу угодно будет сотворить с нами и нашими близкими.

Впрочем, как бы то ни было — *мы не имеем здесь постоянного града* (Евр. 13:14). К тому же сейчас мы переживаем полночь, когда как на мудрых, так и на неразумных дев почти повсеместно нашёл сон (Мф. 25:5) и как будто совсем нет сил для подлинного внутреннего христианства. Но Ты, Господи, по Своему неизреченному милосердию призови нас, наконец, Своим гласом: *Се, Жених идёт, выходите навстречу ему!* (Мф. 25:6) — гласом приближающегося Суда вовне и гласом Своей убеждающей и привлекающей благодати изнутри! Тогда, пробуждённая сим гласом, да изойдёт всякая душа из себя самой и из царства теней и мёртвого мира сего и чистым деланием сердечной молитвы да выйдет навстречу сладчайшему Спасителю, изволившему стать её Женихом и уготовить её Себе в невесту и в чадо иного мира, чрез Себя Самого! Да будет благословенно и прославлено Его имя!

П. Е., потерявшего свою любимую жену, я от всего сердца сострадательно обнимаю и желаю ему обновляющей благодати и Божьего благословения, дабы воспрянула его душа. Да, потеря супруги — это удар; но, дерзну сказать, удар Божия милосердия, как для усопшей — поскольку Господь избавил её от тяжких и долгих страданий и охранил от связанных с сим искушений, так и для самого П. Е., поскольку, как мне думается, Господь уготовал для него нечто, к чему сие печальное событие может его подвигнуть. Молитва нужна

ему и нам. Скажи всё это ему от моего имени, со всей сердечностью; время и слабость не позволяют мне сейчас ему написать. Приветствую всех ваших. Иисус да благословит, да укрепит и да сохранит нас пред Ним в мире! Остаюсь твоим единокровным немощным собратом.
Мюльхайм-на-Руре, 26 сентября 1747 г.
(2, III, 86)

Письмо 86-е

О БОЛЕЗНИ АВТОРА.

ОБ ОБЕТОВАНИЯХ ПРИ СКОРБЯХ

И О ТОМ, ЧТО ЧРЕЗ ОНЫЕ МЫ УПОДОБЛЯЕМСЯ ХРИСТУ,
ДАЮЩЕМУ НАМ В НИХ СВОЙ УМ, СВОЮ СИЛУ
И ВСЯЧЕСКОЕ БЛАГО.

Возлюбленный о Господе брат!

Ваши письма — как твоё от 23 января, так и брата Е. от 27-го — своевременно получил, но отвечать мог только в духе, что и не упускал соделывать. С тех пор, как тут был брат Н., моя *земная хижина* (2 Кор. 5:1) весьма колебалась; и хоть я и сейчас едва пишу, но подумал, что было бы неправильно не известить вас о своих обстоятельствах.

18 января у меня был необыкновенно сильный приступ, сопровождавшийся ощутительной лихорадкой, который совершенно подкосил меня и уложил в постель. Прилив крови к голове был крайне чувствителен: удары пульса в мозг около двенадцати раз в минуту были столь сильны, как будто голову пронзали стрелы. Это продолжалось восемь дней. Постепенно стреляние крови в голову уменьшилось, до пяти или шести раз в минуту, и с течением времени пре-

кратилось с утра, но возобновлялось днём и вечером; жар отступил на третьи сутки. Ныне, слава Богу, всё это отошло, только болят голова и зубы, но уже вполне терпимо.

Ты видишь, что в скорбях от болезней мы сходны и поистине братья; а если твои страдания больше моих, то я уравновешиваю оные моим состраданием тебе. Но у нас есть великое обетование, что *любящим Бога* и предавшим себя Ему *всё* — именно буквально *всё* — *содействует ко благу* (Рим. 8:28). Наши страдания возвышают нас над внешней частью нашего существа, над ветхим человеком, и уподобляют нас Иисусу. Нам не нужно больше ничего, как только единиться с Ним и с Его безграничной благостью, насколько Бог даёт нам для сего благодать, и препоручать все свои скорби Ему. *Как нам не пить чашу, которую даёт нам Отец?* (Мф. 26:42). Тогда наши страдания перестают быть только естественной и худой вещью и становятся *участием в страданиях Христовых* (Флп. 3:10), смиряя, очищая и просвещая нас (хотя мы и не всегда это видим); а вместе с сим нам даётся и *ум Христов* (1 Кор. 2:16), и *Его сила* (2 Кор. 12:9). Сами же мы поистине не можем ни в скорбное для нас, ни в какое иное время соорудить в себе доброе устройство души. Мы не должны даже и пробовать этого, но, забывая себя, в детской простоте верить внутренне столь близкому нам Богу. Чем больше немощи и падшести мы чувствуем в себе, тем больше должны прибегать к Нему. Что мы так долго отыскиваем в себе? Что заботимся? Чего страшимся? В нашем Спасителе только и обретается всё; и именно *обретается*, а не лишь *ищется*. Порой по неведению мы взыскуем того блага, коим, не зная того, уже обладаем. Иисус и Его блага должны не столько искаться, сколько обретаться. Когда мы само-деятельно ищем, то увязаем в своей самости; в то время как нам нужно только верить, что Иисус, и в Нём всяческое благо, сопредсутству-

ет нам, и этой любящей верой давать Ему одному быть в нас всем. Господь да научит нас сему самым делом!

То, что ты пишешь о своём душевном устроении, учитывая твои болезни, и о видении своей падшести, меня очень утешает. Претерпевай же только всё во имя Божие и под Его покровом! Не мучь себя мыслями о будущих трудностях. Нам обетован узкий путь (Мф. 7:14), и самостной жизни очень тяжело отказываться от своих прав; но когда Господь открывает нам Себя, тяжёлое становится лёгким и тесное широким. О Иисусе! о Любовь! не принадлежит ли Тебе всё наше сердце? неужели мы не можем понести за Тобою краткое время свой крест? (Мк. 8:34).

Сердечно приветствуй от меня твоего досточтимого родителя. Я рад, что он хорошо себя чувствует и с бодростью приуговляется к путешествию. Молюсь, да благословит Господь его дни и да содействует Ему во всём Своею благодатью! Приветствую и обнимаю тебя, дорогой брат, и остаюсь, по благодати,

преданным тебе со-странником в мире сем.

Мюльхайм, 5 февраля 1750 г.

(2, III, 132)

Письмо 87-е

О том, что, если не будет воли Божией,
нам нисколько не помогут
и самые лучшие правила о самоотвержении.

Дорогой брат!

Твоё любезное письмо от 4-го числа сего месяца благополучно получил. Я нисколько не сержусь на тебя за то, что

ты не заехал к нам, ибо твои обстоятельства не способствовали сему.

<...> Ты жалуешься на тяжкое душевное состояние и внутренние скорби. Что же! ничего другого не остаётся, как со смирением претерпевать их во имя Божие. Мне представляется — моё сердце говорит мне об этом, дорогой друг, — что сейчас это необходимо и весьма полезно для тебя. Несомненно, что христианин, чающий спасения, не должен «застревать» на себе и своём состоянии; также прекрасно, что христианин (когда Бог даёт ему свободу и возможность) не смотрит на себя и с кроткой верой взирает на Господа, *не заботясь ни о чём* (Флп. 4:6). Но если Бог определяет, что нам нужно увидеть и «прочувствовать» нашу падшесть, тогда не помогут никакие прекрасные правила о само-забвении; и если Он подрезает нам крылья, тогда не принесёт никакого плода всё наше желание взлететь.

Тогда нам приходится только преклоняться под сие иго, насколько мы можем, и ждать, пока не придёт Божий час. Но из такого умаления рождается подлинное упование на Бога. Впрочем, ты сам всё это хорошо знаешь. Поминай меня в молитвах; и я молюсь за тебя.

Твой единокорный немощный собрат.

Мюльхайм, 7 июня 1748 г.

(2, III, 97, в сокращении)

VIII

О неотмирности, беспопечительности
и трудах христианина

Письмо 88-е

ЧТО ЕСТЬ ИСТИННАЯ НЕОТМИРНОСТЬ.
КАК ЕЁ ДОСТИЧЬ.

В Господе Иисусе сердечно возлюбленная сестра!

Ты спрашиваешь, что есть истинная христианская *неотмирность* (Ин. 17:16; 18:36) и как наилучшим образом её достичь (1 Ин. 2:15). Важный и высокий вопрос, при ответе на который и святые с трудом подобрали бы слова, а тем более я, поздним вечером и в спешке.

Иногда под неотмирностью понимают отстранение нашей любви от всего сотворённого; но, строго говоря, она есть *незатрагиваемость духа* радостями или печальями, страхами или надеждами, желательностью или безразличностью etc. во всех вещах и событиях — добрых или худых, телесных или душевных, которые не соотносятся напрямую с Богом. Сия неотмирность соделывает наш дух способным к восприятию Бога и Его непосредственных действий, когда Бог совершает с нами и в нас то, что Ему благоугодно; и в основе своей она есть именно то, что духовные писатели

называют ещё препоручением себя Богу, всецелым вверением себя Ему или также *нищетою духа* (Мф. 5:3).

Я специально подчёркиваю, что речь идёт о незатрагиваемости *духа*, ибо только дух, основание и высшая часть нашего существа, может здесь, на земле, достичь сего. Душа же, чувства и ум не могут не затрагиваться всем, что происходит с нами и вокруг нас; да во многом они и должны это делать — сострадательная восприимчивость и отзывчивость души есть добродетель. Например: *Ангелы Божии радуются и об одном грешнике кающемся* (Лк. 15:10); и мы можем и должны быть настроены так же. Иисус плакал о грешных и неразумных людях (Лк. 19:41) без всякого умаления Своей неотмирности; и нам надлежит печалиться о своих грехах и сожалеть о немощах ближних. Мы должны, как в отношении самих себя, так и касательно других, бояться любого зла и греха и того, что неуютно Богу, и желать всякого блага и чаять его от Господа. Мы обязаны любить чад Божиих и всех людей. Но только когда истинная неотмирность утверждается в нас, тогда связанные со всем вышеназванным любовь, надежда, страх, печаль, радость и т. п. останавливаются как бы в притворе храма — то есть в нашем душевном человеке. Они не «проникают» в дух; они не действуют на христианина так, как на других людей; они не переходят той меры, когда человек внутренне запутывается в них и излишне вовлекается в них; они не заполняют нас навязчивыми образами и не препятствуют духу свободно прилепляться к Господу и оставлять всё прочее вовне, если только нет иной воли Божией. Однако пока *душа и дух не разделены* (Евр. 4:12), человек не в состоянии уразуметь сию Христову неотмирность. Этого не может произойти без *умирания* (Кол. 3:3, 5); также одним это даётся легче, другим тяжелее.

Я должен тебе сказать, дорогая сестра, что, насколько я тебя знаю, ты понимаешь это ещё не вполне. Ты полагаешь, что такая неотмирность есть само-достижимая вещь, стяжеваемая своими усилиями; но это совсем не так. Только Сам Господь должен дать духу сколько-нибудь достоверное познание и вкушение Себя; и лишь когда это высшее и единственное благо властно привлечёт дух и все силы его восприятия к себе, тогда христианин уже глубоко не затрагивается ничем иным, разве только по Божьему определению и порядку, — так что он может *быть в огорчении*, но при этом *всегда радоваться* (2 Кор. 6:10), и т. д.

Теперь: как придти к сей неотмирности? Ответ: отвержением своей самости (Мк. 8:34–37; Лк. 14:26; Лк. 17:33), молитвой (Мф. 26:41; Лк. 18:1; 1 Фес. 5:17) и предоставлением действовать Богу (1 Ин. 2:20, 27; Гал. 2:20). Чрез самоотвержение твоя воля и сердечные расположения устраняются от всего, что может захватить и пленить тебя. Чрез молитву, или внутри-собрание, ты отрешаешься от падшей чувственности и навикаешь жить в духе и приближаться к Богу, Который один порождает в нас стремление к небесному и всё доброе. Когда же ты дашь Богу действовать в себе и обращаться с собой, как Ему угодно, во внешнем и во внутреннем, тогда Он вразумит тебя, отведёт от земных вещей, распнёт, *умертвит, оживит* (1 Цар. 2:6) и вознесёт тебя — возможно, посредством скорбей, немощей и того, что всё земное будет доставлять тебе страдание, — к незатрагиваемости духа, или к неотмирности, да так, что ты сама не будешь много и думать о том.

Посему *мужайся* (Ин. 16:33), дорогое моё дитя, и *не заботься ни о чём* (Флп. 4:6), ибо Господь любит тебя. Забудь себя и свои немощи и взирай только на Того, у Кого *всякое даяние доброе и всякий дар совершенный* (Иак. 1:17) и Кто

Сам есть всеобъемлющее и сущностное благо (Пс. 24:8). Сердечно приветствую тебя в любви Господа Иисуса, равно как и мои домашние, и все здешние чада Божии. Столь же сердечно приветствую твоих брата и сестру, коих я весьма люблю. Должен заканчивать — уже поздно, и сил нет.

Твой единокровный о Христе собрат.

Мюльхайм, 9 марта 1746 г.

(2, III, 72)

Письмо 89-е

НАШ ВЗОР ДОЛЖЕН БЫТЬ НЕОТРЫВНО УСТРЕМЛЁН
К ГОРНЕМУ ИЕРУСАЛИМУ,
ИБО НАША ЦЕЛЬ — ЕДИНЕНИЕ С БОГОМ.

Возлюбленная во благодати Божией досточтимая сестра!

Уже давно хотел я приветствовать вас письменно; и вот наконец представилась такая возможность.

Я желаю вам, чтобы все глубинные стремления вашей души неотрывно были устремлены к горнему Иерусалиму, дабы после долгого алкания и жаждания узреть лик Божий (Пс. 104:4) — здесь в вере, в храме нашего сердца; *тогда же*, в вышнем Иерусалиме — в совершенстве, *лицом к лицу* (1 Кор. 13:12).

Единение с Богом в духе есть цель, которую нам надлежит непрестанно держать во внимании. Всё, что способствует этой цели, должно быть нам желанно и драгоценно; ко всему прочему, встречающемуся нам во внешнем, надо относиться с великой беспопечительностью, дабы не было нам препятствия в *одном, что только нужно* (Лк. 10:42), когда мы слишком впускаем в себя то, что не относится к Богу.

Ничто наличествующее и происходящее совне не достойно того, чтобы мы о нём беспокоились в глубине души. Вся наша забота должна быть только о том, чтобы во всех обстоятельствах благоугождать Богу и внутренне пребывать с Ним.

С каковым пожеланием я и препоручаю вас и всех ваших, ищущих Бога, верному попечению нашего *Доброго Пастыря* (Ин. 10:11) Иисуса Христа. Приветствую вас и пребываю вашим любящим собратом.

(1, I, 6)

Письмо 90-е

О том, как посредством равно-отстранённости от всего достигать постоянного мира сердца.

Во благодати Господа Иисуса сердечно возлюбленная сестра!

Ваше любезное письмо от 15-го числа своевременно получило. Мне очень жаль видеть вас во внутреннем беспокойстве, расстройстве и напряжении; такое состояние препятствует Богу действовать в вашей душе должным образом. Пусть даже по временам тяжесть и скорбь сменяются у вас некоторою радостью и отдохновением — но это не тихая радость и не тихая скорбь, в коих действует Бог. Внутреннее напряжение и беспокойство проникает и туда, и туда и соделывает всё мятущимся и бесплодным. Посему я не только сердечно желаю вам Божьего мира, но и хочу пояснить, как надлежит достигать и сохранять его. Послушайте же, что я скажу.

Ваше внутреннее расстройство, напряжение и беспокойство происходят от того, что вы «застреваете» на самой

себе и ищите свой мир и покой там, где его не может быть, — а именно: в том, чтобы другие люди поступали так, как вам представляется правильным; чтобы ход вещей шёл так, как вы считаете нужным; и чтобы всё у вас, по душе и телу, происходило сообразно тому, что вы сами для себя определяете как благо. Поскольку в жизни так не бывает, то у вас не иссякают поводы к беспокойству; и даже когда время от времени дела идут, как вы предначертали, ваше напряжение не проходит, ибо вы не уверены в том, что в следующий момент всё будет по-вашему, — а именно в последнем вы полагаете всю прочность и радость своего существования. Но это глубоко неправильно.

Если вы, дорогая сестра, хотите пребывать в неразоримом мире Божиим и внутренней тишине, то научитесь всем сердцем молиться: *да будет воля Твоя*, а не моя (Мф. 6:10), и основывайте своё благобытие только на том, чтобы Бог всегда был с вами и исполнял в вас и через вас Свою святую волю и во времени, и в вечности. Всё прочее, чем бы оно ни было и как бы оно ни шло, должно быть для вас совершенно безразличным (в точном значении этого слова: «равным для души», «равно-отстранённым»); и когда против сего восстанут самость и силы падшего естества, то их нужно вменять ни во что — и так до смерти. Только на этом пути вы сохраните благородный внутренний мир, благоугодите Богу и во всём — я подчёркиваю это: *во всём!* — обретёте пользу и отраду (Рим. 8:28); ибо Бог правит всем, если только Ему не мешает самостная воля.

Сердечно приветствуйте N. и N. Иисус да живёт и побеждает!

Ваш немощный собрат.
Мюльхайм, 18 марта 1757 г.
(2, IV, 23)

Письмо 91-е

КАК СЕБЯ ДЕРЖАТЬ ПРИ МНОГИХ ПОСЕЩЕНИЯХ
И ДРУГИХ ПОДОБНЫХ СЛУЧАЯХ,
ДАБЫ ВСЕГДА БЫТЬ С БОГОМ.
О РАВНОМ РАСПОЛОЖЕНИИ ДУШИ КО ВСЕМУ.

Н. Н.!

То, что вы при ваших нынешних обстоятельствах, когда вам приходится наносить столько визитов и самому принимать посетителей, внутренне чувствуете себя «не на своём месте», я очень хорошо могу понять — такое чувство служит неким противоядием от суеты. Старайтесь по возможности сохранять своего внутреннего человека в мире, даже если вам многое не по душе. И в прочих подобных случаях *храните себя* (1 Ин. 5:18), а лучше сказать, предоставляйте Господу хранить вас в детской равно-отстранённости и безмятежности, не беспокоясь о том, идёт ход вещей так или иначе. О! сколь безразлично, то есть равно-малозначаще для души, должно быть для нас всё, если только Бог доволен нами! А Он доволен нами тогда, когда мы довольны Им и всем, что посылает нам Его промысл. Детски принимать всё как есть — вот искусство христианина. Если же мы, что-то делая или предполагая и встречая препятствия к осуществлению сего, разоряемся — значит, мы ещё не овладели этим искусством.

Сказанное не значит, что нам нужно становиться бесчувственными и равнодушными. Нет, добро должно радовать нас, а зло — печалить и огорчать. Но только сей чувствительности не следует проникать *в нашу* сокровенную *комнату* (Мф. 6:6) и смущать сердце; это вредит внутреннему человеку. Если же против воли таковое смущение случится

(что часто бывает в немощи), то нужно перетерпеть оное в возможно более мирном духе.

Что касается образа совершения ваших дел, то не основывайтесь здесь на чувствах; они легко могут обмануть вас. Если ваше намерение чисто и просто, а воля предана Богу, то делайте всё, что вы считаете нужным; предложение своего действия Богу — лучшая опора для нас. Не относите своё беспокойство на счёт ваших визитов или посетителей; это может иметь и другие причины. Будьте намерены и волю, как я только что сказал, и тогда вы будете пребывать в мире. — Вообще же за все наши дела нам надлежит приниматься с наивозможной добросовестностью, но не ожидать, что они непременно удадутся нам наилучшим образом или что нас одобряют за них другие люди. На этом пути Господь чудесно учит нас тому, чтобы удачи или неудачи, одобрение или неодобрение и прочие следствия наших трудов мы со всяческим спокойствием предавали Божией воле; во всём же остальном, что от нас не зависит, соблюдали вышеназванное равно-отстранённое расположение души в отношении дел, вещей, разговоров и всего, что только ни происходит.

Касательно вашей внутренней жизни можно сказать то же самое. Вверьте и препоручите Господу Иисусу душу и тело, сердце и волю, всё ваше временное и вечное. Молитвенно скажите Ему от всего сердца, что вы не желаете ничего иного, как только принадлежать Ему и угождать Ему, невзирая на то, что вы переживаете в сей момент — отраду или скорбь, свет или тьму. Направляйте все свои сердечные помыслы, стремления любви и желания души только к Нему и, отстраняясь от падшего творения и ветхой душевности, принаикайте к Нему. Вверзите всю свою немощь в море Его любви, смиритесь пред Ним, радуйтесь в Нём и

забывайте самого себя, и меня, и всё творение; тогда ваш внутренний человек будет всецело Божиим и поистине обретёт Господа. Аминь.

(2, IV, 128; 131)

Письмо 92-е

О СМЕШЕНИИ ПРИРОДЫ И БЛАГОДАТИ В НАШИХ ДЕЛАХ.

ЖИЗНЬ ИИСУСА. ВНУТРЬ-ПРЕБЫВАНИЕ.

Возлюбленный брат!

Как давно мы обнаруживаем в себе действия Духа — и, тем не менее, как много действуем сами от себя! В лучшем случае из этого выходит жалкое смешение природы и благодати в нас и в наших делах. Но сколь разительно всё меняется, когда Иисус действует на нас и в нас и когда Он нас живет! Природа постоянно забегает вперёд, и первые побуждения во всех наших намерениях, речах и делах по большей части нечисты и смешанны. Посему мы в смирении и предании себя и всего своего Богу должны постоянно обращать себя к Нему и в Него и предоставлять Ему начинать и совершать в нас то, что мы хотим осуществить, дабы наши дела были чище и служили к прославлению Бога во Иисусе Христе. Иисус воскрес; Он внёс в мир жизнь и нетление. Семя этой божественной жизни всаживается — слава Богу! — в глубину нашего сердца; только да обращаемся тихо и мягко вовнутрь и да ожидаем доброго плода, дабы он процвёл и принёс урожай в жизнь вечную.

Итак, отворитесь от всего, что не есть жизнь Иисуса в нас; кроме неё всё — сон и мечта или, как говорит Апостол,

сop (Флп. 3:8). Прошу твоих сердечных молитв, чтобы всё моё существо прониклось сим светом жизни Христовой!

Да не растратим времени зря, да не пропустим хоть самого малого привлечения Божия (Ин. 6:44), влекущего нас внутренне предстоять пред Господом и пребывать с Ним! И не нужно ничего бояться; я уверен, что мы ограждены от всяких опасностей, пока мы по силам и сообразно нашему положению и состоянию подвигаемся во внутренней молитве. Истинное внутрь-пребывание есть школа для детей Божиих, где они обучаются всякой премудрости. Господи Иисусе! да ути́шится в нас всё наше и да умрёт, чтобы жил в нас только Ты один! Аминь.

(1, I, 30)

Письмо 93-е

Некоему купцу.

О том, чтобы не оставлять своё торговое дело.

УВЕЩАНИЕ СЛЕДОВАТЬ ВНУТРЕННЕМУ ПРИЗЫВУ БОЖИЮ.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ.

ЧРЕЗ ЧТО ИИСУС ГОВОРИТ С НАМИ.

Во благодати Господа Иисуса многовозлюбленный брат!

Оба твоих письма своевременно получил, но по многим причинам не имел возможности написать ответ раньше, чем сегодня, — хотя не раз отвечал тебе в духе. Господь да укрепит нас и Своею любовью всё более да отрешит наши сердечные стремления от всего внешнего и обратит их к Себе, дабы в Нём мы могли стать *одною душою и одним сердцем!* (Деян. 4:32). Аминь.

Что касается твоего торгового дела, то я повторю свой скромный совет, изложенный в прошлом письме, — чтобы ты ещё не оставлял оное. Продолжай заниматься им, как оно идёт, и воспринимай его как упражнение в самоотвержении, терпении и вере — ибо я полагаю, что твой дух ещё не имеет такой крепости в Боге, чтобы ты мог полностью отрешиться от земного. Посему я считаю занятия по внешнему человеку, совершаемые с упованием на промысл Божий и с самоотвержением, гораздо менее для тебя опасными, чем если бы ты перешёл к созерцательному образу жизни и не выдержал связанных с ним внутренних искушений. Пока же старайся по возможности так обустроить и ограничивать своё внешнее, чтобы оно не слишком отягощало твой дух и чтобы у тебя всегда оставалось некоторое время для уединения и внутрь-собрания.

Я говорю «по возможности», потому что хорошо знаю, что купеческое дело не слишком способствует сему; к тому же в нём всегда случаются поводы к искушению то неверием, то сребролюбием. Таковые случаи отнюдь да не ужасают нас или приводят в уныние; наоборот, они должны побуждать нас всё более оставлять себя самих и все прочие подпорки, дабы наш дух алкал и жаждал единственно Того и прилеплялся единственно к Тому, Кто хранит нас, когда мы *переходим через огонь и воду* (Ис. 43:2). Ни в чём нет твёрдой опоры, как только и исключительно в Боге, Которого мы по-настоящему обретаем, когда от нас отнимается опора на себя и на что бы то ни было кроме Него. Сей путь мало кому понятен, но конец его славен. О, сколь нищ и — о, сколь богат будет наш дух, не имеющий ничего, кроме Бога! Ей, Господи! да исполнится сие в нас!

Конечно, дорогой брат, многое нужно, как ты пишешь, чтобы любить Бога без корысти и самости. Но только

это *многое* обретается не вдруг, не одним разом. Для сего нужно именно *в настоящий момент* предавать себя руководству Божию с тою полнотой, которая для человека *сейчас* понятна и возможна; и *Бог, начавший в нас сие доброе дело, Сам и совершит его* (Флп. 1:6). Если человек найдёт при этом лишь себя самого, то это тоже благодать; тогда ему следует вновь потерять себя в Боге там, где он себя нашёл. Ибо не может быть подлинного самоотречения, если прежде мы не найдём и не прочувствуем себя¹. Главное же заключается в том, чтобы следовать благому привлечению и призыву (Ин. 6:44; 10:3), коим Бог касается нашего духа Своей любовью и пробуждает в нас глубинную жажду и стремление оставить себя самих и падшее творение и соединиться с Ним, Источником нашей жизни. Чаять сего привлечения и призыва Божия и предавать себя ему (будь то в наготе веры или осязательно) — вот что да будет тем *одним, что только* нам *нужно* (Лк. 10:42). Что касается осязательности, то здесь надо знать, что в наших чувствах и мыслях действуют то добрые, то злые силы. То в них² сияет солнце — и тогда человек бодр, свеж, огнен; то в них входит влияние зла, и человек в той же степени, в какой за минуту до того был благочестивым и пламенным, становится мёртвым и бессильным. Посему кто хочет постоянства, тот да не задерживается на сфере мыслей и чувств, но духом да погружается в Бога и прилепляется к Нему; это единственный истинный путь ко спасению.

То, что в твоём нынешнем состоянии жизнь постоянно задаёт тебе уроки и проводит чрез испытания, я легко могу

¹ Увидим себя такими, каковы мы есть на самом деле.

² Чувствах и мыслях.

себе представить. Всегда повергай всё таковое пред Бога и не носи долго в себе. Излишние раздумья в таких случаях не помогают, но только всё запутывают и портят. Да к тому же наши с тобой телесные немощи дают нам постоянный повод *непрестанно* носить *души наши в руках наших* (Пс. 118:109), то есть быть готовыми к исходу и не слишком смотреть на внешнее.

Сердечно препоручать себя и своих детей Господу есть, несомненно, наилучшее дело, когда ты думаешь о будущем; но для твоего и семейного мира было бы также отнюдь не лишним составить форменное завещание. Только в качестве исполнителя и распорядителя оно включи в него, помимо родственников, третье лицо, а именно какого-либо искусного и расположенного к тебе друга, который всё держал бы в руках и назирал, дабы всё шло должным порядком. Вот какая мне пришла в голову мысль; впрочем, в мирских делах я становлюсь всё более младенцем.

<...> Твоё братское предложение — переехать к тебе жить — я воспринимаю как свидетельство твоей искренней любви, на которую я надеюсь всегда отвечать столь же искреннею взаимностью. Но Божия воля держит меня на моём месте; к тому же небольшое количество дней, кои мне осталось прожить, не позволяет мне думать о переездах, изменениях и прочих хлопотах. Бог да благословит, чтобы мы и здесь, и в вечности жительствовавали в единении друг с другом в сердце Иисуса! Аминь.

Я должен заканчивать, дорогой брат, ибо моя голова не позволяет мне больше писать; несколько дней, как мне опять хуже. Приветствую и обнимаю тебя в духе вкупе со всеми и с каждым у тебя, кто стремится быть чадом Божиим; не называю имён, дабы никого не обидеть забвением. Все вы часто вспоминаетесь мне, и я сорадуюсь вам и в

духе сотрапезую с вами в любви. Н. да благословит Господь и да даст ей благодать, чтобы она правильно воспринимала Его вразумления. При всех внешних занятиях Марфы да становится она по внутреннему человеку Марией, *сидящей при ногах Иисуса и слушающей слово Его*; всё многообразие жизни должно стекаться в сие *одно* (Лк. 10:39, 41). Иисус изрекает Своё слово чрез наставляющие и воодушевляющие нас действия благодати в наших сердцах (1 Ин. 2:27); также Его слова звучат чрез божественный промысл во всяком деле, событии и всякой вещи, какие только встречаются нам в повседневном течении жизни. И все сии речения нашего Господа имеют целью именно это *одно* — дабы мы во всём поистине умирали самим себе (Ин. 12:24) и «пересаживались» в Его божественную жизнь и во внутреннее общение с Ним. Только в этом и обретается *жизнь вечная* (1 Ин. 5:20). Чтобы Господь дал Н. и всем нам сущностно познать сие, — желает от сердца

твой единомышленный собрат.

Мюльхайм, 27 января 1736 г.

(1, II, 94, в сокращении)

Письмо 94-е

О смиреннии и уповании на Господа.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ СЕГО.

Дорогой брат!

Бог даёт смиренным благодать (Иак. 4:6). Если мы хоть раз нелicenseмерно и сердечно смиримся пред Ним, то получим этому несомненное внутреннее подтверждение. Не меньшая благодать нас осеняет, когда мы искренне

смиряться перед ближними. И пусть мы далеко не так смиренны, как должно, но тем не менее уже как бы издали видим великие блага и неизреченный покой, рождающиеся из сего самоумаления, — и это укрепляет нас во всех испытаниях и воодушевляет принимать обеими руками всё, доставляющее нам смирение, с каких бы сторон оно ни приходило.

Избегай строить планы, а лучше и вовсе ничего не задумывай на будущее (Иак. 4:13), ибо мы немощны и слепы (Откр. 3:17), сами ничего не можем (Ин. 15:5) и не знаем, что Бог потребует от нас завтра. Пребывать в смиренном уповании на Иисуса *в настоящий момент* — вот что да будет всеми нашими планами; только так мы найдём силы сохранять верность Господу во всём происходящем с нами, равно как и обретём свет разума, как именно поступать в тех или иных случаях.

Этому же внутреннему расположению нужно следовать и относительно разговоров или молчания: оно даст тебе здесь меру и устав. Скажу обще: не с близкими людьми говори очень сдержанно, о женитьбе и вовсе молчи, отклоняя от себя сии разговоры; если же кто будет настаивать, то скажи, что тебе не велено о том говорить. Ещё замечу, что ты говоришь о своих немощах больше, чем это необходимо и полезно. Я немощен гораздо более тебя; забудем же наши немощи и предоставим больше Богу заботиться о нас, нежели самим управлять себя (1 Пет. 5:7; Флп. 4:6). Мы должны *стать как дети* (Мф. 18:3), и во всей своей наготе и немощности сокрыться в материнском лоне Божией благодати, отверстом нам о имени Иисуса. Он да благословит тебя! Поминай меня пред Богом.

*Мюльхайм, 23 января 1736 г.
(1, II, 93)*

Письмо 95-е

О ТОМ, КАК БЫТЬ СВОБОДНЫМ ОТ БЛАГ СЕЙ ЗЕМЛИ.

Дорогой брат!

Четвёртый стих пятой главы Деяний святых Апостолов не всегда верно переводился. Нужно так: *Чем ты владел, не твоё ли было? Разве кто-либо понуждал тебя к продаже? А приобретённое продажею не в твоей ли власти находилось?*¹ Апостол Пётр как бы говорит Анании: «Не по собственному ли побуждению ты решил принести нам своё имущество? Кто тебя просил об этом? Или ты думаешь, что нам есть дело до твоих денег? Мы никого не принуждаем к вере, но только приглашаем к ней. Если тебе это не подходило, ты мог бы отказаться» и т. п. То есть Святой Дух хочет чрез сие место Писания сказать: «полностью Моё, или вовсе не надо. Лицемеры и двоедушные неуютны Мне» (Иак. 1:8; 4:8).

Времена, когда у христиан всё было общее (Деян. 4:32), миновали; тем не менее сказанное выше остаётся истиной и до сего дня. Внешне отказаться от земных благ предоставляется нашему произволению: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твоё и раздай нищим* (Мф. 19:21). Здесь нужен особый призыв Божий и особая вера. Но внутренне быть свободным и отрешённым от всего, дабы в любой момент быть готовым всё продать и раздать, — дело не произволения, но заповедь; человек иначе не может стать всецело учеником Христовым (Лк. 14:33). Кто хочет себя

¹ Здесь Терстеген дополняет канонический текст — *Чем ты владел, не твоё ли было, и приобретённое продажею не в твоей ли власти находилось?* (Деян. 5:4) — вытекающим из него толкованием: «*Разве кто-либо понуждал тебя к продаже?*» Какими источниками в данном случае пользовался Терстеген, не установлено.

обманывать — пусть обманывает. Мы наиболее обманываем и обольщаем себя, когда хотим солгать Святому Духу (Деян. 5:3); да сохранит Он нас во веки от сего! Господь да пребудет со духом твоим.

Мюльхайм, 21 ноября 1735 г.

(1, II, 87)

IX

О жизни Божией в нас

Письмо 96-е

О НЕОБХОДИМОСТИ ЖИЗНИ ИИСУСА В НАС.
СКОЛЬ ОТВРАТИТЕЛЬНА ЖИЗНЬ ПАДШЕЙ САМОСТИ.

Во имя Иисуса. Возлюбленный брат!

Поскольку у меня появилась возможность передать тебе письмо, то я приветствую тебя и всех твоих с сердечною любовью и желаю вам всё глубже и чище познавать полноту благ, дарованных нам во Иисусе Христе, к совершенному прославлению Его ничем не заслуженной нами милости!

Мы знаем, дорогой брат, что нам нужен только Иисус, и что для нашего освящения и спасения мы поистине должны жить только Им. Так дадим же Ему место действовать в нас и всецело препоручим Ему всё, касающееся нас! Он Сам охотно поможет нам в этом. Он соприсутствует в нас; Он ближе к нам, чем мы к самим себе; Он всё делает для того, чтобы влить в нас Свою божественную жизнь и Себя Самого — в чём Он несомненно уверяет нас столь многими драгоценными привлечениями Своей благодати. Ах! только бы нам не оказаться недостойными сего, отвечая Ему рассеянностью и неверностью! Как бы ни были слабы сокровенные проявления чистой жизни Иисуса в нас, мы всегда можем почувствовать её пусть даже малые движения, если только мы предоставляем ей место, дабы она могла ослабить жизнь падших чувств, рассудка и самости. О! если бы деланием веры, внутрь-собрания и

умирения души (насколько это в наших силах) мы всё больше и чище искали познавать в себе сии действия жизни Иисуса и полагали главным своим занятием во всякое мгновение предавать себя сей жизни! Неужели наше неверие держит думать, что Господь не даст нам вкусить то, о чём некогда свидетельствовал о себе, во славу благодати Божией, Апостол Павел: *уже не я живу, но живёт во мне Христос?* (Гал. 2:20).

О, сколь отвратительна жизнь падшей самости! И сколь прекрасна и любезна жизнь Иисуса, которая преследует самостную жизнь всюду и везде, вплоть до полной и спасительной её смерти! Ей, Иисусе! только тот может сказать: «я живу», в ком живёшь Ты один, ибо Ты есть *истинный Бог и жизнь вечная* (1 Ин. 5:20). Ему я, возлюбленный брат, препоручаю и твоё сердце, равно как и всех моих друзей у вас (не буду перечислять их поимённо). Вспоминайте и меня пред Господом. Ему слава во веки!

(1, I, 26)

Письмо 97-е

О том, что никто не благ, как только один Бог;
человек же — сплошь самость и нищета.

**Сиятельнойшая госпожа графиня¹,
по высочайшему же призванию благодати —
возлюбленная о Господе сестра!**

Хотя телесно я весьма слаб (о чём обстоятельнее сообщает Вам д-р К.), но любовь побуждает меня засвидетель-

¹ Хедвиг-София, графиня Сайн-Витгенштейн-Берлебургская. См. примеч. 2 к письму 10.

ствовать Вам, что драгоценнейшее Вашего Сиятельства письмо от 8 ноября прошлого года было для меня большой отрадой, и я часто в духе отвечал на оное.

Да славится Бог, давший нам во Христе, без всяких наших заслуг, общение с Собою и друг с другом! Ныне, как и всегда, когда Господь напоминает мне об этом, я, как нищий, стремлюсь почерпнуть из столь близкой и столь открытой нам *полноты Божией* (Ин. 1:16) действенные благопожелания, дабы сиятельнейшая сестра всячески преуспевала в жизни Христовой и исполнялась радости в Сем святом Боге любви. Осмелюсь испрашивать и у Вашего Сиятельства такого же духовного благожелательства и поддержки.

Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что *никто не благ, как только один Бог* (Мф. 19:17). Только Его присутствие в нас и только то, что Он делает в нас, одно освящает и спасает нас. Люди видят и ценят лишь внешнее, вещественное, то, что бросается в глаза; их суждение редко истинно, поскольку очень мало на земле человеческих дел, которые *в Боге соделаны* (Ин. 3:21). В нас всё смешано; и хотя Бог крайне долготерпелив к нам и к этой «смеси», однако же большой ошибкой будет усматривать в чём бы то ни было что-либо доброе помимо Бога. Думствующие так не *ходят в истине* (3 Ин. 1:4). Мы должны давать Богу место; или, лучше сказать, Сам Бог должен соделать Себе место в нас, ибо наше повреждение столь велико, что когда мы избежим себя в чём-то одном, то тут же ухватимся за себя в другом. Мы сплошь падшесть и самость; здесь не помогут какие-то частные переделки и приукрашения — всё в целом никуда не годится. *Нам надлежит быть выведенными чрез Бога из себя самих в Бога*. Никто не благ, как только один Бог; и тот, кто по-

истине погрузится в Него и потеряет себя в Нём (Мф. 10:39), станет чрез Него благим, каким бы грешным он ни был.

О, если бы видели все бедные грешники столь близкое к нам и отверстое в Иисусе (Еф. 3:12) море сей бесконечной благодати! как они устремились бы в него, дабы обрести Божию помощь! Но чаще происходит так, что многие, сосредоточенные ещё на самих себе, жалостно взывают: «Ах! как я устал от себя! Мне говорят: “выйди из себя самого”; но я не могу найти врат, несмотря на все мои поиски...» Именно так и есть: кто неправильно воспринимает себя, тот не может и правильно выйти из себя к Богу. Необходимо прежде убедиться, что сам человек этого сделать не может, дабы и здесь слава воздавалась единому Богу. Он освящает и спасает нас чрез Себя Самого — однако не без скорбей. Всё вышесказанное, по моему мнению, только и есть основание для истинного (и, увы! сколь редкого) вверения себя Богу и приемательности. Но к сему источнику жизни и божественного мира никто не приходит помимо страданий и умирания (Ин. 12:24). Господи! когда же мы перестанем становиться на пути Тебе и нам самим? И когда Ты всецело станешь в нас *всем во всём*? (1 Кор. 15:28). Да будет сие во веки, аминь!

Не буду оправдываться, если что-то написал не так; я излагаю свои мысли просто, как выходят из-под пера. Ещё раз во имя Иисуса приветствую Ваше Сиятельство и всё Ваше высокочтимое графское семейство и пребываю, во благодати Божией,

сиятельнейшей госпожи графини
немощный собрат.

Мюльхайм, 8 сентября 1735 г.

(1, I, 68)

Письмо 98-е

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ИСТИННОЙ И ЛОЖНОЙ
ВНУТРЕННЕЙ ТИШИНОЙ И БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ.

Возлюбленный брат и друг!

Только что получил твоё письмо и хочу хоть кратко, но сразу ответить, поскольку уже поздний вечер, а я завтра с утра намереваюсь уехать.

Из твоего письма я узнал о крайней телесной немощи, коей Господь посетил тебя. Весьма тебе сочувствую и уповаю на Господа, что Он даст тебе необходимые силы и облегчение (1 Кор. 10:13). Прекрасно, что при этом твой дух мирен — это, несомненно, благодать Божия. Единение нашего внутреннего человека с Богом и принятие всех Его путей относительно нас есть наилучшее и легчайшее средство к ненарушиму покою души. Если же сии Божии пути противны воле падшего естества и оно бунтует и даёт нам почувствовать своё недовольство, то в этом для нас нет ни малейшей беды. Периоды скорбей и страданий — время нашего испытания и научения.

На твои сомнения отвечу в двух словах. Есть многие виды внутренней тишины и бездеятельности¹, и нужно хорошо знать разницу между истинными и ложными явлениями этого рода.

¹ Словом «бездеятельность» в данном письме переведён важный для пиелистской духовности термин *Gelassenheit* (букв. «оставление», «отпускание»), означающий «приимательное предание себя Богу». В XVIII веке понимание этого термина начало меняться в сторону «апатии» стоиков, то есть свободы души от страстей и аффектов, но «автономно-человеческой», не наполненной Богом. С таким «безбожным» восприятием аскетического «оставления себя» Терстеген неустанно полемизировал. (Небезынтересно аналогичное соотношение христианской *Gelassenheit* и даосистского «недеяния».)

Когда неумерщвлённый для ветхого Адама человек — который своею волей, сознанием и любовью на самом деле ещё обращён ко греху и творению, а не к Богу — складывает руки и даёт всему идти как идёт, то это *ложная* бездеятельность. Когда при этом он, думая соответствовать представлениям о благочестии, тщится с насилием собрать свои мысли и чувства и удержать их в тишине — то такая тишина и такое бесстрастие *ложны*.

Напротив, когда искренняя душа по внутреннему чело- веку поистине стремится отстраниться от всего, что не есть Бог и Божие, при этом уразумевая невозможность самосто- ятельно очиститься от пленения грехом и самостью; когда она сердечно жаждет сейчас, а не когда-нибудь, быть Божи- ей и для сего предаёт всю себя Богу и Его действиям и охот- но желает выдержать воспитание Духа, каких бы внутрен- них и внешних страданий ей это ни стоило, — то такая душа пусть не опасается ложной тишины и бездеятельности. Как раз ей и не нужно много само-действовать падшим рассу- дом и чувствами — это было бы неверностью Богу, поскольку в таком случае душа отодвигала бы от себя действия Бо- жии и держалась бы только за своё делание, запутываясь в нём. *Единственное наше делание должно заключаться в том, чтобы, отвергаясь самих себя* (Мф. 16:24) *и падшего творе- ния* (1 Ин. 2:15), *облекаться в чистую любовь Божию* (Кол. 3:14). Совершается оно посредством вхождения вовнутрь в смиренном препоручении себя и всего своего Богу, пусть мы и не всегда точно осознаём сие (это и не необходимо), и характеризуется тем, что наше сердце искренне отвращает- ся от всего тварного; воля во всём настраивается по тому, что благоугодно Богу; око души в детской простоте взирает только на Бога, Которого одного мы хотим знать; всецелое устремление любви объемлет внутренне соприсутствующее

нам Благо как тó, что составляет полноту нашей жизни; и так далее.

Это всё, говорю я, совершается детским во Христе (Мф. 18:3) деланием внутрь-собирания и смиренного вверения себя Богу. Такое делание часто становится столь духовным и простым, столь отдалённым от чувственности и всякого само-действия, что его уже и деланием назвать нельзя; тогда оно есть *подлинная тишина и бездеятельность*, и это лучше всего. Поскольку же оно вершится сердцем и духом, а далеко не головой и чувствами, то через последние могут приводить всевозможные рассеивающие помыслы, помрачения, искушения, а иногда и нечистота, — приводить против воли, когда душа не хочет принимать ничего такого. Но здесь ей не нужно беспокоиться, поскольку не в её власти состоит справляться с таковыми вторжениями; наоборот, её собственные усилия только ухудшат дело. Ей надлежит не соглашаться сердцем на всё вышеназванное и внутренне пребывать во всякой тишине, ровности и уповании на Бога. Ибо враг только и старается, чтобы смутить душу и «вытянуть» её изнутри с помощью всевозможных страхов, забот, сомнений, смущающих помыслов и прочих искушений. Нередко Господь попускает сие, дабы научить душу и укрепить *сокровенного сердца человека* (1 Пет. 3:4). Ибо несомненно, что, прежде чем мы утвердимся на нашем внутреннем пути, нам надлежит пройти чрез многие внутренние и внешние борения и сомнения. Впрочем, простота во Христе избегает многих опасностей.

Пора заканчивать письмо, уже совсем нет времени. Я пишу быстро, по-простому, и в спешке мог выразиться недостаточно ясно; но ты всё это знаешь гораздо лучше меня. Бог да благословит нас во Иисусе и вразумит нас. Приветствую тебя сердечно, вкупе со всеми твоими. Господь да от-

вратит нашу любовь от всего и привлечёт её к Себе, чему да послужат и наши страдания! Остаюсь

твоим немощным со-странником в мире сем.

(1, I, 63)

Письмо 99-е

О БОЖЕСТВЕННОЙ ТИШИНЕ И БЕСПОПЕЧЕНИИ,
И ЧЕМ ТАКОВЫЕ ОТЛИЧАЮТСЯ
ОТ ЛОЖНОЙ СВОБОДЫ И ПРАЗДНОСТИ.

Возлюбленная о Господе Иисусе Христе сестра!

Ваше любезное письмо своевременно получил и с сердечною радостью прочитал. Моя телесная слабость и избыток трудов есть единственная причина, по которой я не сразу ответил на оное. — Я от всей души благодарю Бога, что Его вечная любовь касается и влечёт вас, дабы вы жили всецело для Него и для вечности, следуя Ему путём внутри-собрания и сердечной молитвы. О! это надёжнейший и детски-блаженнейший путь, единственно на коем наш дух освобождается от всех вяжущих его уз и восходит в подлинный покой!

Наше пребывание на земле — тяжкая, ничтожная и чуждая нам жизнь; мы лишь *странствуем* чрез неё (Евр. 11:13). Бог — наш истинный Отец, а тихая вечность — настоящее отечество; там мы дома. Никогда мы не *нашли* бы сие отечество (Евр. 11:14), если б не *послал Бог Своего Единородного Сына* (1 Ин. 4:9), дабы Он *пришёл взыскать и спасти погибшее* (Мф. 18:11). О сладчайшем имени Иисуса Бог становится нам внутреннейше близок в наших сердцах. Он соделывает для нас мир сей горьким и всё, что вне Господа,

отвратительным. Он порождает в нас жажду Себя и сердечное стремление к общению и единению с Собой, каковые и удовлетворяет, давая нам время от времени — совершенно не по нашим заслугам — вкушать Свою благодать и мир, дабы привлечь нас к Себе и подкрепить в несении креста и самоотвержении. О! сколь милостив Господь к бедным грешникам, *приближающимся к Нему!* (Иак. 4:8).

Посему, дорогая сестра, не бойтесь никакого обмана или опасности: несомненно от Бога происходит то, что по временам вы обрываете в себе глубокую тишину, мир и благобытие, *не зная, откуда сие приходит и куда уходит* (Ин. 3:8). Это есть некая «всеобщность» или целостность подлинной молитвы, заключающая в себе все частности, какие мы обычно возносим Богу, молясь Ему. *Наши* чувства, мысли, благочестивое усердие и т. п. могут ненадолго затронуть душу и молитвенно усладить внешнего человека; но то, что в самом основании сердца умиряет и довольствует нас, может дать *только Бог* Своим приближением и присутствием. Отсюда и происходит, что вы далеко не всегда пребываете в таком состоянии. Если бы в ваших силах было производить в себе сей мир и благобытие, то вы вкушали бы их непрестанно. Также в таком состоянии душа не может усомниться, что это Бог приблизился к ней; а когда вы опять переходите к самой себе и к работе рассудка и чувств, то, поскольку душа мало что получает от того, сомнения неизбежны.

Ложная свобода или ложное беспопечение состоит в том, что человек, якобы отказываясь от «псевдо-духовности» и «само-действия», на самом деле руководствуется самостью и нерадением к молитве и, будучи ещё всячески привержен миру, падшему творению и своей ветхости и не зная, что есть Божие действие и Божие приближение, про-

сто не хочет ничего делать и ни о чём думать. Божественная же свобода и беспопечение прежде всего свидетельствуется неким глубочайшим благоговением пред Божиим соприсутствием и тем миром и благобытием, о которых я уже сказал и которые не может дать человеку ничто земное. Даже если душа и не всегда чувствует и замечает эти тонкие вещи сами по себе, то она непременно видит плод сей божественно-безмолвной молитвы: отстранение от всего сотворённого; тяготение к Богу и вечному; сердечное желание благоугождать Богу; тишину и умиротворение всех душевных движений etc. Одним словом: здесь, в этом внутри-собрании и безмолвии, действует в нас Божие соприсутствие и вливается в нас жизнь Иисусова, постепенно охватывающая наше сердце всё больше и больше.

Меня совсем не удивляет, что вы жалуетесь на рассеянность и разорение, находящие на вас, когда вы приступаете к своим внешним занятиям, и что вы так легко повторяете одни и те же ошибки. Ваша внутренняя жизнь представляет собою пока только семя, ещё далеко не плод; но такое семя, в коем заключено *большое дерево* (Мф. 13:31–32), — благородное семя, высокое призвание, великая благодать! Возделывайте же его в безмолвном внутри-собрании, ухаживайте за ним с великой верностью и цените сию *драгоценную жемчужину* (Мф. 13:46) паче всего! Наши ошибки и немощи должны служить нашему умалению, но не приводить к малодушию. Не верьте своей самости, но бесконечно верьте Богу. Любите святое уединение, но не оставляйте и дел, требуемых от вас ходом вещей, любовью или послушанием; совершайте их как дитя, исполняющее волю своего отца.

Пишите мне просто, как возникнет потребность, хотя я по слабости и занятости не всегда могу отвечать. Я всегда с

любовью поминаю вас пред Господом; и вы также молитесь за меня. Сердечно приветствую вас и остаюсь, по благодати, искренне преданным вам немощным собратом.

Мюльхайм, 1757 г.

(2, IV, 21)

Письмо 100-е

О том, что один Бог
ЕСТЬ ВСЕЦЕЛОЕ ДОВОЛЬСТВО НАШЕЙ ДУШИ
И ЕЁ ЕДИНСТВЕННОЕ УПОКОЕНИЕ;
И КАК ВО ВСЁМ ДÓЛЖНО ВЗИРАТЬ НА НЕГО.

Многовозлюбленная о Господе Иисусе сестра!

В моменты внутренней тишины пред лицом Бога я нахожу в себе желание приветствовать тебя в духе и испросить для тебя от нашего благого Господа сердечную тихость и радость. Да, возлюбленная о Христе сестра! Бог для нас — всецелая полнота! Когда Он в нас и когда мы держимся Его — о! тогда мы обретаем в этом всё, что только можем пожелать! Когда же мы прилепляемся хоть к чему-то вне Его, это разоряет наше *всякое довольство* (2 Кор. 9:8) и обременяет нас. Он — наше *место покоя* (Мих. 2:10); когда мы приходим в него, то нам не требуется больше что-то искать, о чём-то заботиться и тревожиться; тогда наш дух уразумевает, что он достиг того, к чему стремился, и нашёл тот *кров* и *сень*, где он может *упокоиться* (Пс. 90:1). Тогда нам непозволительно не только обращаться вовне, чтобы искать утешения в чём-либо сотворённом, поскольку *одно только нужно* (Лк. 10:42); но и внутри себя рассматривать своё доброе и худое — это было бы разорением, ибо в *Одном*, Кто *только благ*

(Мф. 19:17), мы имеем *всякое* благо, и пребывание в этом благе уничтожает *всякое* зло.

Итак, оставим всё, и себя самих, и предадим и препоручим всё Господу! Взирай только на Него; устремляй все свои мысли и чувства во всём исключительно к Нему — как в том, что ты делаешь, так и в том, что ты претерпеваешь. Узревай, люби и объеми Господа во всём и радуйся о Нём и о Его воле, не обращая внимания на движения своеволия и самоуслаждения. Принимай всё, как волю Божию; переноси всё, как волю Божию, и совершай всё, как волю Божию; тогда грех не найдёт в тебе места, и ты обрящешь в малом — великое, в горьком — сладкое, в том, что тебе кажется препятствием на пути к Богу, — вспоможение на оном. Сладчайший Младенец Иисус да благословит тебя и да отверзет тебе Своё сердце и введёт тебя в него, дабы ты стала сердечным и искреннейшим Его чадом во веки!

Иисус оставил лоно Своего Отца и пришёл вернуть нас, бедных детей, в сие лоно любви. Ты видишь, как приветливо призывает и привлекает нас к Себе сладчайший Богомладенец? Да, ты видишь это; так отпусти же себя, дай Его привлечению и действию место, не боясь обмана, поскольку *Дух Сам свидетельствует о том, что Он есть истина* (1 Ин. 5:6). Что беспокоит тебя или выманивает вовне, тому не легко доверяй, равно как и всякого рода внутренним побуждениям, если они сопровождаются страхом: *ибо дал нам Бог духа не боязни, но чистой любви и внутренней свободы* (2 Тим. 1:7). Сей дух возвышает сердце, преклоняет его к благоговению и любви к *блаженному Богу* (1 Тим. 1:11) и приводит нас к внутренне-отрешённому хождению в Духе и к сокровенному общению со столь близким нам Господом. Тогда мы забываем падшее творение и самость; ничего нечистого, ложного, грубого, самолюбивого не может оставаться

при сей чистой, невинной, кроткой, сущностной любви; её божественное сопричастие и влияние усваивает нас Христу и передаёт нам Его святые качества. Кратко сказать: *одно только нужно* (Лк. 10:42), и в этом *одном* исполняется *всё*, что требует Закон и всё Писание, а именно — отстранение и упразднение от всего, что не есть Бог и Божие, и исполненное любви единение с Богом в основании сердца.

Следуй же по этому пути, тихо, кротко и несвоевольно, и Господь Сам защитит и сохранит тебя и даст тебе исполнить всякую Свою волю. Ей, Иисусе! Сердечно приветствую тебя, дорогая сестра, и желаю тебе больше, чем могу сказать и выразить. Господи! Ты видишь сие; Сам исполни всё и соблюди нас, дабы мы обрели радость в Тебе, здесь и в вечности! Аминь.

Мюльхайм, конец декабря 1733 г.

(1, I, 140)

Письмо 101-е

НАСТАВЛЕНИЕ О СОПРИСУТСТВИИ БОЖИЕМ.

Возлюбленная о благодати Божией сестра!

Желаю тебе от нашего Спасителя благословения и преизобильной благодати во всём, как во внутреннем человеке, так и совне. Старайся, насколько это возможно, пребывать в мирном и тихом внутри-собрании в сердце. Там, как тебе хорошо известно, наш Господь приближается к нам и совершает в нас Своё дело. Дай же в простоте в себе место всем Его драгоценным повелениям и действиям Его любви, свободно и всецело вверяя всю себя Ему. Не останавливайся много на себе со своей падшестью, недостатками и немощами, но пребывай с Богом и в Его сопричастии.

Наше повреждение подобно злым ядовитым зверям, кои, когда на них долго смотришь, не только внушают ужас, но становятся ещё злее и с большей лютостью нападают на нас. Посему достаточно, когда ты отвращаешься от них, с нежеланием иметь с ними никакого дела, и прибегаешь к Богу, дабы Он помог тебе и укрыл тебя Своим соприсутствием. Итак, вспоминай как можно чаще о Его сладчайшем соприсутствии, и сия память Божия сохранит тебя во время твоих повседневных занятий, чтобы ты не погружалась в суету и не выходила из внутри-пробывания в сердце.

Будь, Его благодатью, отзывчива и уступчива в отношении твоих домашних; не превозносись ни над единым человеком. Всё наше управляет Бог к нашей же пользе, дабы мы приобретали опыт и исправлялись. Будем любить Его, столь благого и любвеобильного, чистой любовью, *не ищущей своего* (1 Кор. 13:5). Ему я препоручаю тебя и сердечно приветствую тебя и всех твоих. Усердно молитесь! Остаюсь твоим со-странником в мире сем.

Мюльхайм, 6 февраля 1734 г.

(1, I, 143)

Письмо 102-е

О том, как надлежит детски и мирно привыкать к Богу и Его действиям.

Возлюбленная о Господе сестра!

Твоё письмо я прочитал с радостью, поскольку оно написано просто и от чистого сердца. То Нечто, сокровенно прикасающееся к тебе, есть, несомненно, Бог — твоё высочайшее благо. Может ли что-либо из всего сотворённого до-

ставить тебе внутренне такой покой, тишину и благобытие? Напечатление в душе глубочайшего, исполненного любви благоговения, не отходящего от тебя и среди повседневных занятий, с уверенностью свидетельствует, что это именно Господь. Правда, что сие Нечто, к коему тебя так сердечно влечёт, ты осознаёшь не отчётливо; но это незнание есть истинное знание, и это неотчётливое «общее» — лучше и отраднее, чем тысяча «точностей».

Чем больше ты хочешь видеть, знать и понимать, тем меньше ты будешь знать. Когда же ты детски и мирно сомнёшь свои очи, Господь Сам откроет их тебе. При этом нужно больше *давать* собирать себя вовнутрь, чем напрягаться делать это *самой*; следует приимательно предоставлять место действию Божью и «отпускать» себя, особенно во время молитвенного уединения. Впрочем, если твоего предусматривания или само-деятельности в духовном и будет слишком много (что чаще всего происходит, когда мы желаем избежать сего) — не разорай себя беспокойством. Пусть эта само-деятельность сама отпадёт от тебя; спокойно терпи её из любви к Богу, даже если бы и нашли на тебя всевозможные рассеянности, а порой и искушения.

Вообще ты должна побеждать в себе всякое зло, рассредоточенность и дух мира сего не насилием над собой и метаниями в поисках выхода, но спокойным и мирным терпением, не-обращением внимания и забвением, дабы затворить пред всем этим очи и душевные входы. Есть Другой в нас, Который *поборает за нас* (Исх. 14:25); только на Него и взирай с любовью.

Хоть я и сказал, что в отношении действия Божия надлежит держать себя приимательно, — но этим я вовсе не отвергаю *всякую* нашу деятельность. Нужно действовать, когда Бог даёт тебе действовать (Флп. 2:13), и подвизать себя

к тому или иному сердечному деланию, не ограничиваясь теми моментами, когда Он Сам производит в тебе *внутренние вздохания* (Рим. 8:26) среди твоих повседневных хлопот, как ты пишешь в своём письме. Только всё сие должно совершаться тихо, мирно, спокойно и без напряжения — и, я полагаю, такое внутреннее делание будет по Богу.

Увещаваю тебя, дорогая сестра: не поддавайся искушению, силящемуся привести тебя в беспокойство и немирность сомнениями рассудка, будто не Бог ведёт тебя, ибо с такой немощной и худой душой Он-де не может войти в общение. О нет! именно то, что с тобой происходит, и есть Его воля и Его благоволение — дабы ты не могла опереться ни на что иное, как только на Его благодать, и возлюбила бы Его не за то или другое, но просто, как Он без всяких твоих заслуг любит тебя. Поскольку же Господь достаточно даёт тебе понять, что Он тебя любит и приобщает Себе, в каком бы немощном ты ни была состоянии, то отведи свой пристальный взор от самой себя и предоставь Ему любить тебя и делать с тобою всё, что Он считает нужным. Его любовь поглотит всю твою худость и соделает тебя прекрасной в *Его*, а не в *твоих* глазах.

Я не могу передать словами, как Господь хочет, чтобы твоё сердце было простым, отрешённым от падшей воли и от всего, что не есть Бог и Божие, дабы Ему соединиться с тобою! Тебе надлежит лишь прилепиться к Нему, насколько ты можешь; тогда Он Сам преобразит тебя, да так, что ты удивишься, — ибо это Его дело. Только не привязывайся ни к чему тварному и храни своё сердце свободным и всецело посвящённым Сему божественному Человеколюбцу; и Он сущностно, чисто и бесконечно станет для тебя всем тем, что ты хотела бы (напрасно!) обрести где-то ещё.

Наконец, возлюбленная сестра, прошу и молю тебя, чтобы ты всю свою жизнь крепко держалась следующего: пре-

будь верной вернейшему Другу твоей души, хотя бы и постигли тебя испытания и страдания. Не малодушествуй и не беспокойся, когда всевозможные напасти и искушения найдут на тебя. Закрой пред всем этим глаза, терпи, насколько ты можешь, и веруй, что именно в такие моменты христианин и показывает Господу, что он поистине Его любит. Твой внутренний человек да остаётся неразоримым во всех сих напастьях. Когда же они пройдут, то совсем не надо скрупулёзно исследовать, поползнула ли во время испытаний на что-либо дурное твоя воля, и т. п. Укори себя во всём — и затем, чем скорее, тем лучше, отрешись от воспоминаний о худом и вновь погрузись в твоего благого и милостивого Бога. Не зло, не падшее творение, не ты сама, не то или это, но *только один Бог должен быть твоим средоточием и предметом внимания.*

Главное же — какими бы ни были твои внешние и внутренние обстоятельства, никогда не забывай сердечного, сладчайшего упования на Бога, которое Он Сам вкоренил в тебя. Твёрдо веруй, что *Он не попустит тебе быть искушаемой сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы ты могла перенести, ибо Он верен* (1 Кор. 10:13). Аминь.
(1, I, 76)

Письмо 103-е

О том, что действие Божие в сердце
не должно затемняться рассудком.
Свойства благодатного привлечения Божия.

Дорогой брат!

Что касается твоего душевного состояния, то, несомненно, наилучшим и безопаснейшим образом действий для

тебя было бы, чтоб ты старался спокойно претерпевать всё, что противится Божью привлечению (Ин. 6:44) в сердце и доброму расположению твоего духа. Удерживай себя в таком расположении, насколько ты можешь, без страха и исследования, и не отвлекайся на что-то иное. Привлечение благодати и свет Божий приходят не совне и своё *многое удостоверение* (1 Фес. 1:5) и силу получают не от рассудка и чувств. Обретаются они в глубине сердца и сами в себе имеют великую убедительность и достоверность. Последнее, однако, затемняется и исчезает, когда душа хочет искать определённости и уверенности в своей низшей части¹. Посему не вдавайся во многие размышления. Не стремись утвердиться в духе при помощи одних рассудочных выводов или внешних средств, но, как дитя, закрой глаза и предай себя Тому *сокровенному Богу* (Ис. 45:15), Который столь близок к нам внутренне; и пусть рассудок сомневается, сколько ему угодно. Мы оказали бы ему, а вслед за ним — и искустителю слишком много чести, если б начали вступать с ними в споры. Будем искать наши основания и аргументы не у них, но в свете веры, открывающемся нам во глубине сердца.

Привлечение Божие к внутренней жизни поначалу весьма отрадно и усладительно: человек радуется, искренне следует призыву Божью и т. д. Низшая часть души, в которой всё это некоторым образом отображается, совсем (или почти совсем) против сего не возражает. Но впоследствии благодать погружается глубже, во внутреннюю, или высшую, часть нашего существа; тогда низшая часть начинает сопротивляться и показывать своё недовольство, поскольку она остаётся без сладостей, да к тому же ещё и подогревается искустителем. Тогда с человеком случаются многие перемены,

¹ В рассудке и чувствах (эмоциях).

потрясения и даже беды — и всё для запутывания его и отвлечения от цели. Противостать этому можно, если прибегнуть к детской простоте во Христе (Мф. 18:3) и довольствоваться лишь сокровенным светом веры в сердце. Посему пребывай, насколько даёт тебе благодать Божия, во внутри-собирании и приемательности и будь мирен и доволен тем, что случается с тобой по воле Божией, ибо она *благая, угодная и совершенная* (Рим. 12:2) везде и всегда, и в отношении нас тоже.

Молитвенно препоручаю твоё состояние Богу и прошу также твоих молитв, ибо я весьма немощен.

Мюльхайм, 23 февраля 1733 г.

(1, II, 59)

Письмо 104-е

НАШЕ НЕСОВЕРШЕНСТВО ПОНУЖДАЕТ НАС
ОСТАВИТЬ СЕБЯ САМИХ, ДАБЫ ОБРЕСТИ
БОЖЕСТВЕННОЕ СОВЕРШЕНСТВО В ИИСУСЕ.

Возлюбленная о Господе сестра!

Вы спрашиваете: «Как душа может надеяться, что когда-нибудь она будет приобщена Божию совершенству, в то время как она находит себя столь немощной, лишённой всяких добродетелей, и т. д.?» Я отвечаю: душа никогда не приобщится подобающим образом к совершенствам Божиим, пока она думает иметь совершенство в себе или самой достичь оно.

Наши мнимые совершенства держат нас в плену у самих себя. Гораздо спасительнее для нас, когда опыт нашей падшести и немощей доставляет нам (конечно, не ввергая нас в уныние) разумение того, что мы *несчастливы, и жалки, и нищи, и слепы, и наги* (Откр. 3:17), и таким образом понуждает нас

оставить самих себя, прибегнуть к Иисусу и приобщиться Его божественным совершенствам.

Я повторю, дорогая сестра: да, ваши немощи и проявления падшести должны всегда быть вам крайне неудобными. Но они никак не должны приводить вас к малодушию. Ищите врачевания против них не в напряжении и собственных усилиях, но в безмятежности и приближении к Иисусу и во вручении Ему верою всего с вами происходящего. О, как прекрасно Он Сам управит вас, когда вы детски, без сопротивления предадите себя Его всемогуществу! Это породит в вас все добродетели и ревность к благоугождению Богу.

Дерзайте, возлюбленная сестра, и радуйтесь вашим трудным обстоятельствам! Вы предназначены не для мира сего, но для Бога и вечности. Бог любит вас и являет на вас многие Свои милости. О, сколь велико Его долготерпение — приобщать нас к Себе! Возлюбите же *такого* вашего Бога и не разглядывайте слишком много себя саму. Сердце Иисусово да будет средоточием вашей жизни!

Во Христе, Его благодатью остаюсь

преданным вам собратом.

(1, II, 17)

Письмо 105-е

ПРЕБЫВАТЬ В ДЕТСКОМ УПОВАНИИ НА БОГА
ПРИ ПРОЯВЛЕНИЯХ ПАДШЕСТИ
ЕСТЬ ПРИЗНАК БЛАГОДАТИ.

Возлюбленный о Господе друг и брат!

Хотя для ответа на твоё любезное письмо я располагаю лишь самым кратким временем, тем не менее я желаю в не-

многих словах удостоверить тебя, что нахожу нынешнее твоё внутреннее устройство добрым и осенённым благодатью. Ибо когда нам открывается наша повреждённость, падшестя и ничтожество самости, а мы при этом не теряем детского упования на Бога и не перестаём прибегать к Нему о имени Иисуса, непрестанно милующего нас и очищающего нас в глубине сердца, — то сие есть несомненное свидетельство, что мы *ходим* во свете *истины* (3 Ин. 1:4).

И в самом деле: можем ли мы своими силами и своим самодействием исцелить столь вкоренившуюся в нас раковую опухоль нашего глубочайшего повреждения? Посему как при видении своих падших свойств, так и во всех искушениях, смятениях души и тому подобном нет ничего лучше и надёжнее, чем, насколько это для нас возможно, стрясти с себя всё злое, спокойно отвратить от него своего внутреннего человека и преклонить его к Богу, Который нам ближе, чем мы сами себе. В неисследимом море Божьего соприсутствия исчезнет вся наша нечистота, если только мы погрузимся в оное с детскою верой. Господь держит *лопату в руке Своей* и хочет *очистить гумно* нашего сердца и развеять всякую мякину; наш дух должен быть в этом единым с Господом, так, чтобы предать всё, что Ему неугодно в нас, Его *неугасимому огню* (Мф. 3:12), Его суду и смертной казни. Ей, Господи! умерщвляй, умерщвляй в нас всё противящееся Тебе, доколе Ты один не будешь жить в нас вечно!

И это Божие дело, возлюбленный брат, отнюдь ещё не окончено в нас; посему нужно смиряться и *мужаться* о Господе (Ин. 16:33); Он *совершит, что начал* (Флп. 1:6). Не жди от себя ничего, от Бога же — всего. Он да будет твоим непрестанным занятием и твоим покоем, даже если ты и не чувствуешь сейчас ничего духовного.

Приветствуем тебя вкупе с братом Хоффманом сердечно! Приветствуем и сестру твою, Анну Марию; Бог да обратит её к Себе Своим сокровенным привлечением! (Ин. 6:44). Приветствуй и другую твою сестру с её супругом, и всех, живущих с вами, имена коих я сейчас не вспомню. Если будет возможность, приветствуй и твоих родителей; Господь да благословит их и всех нас! В Нём остаюсь

твоим немощным собратом.
Мюльхайм, 31 декабря 1731 г.
(1, I, 118)

Письмо 106-е

О ПУТЕШЕСТВИИ И БОЛЕЗНИ АВТОРА.

О ДЕЙСТВИИ БОЖИЕЙ ЛЮБВИ.

О ВНУТРЕННЕЙ НЕМОЩИ И ОТРЕШЕНИИ ОТ САМОГО СЕБЯ.

Драгоценнейшая в сладчайшей любви Иисуса сестра!

Как ваше предыдущее, через г-на N., так и нынешнее письмо из Франкфурта благополучно получил и с отрадою прочитал; Богу слава!

Конечно, мне надлежало бы ответить раньше. Но было бы слишком долго описывать причины, по коим я смог это сделать только сегодня; любовь да изобъяснит вам всё наилучшим образом! Когда я получил ваше первое письмо, я как раз, по настойчивому желанию друзей, готовился к поездке в Голландию, где среди многих внешних и, так сказать, «смешанных» христиан обретаются ещё внутренние сердца, ищущие в полноте проходить путь умирания ветхому человеку и жизни в Боге. Я был там настолько болен, что думал, что приходит мой конец; Господь же управил, что затем мне

стало гораздо лучше, и я смог в сопровождении одного друга вернуться домой. С тех пор мне то становилось лучше, то опять всё ухудшалось до крайней степени и мои жизненные силы оказывались настолько исчерпанными, что я уже начинал думать, что настанет конец моего странствования. Так, теснимый со всех сторон, я был понуждаем держать *душу мою непрестанно в руке моей* (Пс. 118:109) и подлинно становиться *странником и пришельцем на земле* (Евр. 11:13), одиноким, отрешённым от всего временного и прибегающим только к Богу, уповая лишь на то, что благой Господь, по Своей свободной любви влекущий нас к Себе и исполняющий нас алчностью и жаждой неба, Сам и приведёт меня туда. Несомненно, это и есть Его божественное присутствие и действие Его Духа в нас — что мы несём в нашем духе столь глубоко напечатленную жажду и внутреннее стремление изойти из падшего творения и самости и *найтись в Боге* (Флп. 3:9), нашей истинной жизни и незыблемой радости!

Божия любовь касается нас в основании нашего сердца; нам со своей стороны не нужно здесь много действовать от себя. Если мы только детски пребываем внутри, отстраняемся от всего, что не есть Бог и Божие, и соглашаемся с сей Его любовью, то она становится нашим деятелем. Её кроткая и тихая сила изводит нас из себя самих на ту глубину, где мы должны быть, хотя это не всегда познаётся ощутимо. Господь постепенно отнимает от души всякую внешнюю помощь и опору и надежду на себя, дабы Ему одному в чистоте стать всем этим. Когда такое с нами происходит, то не будем страшиться; это есть действие Его любви. Кто хочет держать всё в своих руках и таким образом *сберечь душу свою* (Мк. 8:35), тот всегда живёт в тесноте и затруднениях. Когда же мы, так сказать, с закрытыми глазами, полностью и безоговорочно предаём себя Богу, тогда мы постепенно вводимся

в отраду свободы и широту духа, где любовь Божия творит с нами всё, что невозможно для нас, и приводит нас туда, где ей угодно, чтобы мы были (Ин. 14:23; 17:24). Станем же, возлюбленная сестра, всецело Божиими; будем воспринимать наши души как вручённые Господу Иисусу вещи, о которых нам уже не нужно беспокоиться. Он освободит и спасёт их, как Он сочтёт нужным; нам же надлежит только дать Ему действовать. Любить и прославлять Его — вот наше дело, совершаемое нами чрез Него же; всё остальное — Его дело.

Вы пишете, что ваше сердце часто преисполняется печалью о том, что внутренне вы совершенно немощны. Это есть благодать — ощущать себя такой как есть. Если Бог хочет, чтобы мы так чувствовали, то это должно быть любезно и нам; чрез сие мы смиряемся и приобретаем способность к исхождению из себя самих. Никто не оставляет сам себя добровольно, как только тот, кто глубоко и опытно познал, что всякое освящение и спасение — только в Боге. Но при этом помните, что не нужно слишком «застрывать» на разглядывании себя. Бог да дарует мне, чтобы я в час смерти не смотрел на самого себя! Мой дух по временам взывает среди всей моей падшести и немощей: «О, сколь велик и *сколь благ Господь!*» (Пс. 33:9) — и тогда я жажду забыть себя и взирать только на Него одного. Ваше письмо украшено печатью с изображением Моисеева змея (Числ. 21:9; Ин. 3:14); итак, отводите взор от себя и взирайте на Иисуса — это приносит спасение и жизнь.

Приветствую вас сердечно, дорогая сестра, в искренней любви о Господе. Благодарение и хвала и слава Богу, что Он даёт Своим чадам общение в духе, даже если внешне они никогда не видятся, — но я твёрдо верю, что это совершится на небесах. Здесь же их единение в духе и любовь в Господе поддерживает их и помогает им; да благословит сие

Господь! Препоручаю себя вашим молитвам. Иисус один да живёт в наших сердцах ныне и во веки. Аминь!

Мюльхайм, 4 декабря 1735 г.

(1, II, 88)

Письмо 107-е

Об особой милости Божией,

когда Он даёт нам увидеть, что́ мы есть на самом деле.

Как нам воспринимать сие.

Возлюбленный брат!

Твоё последнее письмо от 22–29-го числа прошедшего месяца пришлось мне по душе гораздо больше, чем предыдущие письма, ибо из него я лучше уразумел твоё состояние, чем из тех. Да, ты старался писать просто; но то была не настоящая простота, поскольку её не было в самом тебе. Ныне же ты пишешь прямо, как есть, и так пусть и будет впредь; это даст мне больше возможности помочь тебе. Я не специально не отвечал тебе на прошлые письма; я не мог. А если б я не отвечал и намеренно, то потому, что не считаю себя человеком, который должен раздавать советы, а вовсе не потому (как ты пишешь), что я полагаю, будто происходящее с тобою не столь значительно. Во всяком случае, я не думаю, что должен был тебе писать раньше, чем сегодня.

Когда я смотрю, как Бог обращается с твоей душой, то я не сомневаюсь, что Его намерение — соделать из тебя нечто доброе. Уготовь же себя к принятию сего; пожертвуй многим, а лучше сказать — всем, дерзай на всё, дабы истинно последовать призывающему тебя Богу. Это особая Божия милость, когда Он даёт тебе почувствовать, что́ ты есть на самом деле.

Такое самопознание постепенно приуготовит тебя к *отвержению себя* (Мк. 8:34) и к подлинному обращению к Богу, Который один изволит быть нашей жизнью (Исх. 34:14).

Твои душевные чувства восприимчивы, подвижны и нежны; если они не получают своего питания в сотворённом, то ищут его в духовном и охотно присваивают себе Бога и Его дары. Поскольку же Господь, заботясь о тебе, не попускает твоей чувственности широко разойтись, то падшая природа начинает злиться и, как пёс, грызть что попало, а глубоко гнездящееся самолюбие выливается в малодушие. Что тут делать? Только следовать Богу и Его спасительному руководству. Он хочет разрушить твоё самолюбие и соделать тебя способным любить Его *прямым устремлением сердца*, в то время как самолюбие есть *кривое* обращение любви на себя самого.

Господь вложил в тебя стремление быть всецело и вечно Божиим. Это тяготение к Богу лежит в самой глубине сердца, в некоем мраке, в некоей «неухватываемости»; ты же хочешь перевести его в область душевных чувств и усладиться им. Но, обращая его вовне, ты тем самым ослабляешь его. Пусть в твоём естестве всё движется, как оно есть; терпи себя, включая и сухость душевно-чувственной твоей части, без разорения и многого рассматривания, с верой, что Богу угодно такое терпение (Лк. 21:19). И Господь скоро посетит тебя и укажет, как именно надлежит тебе Его любить и к Нему прилепляться — не *чувственностью*, а *верою* в сердце. Тогда упомянутое выше глубоко-сокровенное чистое тяготение к Богу будет расширяться, охватывать тебя всё больше и дерзновенно достигать Бога (Еф. 3:12), дабы объять Его и погрузиться в Него — и всё это больше Божиим, нежели твоим действием. Итак, претерпевай то, что движется в твоём естестве и чувствах

в настоящий момент, стараясь сколь можно чаще устремлять своё приемательное внимание на Бога, как сопresentствующего тебе, и детски-невинно, насколько ты можешь и разумеешь, следовать с помощью этого внимания вышеназванному тяготению. Не пугайся, когда в тебе подвигнется самость и её действие захватит душу. Как захватит, так и отпустит — если ты не будешь обращать на неё внимания и не дашь ей запутать себя.

Что ты пишешь о своём молитвенном делании, то хорошо. Следи при сем за двумя вещами: первое — старайся сердечно приносить добрую и истинную *службу Богу* (Неем. 12:45); второе — не думай и не «застревай» на том, насколько хорошо ты это делаешь. Держись доброго порядка во внешнем, чтобы избегать, с одной стороны, суеты, с другой — разления. Говори мало. Пусть тебе станет всё равно, через кого Бог вразумляет и исправляет тебя. Твоё самолюбие будет нападать на тебя; не отчаивайся, но мужайся среди всех своих немощей. Внутреннее твоё зрение всегда да будет направлено на Бога, в Котором всё наше блаженство, спасение и покой. Умирание ветхому Адаму есть семя, из коего рождается и возвращается внутренняя молитва. Дерзай о имени Иисуса! Он да благословит твою душу. Уповая на Него, остаюсь

твоим немощным собратом.

P. S. Твою супругу приветствую сердечно. Богомладенец Иисус да составляет её сокровище и радость и в наступившем году! Препоручаю её душу Господу; поскольку Он её любит, Он её и вразумит, а она пусть воспринимает сие не иначе как в любви. Приветствую и всех ваших, любящих и ищущих Господа!

Мюльхайм, 5 января 1737 г.
(1, II, 111)

Письмо 108-е

О ТОМ, ЧТОБЫ НЕ ОТКЛАДЫВАТЬ ОБЩЕНИЯ
С БОГОМ И БЛИЖНИМИ
ПОД ПРЕДЛОГОМ СВОЕГО «НЕСОВЕРШЕНСТВА».

Во благодати Господа Иисуса возлюбленная сестра!

Сердечно приветствую тебя и желаю твоей душе преизобильных благословений от Сладчайшего Иисуса, Который да соделает тебя поистине чистой и светлой!

Твоё письмо мне очень понравилось. Но кто тебя научил такой странной церемонности, что ты-де не должна обращаться с Богом и Его чадами, пока не станешь совершенной? Дитя моё! ты ведь уже давно заключила с Господом Иисусом договор: ты *хочешь* принадлежать Ему, а Он *уже принимает* тебя как Свою (Еф. 2:19); ты *стремишься* Его любить и к Нему прилепляться, а Он *уже прощает* тебе твои прегрешения и *освобождает* от осуждения (Рим. 5:8; 8:1). Итак, как только ты от сердца будешь исполнять свою часть соглашения, Иисус не замедлит с исполнением Своей. Я хочу сказать: вручи себя Иисусу, вверь и предай себя Иисусу и смотри на себя как на вещь, отданную Иисусу. Всю свою любовь и волю внутреннего человека преклони к Сему столь близкому нам Другу (Песн. 7:11) и прилепись Ему с упованием и с горячим стремлением наилучшим образом благоугождать Ему во всём.

Что же касается другой, противоречащей, падшей, самостной части твоего существа, то не следует много смотреть на неё и уделять ей столько внимания. Препоручи её Господу и Его милостивому суду, дабы Он умертвил и совершенно искоренил её силой Своей смерти. Тебе не нужно здесь ничего делать, Господь Иисус уже позаботился обо

всём; нужно только воспринимать свою падшесть как данный нам крест и претерпевать его, а между тем пребывать при своём занятии — исполненном любви преклонении к Иисусу и искреннем общении с Ним, насколько Он Сам научит тебя и привлечёт к сему. И в этом *твоём* делании пребывай настолько просто, тихо и смиренно, чтобы всё сие всегда было *Его* делом. Сейчас ты это не вполне понимаешь, но научишься со временем. Ах! только люби и терпи, а в прочем поступай, как ты хочешь. Приветствую тебя в Господе Иисусе, Который и вразумит тебя.

Твой немощный собрат (в спешке).

Мюльхайм, 10 июня 1739 г.

(2, III, 5)

Письмо 109-е

О СЛАДЧАЙШЕМ УМАЛЕНИИ

И О ПРОИСТЕКАЮЩЕМ ИЗ НЕГО ИСТИННОМ ДОВОЛЬСТВЕ.

Дорогая сестра!

Если Господь так управил, что сказанное мною слово пошло вам на пользу, то вы знаете, что *всякое благо — от Отца светов* и что мы должны внимать только Ему. Посему ни от меня, ни от кого другого не принимайте никакого *даяния* (Иак. 1:17), если оно не ведёт вас к Богу и не питает и умиряет сердце (не чувства и рассудок). — Впрочем, я думаю, что понимаю ваше призвание. Господь хочет, чтобы вы были всецело Его, и ведёт вас путём внутренне-сердечной жизни, дабы соединиться с вашим духом и отрешить вас от пребывания в творениях и в самой себе. Это великая милость Божия! Детски следуйте влечению своего сердца — пребывать

в соприсутствии Божиим; только знайте, что это влечение вы должны *находить* в себе, но не *выдумывать* что-то своё. Любите Господа и последуйте Ему в простоте, не вдаваясь в скрупулёзные размышления о себе самой, дабы ваш путь был свободен от самолюбия. Мы должны стремиться не к высоте, а к малости (Мф. 18:14), но при этом любить Бога, как совершенные. Та малость, о которой я говорю, — вовсе не малодушие, но некое сладчайшее умаление себя, которое есть надёжнейший и ближайший путь к высочайшему состоянию единения с Богом (Лк. 14:11).

Что нам даёт (или не даёт) Бог, тем мы должны быть истинно довольны, не ища ничего другого и не утверждаясь ни на каком занятии или делании, кроме Самого Бога¹. Свет или тьма, вкушение благодати или душевная сухость — всё да будет нам равно благим, когда это исходит от Господа. Сами мы не должны ни брать что-либо на себя сверх обычного, ни ослаблять свой образ жизни, но предоставить себя действию Божию в данный момент, не раздумывая особо о духовных высотах или низинах. Этим единственным деланием мы будем радовать нашего Бога (Притч. 8:31) и радоваться о Нём. Ему, нашему драгоценнейшему Эммануилу, от всего сердца я препоручаю вас и вашего супруга.

(1, II, 13)

¹ Под «занятием» и «деланием» здесь имеются в виду дела благочестия и аскетические подвиги.

Х

О Церкви и церковной жизни

Письмо 110-е

О БЕСПРИСТРАСТНОМ ОТНОШЕНИИ КО ВСЕМ ЦЕРКОВНЫМ СООБЩЕСТВАМ.

Дорогой друг!

На ваше предыдущее письмо я не ответил и первоначально намеревался поступить так же и сейчас — отнюдь не из-за высокомерного неуважения к вам, а потому, что я ни в малейшей степени не вижу, какую пользу, назидание и возрастание в благодати мы можем получить из обсуждения затронутых вами предметов. Ибо рассудите сами: известно ли вам или не известно моё мнение о тех или иных церковных сообществах, сепаратизме¹ или, как вы это называете, сектантстве и т. п., — это не может исцелить ни вашу, ни мою душу; и от того, придерживаемся ли мы одинаковых или противоположных взглядов, мы ни на один волос не приближаемся к нашему освящению и спасению. К тому же из-за недостатка времени и телесной немощи я вынужден оставлять без ответа многие письма, в коих идёт речь о гораздо более важных материях. Но поскольку я увидел из вашего последнего письма, что вам

¹ Церковный сепаратизм — в отличие от раскола — не создание собственной «параллельной церкви», а, при формальной принадлежности к господствующей Церкви, неучастие в её внешней жизни. Сепаратистами могут быть только сознательные христиане, желающие проводить более или менее строгий христианский образ жизни, не связывая себя с официальной церковностью (а не просто крещёные, но индифферентные к Церкви люди). Сепаратисты-протестанты решительно уклонялись от посещения богослужений, устраивая у себя по домам молитвенно-проповеднические собрания.

совсем неизвестен мой образ жизни и строй моих мыслей и что вы предъявляете мне, без малейшего на то основания, упрёк, что я-де сочувствую сектантам, потворствую им и так далее, — то я счёл нужным в немногих словах изъяснить вам, дорогой друг, как я ко всему этому отношусь (о чём, впрочем, я уже не раз говорил и писал; см. § 20–29 в моём предисловии к «Избранным жизнеописаниям святых душ»² и др.).

Итак, я полагаю, что в очах Божиих есть, собственно, только два сообщества на земле, а именно: дети мира сего, в которых владычествует любовь падшего мира (1 Ин. 2:15), и дети Божии (1 Ин. 3:2), в которых *любовь Божия излилась Духом Святым* (Рим. 5:5), — и что Бог не смотрит ни на какие иные различия между людьми, кроме этого.

Я считаю (и дал бы Господь, чтобы я ошибался!), что во всех церковных сообществах подавляющее большинство как пастырей, так и паствы принадлежат к церкви мира сего и Антихриста³ — хотя Бог и среди них *соблюдает Себе* верных чад (Рим. 11: 4), коих я всех и каждого сердечно люблю.

Далее. Я уверен, и не сомневаюсь в этом, что как у римо-католиков, так и у лютеран, реформатов, меннонитов и т. д. (при всех особенных мнениях и обычаях сих сообществ), равно как и среди сепаратистов, души могут достичь высочайших вершин освящения и соединения с Богом и удостоиться вхождения в *Церковь первенцев* (Евр. 12:23).

² См: *Tersteegen, Gerhard*. Auserlesene Lebensbeschreibungen Heiliger Seelen... Essen, 1784. Band 1. S. XIII–XVIII.

³ «Церковь Антихриста», «Церковь — вавилонская блудница» (или просто «Вавилон») — широко распространённые в протестантской среде именованья земной церкви, отступившей от Христа. Первоначально (во времена Лютера) так бранили Римо-Католическую Церковь; затем у радикальных пиетистов и сепаратистов, не говоря уже о сектантах, эти именованья стали относиться к любому церковному сообществу, с которым те или иные околочерковные группы расходились во взглядах. — Терстегену совсем не свойственно это выражение; стало быть, он обыгрывает один из обвинительных пассажей своего адресата.

При этом я считаю, что если христианин, принадлежащий к какому-либо церковному сообществу, убеждён в своей совести, что те или иные принятые в нём церковные обычаи идут против Бога и полагают препятствие освящению его души, то он должен уклониться от участия в них; такое участие становится для него грехом, ибо *всё, что не по вере, грех* (Рим. 14:23).

Точно так же, с другой стороны, если христианин в своей совести уверен, что Господь заповедует ему соблюдать сии обычаи, или он посредством их или иных церковных установлений преуспевает в Боге, то он в равной с предыдущим случаем степени обязан следовать своему внутреннему убеждению и пользоваться всем этим. И если какой-нибудь сепаратист осуждает такого укоренённого в своём церковном сообществе христианина и требует, чтобы тот отделился от оногo, то такой сепаратист — уже не беспристрастный «мирный землі»⁴, а самый настоящий сектант.

⁴ «Мирные землі», «Stillen im Lande» (Пс. 34:20) — члены разных церквей, которые более глубоко, чем прочие, но и более индивидуалистично обращались ко Христу и у которых не «церковность», а личное возрастание во Христе было на первом месте. Они уклонялись от каких бы то ни было догматических и канонических споров и стремились проводить жизнь в тишине (Stille), отрешённости от духа мира сего, молитве и предании всего себя Богу. С внешней стороны они старались не выделяться никакими особенностями поведения, добросовестно исполняя свои гражданские, семейные и бытовые обязанности. Они не составляли никакой «параллельной» церковной структуры, но или ходили каждый в свою церковь, или (по большей части) отказывались от внешне-формальной церковной жизни. «Мирные землі» собирались домашними кружками для молитвы, духовного чтения и взаимного назидания; в определённое время, раз в неделю или в две, проводились большие собрания для проповеди и молитвы. По сути это был «умеренный» церковный сепаратизм, оформившийся в своеобразное сообщество в среде нижнерейнского реформатского пиеизма. От сепаратизма как такового «мирные землі» отличались тем, что вопрос об участии (или степени участия) в церковной жизни предоставлялся личному решению каждого. Герхард Терстеген, духовно воспитанный в традициях «мирных землі», был наиболее значительным представителем этого движения, которое достаточно широко распространилось именно благодаря его влиянию.

Что касается меня и моего образа жизни: я не осуждаю и не браню никакое церковное сообщество, подобно сектантам; также я не являюсь сепаратистом, поскольку я не отделился от своей церкви и не собираюсь этого делать. При этом я не хожу ни в какую внешнюю церковь к богослужению⁵, потому что

⁵ Букв.: zum Abendmahl, к Вечере Господней. Для православного читателя отказ Терстегена участвовать в Таинстве Причащения (не абсолютный; в юные годы он причащался, как минимум во время своей конфирмации) выглядит весьма соблазнительным и, так сказать, «бросает тень» на всё написанное им. Но здесь нужно обязательно учитывать следующие четыре важные вещи:

1) Существенное различие в восприятии этого Таинства в Православной (и Католической) и Реформатской Церквях. Для православных (и католиков) причащение Святых Христовых Таин — необходимое и центральное условие для духовной жизни, как личной, так и общинной. У реформатов отношение к Причастию в значительной степени «снижено». Таинство Вечери не воспринимается как центр духовной и церковной жизни; оно совершается далеко не за каждым воскресным богослужением. Главное в богослужении — собственно собрание общины, совместная молитва и проповедь; причастие — некое «дополнение». Для реформатов обычно редкое причащение.

2) В Реформатской Церкви, в отличие от Католической и Православной Церквей, нет исповеди, выполняющей в том числе и функцию «допуска» к причастию. Поэтому к Таинству, когда оно совершается, приступают все, кто захочет, в том числе и нераскаянные грешники. Терстеген, как видно из нескольких его трактатов о причащении (см.: Gerhard Tersteegen's Nachgelassene Aufsätze und Abhandlungen. Essen, 1842. S. 1–77), очень серьезно и с большим благоговением относился к этому Таинству; поэтому для него было нравственно и духовно недопустимо причащаться из одной Чаши и, стало быть, свидетельствовать своё единение во Христе с (условно говоря) ростовщиком или содержательницей дома терпимости, да и вообще с людьми, для которых Христос и Церковь являются не центром жизни, а всего лишь житейским обычаем.

3) Пожалуй, самое важное: реформаты полагают, что действенность Таинства зависит от духовно-нравственного достоинства причащающегося. Тем самым оно лишается своей объективной значимости, что ставит общину в ситуацию возможного «профанирования» причащения (то есть раз в церковном собрании для одного причастника Таинство недействительно, эта недействительность может переходить и на других причастников). Чтобы избежать этого, приходится уклоняться от причастия с лицами, о состоянии которых ничего не известно, не говоря уже о явных грешниках. Конечно, в

этому препятствует моя совесть; также я в настоящее время не вижу причин, по которым я должен вновь обратиться к отправлению сего обычая. Впрочем, если бы я с несомненностью уверился, что Бог будет больше прославляться чрез моё участие в богослужении, чем чрез неучастие, и что я и мои ближние поистине получают от сего пользу и возрастание в Боге, то я не стал бы упорствовать в своём нынешнем мнении.

Когда я имею возможность услышать хорошего проповедника у реформатов, лютеран etc., то я иду в церковь внимать ему; и если бы таковой проповедник был у католиков (как в своё время я знал некоторых), то я без всякого смущения пошёл бы слушать и его — разумеется, за исключением тех случаев, когда эта моя свобода могла бы *послужить соблазном для немощных* (1 Кор. 8:9).

И как *во всяком народе боящийся Господа и поступающий по правде приятен Ему* (Деян. 10:35), так он любезен и мне, к какой бы церкви он ни принадлежал; и на деле я имею общение с представителями всех церковных со-

таком подходе есть, с православной точки зрения, некий «перехлёт», явный ригоризм; но он хотя бы совершенно понятен и во многом оправдан.

4) Терстеген был человеком, крепко держащимся за свои традиции. Он сознательно воспринял христианство в юности, в среде реформатского пиеизма и сепаратизма, центром которого многие десятилетия был Мюльхайм-на-Руре. Для этой среды как раз и был характерен вышеописанный ригористический подход к причащению. Один из «столпов» этого направления, Хохман фон Хохенау (1670–1721), писал: «О Святом Причащении я верую, что оно установлено только для избранных учеников Христовых, кои последуют Христу делом и истиною, отвергаясь всякого духа мира сего. Потому весьма уничижается Завет Божий, равно как и воздвигается гнев Его на всю Церковь, когда нечестивые чада мира сего допускаются до Вечери Господней, что, увы, происходит и посейчас» (Ernst Christoph Hochmans von Hochenau Glaubens-Bekanntniß: Geschrieben aus seinem Arrest... [S. 1.], 1709. S. 5). Такой подход и усвоил Терстеген. Однако, в отличие от своих более радикальных учителей и современников, он никогда не предъявлял эти ригористические требования к другим, но относил их только к себе.

обществ. Я говорю с ними, когда даёт Бог, и публично, и приватно о благодати Божией во Христе, об отвержении себя, о любви к Богу, о молитве — и не касаюсь при этом особенностей и разных мнений тех церквей, к которым мои собеседники принадлежат и которым Сам Бог определил и попустил быть на земле (Деян. 5:38–39).

Отвлечённые вопросы и расхождения во взглядах в тех или иных церковных сообществах интересуют меня мало (или и вовсе не интересуют); то же я могу сказать и о любимых и широко провозглашаемых воззрениях многих сепаратистов⁶, как то: о дате пришествия Антихриста, о тысячелетнем царстве, о покаянии после смерти, о восстановлении всего и т. д. Умереть самому себе и всякому падшему творению, дабы возлюбить Бога во Иисусе Христе, — вот все тайны моей веры. В прочих вещах я глуп и надеюсь в этом смысле стать ещё глупее.

Кратко сказать: я совсем не низвергатель внешнего Вавилона⁷, но ищущий только, как Божией благодатью разрушить Вавилон в своём сердце (и в сердцах ближних) и водрузить вместо него *Божие Царство*, которое есть *не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14:17).

Вот, дорогой друг, я достаточно ясно (как мне думается) изложил вам свои взгляды, и буду рад, если сии изъяснения смогли вас удовлетворить. Если ваши мысли неодинаковы с моими, то не беспокойтесь об этом. Наше знание на земле всегда *частичное, гадательное* (1 Кор. 13:9, 12); когда мы окажемся дома, на небесах (2 Кор. 5:1), то оттуда увидим всё как есть. В случае вашего несогласия со мной прошу вас не писать мне о том, ибо я не имею ни времени, ни желания разорять себя

⁶ Точнее сказать — всех пиетистов вообще (особенно радикальных); эти вопросы были их излюбленными темами.

⁷ См. примеч. 3.

диспутами. Давайте лучше будем вместе, *забывая заднее, простираться вперёд, стремясь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе* (Флп. 3:14). — Ещё одно, возлюбленный о Господе друг, скажу вам в заключение; примите сие слово истины и искренней любви — а именно: что ваша ревность против Вавилона или против так называемых сектантов происходит не от духа Христова, но, по большей части, из вашего собственного, естественного огня, возжжённого ревностью о бедственном состоянии Церкви. Этот огонь сжигает *вас* — но отнюдь не затрагивает устоев *Вавилона*. Вы, как и я, нуждаетесь не в этом огне, но в непрестанной горячей алчбе и жажде благодати и любви Христовой, дабы приобщение сей кроткой любви умягчило жёсткие стремления падшего естества, и вы смогли бы взирать на ваших бедных ближних добрым оком, *нести их бремена* (Гал. 6:2) и любить их. В противном случае, дорогой друг, вы очень пожалеете в конце своих дней, что употребили свои благородные силы, ревность и время на бесполезные вещи. Бог да даст вам и мне в этом и во всём прочем премудрость и благодать. Стремясь пребывать в Нём, остаюсь сердечно преданным вам другом.

Мюльхайм, 9 марта 1735 г.

(1, II, 76)

Письмо 111-е

О ВНЕШНЕМ БОГОСЛУЖЕНИИ.

**Возлюбленный о Христе друг и брат!
Господь Иисус да изречёт твоей душе мир!**

Не могу оставить без ответа твоё последнее письмо от 16 ноября, ибо мне совсем не безразличны преуспевание и

покой твоей души. Но поскольку никто не может властвовать над совестью другого человека, то не ожидай от меня ничего иного, как только скромных размышлений о предметах, смущающих тебя. Сии размышления ни в какой мере не обязывают тебя принимать их или следовать им, разве только твоя душа получит извещение от Господа согласиться с ними.

Я ни в коем случае не хочу ни отвергать, ни, тем более, уничтожать внешнее богослужение. Наоборот, я полагаю, что в нём заключено немало доброго. Внешнее, употребляемое умеренно и подобающим образом, угодно Богу и приносит нам значительную пользу. Но сию пользу внешнее содержит не само по себе, а сообразно своему отношению к внутреннему — либо как средство, ведущее к оному, либо как его выражение и плод. На сей земле дух совершает всякое добро через тело. Именно в этом, и ни в каком другом, понимании Господь Иисус заповедал нам некоторые внешние вещи — но так, что они вовсе не налагаются на нас как непреломный закон, от соблюдения или несоблюдения которого зависит мир нашей совести. Весьма предосудительно, когда один христианин беспокоит или печаливает другого из-за чего-либо чисто внешнего; тем более не следует поступать так в отношении себя самого. Наше оправдание и примирение с Богом есть только и исключительно Сам Иисус Христос. Когда мы предпринимаем или опускаем что-либо внешнее, это должно совершаться в Господе, с верой, что тем самым исполняется Его благая воля, — но и с детской свободой, так, чтобы ни на совершаемое не полагаться, ни касательно оставляемого не тревожиться; *ибо Царствие Божие не есть пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе. Кто сим служит Христу, тот угоден Богу*

(Рим. 14:17–18). Придерживаясь сего, мы можем быть совершенно спокойны в своей совести.

Высказав сии основоположения, я должен обратить твоё внимание на то, что заповеданные нам в Писании повеления и запреты надлежит рассматривать и исполнять вовсе не одинаковым образом. Запреты совершенно определённые и не допускают никаких исключений. Повеления же, насколько они касаются внешних действий, не вполне таковы, поскольку к ним нужно всегда прилагать следующее дополнение: *если для этого есть соответствующие возможности*. Например: красть, мстить, клеветать и т. д. запрещено безусловно; мы не должны делать сего никогда и ни при каких обстоятельствах. Поститься же, подавать милостыню, принимать странников и многое тому подобное — это повеления, которые человек по своим условиям может исполнить далеко не всегда; в таких случаях их неисполнение несколько не вменится ему как преступление заповеди. Так же нужно судить и о внешнецерковных предписаниях; их несоблюдение — в том случае, когда мы не имеем средств или возможностей совершить оные по Божией воле и в Божием смысле, — должно столь же мало (если ещё не меньше) отягощать нашу совесть, как и вышеуказанное неисполнение различных добродетелей.

Если б я не был крещён, то я бы крестился — из послушания и благоговения к установлению Господа Иисуса Христа (Мф. 28:19; Деян. 10:48 и мн. др.), но не из-за того, будто крещение само по себе¹ оправдывает меня или примиряет с Богом. Напротив, я, может быть, и не крестился

¹ Протестантское понимание Таинств исходит из того, что они вторичны по отношению к вере (Мк. 16:16). Таинства запечатлевают (Крещение) или подкрепляют (Причащение) веру, но сами по себе, без веры, значения не имеют. См. примеч. 1 к письму 112.

бы там, где меня заставляли бы принять, что моё спасение зависит исключительно от исполнения некоей внешней заповеди; ибо я верую, что если бы в моей жизни не нашлось возможности креститься как должно, то это не явилось бы препятствием для единения с Господом Иисусом и непостыдной кончины в Нём². При свободном же исповедании того, что я сказал, я готов был бы с радостью креститься даже и самым внешне торжественным образом, дабы засвидетельствовать, что я принадлежу моему Господу.

Точно так же я рассуждаю о Таинстве Алтаря и о собрании верных. Я готов с христианской свободой приступать к причастию и посещать богослужебные собрания, если найду добрую возможность для сего. Но поскольку в отличие от Крещения (совершаемого только один раз и персонально) Таинство Алтаря постоянно повторяется и всегда связывает нас с другими людьми, то здесь уже возникают большие затруднения. В настоящее время у нас всё устроено так, что невозможно быть в собрании и приобщиться Таинству без того, чтобы не войти в единение не только с благочестивыми христианами (коих всегда и везде мало), но и с подавляющим большинством христиан-по-имени, живущих *по стихиям мира сего, а не по Христу* (Кол. 2:8). А это может воспрепятствовать нам *в стремлении* к нашей *цели*³ (Флп. 3:14) и даёт основание думать, не лучше ли было бы нам вовсе оставить посещение таких богослужений, нежели пользоваться ими не по Богу. Я уже не говорю о том зле, какое отсюда происте-

² В истории Церкви первых трёх веков мы видим немало мучеников, не принявших Крещения и тем не менее причисленных к лику святых за свою мученическую кончину.

³ Об особенностях понимания причащения в Реформатской Церкви см. примеч. 5 к письму 110.

кает, а именно — что ревнители благочестия берутся искать для себя разные «особо чистые» сообщества и присоединяются к ним (при том что все таковые нисколько не избегают всевозможного смешения правды и лжи), вследствие чего, хотя бы и не понимая и не желая этого, впадают в *двоящиеся мысли* (Иак. 1:8) и перестают любить своих братьев и сестёр, не принадлежащих к их сообществу, — чему мы видим многочисленные печальные примеры в лице даже и тех, кто *начинал духом* (Гал. 3:3). Посему христианам, пребывающим в тех или иных церквах, следует оставаться в них (1 Кор. 7:24), и в своих условиях искать питания души и мира совести. Бог не связан никаким местом или сообществом и Своих имеет всюду (Рим. 11:4).

Что же касается собственно причащения, то оно учреждено Господом Иисусом в простоте, для святого укрепления и обновления любви к Нему и друг ко другу. Цель сего Таинства — что Он приобщает Себя нам, а мы приобщаемся друг другу, во всех отношениях; не случайно у первых христиан *всё было общее* (Деян. 2:44; 4:32). Они вместе вкушали пищу по домам, преломляя после трапезы хлеб в любви (Деян. 2:46), без какого бы то ни было устава и торжественных церемоний. Я не знаю, есть ли на земле какая-либо церковь, сохраняющая такую первоначальную простоту и свободу. Вечеря Господня давно уже стала заповеданием, долгом, предметом разделений, в то время как она должна быть единственно Трапезой Любви. Я вовсе не порицаю все изменения, которые со временем привзошли сюда от людей; времена и люди меняются, меняются и церковные обычаи, и Бог соизволяет на сие — если только всё внешнее способствует любви и благочестию и употребляется в добром и правом расположении сердца. Господь Иисус установлением сего Таинства хотел не отяготить, но

подкрепить нас, не обременяя мир нашей совести и духовную свободу игом нового закона. А иначе нужно было вменить всем в закон омовение ног (чего не наблюдается ни в одной христианской церкви), поскольку Христос предписал его даже с большей определённой, чем само Таинство Вечери (Ин. 13:14).

Господь ничего не говорил, как часто должно происходить собрание христиан и какова должна быть их численность; также ни о каких чинах и церемониях Он не сказал ни слова. Я размышляю: что может препятствовать домашнему богослужению верных? *Двое или трое* — вот уже *собрание*, быть в центре которого Христос обещал Сам (Мф. 18:20). Муж и жена, единые в том, чтобы следовать Господу, любящие Его, любящие друг друга пред Ним — не есть ли их дом настоящая церковь? Супруги вместе с единомысленными друзьями, так же сердечно стремящимися к Господу, — не составляют ли они истинное собрание верных, пусть даже во время этого собрания не много произносится молитв и поучений? Уверяю тебя, что я с несравненно большим желанием посетил бы такое богослужение, чем какое-нибудь многотысячное церковное празднество. И если *двое или трое, собранные во имя Его* (Мф. 18:20), с чистым расположением и добрым намерением, *назидая один другого* в любви Господней (1 Фес. 5:11) и желая приобщиться Иисусу и быть друг для друга *одним сердцем и одной душой* (Деян. 4:32), вкусят совместную трапезу⁴ — не будет ли это также вечерей Христовой, угодной Богу

⁴ Автор говорит здесь не о «преломлении хлеба» («Brotbrechen», как в Деян. 2; 20, где речь идёт о Евхаристии), то есть не о совершении Таинства в домашних условиях (Терстеген сам никогда так не делал и никому другому не рекомендовал, считая это признаком сектантства), — но об «агапе», совместной трапезе любви («Zusammenessen»).

отнюдь не меньше, чем самая торжественная месса в прекраснейшей церкви (при том что я совсем не отвергаю достоинство последней)? — Совершай же, друг мой, сие богослужение сколь можно часто, и я в духе буду с радостью присутствовать на нём!

Обще же говоря, никогда нельзя забывать, что *человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа* (Гал. 2:16; Флп. 3:9). Мы хорошо делаем, употребляя внешние средства как *средства* и сообразно со своими обстоятельствами отдавая должное внешнему богослужению; но хорошо это лишь тогда, когда мы понимаем, что таковое богослужение *не может сделать совершенным в совести* участвующего в нём (Евр. 9:9). Да, даже всецелое послушание совести (всячески, впрочем, необходимое) не приведёт нас к нерушимому её спокойствию и к миру с Богом. Если душа и со всею искренностью и ревностью совершит всё, что может, конец сего будет такой, о котором пишет Апостол Павел в Послании к Римлянам: *Бедный я человек! кто избавит меня?* (Рим. 7:24). Избавление от всех мук совести происходит, лишь когда душа, познав своё бессилие и погрузившись в смирение и нищету духа, изойдёт из самой себя и внутреннейшей верой войдёт в Господа Иисуса Христа; тогда Он станет для неё *концом закона* (Рим. 10:4). Ибо *нет никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу* (Рим. 8:1). И это есть подлинное основание и подлинное начало истинной внутренней христианской жизни.

И душе, призванной к такой *жизни по духу* (Рим. 8:1) и видящей в себе начатки сей внутренней жизни, надлежит со всей верностью посвятить всю себя исключительно этому одному и следовать внутреннему Божию призыву,

не возвращаясь под иго закона; ибо теперь она состоит под благодатью и под *законом духа жизни во Христе Иисусе* (Рим. 8:2). Также она не должна возвращаться под руководство тревожной и сомневающейся совести, надеющейся утишить себя каким-либо внешним или самостным действием, поскольку всю свою праведность, покой и мир душа отныне чаёт и воспринимает от внутреннейшей веры во Иисуса и пребывания в Нём. Прошу тебя, обрати на это внимание! Когда душа, живущая внутренней жизнью, оказывается во тьме, тесноте, оскудении или скорбях или впадает в рассеяние и разорение, отчего во всём чувствует себя не на своём месте, и всё идёт не так, как для неё обычно, и от этого она приходит в смущение и смятение, — тогда она начинает усиленно изыскивать, в чём могут быть причины сего; но все такие изыскания не дают ей ничего. Здесь нужно не искать и не метаться, но, обще исповедав свою неверность, смириться и, *потеряв себя*, вновь прилепиться ко Христу (Мф. 16:25). Если же душа этого не сделает и продолжит погрязать в самой себе, то она опять поступит под беспокойный надзор своей совести и будет хвататься за всевозможные действия, думая помочь себе то тем, то другим само-подвигом, участием то в одном, то в другом внешнем церковном чине; но всё напрасно. Найти прочный и неколебимый покой и мир душа может, как я уже сказал, лишь снова погрузившись во Иисуса, Который один *исполнит* весь закон в ней (Рим. 10:4), если только душа с терпением и смиренным чаянием сего будет нести пред Ним свои скорби. Тогда, благодаря такому кроткому ожиданию обетований Божиих, тихому погружению в Господа и мирному претерпеванию скорбей, она постепенно вновь возвратится на своё место и обретёт *мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа* (Рим. 5:1). Не разумея сего,

многие благочестивые души совершают много ошибок, запутываются в них и тем причиняют себе бессмысленные страдания. — Итак, да будет нашей главной заботой пребывать истинной верой во Иисусе и укореняться в Нём, дабы Он стал *нашей жизнью* и *нашим миром* (Кол. 3:4; Еф. 2:14); тогда мы, *живя духом*, принесём и подлинные *плоды духа*, перечисленные в Послании к Галатам. *На таковых нет закона* (Гал. 5:22–25).

Я думал написать тебе в ответ несколько строк, а получилось такое большое послание — большое, но всё же достаточно путаное из-за большой моей головы. Возьми в любви то, что тебе подходит; мне будет отрадно, если ты почерпнёшь из него нечто поучительное или полезное для себя. Приветствую тебя и твою любезную супругу в Господе; Он да благословит вас. Остаюсь, по благодати,

любящим тебя братом и другом.

Мюльхайм, 18 декабря 1736 г.

(Holl., 97)

Письмо 112-е

Некоторой знатной даме, укоряющей автора,
что он пребывает не в Католической Церкви.

Путь Кафолической любви.

Высокочтимая госпожа и сестра!

Мне неловко, что вы положили столько труда, дабы написать мне такое обширное послание; я принимаю оное со всею простотою, как новое подтверждение вашей благосклонности и любви ко мне, каковая любовь и побудила вас предостерегать меня от того, что представляется вам вред-

ным для души, и горячо рекомендовать то, что вы считаете добрым и спасительным.

Я был бы неблагодарнейшим человеком на свете, если б допустил хоть малейшую мысль о том, что в своём письме вы исходили не из самых возвышенных и чистых побуждений. Уверяю вас, досточтимая сестра, что главное и исключительное содержание моей жизни — это Бог и Его истина. Я грешный человек, это правда; но я *не люблю* грех и всячески желаю, чтобы Господь Своєю благодатью освободил меня от него. Я могу ошибаться и заблуждаться, и это правда; но я *не люблю* никакой лжи и, как только убеждаюсь в своих ошибках и заблуждениях, тотчас же оставляю их и приникаю к истине. Да, многие внешние вопросы веры и благочестия мы с вами понимаем по-разному; но мне представляется, что здесь христианам подобает терпеть друг друга и не требовать один от другого принудительного единства против убеждений сердца, ибо тогда это будет не вера, а лицемерие. Я вспоминаю, как писал Августин: что если кто не придерживается какого-то неправого мнения упорно и с ожесточением (тем паче если таковое мнение он воспринял не самостоятельно, но по обычаю), а вместе с тем ищет истину, будучи готовым, нашедши её, исправить свой образ мыслей и жизни, — то такого человека никоим образом нельзя причислять к еретикам.

Итак, дорогая сестра, если я и пребываю в заблуждении (что может быть со всяким человеком), то ненамеренно, и готов немедленно отвергнуть оное, как только усмотрю свою ошибку; по этой причине кем-кем, а еретиком я никак считаться не могу. Вы знаете, какой церкви я принадлежу от рождения, и я знаю, в какой церкви вы служите Богу; и, невзирая на сие различие, я — без всякой

лести! — высоко ценю любовь Божию в вас и в вашем образцовом духовном пути, весьма назидующем меня. И сие благоговейное почитание благодати Божией, живущей в вашем сердце, останется неизменным, даже если вы и перестанете удостаивать меня (надеюсь, что этого не случится) своим общением.

Мне кажется, что наша любовь должна быть подлинно кафолической, то есть всеобщей; ибо такова любовь Божия. Я люблю и глубоко чту Божию благодать, какую я нахожу у многих святых Римо-Католической Церкви, равно как и у ныне живущих благочестивых её членов. Но когда я вижу, что Человеколюбец Бог имеет Своих чад, святых, и даже великих святых, и в других церковных сообществах, то я тяжко бы согрешил, если б не любил и не почитал также и их. Если бы вы обращались со столь многими душами, как, по Божией милости, это выпало на долю мне, то вы нисколько бы не усомнились распространить свою любовь несравненно дальше и шире, чем она есть у вас сейчас. Вы скажете: «Можно обольститься и принять за Божиих чад тех, кто ими на самом деле не является». Это верно; но я думаю, что лучше ошибиться, оценивая людей добрее, чем осудить тех, кого Господь оправдал и удостоил Своей благодати. Кратко сказать: я от всей души приемлю то благо, которое вижу в Римо-Католической Церкви. Неужели для вас невозможно и неужели было бы неуютно нашему любвеобильному Господу Иисусу, если б и вы были расположены так же в отношении благодати, каковую Бог по Своей милости одарил сердца и других христиан?

Что касается богословских споров, то это не моё дело и не моё призвание. В то, что мы должны *есть Плоть и пить Кровь Сына Человеческого*, я, как и вы, верую несомненно

(Ин. 6:53); но что таковое вкушение и питье совершается только и исключительно участием в церковном Таинстве, я нигде не нашёл¹. В ваших же житиях святых повествуется о св. Марии Египетской, проведшей в пустыне сорок семь лет, не видевшей за это время ни одного человека и не причащавшейся вовсе, разве только один раз в конце жизни; и подобных примеров немало. — О послушании опытному душепопечителю я знаю по себе очень хорошо; но только и это должно иметь свои пределы, как о том говорит св. Тереза в своей книге «Внутренний замок» (в «Шестой обители», глава 9-я²), где она описывает случаи, когда не нужно следовать советам духовника. И что «слепое послушание»

¹ Здесь Терстеген опирается на протестантскую традицию понимания Ин. 6:32–35, 48–58, согласно которой вкушение Тела и Крови Христовых (то есть полнота приобщения Господу) происходит не только и не столько в Таинстве Алтаря, но прежде всего в континууме внутренней жизни христианина. Рассуждая о 35-м стихе 6-й главы Евангелия от Иоанна (*Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда*), Кальвин пишет: «Мы напитываемся Им тогда, когда принимаем Его верой... Он лишь тогда становится нашим хлебом, когда мы, алчущие, приступаем к Нему, дабы Он насытил нас». И далее, толкование 53-го стиха (*Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни*): «Речь здесь идёт не о Вечери Господней, но о постоянном причащении, которое мы имеем и помимо Вечери... Превратно искажают это место, относя его к Вечери Господней. Ведь если было бы верным, что всякий приступающий к святой Господней трапезе [истинно] причащается Его плоти и крови, то все одинаково [и без исключения] [освящались бы и] имели бы жизнь. Но мы знаем, что многие из них [остаются неосвящёнными и] погибают. К тому же было бы неуместным и неосмотрительным говорить тогда о Вечери, которая ещё не была учреждена. Посему Христос, несомненно, говорил о постоянном вкушении Себя через веру. — Одновременно я соглашусь с тем, что всё здесь сказанное представлено на Вечери и воистину даруется верующим. Христос даже изволил, чтобы Святая Вечеря была как бы печатью этих слов». См.: *Кальвин, Жан*. Толкование на Евангелие от Иоанна. Минск, 2007. С. 210; 223–224.

² См.: *Тереза Авильская*. Внутренний замок. Брюссель, 1992. С. 82–83.

может быть весьма опасным для души, если та вверится не истинному наставнику, можно увидеть повсюду, как сейчас весь христианский мир с изумлением взирает на отношения патера Г. и его духовной дочери К³. — На то, что вы пишете об авторитете Папы, о Церкви, о Таинствах, о многочисленных отпавших от Церкви сообществах, о подчинении духовному отцу и проч., протестанты уже достаточно отвечали, и вам, конечно, известны их аргументы. Но только меня всё это мало заботит. Служить Богу, отвергаться мира, почитать чад Божиих, любить Иисуса и следовать за Ним — вот моё дело. Вникать в имеющиеся между нашими церквями спорные вопросы, разбирать ошибки и т. д. я решительно не собираюсь. Католическая Церковь во Франции заявляет: собор выше Папы⁴. Другие части той же Церкви утверждают противоположное. Некоторые епископы принимают буллу *Unigenitus*⁵, некоторые нет. Францисканцы спорят с доминиканцами, доминиканцы с иезуитами... но ведь вы, возлюбленная о Господе сестра, не участвуете во всём этом. Вы предоставляете духовенству уравнивать свои горки, а сами между тем спокойно прилежите любви к Богу и служению Ему. Вот и я стремлюсь держаться того же.

³ Событие не установлено. Характерно, как искусно, полемизируя с католичкой, Терстеген представляет ей аргументы исключительно «католического происхождения».

⁴ Речь идёт о церковной политике Людовика XIV, стремившегося, насколько это было возможно, подчинить Католическую Церковь во Франции абсолютистскому правлению короля.

⁵ *Unigenitus* (лат. «Единородный Сын») — начальные слова буллы Папы Римского Климента XI (1713). Булла была направлена против янсенизма (движение нравственно-мистического характера внутри французского католицизма) и, как и всё, что было связано с этим явлением, вызвала политические споры и нестроения в светском и церковном французском обществе.

Посему не будем устраивать диспуты; я к тому неспособен. Посмотрим лучше, как Иисус обращается с грешниками. Во времена земной жизни Спасителя иудеи составляли истинную Церковь Божию (хотя они уже давно были не теми, кем бы должны быть), а самаряне были еретиками. Но когда наш милосердный Господь вступил в беседу с грешницей-самарянкой при источнике Иаковлеве (Ин. 4), Он не сказал ей: «Ты должна стать иудейкою и идти поклоняться Богу в Иерусалимский храм, иначе ты не спасёшься». Нет, Он говорит с ней о её грехах, о живой воде благодати и Своей сладчайшей любви и о том, что ни в Самарии, ни в Иерусалиме, но в духе и истине надлежит ей поклоняться Отцу. — Если вы рассматриваете меня как самарянина, то мы можем поступить согласно сему евангельскому примеру и также говорить об истинах сокровенной внутренней жизни; и я надеюсь, что здесь у нас не возникнет никаких разногласий — за исключением, конечно, того, что опытно я далеко позади вас.

Итак, не переставайте молиться за меня, дабы я ещё больше и ещё сердечнее возлюбил Господа Иисуса и все свои силы, желания и возможности посвятил служению Ему; я же пребуду в смиренном, но твёрдом уповании, что там, в блаженной вечности, когда мы встретимся друг с другом, всё, что препятствовало полноте нашей любви здесь, отпадёт, и мы *единодушно, едиными устами восславим Бога* (Рим. 15:6). Аминь! Остаюсь, во благодати Христовой,

высокопочтимой госпожи и сестры
покорнейшим слугою.

[*Мюльхайм, не позднее начала 1730-х гг.*]
(2, IV, 136)

Письмо 113-е

НАСТАВЛЕНИЯ НЕКОЕЙ ДАМЕ

КАСАТЕЛЬНО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТОЙ ИЛИ ИНОЙ ЦЕРКВИ.

(Сие письмо написано автором по-французски,
здесь же переведено на немецкий.)

Madame!

Ваше письмо от 7 мая своевременно получил. Мы с вами незнакомы, и о вашем внутреннем и внешнем состоянии и положении мне ни от вас, ни от других ничего не известно; также и о своих горестях вы пишете мне в самых общих выражениях. Посему и я отвечаю вам обще.

Вы говорите, что оставили папство; что же, так тому и быть. Но и протестанты не приняли вас; что же, не печальтесь — Бог вовсе не отверг вас по этой причине. Чада Божии есть во всех церковных сообществах, равно как и вне таковых¹. В каждом сообществе всякий встретит как то, что способствует его духовному возрастанию, так и то, что препятствует оному. И перемена церковного сообщества или внешнего исповедания не есть, собственно, тот путь, на коем вы, Madame, обретёте покой и исцеление души. Если пса поставить в овчарню, он не престанет быть псом; и овца останется овцой, даже если она, к своему несчастью, окажется на псарне.

Только внутренняя перемена сердца соделывает чадо дьявола и мира сего чадом Божиим. *Во Христе Иисусе*, — говорит Апостол, — *ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь* (Гал. 6:15). Ничто сотворённое, внешнее и проходящее не может ни освятить и спасти нас, ни утолить

¹ Под «находящимися вне церковных сообществ» имеются в виду церковные сепаратисты и, отчасти, «мирные земли», см. примеч. 1 и 4 к письму 110.

алчбу и жажду нашего внутреннего человека. Бог, только Бог спасает и насыщает нас. Он один может и хочет сотворить сие. *Бог есть дух* (Ин. 4:24), и, как дух, Он внутреннейше близок нашему духу. *Бог есть любовь* (1 Ин. 4:16), и, как любовь, Он нежно любит нас во Иисусе Христе. Он влечёт человека к Себе, отрешая его от прилепления к творению и к самому себе; или, если говорить по Писанию, Он *привлекает нас* (Ин. 6:44) к Своей божественной и спасающей любви чрез наше *отвержение себя* и всего тварного (Мф. 16:24–26).

Вот, Madame, та стезя, на которую вы должны вступить. Всё, что ведёт нас к сему существу христианства, есть от Бога; и когда мы вверяем себя Его привлечению и руководству, то Он одушевляет нас жизнью, устройением и добродетелями Иисуса Христа, нашего Спасителя (Флп. 2:5), Который даёт нам обетованного и освящающего нас Духа (1 Ин. 4:13). С нашей же стороны нам надлежит, в сознании своей немощи и падшести, прилежать главным образом двум вещам. Первой — *неотступно* и от сердца *молиться* (Лк. 18:1), чтобы Господь простил нам грехи, освободил от них и приобщил нас Своему Духу и Своей благодати. Второй — быть верными и внимательными, чтобы давать в себе место сему Духу и сей благодати и неизменно следовать их вразумлениям и действиям.

Если вы, Madame, с постоянством пребудете в этом dvojком делании — молитвы и верности в самоотвержении, то я могу вас уверить, что Бог благословит ваши труды (1 Кор. 15:58), укрепит вашего внутреннего человека и в своё время несомненно приведёт вас к внутреннему единению с Собой и здесь, и в вечности. Вот что существенно в христианстве! Всё остальное² глубоко второстепенно; и христианин сво-

² В церковной жизни.

боден оставлять то, что ему препятствует и вредит, и, наоборот, пользоваться тем, что ему помогает.

Таковы мои мысли на сей счёт. Недостаток сведений о вас и от вас, а также состояние моего здоровья не позволяют мне рассуждать более пространно; к тому же я и плохо владею французским языком. Всё сие, впрочем, отнюдь не помешает мне молиться за вас Богу, в Коем, Madame, остаюсь покорнейшим вашим слугой.

Мюльхайм, 22 мая 1764 г.
(2, IV, 72)

Письмо 114-е

О ХРАНИЕНИИ СОВЕСТИ

В ОТНОШЕНИИ ВНЕШНЕЙ ЦЕРКОВНОСТИ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ НЕ ТРАТИТЬ ДУХОВНЫЕ СИЛЫ
НА ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ВЕЩИ.

ЧТО́ ЕСТЬ НАШЕ ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ И НАШЕ ДЕЛО.

Сердечно возлюбленный о Господе брат!

Сегодня получил ваше любезное письмо. В прошлый раз я писал вам по-братски бесхитростно и просто и посоветовал то, о чём тогда мне ясно говорило (да и сейчас говорит) сердце¹. Но разумеется, это был не более чем совет.

¹ Письмо адресовано некоему жителю Зигена (ныне — центр округа Ансберг в земле Северный Рейн — Вестфалия). От него и ещё пятерых братьев зигенская реформатская консистория потребовала подписать некий церковный документ второстепенного содержания. «Исповедники» отказались это сделать, за что были подвергнуты наказанию — денежному штрафу. В предыдущем письме Терстеген, судя по всему, советовал не придавать большого значения этой бумаге и ради общего мира подписать её. См. примечания к данному письму в издании: *Tersteegen, Gerhard. Briefe. Band 2. Göttingen, 2008. S. 517–518.*

Поскольку вы полагаете, что требование ваших церковных властей — чтобы вы подписали лист бумаги, именуемый вами «исповеданием веры», — идёт против совести, то, конечно, нужно слушать совесть, ибо *сомневающийся осуждается, потому что не по вере; а всё, что не по вере, грех* (Рим. 14:23), пусть даже само по себе это вовсе и не было бы грехом. Вы пишете, что уже и пострадали за сие; что же, удивляться не приходится. Мой взгляд совсем иной, о чём вам хорошо известно, — я считаю все эти вещи второстепенными и безразличными. Но таковое разномыслие не должно препятствовать нашей любви (1 Кор. 11:9), и каждый да держится своего правила (Флп. 3:15–16). Вспоминаю, как наше начальство некогда повелело мне, чтобы я выдал ему свои напечатанные книги. Я попросил уточнить, какие именно², и был готов отдать оные. Ответа не последовало, и дальше дело не пошло; впрочем, если б от меня потребовали и все мои книги, я спокойно расстался бы с ними, а себе купил бы новые. Но если бы меня понудили отвергнуть то, что написано в них, я бы решительно сказал «нет». — Как бы то ни было, дорогой друг, всё уже в прошлом; а на будущее прошу вас не тревожиться разницей в наших воззрениях на сей счёт.

Злоречие в ваш адрес пастора, столь противящегося вам, увы, не удивительно. Отвечайте ему молчанием. Со *слепыми вожжами слепых* Евангелие заповедует нам не вступать в спор, но *оставить их* (Мф. 15:14) и не заботиться о том. Только бы Господь дал нам благодать истинно и действительно следовать нашему евангельскому призванию! Тогда *те, кто злословит нас, ещё и будут приобретаемы для Бога, увидя*

² Терстеген издавал тройкого рода книги: собственные сочинения, переводы других авторов и духовно-поэтические сборники.

наши добрые дела (1 Пет. 2:12; 3:1), а не только слыша наши добрые слова.

Остережёмся же тратить благодатные силы на несущественные и внешние вещи, на споры о мнениях (Рим. 14:1) и на поиски самых лучших и правильных церковных обществ! Конец всего такого — посрамление, разорение и лишение духовных сил. Бог о спасительном имени Иисуса внутреннейше близок нам; и мы должны приближаться к Нему, отстраняя сердце, радость и любовь от всего прочего и обращая их к *Богу-Любви* (1 Ин. 4:16), всецеловеряясь Ему и следуя Его руководству, выводящему нас из столь укоренённой в нас самостной жизни и себялюбия к тому, чтобы мы чаяли только Его божественной жизни и любви и давали в себе место Его действиям. Одним словом: молитва, самоотвержение, жительство в соприутствии Божиим — вот наше исповедание веры, не умозрительно, но поистине приводящее нас к цели! Всё, что способствует сему, мы употребляем; всё, что препятствует, — оставляем и не шумим о том, но тихо идём своим путём. Мир занят своими делами — и пусть; а мы будем совершать наше дело, которое требует от нас всего себя, так что не остаётся ни времени, ни желания заниматься чем-то сторонним.

Вот, в спешке написал, что написал, дабы засвидетельствовать вам свою любовь. Сердечно приветствуя вас и всех сопутников в Небесный Сион, остаюсь, по благодати,

вашим немощным собратом.

Мюльхайм, 12 августа 1766 г.

(2, IV, 91)

Письмо 115-е

ОБОДРЕНИЕ И УВЕЩЕВАНИЕ

НЕКОМУ НОВОНАЧАЛЬНОМУ ХРИСТИАНИНУ.

О ДУХОВНЫХ ДРУЗЬЯХ;

О ПОСЕЩЕНИИ ЦЕРКВИ И УЧАСТИИ В БОГОСЛУЖЕНИИ.

**Во благодати Божией
многовозлюбленный и досточтимый друг!**

Ваше письмо от 28 января доставило мне много радости. Поскольку я по Божией благодати и по своему опыту знаю как несчастное состояние отпавшего от Бога человека, так и блаженство обратившегося к Нему, то мне всегда утешительно видеть, что блудный сын *приходит в себя и встаёт, дабы идти к Отцу своему* (Лк. 15:17–18). Я сам был таким *пастухом свиней* (Лк. 15:15); и когда после многообразных наказаний и вразумлений я обратился к Богу с желанием стать совсем другим — то я *немного, очень немного* (Евр. 10:37) молил и ожидал Его благости, и был принят бесконечно милостивее, чем можно было надеяться и даже себе представить. Поэтому я знаю сердце Отца и могу с уверенностью подбодрить таких же, как я, кающихся и восстающих грешников, убеждая их, что их обращение будет *не тщетно пред Господом* (1 Кор. 15:58). Это побуждает меня, возлюбленный о Христе друг, ответить на ваше письмо — хотя я предпочитал бы молчать и вообще пребывать в неизвестности. Откровений о великих и высоких тайнах вы у меня не найдёте; мой путь прост, держится Евангелия, а всё моё богословие выражается краткими словами: *Бог во Христе примирил с Собою мир* (2 Кор. 5:19).

Сей во Христе милующий и примиряющий нас с Собою *Бог-Любовь* (1 Ин. 4:16) неизреченно близок нам. Он

стучит в двери нашего сердца (Откр. 3:20) и просит, чтобы мы, отвратившись от греха, в свою очередь, *примирились с Богом* (2 Кор. 5:20). Всякое беспокойство касательно опасности нашего состояния; всякое видение своей падшести, повреждения, тьмы и бессилия; всякая печаль и сокрушение о грехах есть исключительно действия сей внутренне близкой нам любви Божией о Христе Иисусе. Мы должны лишь признать, что мы действительно *несчастливы, и жалки, и нищи, и слепы, и наги* (Откр. 3:17), не оправдывать себя и, не надеясь сами спасти себя, только взалкать и возжаждать благодати, открытой нам во Иисусе Христе (Евр. 10:18–20), со смиренным на Него упованием (Мф. 11:28). Эта алчба и жажда также имеет основой ту же вечную любовь Божию; она порождает в сердце неугасимое глубинное стремление изойти из падшего творения, греха и самости и возвратиться к своему Отцу, Источнику нашей жизни и нашего блага. Порой, и бесчисленное количество раз, сия духовная жажда изнемогает в неверии и, так сказать, низвергается на землю, особенно если она направлена не исключительно на Бога или когда душа ожидает многого от себя самой. Но, пав, алчущее желание веры восстает вновь, побуждаемое любовью Божией, несмотря ни на что, неизменно держаться за Того, Кто столь близок душе и столь верен ей.

В таковой *вере* Господь *не оставляет* ни одну душу *постыдиться* (Рим. 10:11). Когда приходит нужное время, Он отверзает ей Своё отеческое сердце и, нередко в единое мгновение, исцеляет и обновляет её, блаженно приобщая её Своей любви и являя Себя ей (Ин. 14:21). Пусть даже мы и не *вкусим* и не *увидим* ощутимо, *как благ Господь* (Пс. 33:9), — будем только *веровать сему, по Писанию* (1 Кор. 15:2–3) и свидетельству тех, кто познал сие, и всецело пре-

давать себя нашему Спасителю; Он несомненно *благ и праведен* (Пс. 24:8) и един источник всяческой полноты (Ин. 1:16), дабы вседозволять нас во времени и в вечности. Если же Он *обогащает нас всякою благодатью* (2 Кор. 9:8), то Ему угодно, чтобы мы, со своей стороны, отлеплялись от всякого иного богатства и из сердечной любви к столь близкому нам Другу наших душ (Песн. 7:11), по Своей благодати *спасшему нас и призвавшему званием святым* (2 Тим. 1:9), решились отложить все свои пристрастия, дабы Он один был нашим сокровищем. Всё отдать, чтобы обрести всё, — вот наше дело. Однако это вовсе не торговля, но двусторонний и свободный дар любви.

Не печальтесь, дорогой друг, что у вас почти нет единоклубных друзей, кои могли бы помочь вам духовным советом и руководством. Что и когда необходимо, даст вам промысл Божий. Излишнее руководство часто бывает причиной преткновений. Вокруг нас много прекрасных, благочестивых, достойных всяческой любви людей; но друзья, помогающие нам идти к Богу, чрезвычайно редки. Господь сведёт нас с таковыми, если это будет Ему угодно. Он Сам ближе к нам, чем самый лучший друг. Он видит и знает нас до самых глубин и научает нас неизмеримо искуснее, чем любое Его чадо; и чему Он научает, то Сам и осуществляет в нас. Навыкните соприсутствию Сего *Учителя и Господа* (Ин. 13:13), и Он будет незаблудно вести вас по пути истины!

То, что вы отказались от всего явно-греховного, хорошо и необходимо. Но при этом (как вы пишете) вы чувствуете, что душа отнюдь не освободилась от греха. — Это дело Божие; Его вечная любовь во Христе должна излиться в вас и сама совершить решительное обновление и очищение вашего сердца. Ожидайте сего со смиренным упованием и учитесь *надеяться на Господа* (Пс. 26:14). Не ищите исцеле-

ния от греховности в чём-либо внешнем. Внутри, в сердце, вы обретёте то, что только и может успокоить, утешить и во веки удовлетворять вас.

Меня не удивляет, что тот же самый свет, который открывает вам вашу собственную немощь, в то же время даёт вам увидеть всеобщую падшесть мира сего и повреждение внешней церкви; так это и бывает. Но здесь необходима осторожность, чтобы не слишком увлечься этим видением и не начать воевать против внешнего Вавилона¹, в то время как внутри мы ещё сами со всех сторон опутаны многообразными узами. Сначала нужно потушить пожар в собственном доме; только тогда мы можем помочь соседу — и то лишь заливая его огонь водой, но не бросаясь в него самолично. В повреждённости внешней церкви сомневаться не приходится; но мне кажется, дорогой друг, что вам пришло время прилежать более важным вещам, нежели «застрывать» на церковных нестроениях. Внутрь, внутрь, только с Богом! Отделяться от церкви и от участия в службах² я вам не советую. В таком сепаратизме³ нет ничего сущностного, и многим он повредил. Впрочем, вы не должны никогда поступать против совести; поэтому если сейчас она препятствует вам посещать богослужения, то будет лучше, если вы временно воздержитесь от сего, пока Господь яснее не возвестит вам Свою волю. Неправоверующего и мудрствующего по плоти проповедника и я не стал бы слушать. Итак, если таковы ваши обстоятельства, то можно некоторое время не ходить в церковь — впрочем, не предписывая себе ничего решительного на будущее и тем более не осуждая других, поступающих иначе, чем вы. *Царствие Божие не есть пища и питие,*

¹ См. примеч. 3 к письму 110.

² См. примеч. 5 к тому же письму.

³ См. примеч. 1 к тому же письму.

или то, чтобы придерживаться каких-либо внешних установлений и правил или, наоборот, оставлять их, — *но праведность и мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14:17).

Здесь прерываю письмо и, препоручая вас от сердца кроткой и мирной любви Иисуса, приветствую вас и остаюсь вашим единоклубным другом и со-странником в мире сем.

*Мюльхайм, 12 марта 1744 г.
(2, III, 48)*

Письмо 116-е

О НЕРАЗБЕРИХЕ И СУЕТЕ У НОВОНАЧАЛЬНЫХ ХРИСТИАН
ВО ВРЕМЕНА ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
И КАК БОГ В СВОЁ ВРЕМЯ ВСЁ РАССТАВЛЯЕТ
ПО СВОИМ МЕСТАМ.

Возлюбленный во благодати Господней брат!

Твоё письмо, доставленное дорогими мне братьями М. и Г. (чрез коих думаю послать и ответ), только что благополучно получил и радуюсь нашему единомыслию.

Конечно, без некоторой оторопи и печали невозможно наблюдать многообразные пути новообращённых христиан, порой исполненные неразберихи, шума и суеты¹. И однако же не всё происходящее нужно без различения ругать и отвергать, поскольку многим новоначальным ведь не хватает поддержки и руководства; а сами они, из-за бед-

¹ Речь идёт о поверхностном и экзальтированном христианстве во многих общинах, массово возникавших во время так называемого Великого духовного пробуждения, охватившего Северную Америку и Европу в конце XVII — первой половине XVIII века. См. примеч. 17 к «Жизнеописанию». Подробно разобрано это явление в трактате автора «Предостережение от духовной поверхностности и беспечности» в кн.: *Терстеген, Герхард. Путь истины*. М., 2018. С. 197 и след.

ственной неспособности их беспокойных и устремленных вовне душ распознавать и воспринимать подлинные внутренние *привлечения от Отца* (Ин. 6:44) и действия благодати, не могут управить себя. Если бы сии новоначальные христиане не ходили всё время по кругу, но должным образом поспешили бы прямо к цели, для чего поставили бы во главу угла подлинное освящение и внутреннее богообщение во Христе и мудро соразмеряли бы с этим всё остальное, — то они не пребывали бы всегда вдали от истины и не тратили бы драгоценные, но в них ещё очень слабые благодатные силы на бесполезные вещи. Всё, что только приводит ищущую Христа душу к умиранию для тварной, чувственной и самостной жизни (Кол. 3:3); всё, что только питает, укрепляет и собирает сердце и вливает в него любовь и благоговение к соприсутствующему нам Источнику любви, — всё сие достойно всякого принятия, как бы малó и «овнешнённо» само по себе оно ни было. Если бы мы учились познавать дерево по его плодам (Мф. 7:16–20), то могли бы с точностью определить, насколько в каждом случае новоначальное «кипение» содействует или препятствует Царству Христову.

Непросвещённое и необученное око никогда не сможет узреть, сколь велика неспособность детей ветхого Адама к подлинному общению со своим Богом и Источником жизни. И как смиренно и долготерпеливо сие вечное Благо снисходит к нам и водит нас на помочах, дабы всякая мешанина в нас всё более прояснялась и мы поистине приближались к Нему и становились способными к общению с Ним! Он закрывает глаза на тысячи наших глупостей и проводит искреннюю душу через них, зная, как всё поставить на своё место в своё время. Мы уразумели сие отчасти по себе самим;

будем же снисходительны к другим. Усмотрим в них доброе основание и намерение и поможем им найти истинный путь.

Отнюдь не без Божьего промысла, побуждения и содействия происходит, что то в одной, то в другой стране, в разные времена и среди разных людей возникает широкое духовное пробуждение, подобное бурному ветру, и многих обращает ко благу. Да, сюда неизбежно примешивается, как среди пробуждённых, так и пробуждающих, очень много человеческого, нечистого, сектантского. Но долготерпеливая Любовь снисходит сему и благословляет даже и ущербный, но предпринятый с благими намерениями труд. Кратко сказать: заброшена сеть и извлечено множество рыб всякого рода (Мф. 13:47–78). По некотором времени постепенно становится тихо и, кажется, духовное возрождение сходит на нет. Многие, поучаствовав в его суматохе без основательного внутреннего изменения, возвращаются на старое; подлинные христиане всё яснее видят недостаточность прежнего рода действий; сеть расторгается, и каждый идёт своим путём. Не есть ли это руководство Премудрости для настоящих христиан? Не хочет ли она привлечь их к более глубокому вхождению вовнутрь и к большему вниманию, дабы её тихий голос был услышан в глубинах внутреннего человека — что при предшествующей неразберихе и сумятице было невозможно?

И таким образом в своё время божественная Премудрость упорядочивает и расставляет всё по своим местам, как в общем, так и в частном. Чтó раньше пробуждало, питало духовную жизнь и способствовало ей, более уже не проявляет своего прежнего действия; и даже желание и возможность прежнего благочестия часто удивительным образом отнимается от людей, поскольку благодатные силы углубляются вовнутрь и уже не воспринимаются чувствен-

но-рассудочной сферой, но требуют себе места в тишине и святине внутреннего человека. И тогда для души наступает время некоего святого «сепаратизма» — когда она обретает жизнь Христову и входит в неё не в каких-то внешних действиях и общем шуме и не своими усилиями, но тем, что она даёт в себе место действовать Господу и в сердечном смирении и отделении себя от всего, что не есть Бог и Божие, ожидает от Его чистой благодати того, что сам человек себе дать никак не может. Ибо поистине ничто не оправдает и не упокоит нас, если Сам Бог не будет беспримесно действовать и приобщать нас Себе в глубине сердца. Там открывается нам, бедным грешникам, вечная и столь близкая к нам любовь Божия в святейшем имени Иисус-Эммануил. В Него да погрузимся и да живём Его всесильной благодатью! Ему слава во веки веков. Аминь.

(1, I, 66)

Письмо 117-е

СХОДСТВО И НЕСХОДСТВО АВТОРА С НИЩИМ ЛАЗАРЕМ.

О БЛАГОДАТИ СТРАДАНИЯ ПО-ДЕТСКИ.

КРУГОВРАЩЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ЦЕРКВИ.

ХРИСТОС ИЩЕТСЯ И ОБРЕТАЕТСЯ НЕ ЗДЕСЬ ИЛИ ТАМ,

НО В СЕРДЦЕ.

**Сердечно возлюбленная в сладчайшем
и всеулаждающем Господе Иисусе сестра!**

От всей души благодарю тебя, что ты посредством любезного своего письма посетила меня в болезни. Что касается моих нарывов и язв, а также связанных с ними болей и лихорадки, то некоторое сходство, как ты пишешь, с нищим Лаза-

рем (Лк. 16:20) — весьма, надо сказать, отдалённое — можно отнести ко мне. Но моя изнеженность, вкусная еда и питьё и чистая постель вкупе с прочими удобствами, также сострадание многих друзей о моём малом страдании всё же не позволяют делать таких сравнений. Впрочем, то правда, что я хочу и уповаю быть на том же пути, что и Лазарь, где нас носят Ангелы (Лк. 16:22) и сама Божия любовь. Благословен Господь! Нарывы мои большей частью прошли, язвы почти тоже. Только по вечерам и ночью приливы крови к голове не дают мне покоя. Восемь дней как нападает на меня через ночь сильная лихорадка, так что я до четырёх или пяти часов утра не могу заснуть; но в последние дни, кажется, стало лучше. Голова и вообще всё моё естество пришли в такую слабость, что я не мог написать и малого письма; уже к прошлой почте хотел немного написать тебе, но не позволила голова.

Что же! и это принадлежит нашему пути; но относиться к сему нужно как к рытвинам или лужам на дороге, остающимся позади нас. Сладчайшая вечность — вот наша цель, и всеуспокоительный Господь Иисус — наш сопутник. О благодать! о любовь! Я вспоминаю, что в своё время я думал *героически* страдать. Теперь же я желаю тебе и себе благодати научиться страдать *по-детски*. Дитя не претерпевает ничего более, кроме того, что чувствует в настоящий момент, не исследуя, что и как чувствует. Ему неизвестно, что значит терпение или нетерпение; дитя плачет, когда ему больно, а через минуту радуется, когда видит спешащую ему на утешение любящую мать. Когда боль проходит, малыш не думает, что она была или вновь может придти; материнская любовь так поглощает всё его внимание, что он не может размышлять о себе и о прочих вещах.

Дорогая сестра! полагаешь ли ты, что Господь без причины дал тебе и мне слабую голову? Нам надлежит стать

простыми *чадами сёрдца*. Сии чада вполне могут обращаться со всеми людьми, если только те не слишком беспокойны; но при этом они блюдут своё богословие и свой род жизни. Отсюда надо исходить, оценивая различные мнения и толки (о коих ты пишешь), когда один зовёт туда, другой сюда¹. То правда, что когда неразумные дети видят и слышат вокруг себя множество таких призывов и криков, у них может закружиться голова; и когда они попадают в такое круговращение народа, то совсем могут потерять из виду мать. Но что нам до того, когда вопиют: *здесь Христос! нет, там Христос!* (Мф. 24:23) — когда Христос Сам в Писании говорит: *не выходите, не верьте?* (Мф. 24:26). Христиане могут искать для себя укрепления, помощи и духовной поддержки один в одном, другой совсем в другом средстве, делании или пути, и ко всем нашим братьям и сёстрам надлежит относиться с беспристрастной любовью; но только из этого не должно выходить никакого сектантства. Не следует никому ничего навязывать, а нужно держаться за великую истину, что Христос ищется и обретается не здесь или там, не в этом или том, но только в сердце (Лк. 17:21), посредством молитвы и алчущего и жаждущего стремления к Нему. Особенно дýши, влекущиеся вовнутрь, к собиранию в сердце, к тишине, безмолвию и сокровенному прилеплению к Богу; дýши, знающие по своему малому, но отрадному опыту, что их Бог и их высшее благо, жизнь и всеобъемлющее блаженство неизреченно близки к ним о имени Иисуса; таковые души, говорю я, никак не должны столь вовлечённо вдаваться туда и сюда, в поиски того или иного; и если они так поступают, то разоряют себя. В новоначалии христианин ищет Бога мно-

¹ Особенность эпохи Терстегена (так называемого Великого духовного пробуждения): разнообразие духовных практик в рамках протестантизма. См. примеч. 1 к письму 116. См. также письмо 121.

горазличными способами; он не может иначе, ему и полагается так поступать. Но кто по природе деятелен или имеет сильную чувственно-душевную сторону, тот должен быть осторожен, чтобы при постоянной активности, рассредоточении вовне и многообразии стремлений не упустить *драгоценную жемчужину* (Мф. 13:46). Кратко сказать: будем всё доброе² ценить, но пользоваться им лишь как средством, дабы верным путём достигать высшего блага. Посему, возлюбленная сестра, очень хорошо, что ты стараешься от всего равно-отстраниться и, не вынося суждений о тех или иных путях отдельных христиан и особо не вникая в сии пути, обращаешь себя только к Иисусу, в возможном отрешении от себя и всего сотворённого ожидая Божия действия и Его внутреннего научения (1 Ин. 2:27). О! в Нём — наше всё! Да умирает только падшее естество; самостное существование да приносится во всеожжение Его любви, и нашей *жизнью, и дыханием, и всем* (Деян. 17:25) да становится исключительно Он, Иисус! Аминь.

Не знаю, почему я всё это написал, — но, собственно, ты и не хотела от меня чего-то определённого в своём письме. Мои мысли тебе уже давно известны; я без раздумья и высказывал их. Приветствую тебя сердечно, вкупе с твоими домашними. Поминай меня, как и я, хоть и в болезни, поминаю тебя. Остаюсь

твоим единокровным немощным собратом.

Мюльхайм, 28 августа 1750 г.

(2, III, 143)

² Внешнюю церковность; пример и наставления других христиан и т. п.

XI

О браке, семье, духовной дружбе

Письмо 118-е

РАССУЖДЕНИЯ АВТОРА О БРАКЕ.

Н. Н.!

Я не могу говорить о брачном состоянии со знанием дела; также не представлю вам и плодов каких-то особых размышлений или откровений. Но поскольку вы желаете услышать моё мнение, то постараюсь кратко изложить то, как видится мне сия материя согласно Священного Писания.

За основу здесь нужно взять изречение Апостола Павла: *вступающий в брак поступает хорошо, а не вступающий в брак поступает лучше* (1 Кор. 7:38). Так выглядит дело, если всё прочее, относящееся до брака, пребывает в равновесии. Но это правило не общее; бывают многие случаи и обстоятельства, как они указаны в 1-м послании к Коринфянам, 7:2–9¹,

¹ *...Во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу... Желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе. Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.*

или в 1-м послании к Тимофею, 5:14², когда, наоборот, лучше вступить в брак, нежели оставаться безбрачным. С точки зрения христианства любое внешнее состояние само по себе не имеет особого значения. Смиренный подвижник Христов в браке угоднее Богу, нежели безбрачный гордец, не *умеющий соблюдать свой сосуд в святости и чести* (1 Фес. 4:4).

После изгнания из рая нам суждено *в поте лица своего* заботиться о себе (Быт. 3:19) при помощи почти животного *уничжижённого тела* (Флп. 3:21). Ожидая, пока мы *облечёмся* в небесную одежду (2 Кор. 5:2–5), мы трудимся, едим, пьём, спим etc. сходным с животными образом; никто из людей не обходится здесь без тех или иных погрешностей. Нынешний способ размножения ещё более проникнут повреждением и немощью, иначе бы не дано было повеление обрезания и мы не были бы *зачаты в беззаконии и рождены во грехе* (Пс. 50:7). Но по-другому уже быть не может. Здоровье лучше болезни, и совершенство лучше погрешностей; однако, не имея сих первых, нам следует *не метаться и беспокоиться* (Лк. 12:29), а прославлять *человеколюбие* и кроткое снисхождение *Спасителя нашего Бога* (Тит. 3:4), Который не только терпит наши немощи и закрывает на них глаза, но и использует их как лекарственные средства, дабы исподволь приводить нас к большему совершенству. Таковое лекарство³ есть дар Божий; кто употребляет его, *поступает хорошо*; кто применяет его не вовремя или слишком много, тому оно вредит; но *поступает лучше* (1 Кор. 7:38) тот, кто не нуждается в нём.

² Я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом и не подавали противнику никакого повода к злоречию.

³ Некое воспитательное «попустительство» Господа к проявлениям нашей падшести.

Грехопадением мы низвергнуты из ангельского, райского положения в нечистое, животное состояние тела и души. Наш великий Спаситель и Восстановитель хочет привести нас не только в прежнюю, но ещё и в бóльшую славу. Однако это совершается не по нашему разумению и не одним прыжком, но чрез многие испытания, смирение и умирание ветхому человеку, когда мы постепенно, шаг за шагом соделываемся из животных — людьми, из людей — святыми (1 Пет. 1:16), из святых — подобием Ангелов (Мф. 22:30).

Все люди, будучи наследниками ветхого Адама, пребывают в немощи падения; но немощь эта проявляется в тех или иных повреждениях свойств души и тела неодинаково, у кого-то в одном, у кого-то в другом. Соответственно сему каждый человек нуждается, помимо общего и обязательного для всех врачевания, и в особом лекарстве от Господа. Также и благодатствованные души не все имеют одну меру света, веры, сил, не все призваны и избраны для одного и того же. Кто-то идёт стезями Божиими ровно и спокойно, а кто-то со многими искушениями и скорбями, порой сбиваясь с пути и вредя себе. Посему общее правило здесь может быть только такое: *каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал, оставаясь пред Богом в том звании, в котором призван* (1 Кор. 7:17, 20, 24), — не вынося при этом никаких суждений о других. И под этим условием — дабы каждый в свете Божиим искал и находил своё призвание — Святой Дух оставляет благодатствованным душам свободу выбирать, что каждый считает для себя наилучшим и соответствующим воле Божией: оставаться в безбрачии или вступать в брак.

Когда Апостол Павел говорит: *Каждый имеет своё дарование от Бога, один так, другой иначе* (1 Кор. 7:7), он имеет в виду не свойства естества — то есть не то, что всякий, кому

не дан от природы целомудренный темперамент, с необходимостью должен вступать в брак. Апостол хочет сказать, что те, *кто решился в сердце своём соблюдать свою деву* (1 Кор. 7:37), да дерзают с Божией помощью понести безбрачие; *кто может вместить, да вместит* (Мф. 19:12). Но Апостол знает также, что *не все вмещают слово сие* (Мф. 19:11); посему те (продолжает он), кто понимает, что им этого не дано, да вступают в брак во имя Божие; они *не согрешат* (1 Кор. 7:28), а подвизаться ради веры будут в других вещах.

Среди тroyакого рода *скопцов*, о коих упоминает Спаситель (Мф. 19:12⁴), два первых, как мне представляется, не имеют отношения к целомудрию. Третьи же, *которые соделали сами себя скопцами для Царства Небесного*, подлинно целомудренны. Они таковыми не родились; не их темперамент тому причина; благодать и благородное побуждение веры подвигло их к сей *бездетности с добродетелью* (Прем. 4:2).

Само брачное состояние бывает весьма разнообразным, соответственно качествам и особенностям лиц, живущих в оном. *Для чистых всё чисто; а для осквернённых и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть* (Тит 1:15). Хотя брак как таковой стоит в ряду промыслительного порядка Божия, но не все браки совершаются на небесах. Подлинно святые браки (каковыми они все именуются сегодня⁵) очень редки; и они также неодинаковы. Взаимная любовь и верность супругов, истинный союз их сердец в Господе — великое и прекрасное сокровище, благо и утешение

⁴ ...*Есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного.* Предание Церкви с апостольских времён понимало эти слова Христа не как физическое оскотпление, но как духовную борьбу за целомудрие.

⁵ В чинах церковного благословения брака.

на нашем странническом земном пути. Это святая тайна, и это не неуютно Богу.

К сказанному прибавлю, что супруги должны учитывать и то, 1) что Апостол, а стало быть, и Бог *жалеют* их (1 Кор. 7:28); 2) что они *будут иметь скорби по плоти* (там же), необходимые для их трезвения и духовного преуспеяния; и 3) что брачное состояние не имеет места в будущем веке, но прекращается с концом нашего земного существования (Мф. 22:30).

(2, IV, 112)

Письмо 119-е

ХРИСТИАНСКИЕ СОВЕТЫ НЕКОЕЙ ОСОБЕ,
СОМНЕВАЮЩЕЙСЯ И БЕСПОКОЯЩЕЙСЯ
ИЗ-ЗА СВОЕГО ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ЗАМУЖЕСТВА.

Возлюбленная о Христе сестра!

Ты хочешь, чтобы я написал тебе что-нибудь касательно твоих обстоятельств. Я должен признаться, что не весьма охотно рассуждаю о подобных предметах. Но поскольку ты просишь меня, а я, со своей стороны, не хочу видеть тебя в сомнениях и беспокойстве, не доставляющих душе ничего, кроме вреда и разорения, то кратко и в простоте изложу свои мысли, насколько даст Господь.

Обще говоря, бесспорной остаётся истина, высказанная Апостолом Павлом в седьмой главе 1-го послания к Коринфянам, — что *христианам хорошо не касаться женщины* (или, соответственно, мужчины); что *холостым или вдовам лучше оставаться так* (1 Кор. 7:1, 8, 26); и, как утверждается в конце сей главы, что для христианина *лучше и блаженнее*,

если он пребудет в безбрачии (1 Кор. 7:38, 40). Но только *не все люди вмещают слово сие* (Мф. 19:11–12); и *кто женится (или выходит замуж), не согрешает* (1 Кор. 7:28), как здесь же говорит Апостол. К тому же как Божие руководство, так и внутренние и внешние причины и обстоятельства могут вести душу и совсем другими путями, к коим подходит иное слово Писания: *не хорошо быть человеку одному* (Быт. 2:18).

Безбрачное состояние само по себе не делает нас угодными в очах Божиих. Но кто пользуется безбрачием как средством, дабы беспрепятственнее прилепиться Господу и освящаться душою и телом (1 Пет. 1:15–16; 1 Фес. 4:3), тот угождает Богу, смотри Ис. 56:4 и Прем. 3:13–14; 4:12. Вступающий в брак ни пред собой, ни пред Богом не согрешает. Но кто в брачном состоянии отходит от внутренней любви к Богу, радости, веселия и утешения в Нем и в той или иной мере предпочитает Ему творение, тот согрешает и *потерпит урон* (1 Кор. 3:15).

Что касается твоих обстоятельств, то здесь нужно всецело предать и вверить Господу свою волю и предоставить выбор Ему одному. Для сего, расположив душу беспристрастно и ровно, усердно молись и проси Его, дабы Он управил тебя так, как Ему благоугодно; и затем, во внутренней тишине, в Его соприсутствии размысли и тщательно исследуй, что будет для тебя лучше и полезнее. Сделай так несколько раз и после сего, имея единственной целью благоугодить Ему, во имя Божие решай, как тебе поступить; и не затягивай дела, поскольку душа твоя уже слишком долго смущается и мятежится. Если твоё сердце известит тебя, что на вступление в брак нет Божией воли и тебе душеполезнее *оставаться так* (1 Кор. 7:26), то не медли сказать своё решение брату N. и дальше нисколько не беспокойся о том. Если же, наоборот, сердце твоё склонится к тому, что в браке тебе будет лучше

по душе и телу, то брату N. ничего не сообщай, но чем скорее, тем лучше поговори со своими родителями и уготовься поступить по их слову; ибо если они будут против, то и по божеским, и человеческим законам ты должна будешь подчиниться их решению. О, если бы всё сие ты совершила с мирным, обращённым к Богу сердцем и со спокойствием Иакова! (Быт. 24:62–64). Господь да даст тебе благодать для сего!

Что касается нас, с коими ты поделилась своими сомнениями, то Божия воля здесь нам не открыта; также и сердца наши ничего определённого не говорят. Но то, что ты (как я вижу со стороны) так немирна, так мечешься и скорбишь, меня печалит: это совсем нехорошо. Препоручи себя целиком Господу; тогда всё пойдёт как надо.

Но самое главное, к чему всё сводится и что требует и самого большого нашего попечения, и благодати Божией, остаётся неизменным, а именно: если ты и вступишь в брак, то прежде всего прочего тебе необходимо будет особенно заботиться, чтобы первая и величайшая заповедь Божия — *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею* (Мк. 12:30) — никоим образом не разорвалась. Глубина твоего сердца должна оставаться храмом и жилищем Божиим. Остерегайся, чтобы не внести туда какого-либо *кумира или изображения* (Исх. 20:4), что происходит, когда христианин неупорядоченно и слишком сильно прилепляется любовью к творению. *Имеющие жён (мужей) должны быть, как не имеющие* (1 Кор. 7:29) — вот краткое, но веское правило Апостола Павла.

Что же! пусть будет как будет. Только содержи своего внутреннего человека, с Божией помощью, неколеблемым, *мужественным и твёрдым* (1 Кор. 16:13), дабы твоё сердце

и внутреннейшая любовь полностью, нераздельно и вечно принадлежала и была посвящена одному только Богу. Почитай Его как своё единственное сокровище, утешение, опору, спасение и блаженство, и ты обрящешь мир и благословение, в каком бы ты положении и состоянии ни пребывала, ныне и во веки. Ей, аминь!

(1, I, 4)

Письмо 120-е

БРАТСКИЕ ВРАЗУМЛЕНИЯ НЕКОМУ БЛАГОЧЕСТИВОМУ КУПЦУ,
КАСАЮЩИЕСЯ ЕГО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Возлюбленный собрат!

Сими строками сердечно приветствую тебя и твою супругу во имя Господа нашего Эммануила (Мф. 1:23); Он да благословит вас, и всё более полно, чрез ваше истинное исхождение из ветхого Адама и всего сотворённого, да вводит вас в Свою детскую невинность, простоту, умаление и предание своей воли Богу. Аминь, Иисусе!

Давно я не получал от вас весточки; имея же свободное время, решил вам кое-что написать, о чём хотел сказать при нашей последней встрече, но в спешке запамятовал. Свобода во Христе и сознание справедливости да позволит мне высказать, а тебе и твоей супруге выслушать то, что представляется мне важным.

И прежде всего ещё раз обращаю твоё внимание на одежду твоей супруги: она должна быть по возможности самой скромной и простой. Мы уже обсуждали с тобою этот предмет, но ты не решаешься исправить сие; напоминаю тебе об этом снова. В вопросах верности Богу ничто не должно

почитаться незначительным (Лк. 16:10). Мне эти вещи безразличны; но для тебя и твоего окружения я нахожу это существенным.

В своём торговом деле не простирайся слишком далеко. Проявляй свою веру в том, чтобы не строить планов больших, чем это требуется ходом текущих дел. Рассудок будет время от времени приступать к тебе с убеждениями, что ты должен развить, присовокупить, улучшить то или иное, иначе тебе не будет большого прибýtка, и т. д. Всё это только языческое неверие. Мне известны твои доходы; они вполне достаточны. Живите страннически, то есть для себя будьте *ничего не имеющими* бедняками (1 Кор. 7:31), для бедняков же Христовых — щедрыми богачами.

Главное же — будьте помощниками друг другу в духовном. Я знаю многие благочестивые семьи, в коих супруги в природном весьма близки, а в духовном совершенно чужды друг другу. Так не годится; это очень плохой признак. Детски делитесь один с другим всем, что с вами происходит, во внешнем и внутреннем, в добром и худом; молитесь вместе, поддерживайте, вразумляйте, любите друг друга и соделывайте вашу совместную жизнь такой, чтобы она прямым путём вела вас к желаемой вами вечности. Дай Бог, чтобы мир видел в вас пример, что и в брачном состоянии могут быть истинные святые Христовы!

Ещё об одном твоём недостатке я должен упомянуть (хотя мы не раз с тобой о нём говорили); недостаток сей, и врачевание от него, выражу в стихах:

*Сегодня ты паришь душою, завтра унываешь;
но лучше следуй привлечению вовнутрь.
Жить в духе, а не в чувствах — вот что может
нас научить всё мирно и спокойно принимать.*

Далее: я порой замечал в тебе, что ты слишком легко и весело хочешь пробежать свой путь, уповая на свою веру и предание всего Богу. Да, тебе это дано, к этому ты призван; но ты ещё недостаточно укоренён в вере и предание себя Богу ещё не охватило всё твоё существо. Поэтому малейшее происшествие или какое-нибудь незначительное слово может внезапно низвергнуть тебя столь низко, сколь высоко ты находился за минуту до того. Я сам видел, что порой те или иные мои слова весьма утесняли тебя; поскольку ты меня любишь, ты исполнял то, что я советовал, но в силу твоей — как я уже сказал — немного излишней «лёгкости» всё сие казалось тебе «законническим» и печалило тебя. Это приводило к тому, что я не раз удерживался что-либо говорить тебе, потому что в мои намерения никогда не входило стеснять или огорчать кого бы то ни было. Все духовные советы годятся только для доброй воли; а она должна основываться на умирании ветхого человека и на внутри-пребывании с Богом и действовать детски и мирно, но вовсе не так, чтобы без этого основания напрягаться и заставлять себя что-то делать. Будем же помнить, что главное наше занятие заключается в том, чтобы — по мере, свойствам и положению каждого — стараться пребывать внутри с Господом и предоставлять Его Духу и Его привлечению любви выводить нас из нас самих и всего сотворённого в Бога, посредством детского последования Господу, воздержания, претерпевания всего и любви; тогда из этого выйдет нечто прочное и цельное.

В обращении с другими людьми также необходима детскость, простота и сердечность; если же начинаются колкости, то могут выйти неприятности, как мы уже о том и говорили.

Смотри, дорогой брат, сколь много я доверяю твоей любви, что увещаваю тебя так прилежно, пожалуй, даже не-

сколько учительски. Ты знаешь меня. Приветствую и обнимаю тебя в духе любви; приветствую сердечно и твою супругу. Да будет она *всегда Господней!* (Рим. 14:8). Он, Господь, да пребудет с вами Сам, Своим Духом, и вы с Ним. Аминь!

Мюльхайм, 14 января 1738 г.

(1, II, 132)

Письмо 121-е

К НЕКОЕЙ ЗАМУЖНЕЙ ДАМЕ.

О ТРЕЗВОСТИ ОТНОСИТЕЛЬНО СЛУХОВ О КОНЦЕ СВЕТА;
О ПОЛЬЗЕ ПРОСТОТЫ, ДЕТСКОСТИ И ЛЮБВИ ХРИСТОВОЙ.

Возлюбленная о Господе Иисусе сестра!

Сердечно приветствую тебя! Твоё любезное письмо благополучно получил; оно дало мне повод вновь препоручить тебя Господу, дабы Он возымел о тебе, как о Своей собственности, всё попечение и понёс твои заботы (1 Пет. 5:7; Флп. 4:6), водил тебя на помочах и влёл по Своему пути, по коему наиболее безопасно и спокойно идут простецы. Душа моя! я почти смеялся, читая то, что ты пишешь о всяких мудрованиях, когда один говорит другому: *вот, здесь Христос!* — а другой: нет, *вот там!* (Мк. 13:21) — и тому подобное. Имеешь ли ты дар разумения и слух, способный без вреда для себя внимать сумасбродным суждениям неутверждённых душ? (2 Пет. 3:16). Такое мучение Бог дал только просвещённым головам, которые могут различать духов (1 Кор. 12:10); большинство же Его чад не должны иметь с этим дела. Твоим суждением должно быть то, чтобы ты любила Господа Иисуса, Спасителя и Друга твоей души, от всего сердца, во всякое время, на всяком

месте и во всех твоих внешних и внутренних обстоятельствах. И *этого* суждения тебе, равно как и мне, более чем достаточно. Прочь — кто захочет оспаривать его! Если на твоём пути встретится *благовествующий иное* (Гал. 1:6–9), то будь как глухая, которая ничего не слышит.

Твоё призвание от Бога и твои пути просты и потому безопасны. Рассматривай себя по внутреннему человеку как ближайшего *друга* твоему Иисусу (ты недостойна сего титула? тем более смирайся!); по внешнему же — как вернейшего *служу* Его. Как Его *друг* ты должна Его сердечно любить, держаться более всего за Него, детски Ему доверять, безбоязненно открывать Ему всё, что у тебя на душе, предавать Ему своё сердце и всю себя и проникаться Его благостью, верностью и святостью, насколько это для тебя возможно. Как Его *служга* будь всегда готова отозваться на любое Его мановение; всецело покоряйся Ему и всё, что ты совершаешь (трудишься по дому, заботишься о детях, печёшься о муже, о других людях, и вообще всё, что только тебе приходится делать), старайся совершать по свободной любви к Иисусу, ничего не почитая за незначительное или непригодное к тому, чтобы явить Ему сию любовь и почитать Его.

Несомненно, хорошо, когда ты по временам уединяешься на краткое время для молитвенного собеседования с твоим Другом. Но поскольку это не всегда возможно, то для тебя преимущественным остаётся уединение сердца. Если мы не можем следовать за Иисусом на одинокую гору для сокровенной молитвы (Мф. 14:23), тогда Он Сам разыскивает нас (Ин. 9:35) среди людей и в гуще наших дел. О милосердный Спаситель! Пред Ним — всё молитва, что делает человек по любви к Нему. Я хорошо знаю, что многого тебе недостаёт, что ты порой излишне погружаешься в дела мира сего, что не всегда ты так детски идёшь по Его пути, как хо-

чешь и должна. Иисус видит это несравненно яснее; Ему всецело вверь себя, как своему Спасителю, и *Он сотворит* (1 Фес. 5:24).

Совершай всё, что требует настоящий момент, настолько хорошо, насколько ты можешь, из любви к Иисусу, желая на всякий день благоугождать Ему всё более. А в чём не можешь — неси свою худость, немощь и невольные уклонения с пути Господнего со смирением, тихостью и детским упованием, что всё это несомненно пройдёт и кончится благополучно, помышляя так: *Иисус — Врач, я — Его пациент.*

Смотри, как много написал я тебе с моей больной головой! В уверенности того, что я постоянно помню тебя и твоего супруга, желаю всего доброго вам, а также и сестре W., коей также прочитай сие письмо; я желаю ей сердца, исполненного Иисусовой любви. Прощайте о Господе, Который и да благословит вас!

Преданный вам собрат.
(1, I, 74)

Письмо 122-е

ДРУЖБА С ИСТИННЫМИ ЧАДАМИ БОЖИИМИ
ЕСТЬ ВЕЛИКАЯ МИЛОСТЬ БОЖИЯ.
О НЕДОЛЖНОМ И ПРАВИЛЬНОМ ОБРАЩЕНИИ
С ДУХОВНЫМИ ДРУЗЬЯМИ.

Сердечно возлюбленный о Господе брат!

Благодарю тебя, что ты взял на себя труд сообщить мне о болезни нашего дорогого брата N. Я от всей души сочувствую и сострадаю ему и присоединяю свои слабые молитвы и благожелания к вашим, дабы милостивый Господь,

если есть на то Его воля, ещё оставил его здесь, на радость и утешение нам.

Трудности военного времени¹ и другие обстоятельства препятствуют нам навещать друг друга, как прежде. Многие из нас пребывают в унынии и испытывают упадок духовных сил. Любимые друзья стареют, болеют; а сколь многих наших верных со-путников в странствовании по сей земной юдоли восхитила в последние годы смерть! Как тут не воскликнуть с сыновьями Иакова: *что это Бог сделал с нами?* (Быт. 42:28). Каждый сам да ответит на сей вопрос в своей совести.

Великая милость и благодать Божия, коей удостаиваются христиане, есть *их общение друг с другом как истинных чад Божиих*. К сожалению, оно редко ценится как должно; редко и совершается по Богу. У одних бывает так: пока они держатся своей *первой любви* (Откр. 2:4) и в простоте и смирении ходят пред Господом, их христианская дружба чиста и сердечна, хотя и не без младенческих немощей и погрешностей. Но когда они отпадают от сей простоты и становятся «всё знающими», то начинают усматривать в своих друзьях множество предосудительных недостатков. То тот, то этот кажется им «духовно неправым», отчего происходят ссоры, охлаждение любви и отчуждение друг от друга. В своём помрачении они почитают себя за нечто и думают: «Никто не может никому помочь; сам разоряешься, а другие духовно не растут. Конечно, нужно всех любить — но “на расстоянии”; препоручить всех Господу, а самому в одиночестве держаться Бога и молитвы. Каждый должен проходить свой путь». Да, да, сладко сказывается, но горько делается. Волк очень хорошо знает, как ему обойтись с овечкой, одиноко идущей по полю.

¹ Семилетняя война (1756–1763).

Другие, обращаясь с чадами Божиими, пренебрегают своим внутренним совершенствованием и пользой для души. Они рассеиваются, не хранят сердце, перенимают немощи и недостатки ближних; а ведь христианину следовало бы быть пчелой, собирающей и с малейших цветков мёд добродетелей, а не пауком, питающимся всем, что только ни попадёт в его сети. Не знают они и меры в отношениях, всегда то избыточных, то недостаточных. — В таких случаях, когда подлинное общение святых умалется и не приносит плода, Господь отнимает от нас Своих чад или их болезнями или другими скорбями показывает нам, что хочет пресечь нашу дружбу с ними. Так же обстоит дело и со всеми благодатными средствами и прочими вещами, данными нам Господом для нашего духовного возрастания. Не есть ли сие ответ на вопрос: *что это Бог сделал с нами?* (Быт. 42:28). Увы, могут придти такие дни, когда мы, вздыхая, пожелаем хоть повидаться, хоть обмолвиться несколькими словами с братьями и сёстрами во Христе — и не получим сего. Будем же ценить святое общение о Господе и подобающим образом пользоваться им!

Третьи и вовсе уклоняются с правого пути и, предаваясь легкомысленной весёлости, ребячеству или разливу приятных чувств, стремятся к пустому времяпровождению со своими благочестивыми друзьями, ища в обращении с ними душевной радости и удовольствия больше, чем назидания и духовной помощи. Но Господь не даёт драгоценную жемчужину для игр; в таких случаях Он отнимает её. Господь позволяет невинные и чистые удовольствия, но только для того, чтобы мы с тем большей бодростью продолжали свой путь креста и самоотвержения. По-человечески сильная привязанность также нехороша. Конечно, мы должны высоко ценить и нежно любить чад Божиих; их жизнь и смерть, здоровье и болезнь не могут оставлять нас равнодушными.

Апостол Павел и его паства показывают в этом отношении всем пример, смотри Флп. 2:26–28 и Деян. 20:37–38. Особенно дороги должны быть для нас те, кто трудится над нашими душами, см. Гал. 4:14–15. Но только наша немощь и здесь редко позволяет нам находить золотую середину. В жизни христианина все благодатные средства, а в их числе и дружба с чадами Божиими, должны прежде всего служить тому, чтобы достигать Бога и общения с Ним в духе, дабы мы, *взаимно назидая* один другого (Рим. 14:19), пользовались духовными дарами и благодатными силами друг друга для своего укрепления и возрастания в Боге. Когда мы неверно разумеем сие, Господь, дабы привести нас в порядок, порой бывает вынужден грозить нам тем, что Он возьмёт от нас наших друзей; а иногда Он и действительно забирает их к Себе — не для того, чтобы навредить нам, но для того, чтобы способствовать нашему духовному преуспеянию и всё более сущностному и непосредственному общению с Ним. Сюда относится изречение, сказанное Спасителем при прощении с учениками: *лучше для вас, чтобы Я пошёл; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам* (Ин. 16:7).

Главное же то, что мы не дома, а в пути. И любить друг друга мы должны как товарищей по странствию в нашу вечную и блаженную отчизну. Путники не могут всё своё время проводить, сидя при дороге: тогда они не достигнут цели. Многие желали бы постоянно находиться с единомышленными друзьями и пользоваться, назидаться и укрепляться их благодатными дарованиями в юдоли сего падшего мира. И будем так делать — но именно как сопутешественники, коих Господь дал друг другу на время; надежду же на постоянное и совершенное со-пребывание отнесём в вечность. В самом деле, мы же не можем (и не хотим) оставаться здесь всегда. Каждый из нас должен умереть, кто раньше, кто позже; уме-

реть, то есть окончить сей тяжкий путь и придти домой, к Отцу, куда мы все так стремимся. Посему нужно ли безутешно горевать, когда кто-то уходит от нас несколькими днями раньше? Этой великой истине — что мы *не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего* (Евр. 13:14) — Господь и хочет научить нас посредством болезней и смерти дорогих нам Своих чад. Станем же чаще воспоминать наше истинное отечество (Евр. 11:14–16) и всячески учиться предпосылать своё сердце туда, куда нам надлежит придти, — в вечность.

Итак, будем сердечно любить друг друга — но как дети не мира сего, но будущего века. Будем любить один другого так, как любят друг друга в вечности. Будем взирать друг на друга в вере не так, как здесь, на земле, когда наше временное око усматривает в братьях и сёстрах всяческие несовершенства; но так, как мы увидим их там, подлинным зрением, а именно — совершенными, прекрасными, непорочными, *воссиявшими в Царстве Отца своего* (Мф. 13:43). В вечность! в вечность! там ожидает нас возлюбленный Спаситель Иисус; там встретят нас ангелы, святые и любимые наши друзья, прежде отшедшие туда; там, там мы будем бесконечно пребывать со Христом и друг с другом! Аминь! *Утешайте друг друга сими словами* (1 Фес. 4:18).

Не думал, дорогой брат, что я так много напишу, поскольку едва выкроил время и меня всё время отвлекали, так что ответ получился, может быть, довольно путаным. Если хочешь прочитать его другим, то читай беспрепятственно. Времени совсем нет, и голова моя слаба, посему заканчиваю и приветствую всех сердечно. Господь да живёт и царствует в наших сердцах!

Твой единокорный немощный собрат.

Мюльхайм, 13 августа 1761 г.

(2, IV, 57)

XII

О смерти

Письмо 123-е

УТЕШЕНИЕ ДРУГУ В СМЕРТИ ЕГО СУПРУГИ.

**Спаситель наш Иисус Христос да благословит тебя,
сердечно возлюбленный брат!**

Известие о мирной кончине нашей сестры, твоей возлюбленной супруги, тронуло меня тем больше, что я несколько недель назад, хотя и был болен, молитвенно воспоминал тебя в духе и мне несколько раз приходило на сердце, что скоро я должен буду узнать о смерти кого-то из вас. Дорогой брат! я не сомневаюсь, что ты с сердечным смирением вручил верную спутницу твоей жизни Господу, Который даровал тебе её по Своей благодати и в Котором ты так любил её; и что ты веришь, что, потеряв её в Нём, ты отнюдь не потерял, но передал её в самые надёжные руки, в блаженное единение с Богом; и что ты чаешь скоро вновь обрести её в Боге в совершенной славе, по верному и живому упованию, данному нам в воскресении из мёртвых Господа нашего Иисуса Христа. Ей, аминь!

Я очень сочувствую одиночеству, в котором ты оказался в столь почтенном возрасте и при твоих болезнях. Но Бог и

это обратит ко благу. Ты знаешь из опыта, возлюбленный брат, что *все пути Его — милость и истина* (Пс. 24:10) и что Он подлинно Вседовольствующий Господь тех, кто чрез Его благодатное откровение познал Его как своё *всё во всём* (Еф. 1:23; Кол. 3:11). Не сомневайся в том, что *Он всячески печётся о тебе* (1 Пет. 5:7) и Сам заполнит образовавшуюся в твоей жизни пустоту. Вспомни прекрасные строки Псалма, в коих ты найдёшь утешение для души: *Ты держишь меня за правую руку; Ты руководишь меня советом Твоим и потом примешь меня в славу. Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле* (Пс. 72:23–25). И что я могу пожелать тебе лучшего, чем это одно — чтобы Господь всегда был *твердьней сердца твоего и частью твоею вовек?* (Пс. 72:26).

Твои годы, конечно, сопровождаются горестями и немощами; но — о, великое слово! — *любящим Бога всё содействует ко благу* (Рим. 8:28). *Божия сила совершается в немощи* (2 Кор. 12:9); и о себе я могу свидетельствовать во славу Божию, что Он использует скорее мою слабость, нежели крепость, дабы я познал и принял Его и Его истины. Как легко примешивается ко всему, даже и к духовному, падше-человеческое, когда мы стремимся, так сказать, держать жизнь в своих руках! А куда примешивается самость, там чисто-божественное остаётся непознанным. Но если я подлинно уразумеваю, что я *несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг* (Откр. 3:17), и с детским доверием предаю себя Господу, в мире и внутри-пребывании уповаю только на Него и Его всемогущество, то я чувствую, в свою меру, что становлюсь *силен о Христе* (2 Кор. 12:10), — и это как раз тогда, когда, казалось бы, я наиболее немощен.

О, как истинно то, что всё — Божия благодать, что мы — ничто, а всё — Бог! Как отвратительны в этом свете самолюбие и самонадеянность! Господь совершенно да избавит нас

от них! Чрез них мы увязаем в самих себе и предпочитаем скорее замучить себя тяжкими заботами и бесполезной тратой сил, чем вверить всё Богу (Пс. 54:23), Который в Сыне Своём так любит нас — но любовью совсем иного рода, чем может любить себя творение. От всей души желаю, дорогой брат, чтобы сия бесконечная любовь всё больше, чище и действеннее живила нас! Сердечно приветствую тебя, и да пребудет Господь со духом твоим.

Искренне преданный тебе немощный собрат.
(*Holl., 61*)

Письмо 124-е

БОЛЕЗНИ, СТРАДАНИЯ И СМЕРТЬ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕСТЕСТВА УЖАСНЫ,
НО В БОГЕ ОНИ СТАНОВЯТСЯ ПЕРЕНОСИМЫМИ И ЛЁГКИМИ.

Возлюбленная о Господе сестра!

Хотя у меня сейчас совсем нет времени, чтобы писать письма, я, тем не менее, воспользуюсь представившейся возможностью, дабы сердечно приветствовать вас и уверить, что ваше письмо очень порадовало меня, а ваше душевное состояние отозвалось в моём сердце.

Я всей душой сочувствую вам в продолжающейся вашей телесной немощи; но когда я при этом взираю на благой промысл Божий и спасительный плод для вашей души, то я не могу не поклониться Богу и не восславить и возлюбить Его пути, веруя, что сия немощь есть ответ Божий на ваши и мои молитвы. Ибо не скрою от вас, что мне лучше видеть вас тысячекратно более больной с Богом, нежели здоровой, но отдалённой от Него.

Как радует меня, возлюбленная сестра, что и вы так же мыслите и желаете охотно предать себя кресту, начиная познавать, что по мере того, как *внешний наш человек тлеет, внутренний со дня на день обновляется!* (2 Кор. 4:16). *Не заботьтесь ни о чём* (Флп. 4:6) и не беспокойтесь о будущем, но любите и терпите *в настоящий момент*, больше думая о Боге и Его силе, чем о себе и своей слабости. Если же страдания умножаются, то также умножается и благодать (2 Кор. 1:5).

Не думайте много о смерти и не расстраивайте себя. Когда будет Божия воля, чтобы забрать нас в вечность, тогда мы и увидим, насколько мы готовы к смерти; а сейчас не время беспокоиться. Многим издали смерть представляется ужасной, а когда она приходит — желанной; другие издали — герои, а когда смерть подступает, они отчаиваются. Всё зависит от благодати Божией. Когда Господь сопresentsует, тогда и малое и слабое дитя может без страха предстать перед смертью (Пс. 23:4). Для страшливого человеческого естества, даже и верующего Богу, это обычное искушение — мучиться и ужасаться пред неизвестностью будущего, порой до такой степени, что человек не может как должно жить в настоящем, потому что он обременён будущим.

Ваша падшесть, ваша немощь, искушения от врага, препятствия и опасности, нынешние и ещё возможные страдания, наконец, сама смерть — всё это действительно весома, и всего этого можно бояться, когда человек один; когда столь слабое дитя, как вы, пытается бороться и сражаться против таких чудовищ. Но у Бога, с Богом, в Боге все сии вещи получают совсем иной, несравненно более светлый смысл. Только вам нужно сосредотачиваться не на самой себе и на всём вышеназванном, но на сладчайшем нашем Спасителе, столь близко внутренне сопresentsующем нам. Прибегай-

те к Нему, сродняйтесь с Ним, предавайте Ему всю себя и будьте верны Ему. Всё, что встречается вам, принимайте или отвергайте, претерпевайте или действуйте, руководствуясь любовью к Нему. В области чувств и рассудка вы слабы и неустойчивы, потому для вас нехорошо долго пребывать в них. Наш любвеобильный и щедроподательный Господь ждёт вас в духе, дабы там поистине приобщить Себя вашему сердцу и сформировать вас по Своему намерению; в сердце и обращайтесь сколь возможно чаще.

Хорошо, что вы неизменно отводите себе особое время для молитвы; я рад, что это ваше делание осенено благословением Божиим. О да, дорогая сестра! всё наше время и вся наша жизнь должны быть посвящены только Богу — в этом состоит всецелая наша отрада. Мы — Его; и всё наше должно быть возвращено Ему.

Смотрите, какое, против ожидания, вышло письмо! Писалось в некотором воодушевлении; да будет сие вам в утешение!

(1, II, 20)

Письмо 125-е

ОБ ОЖИДАНИИ СМЕРТИ

И СОСТОЯНИИ ВНУТРЕННЕГО УЕДИНЕНИЯ И ОДИНОЧЕСТВА,
В КОТОРЫЕ ГОСПОДЬ ПОСТАВИЛ АВТОРА
ВО ВРЕМЯ ЕГО БОЛЕЗНИ.

Возлюбленный о Господе брат!

Я вижу, что твоя любовь вновь, со времени моего последнего письма, хочет узнать, как обстоит дело с моей болезнью и как я себя чувствую. Вот уже несколько дней мне

немного лучше, так что я, как видишь, могу написать тебе маленькое письмецо, что меня весьма утешает. Но говорить, слушать, читать или же писать что-то большее ещё крайне утомительно для меня, так что я, едва начав, должен оставлять всё сие — и оставляю охотно, видя в этом волю Божию, дабы я во всех отношениях воспринимал себя как немощное, малое и ни к чему не способное дитя.

Внутреннее одиночество, в которое ввела меня моя болезнь, всё больше напитывало меня, и полная отстранённость от внешнего и исчезновение всего, на что я мог бы опираться в себе самом и в чём-либо тварном, приводили меня к некоей особой уединённости в Боге и в вечности, в какой-то уединённости мне со всё возрастающей ясностью открывались Божии истины. Думая, что мне предстоит умереть, я начинал размышлять о себе, желая найти в себе что-нибудь достойное пред лицом смерти. Но страх, который был результатом всех таких размышлений, немедленно гнал меня обратно к Богу и к взиранию только на Бога, в Чьи руки я себя и полагал, чая своего спасения исключительно от Него. Таким образом, я научался тому, что я есть на самом деле, — слабое, падшее и недостойное Его чадо; и тому, о чём говорит Псалом: *Только в Боге успокаивайся, душа моя! ибо на Него надежда моя. Только Он — твердыня моя и спасение моё, убежище моё: не поколеблюсь. В Боге спасение моё и слава моя; крепость силы моей и упование моё в Боге* (Пс. 61:6–8).

Всё это, говорю я, как бы «пересаживало» меня из обычной жизни в одиночество с Богом. Оно стало драгоценностью для меня; и о! как я желаю, чтобы в сие краткое время нашего тяжкого земного странствования мы все внутренне познали его и укоренились в нём! Кто ещё прилеплен к творению, кто ещё живёт самым собой, кто ещё опирается на

что-то внешнее, тот не истинно уединён пред Богом — Который только и есть наше *всё во всём* (Еф. 1:23). Господь *верен и истинен* (Откр. 3:14), *благ и милосерд* (Иоил. 2:13); Он влечёт и *ведёт нас в пустыню, дабы говорить к сердцу нашему* (Ос. 2:14) — решимся же на это по Его благодати, дорогой брат! Предадим себя без оглядки, в жизни и смерти, в Его руки, ожидая лишь от Него нашего спасения и блаженства, — и мы не постыдимся во веки! Аминь, Иисусе!

Твой единокорный о Господе собрат.

Мюльхайм, 8 октября 1733 г.

(Holl., 27)

Письмо 126-е

Благопожелания и назидания тяжко болящему другу.

О ПРИУГОТОВЛЕНИИ К СМЕРТИ.

ОБОДРЕНИЕ НЕМОЩНОМУ БРАТУ.

КАК УМИРАТЬ ХРИСТИАНИНУ.

Дорогой брат!

Из твоего любезного письма от 15-го числа сего месяца я с сердечным состраданием узнал о болезни нашего брата Ф.; из приписки, надиктованной им самим, видно и его душевное состояние. Я надеюсь и всячески желаю, дабы *болезнь сия была не к смерти, но к славе Божией* (Ин. 11:4) и к благу и спасению его души. Но поскольку при такого рода недугах особенно трудно предсказать, каков будет исход, то я молюсь, чтобы Господь дал нашему возлюбленному другу внутреннее согласие и единение с *благой, удобной и совершенной волей Божией* (Рим. 12:2), независимо от того, как Он изволит управить его — к жизни или к смерти. Господь

лучше, чем сам больной или чем мы, знает, что спасительнее для его души, и Он силен дать ему, даже и в самое краткое время, готовность к смерти, которую Ф. в себе не находит.

Справедливо кается Ф. в своей прежней недостаточной верности руководству божественной благодати; Божьи очи видят в нём ещё и бóльшую неверность, каковую сам он и усмотреть не может. Посему да умалится и смирится наш дорогой брат пред Богом и людьми, всячески *да отвергнет-ся себя* (Мк. 8:34) и с дерзновенной верой да предаст себя в руки вечной милости и любви Божией во Христе Иисусе; и Господь непременно дарует ему спасение по благодати — спасение, которое он не может ожидать от своей слабой и немощной верности. Иисус да будет единственным его упованием! Он да даст ему силу переносить страдания, да произведёт в нём всякое благо и да благословит его во веки! Если Ф. думает, что в чём-то провинился предо мной (хотя могу уверить его, что это не так), то всё, всё прощено и забыто; я от всей души братски обнимаю его. Также сердечно приветствую и тех, кто ухаживает за ним, и желаю им от Господа внутренних и внешних сил, благодати и благословения для сего.

То, что ты, возлюбленный брат, так обессилен сам, да вдобавок ещё и обременён этими новыми болезнями ближних, я очень хорошо понимаю; мне ясно представляется и многое из того, что ты оставляешь за пределами своего письма. Также я знаю, как всё изнуряет нас, когда падают наши телесные силы. О! я мог бы немало поведать об этом! Но также я могу сказать, что искуститель в такие дни особенно тщится омрачить и отяготить нас неверием и унынием. Не станем же поддаваться сему; будем узрывать во всём всеуправляющую руку милосердного Небесного Отца и уповать на Его несомненную помощь, веруя, что *всё содействует*

нам *ко благу* (Рим. 8:28). Наши скорби, равно как страдания и смерть тех, кого мы любим, проходят для нас болезненно и тяжело; но они *проходят* и доставляют нам несравненно больше доброго плода, чем те или иные радости. Скоро, скоро закончится всё это, и мы вкусим бесконечную и совершеннейшую отраду и всегда *с Господом* и друг с другом *будем*. Итак, да *утешаем один другого сими словами* (1 Фес. 4:17–18). Остаюсь, во благодати,

сердечно преданным тебе немощным собратом.

Мюльхайм, 18 сентября 1760 г.

Р. С. Я вновь, и особенно, желаю нашему дорогому брату внутреннейше приникать к Иисусу и всецело предаваться в волю Божию. Многие благочестивые христиане страшатся умирать, видя себя не достигшими святости (Евр. 12:14). Но кто в *нищете духа* (Мф. 5:3) и в *сокрушении и смирении сердца* (Пс. 50:19) жаждет чистой благодати Иисуса и уповал на неё, кто вверил своё сердце, как оно есть, Господу, кто всю свою земную жизнь, также и время окончания её, вручил Ему, — тот во имя Иисуса со дерзновением да отходит в вечность, не думая в минуты умирания о своей святости или не-святости. Аминь.

(2, IV, 50; 152)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Благодарности	27
Жизнеописание блаженнопочившего Герхарда Терстегена	29

I. Общий обзор внутренней христианской жизни

1	О трояком рождении христианина	125
2	Краткое изложение истинного христианства	127
3	Что есть внутреннее христианство	133
4	Как человек спасается и освящается по благодати	140
5	О покаянии, вере, свободе воли; о душепопечении	144
6	О любви, которую Дух Святой насаждает в нас	150
7	О жизни вечной (толкование на Ин. 17:3)	152
8	О непрестанном хождении пред Богом в сердце	156
9	О соприсутствии Божиим	158
10	О внешнем и внутреннем руководстве Божиим	162
11	Бог Сам привлекает нас к Себе	165
12	О недолжном восприятии внутреннего христианства	166
13	О божественном действовании в сердце	169
14	Как уразуметь действие Божие	173
15	Как предавать себя Богу	176
16	О необходимости следовать вразумлениям благодати	179
17	О возвышении над падшестью	181

18	Признаки приближения к Богу	184
19	О внутренней Божией работе в нас	187
20	О путях Господних; как говорить о Боге	189

II. О приемательном восприятии благодати Божией

21	О законе и благодати, деятельности и приемательности	195
22	Семя божественного мира в нас	203
23	О нашей делании для восприятия жизни Христовой	205
24	О деятельности и приемательности; о молитве	207
25	Как следовать руководству Господа Иисуса	209
26	Об отеческой благодати Бога к душе	212
27	Благожелания новообращённым христианам	215
28	Как предавать себя Божьему руководству	217

III. О молитве и внутреннем делании

29	Что есть внутренняя молитва	221
30	Дух Иисуса Христа есть истинный учитель молитвы	227
31	О молитве; об истинной и ложной духовности	229
32	Наставление в сердечной молитве	235
33	Правила уединения и молитвы	237
34	О необходимости уединения для молитвы	239
35	О простом и лёгком искусстве истинной молитвы	241
36	О взирании на Бога	243
37	Господь Сам должен дать нам всецело ввериться Ему	244
38	О внутреннем делании	246
39	О необходимости терпеливого постоянства в молитве	248

IV. О мире Божиим

40	Признаком предания себя Богу служит душевный мир	257
41	Чем свидетельствуется и как сохраняется мир Божий	259
42	О силе внутреннего мира и любви	260
43	Искуситель тщится возбудить в нас немирность	262
44	О пользе смирения и мира	263
45	Лишь в одном Иисусе мы обретаем мир Божий	266

V. О детскости Христовой

46	О детской любви и простоте в отношении к Богу	271
47	О делах и намерениях христианина	273
48	Путь к состоянию детскости во Христе	275
49	О необходимости становиться детьми во Христе	277
50	О детском предании себя Богу и Его руководству	279
51	Всё, что ни делает Бог, – благо	281
52	О служении Богу	283

VI. О борьбе с грехом. О духовной брани

53	Как надлежит смотреть на свои грехи	287
54	О том же	292
55	О видении в себе греха и самости	296
56	О борьбе с грехом. О любви Божией	298
57	Причины внутреннего разорения и рассеянности	300
58	Об аскетическом делании в свете любви Божией	303
59	Только взирание на Иисуса освящает нас	305
60	Как исправлять свои немощи и избавляться от уныния	306
61	Воззрение на Распятого избавляет нас от искушений	308

62	Как вести себя в скорбях и искушениях	310
63	О телесном делании и само-напряжении; о посте	312
64	О духовной брани; о посте	313
65	Различие между плотью и духом	316
66	Увещевание любить Иисуса и уповать на Него	321
67	Иисус врач, я больной	323
68	Путь внутренних и внешних испытаний	325
69	Как следовать Божьему учительству	327
70	Об излишней душевности	333
71	Как понимать грех против Святого Духа	335
72	Всякое освящение надлежит искать только у Господа	338
73	Семь образов того, как человек взирает на Бога	340

VII. О кресте и страданиях

74	В горниле страданий мы учимся страдать	353
75	Увещевание претерпевать крест даже до смерти	358
76	О том же	359
77	О свете, тьме и страданиях. Как при этом себя вести	360
78	Утешение другу при тяжких потерях в его жизни	363
79	Испытания и скорби посылает нам Бог	365
80	Преданная Богу душа во всём познаёт Божие мановение	366
81	О терпении ради любви и славы Божией	368
82	Утешение собрату, пребывающему в скорбях	369
83	Увещевание душе, проходящей огонь очищения	371
84	О внутренней сухости и тьме	373
85	О вере в Господа во время эпидемии	376
86	Через скорби мы уподобляемся Христу	379
87	Без изволения Божия мы не можем отвергнуться себя	381

*VIII. О неотмирности, беспопечительности
и трудах христианина*

88	Что есть истинная неотмирность. Как её достичь	385
89	О том, чтобы стремиться только к горнему Иерусалиму	388
90	О равно-отстранённости от всего	389
91	Как себя вести, чтобы всегда быть с Богом	391
92	О смешении природы и благодати в наших делах	393
93	Практические советы некоему купцу	394
94	Смирение и упование на Господа – вот все наши планы	398
95	Как быть свободным от благ сей земли	400

IX. О жизни Божией в нас

96	О необходимости жизни Иисуса в нас	405
97	Никто не благ, как только один Бог	406
98	Различие между истинной и ложной духовностью	409
99	О божественной тишине и беспопечении	412
100	Один Бог есть всецелое довольство нашей души	415
101	Наставление о соприсутствии Божиим	417
102	Как детски и мирно привыкать к Богу и Его действиям	418
103	Свойства благодатного привлечения Божия	421
104	Об оставлении себя самих	423
105	О детском уповании на Бога при проявлениях падшести	424
106	О действии Божией любви	426
107	Видеть себя как есть – особая милость Божия	429
108	Об отношении к своему несовершенству	432
109	Об умалении и истинном довольстве души	433

X. О Церкви и церковной жизни

110	Об отношении к разным церковным сообществам	437
111	О внешнем богослужении	443
112	Путь кафолической любви	451
113	О принадлежности к той или иной церкви	457
114	О хранении совести в отношении внешней церковности	459
115	О посещении церкви и участии в богослужении	462
116	О неразберихе и суете у новоначальных христиан	466
117	Христос обретается не здесь или там, но в сердце	469

XI. О браке, семье, духовной дружбе

118	Рассуждения автора о браке	475
119	Советы некоей особе о её предполагаемом замужестве	479
120	О семейной жизни христиан	482
121	К некоей замужней даме, о разных предметах	485
122	О духовной дружбе	487

XII. О смерти

123	Утешение другу в смерти его супруги	495
124	Болезни, страдания и смерть в Боге становятся лёгкими	497
125	Об ожидании смерти	499
126	Как умирать христианину	501

Герхард Терстеген

Жизнеописание. Избранные письма

Перевод с немецкого: игумен Пётр (Мещеринов)

Редактор Е. Ю. Дорман

Оформление обложки: А. Ю. Ващенко, И. Ю. Ващенко

Верстка: Ю. Г. Косовская

Корректор В. А. Алексеев

Издательский дом «Практика»

119048, Москва, а/я 421. Тел. (495) 921-22-04

Электронная почта: practica@practica.ru

Сайт: www.practica.ru

Подписано в печать 20.01.2022. Формат 60×90/16

Тираж 2000 экз. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14